

ВЕСНІК БДУ

НАВУКОВЫ ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА
ЎНІВЕРСІТЭТА

ВЫДАЕЦЦА 3 КРАСАВІКА 1969 ГОДА
АДЗІН РАЗ У ЧАТЫРЫ МЕСЯЦЫ

СЕРЫЯ 4

3, 2011

Галоўны рэдактар

В.Р. РУДЗЬ

Рэдакцыйная калегія серыі:

Н.Б. МЯЧКОЎСКАЯ (адказы рэдактар),

З.І. БАДЗЕВІЧ, Т.М. ВАЛЫНЕЦ, С.Я. ГАНЧАРОВА-ГРАБОЎСКАЯ (нам. адказнага рэдактара),
С.В. ДУБОВІК (нам. адказнага рэдактара па журналістыцы), В.Л. ЖУК (нам. адказнага рэдактара па
педагогіцы), С.М. ЗАПРУДСКІ, В.І. ІЎЧАНКАЎ, Т.П. КАЗАКОВА, І.І. КАЗІМІРСКАЯ, Ф.М. ЛІТВІНКА,
Н.С. МАКАРЭВІЧ (адказы сакратар), Н.М. НІЖНЁВА, М.Р. ПРЫГОДЗІЧ (нам. адказнага рэдактара),
В.П. РАГОЙША, І.С. РОЎДА, В.М. САМУСЕВІЧ, Л.П. САЯНКОВА, Л.Д. СІНЬКОВА, А.Г. СЛУКА,
С.С. СТЭЛЯ, І.У. ТАЯНОЎСКАЯ, Н.Ц. ФРАЛЬЦОВА, В.В. ХАЛІПАЎ, Л.У. ХВЯДЧЭНЯ, І.А. ЧАРОТА,
Т.І. ШАМЯКІНА

МІНСК
БДУ

**Заснавальнік:
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт**

ВЕСНІК БДУ

Серыя 4: Філап. Журн. Пед. 2011. № 3

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі № 1080

На беларускай і рускай мовах

Паштовы адрас рэдакцыі: 220030, Мінск, вул. Бабруйская, 7.
Адрас рэдакцыі: вул. Кальварыйская, 9, каб. 101, 105.
Тэл. 259-70-74, 259-70-75
E-mail: vestnikbsu@bsu.by

Рэдактар аддзела *В.І. Барысава*
Рэдактар стылістычны *Л.А. Меркуль*
Тэхнічны рэдактар *В.П. Швед*
Набор і верстка выкананы ў рэдакцыі часопіса *І.Я. Яновіч, В.П. Швед*

Падпісана да друку 17.01.12. Фармат 60x84 1/8. Папера афсетная. Друк афсетны.
Гарнітура Arial. Ум. друк. арк. 15,345. Ул.-выд. арк. 15,95.
Тыраж 170 экз. Заказ 20.
Цана: для індывідуальных падпісчыкаў – 15 580 руб. (Белпошта), 14 440 руб. (Белсаюздрук);
для арганізацый – 41 843 руб. (Белпошта), 39 117 руб. (Белсаюздрук).

Надрукавана з арыгінала-макета ў РУП «Выдавецкі цэнтр БДУ»
220030, Мінск, вул. Чырвонаармейская, 6
ЛП № 02330/0494178 ад 03.04.09.

© Веснік БДУ, 2011

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Некрашэвіч-Кароткая Ж.В.</i> Развіццё лацінамоўнай паэмы ад Антычнасці да Барока: заходнееўрапейскі і беларускі кантэкст	3
<i>Грыневіч Т.І.</i> Эпіграма як элемент прадмоўна-пасляслоўнага комплексу беларускіх кнігадрукаў канца XVI – першай паловы XVII ст.	7
<i>Прыстаўка Я.У.</i> Жанрава-стылістычныя адметнасці фунеральнага зборніка Саламона Рысінскага «Monumenta... diversis personis... posita» ('Помнікі... пастаўленыя... розным асобам') (1614).....	12
<i>Блишч Н.Л.</i> Образ А. Блока в книге А. Ремизова «Учитель музыки»	15
<i>Смольская К.Р.</i> Сучасная беларуская постдрама як сродак адлюстравання крызіснага светаадчування герояў	20
<i>Велюго О.А.</i> Дискурс любви в современной английской прозе (Дж. Барнс, Д. Лодж, И. Макьюэн, А. де Боттон, Дж. Уинтерсон)	23

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Кулеш Г.І.</i> Да пытання аб адэкватнасці перадачы некаторых прававых паняццяў на беларускай мове.....	27
<i>Савіцкая І.І.</i> Нацыянальна-культурны кампанент у беларускай лексікаграфіі канца XIX – 20-х гг. XX ст.: сацыяльна-гістарычны кантэкст	31
<i>Лянкевіч А.У.</i> Стаўленне да беларускай літаратурнай мовы і змешанага маўлення ў медыя-дыскурсе (на матэрыяле публікацый у газеце «Звязда»)	34
<i>Курловіч І.М.</i> Прыслоўі няпэўна-колькаснай семантыкі 'многа' ў гісторыі беларускай мовы	38
<i>Доўгаль Д.А.</i> Вербальныя і невербальныя кампаненты беларускага эпісталаярнага этыкету	43
<i>Матюнова А.А.</i> Структура номинативно-словообразовательной семантики сложных слов в русском языке (диахронический аспект).....	46
<i>Фомичева Н.В.</i> Прагматика белорусского народного анекдота.....	51
<i>Мельникова Л.С.</i> О коммуникативной неоднозначности категории вежливости (на материале итальянской учебной и художественной литературы)	54
<i>Борисевич О.А.</i> Особенности номинации протестантских культовых сооружений Беларуси	58
<i>Наргес Аштиани.</i> Способы выражения предикативных категорий в русском и персидском предложениях	62
<i>Захра Фатхали.</i> Критерии отбора русских фразеологизмов для обучения иранских студентов	65
<i>Ильющенко Ю.В.</i> Типы статусно-ролевой неуместности в диалоге	68
<i>Широкова Е.А.</i> К вопросу о полисемии названий напитков и реалий, связанных с их производством и потреблением ..	72
<i>Ван Юйхун.</i> Внутренняя форма русских и китайских фамилий: сопоставительный аспект	76
<i>Скалозубова О.С.</i> Производные породы (процессуально-модальные модификации) глагольных знаков в арабском языке: способы образования	80

ЖУРНАЛІСТЫКА

<i>Залеский Б.Л.</i> Масс-медиа и развитие единого информационного пространства	85
<i>Аляшкевіч М.В.</i> Літаратурная крытыка паміж літаратуразнаўствам, журналістыкай і мастацтвам: змястоўна-стылявая і функцыянальная спецыфіка	89
<i>Харитонов С.В.</i> Шрифтовая концепция периодических изданий для детей	93
<i>Асфура А.И.</i> Особенности проведения журналистского расследования в современной медиасфере.....	97
<i>Ивченко Е.В.</i> Соматические фразеологизмы как языковые экспоненты культурных знаков в газетном тексте	101
<i>Ян Чжи.</i> Влияние вечерней периодики на формирование системы СМИ КНР в середине XX в.	104

ПЕДАГОГІКА

<i>Хведченя Л.В.</i> Педагогическая квалиметрия: историко-методологический аспект	108
<i>Хомич Г.В.</i> Методические аспекты формирования произносительной и грамматической правильности речи студентов-филологов	112
<i>Васильева О.В.</i> Операционный состав прогнозирования как вида речемыслительной деятельности: языковая подготовка специалиста по международным отношениям.....	115

РЭЦЭНЗІІ

<i>Скоропанова И.С.</i> Н.М. Щедрина. «Красное Колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века	120
<i>Ивашина Н.В.</i> Этническое многообразие славянского ареала (исторические изменения и современное состояние)	120

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Генадзь Апанасавіч Цыхун	122
--------------------------------	-----

ХРОНІКА, ІНФАРМАЦЫЯ

<i>Прыгодзіч А.А.</i> Рэспубліканская навукова-практычная канферэнцыя «Беларуская арфаграфія: здабыткі і перспектывы»	123
<i>Ратнікова І.Э.</i> V Міжнародная навуковая канферэнцыя «Русскі язык: сістэма і функцыянаванне»	124
<i>Казанцева Е.А.</i> Праект «Інтардысцыплінарныя даследаванні на пограніччы» і Міжнародная навуковая канферэнцыя «Языковое и культурное пограничье: перспективы исследований»	126
<i>Макарэвіч Н.С.</i> Дысертацыі, абароненыя на філалагічным факультэце і зацверджаныя ВАК Рэспублікі Беларусь у 2010–2011 гг.	127

ПАМЯЦІ ВУЧОНАГА

<u>Александр Александрович Станюта</u>	128
--	-----

Паказальнік артыкулаў, апублікаваных у 2011 г.	130
---	-----

Ж.В. НЕКРАШЭВІЧ-КАРОТКАЯ

РАЗВІЦЦЁ ЛАЦІНАМОЎНАЙ ПАЭМЫ АД АНТЫЧНАСЦІ ДА БАРОКА: ЗАХОДННЕЎРАПЕЙСКИ І БЕЛАРУСКИ КАНТЭКСТ

Прослежваецца эвалюцыя лацінамоўнай паэмы ад Антычнасці да Барока ў літаратурах краін Еўропы і ў дрэвняй літаратуры Беларусі. Паказана формальная сувязь героічнай паэмы з «Энеідой» Вергілія пры пастаяннай дынаміцы жанравой структуры *carminis heroici* ў напрамку агіаграфічнага, гісторыка-дынастычнага альбо эціялагічнага эпаса. Кратка характэрызуюцца лацінамоўныя *carmina maiora* другіх жанравых разнавіднасцей (*hodoeporicon*, панегірычная і ліро-эпічная паэма), прадставленых у многаязычнай літаратуры Беларусі XVI–XVII вв.

The article traces the evolution of Latin-language poem in European literature from Antiquity to Baroque as well as in ancient Belarusian literature. It shows formal connection between heroic poem and The Aeneid by Virgil in terms of constant evolution of genre structure of *carmen heroicum* with respect to hagiographic, historical and dynastic or etiological epos. The article also provides a short description of Latin-language *carmina maiora* of other genres (*hodoeporicon*, panegyric or lyric and epic poem) in Belarusian multilingual literature of the XVI–XVII centuries.

На працягу ўсяго гістарычнага перыяду пасля Антычнасці аж да пачатку XIX ст. лацінская мова была для Еўропы «*le signe euroréen*» («адзнакай еўрапейскасці»), а *Latinitas* (лацінская культура) – «ферментам еўрапейскай культуры» (Воейт 2003, 21). Вось чаму пласт лацінамоўнай паэзіі ў старажытных літаратурах краін Заходняй і Цэнтральнай Еўропы, у тым ліку Беларусі і Літвы (Вялікага Княства Літоўскага, далей – ВКЛ), прадстаўлены значнай колькасцю твораў разнастайных жанраў. Найбольш дынамічна ў межах лацінамоўнай кніжнай паэзіі развіваліся вялікія эпічныя формы – *carmina maiora*.

Культурна-гістарычнае значэнне лацінамоўнай паэмы (як і кніжнай паэмы наогул) недаацэньвалася многімі вучонымі XIX і XX стст. Так, напрыклад, В. Бялінскі не лічыў паэмы Вергілія, Таса, Мілтана і Клопштакса самабытнымі творамі, называў іх «наследаваннямі, што з'явіліся ў выніку школьна-эстэтычнага падання пра "Іліяду"» (Белинский 1954, 264). У дачыненні да помнікаў кніжнай паэзіі ўжываўся пяярэтыўна-ацэнны тэрмін «штучная (искусственная) эпопея» (Кожин 1974, 474), або «штучны эпас» (Памятники 1978, 8); пад «штучнасцю» разумелася адсутнасць сувязі з фальклорам. М. Гаспарай, прааналізаваўшы вялікі корпус помнікаў «каралінскага» адраджэння, не палічыў менавіта гістарычныя паэмы на лацінскай мове вартымі апублікавання побач з іншымі тэкстамі, матывуючы гэта тым, што яны «не адрозніваюцца мастацкімі вартасцямі» (Гаспаров 1970, 240). Недаацэнка ролі лацінамоўнай паэмы была ўласцівай і замежнаму літаратуразнаўству. «Мінезанг, парасткі, якія пусціў "*Roman de la rose*", усе магчымыя адгалінаванні рыцарскага рамана, навела, якая толькі зараджалася, сатыра, хронікі – вось тыя жанры, якімі гісторыя літаратуры займаецца ў першую чаргу» (Хейзінга 2004, 136), – канстатаваў Ё. Хейзінга. Такая расстаноўка акцэнтаў пры аналізе літаратурнага працэсу Сярэднявечча, на думку вучонага, – падман зроку. Падобным чынам М. Блок лічыў вялікай аблудай гісторыкаў рамантычнага складу іх імкненне супрацьпастаўляць «спантаннае» «вучонаму», іх ідэю, што «паміж носьбітамі так званай народнай паэзіі і прафесійнымі знаўцамі лацінскай літаратуры, асобамі духоўнага звання, існавала Бог ведае якая непранікальная сцяна» (Блок 1986, 157). Тым часам многія вучоныя XX ст. (Ю. Новак-Длужэўскі, Л. Шчарбіцка-Сленк, М. Білык, В. Ярэменка, Б. Казлаўскас, М. Рочка, Э. Ульчынайтэ, С. Нарбутас, М. Прашковіч, В. Дарашкевіч, А. Жлутка, С. Кавалёў) звярталіся да вывучэння новалацінскіх паэм XVI–XVII стст. у кантэксце гісторыі нацыянальнага (польскага, украінскага, літоўскага, беларускага) пісьменства. У даследчыцкіх працах XXI ст. менавіта з лацінамоўнымі паэмамі Сімона Пекаліда і Яна Дамброўскага звязваюцца першыя спробы паэтычнага выкладу гісторыі Украіны – Русі (гл. Яковенко 2002, 163–167, 275); «Радзівіліяда» Яна Радвана расцэньваецца як найбольш яркае і разнастайнае ўвасабленне канцэпцыі «нацыянальнага эпаса» (Ulčinaite 2001, 70); гераічная эпопея прызнаецца «вядучым жанрам у шматмоўнай паэзіі Беларусі»

і Літвы XVI – пачатку XVII ст.» (Кавалёў 2010, 329). Разам з тым змена ацэнак у адносінах да лацінамоўнага ліра-эпасу не спрычынілася да вывучэння яго гісторыі ў кантэксце еўрапейскай кніжнай культуры. Першым вопытам абагульняючага даследавання, прысвечанага гісторыі новалацінскай паэмы, можна лічыць аб'ёмісты артыкул нямецкага вучонага Х. Гофмана, у якім прадстаўлена шырокая панарама гісторыі лацінскай паэмы з часоў ранняга Сярэднявечча да нашых дзён. У параўнанні з папярэднімі даследчыкамі, якія традыцыйна адштурхоўваліся ад творчых здабыткаў «калыскі» еўрапейскага Рэнесансу – Італіі, Х. Гофман пашырыў геаграфічны дыяпазон сваёй працы ў накірунку паўночных дзяржаў – Германіі, Англіі, Галандыі, Швецыі. Аднак з ліку эпічных паэм, створаных у ВКЛ, вучоны прыгадвае толькі «Радзівіліяду», пры гэтым памылкова сцвярджаючы, што яна была прысвечана Мікалаю Радзівілу «Чорнаму» (гл. Hoffmann 2000, 155). Мэта нашай працы – прадставіць асноўныя этапы эвалюцыі лацінамоўнай паэмы ад Антычнасці да Барока ў літаратурах краін Еўропы, а таксама ў старажытнай літаратуры Беларусі. Канкрэтныя задачы даследавання звязаны з вывучэннем дынамікі жанравай структуры (гл. Корань 1996, 7) лацінамоўнай паэмы, а таксама з вылучэннем жанравых прыярытэтаў у помніках названай групы, прыналежных да гісторыі шматмоўнай літаратуры Беларусі.

«Энеіда» Вергілія дала магутны штуршок для развіцця эпічнай паэзіі яшчэ ў Старажытным Рыме. Хутка з'явіліся паслядоўнікі: Публій Папіній Стацый, аўтар «Фіваіды» ў 12 кнігах і незавершанай «Ахілеіды»; Сілій Італік, аўтар 17 кніг «Пунічнай вайны»; Гай Валерый Флак, аўтар 8 кніг «Арганаўтыкі». Паэма Марка Анэя Лукана «Грамадзянская вайна» (аўтар даў ёй назву «Фарсалія») увасобіла ў сваёй мастацкай фактуры праявы дэкламацыйнага стылю, для якога характэрны «патэтыка, эмацыянальнасць, мноства сентэнцый» (Дилите 2003, 383). Дэкламацыйны стыль знайшоў сваіх прыхільнікаў у познеантычным эпасе, дзе больш выразна праяўляецца панегірычная накіраванасць.

Раннехрысціянскія паэты (Лактанцый, Прудэнцый, Клаўдзіян) пачынаюць рабіць пералажэнні Бібліі ў форме так званых біблейскіх эпасу. Першым значным вопытам у гэтым жанры стала паэма Ювенка (каля 330 г.) «Евангельская гісторыя ў чатырох кнігах» – паэтычнае пералажэнне асноўных евангельскіх падзей. Ва ўлонні познеантычнай літаратуры нараджаецца таксама жанр агіяграфічнага эпасу. Каля 576 г. Венанцый Фартунат напісаў паэму ў чатырох кнігах «Жыццё Св. Марціна», якая налічвала 2243 гексаметры. Сюжэтай асновай гэтага твора было праявінае жыццё Св. Марціна, напісанае Сульпіціем Северам (канец IV ст.). Новы ўздым перажывае лацінская паэма ў літаратуры каралінгскага адраджэння VIII–IX стст. Узоры агіяграфічнага эпасу з'яўляюцца з-пад пера Валахфрыда Страбона (809–849). Да гэтага жанру адносяцца яго паэмы «Жыццё Св. Блайтмака» і «Жыццё Св. Мамы». Літаратурныя вопыты Страбона звязаны з распрацоўкай тэорыі хрысціянскага героя, якая пазней была шырока развіта еўрапейскай паэзіяй аж да Таса і Мілтана. У XVI–XVII стст. **агіяграфічныя паэмы** звычайна прысвячаюцца тым святым, культ якіх набываў дзяржаўнае значэнне; часта іх напісанне прымяркоўваецца да завяршэння кананізацыйнага працэсу: «Пра жыццё і подзвігі святога Гіяцынта» (1525) Мікалая Гусоўскага, «Эпас пра Св. Казіміра» (1604) Яна Крайкоўскага, «Язафатыда, або Пра забойства Язафата Кунцэвіча» (1628) Язафата Ісаковіча (псеўданім ураджэнца Віцебшчыны Мікалая Кміціца).

На фоне пошукаў новых эпічных форм класічная эпапея вергіліеўскага тыпу ніколі не пакідала гісторыі літаратурнага развіцця Еўропы. Нездарма С. Аверынцаў назваў культ Вергілія «важнейшым фактарам стабільнасці на пераходзе ад Сярэднявечча да Адраджэння і ад Адраджэння да наступных стагоддзяў», а «Энеіду» – «сапраўдным цэнтрам і нормай» (Аверинцев 1989, 23). Вергіліеўскай форме эпапеі адпавядалі створаныя ў IX ст. паэмы «Дзяянні Людовіка Набожнага» Эрмольда Нігела, «Аналы подзвігаў імператара Карла Вялікага» ў пяці кнігах невядомага саксонскага паэта, а таксама «Вальтарый», магчымым аўтарам якой лічаць паэта Геральда. Аўтары-«каралінгі» імкнуліся ўвасабляць у сваіх творах падзеі гераічнай сучаснасці. Так, у паэме Абона Сен-Жэрменскага, або Абона Гарбатага, «Бітвы за горад Парыж» апісваецца асада Парыжа нарманамі ў 885–886 гг.

Працэс узнікнення народных эпічных твораў на новых мовах («Беавульф», «Песня пра Раланда» і інш.) на ўсім гістарычным шляху развіцця паралельна з працягам традыцый кніжнага лацінамоўнага паэтычнага эпасу. Так, на стыку жэста, казкі і гераічнай паэмы ствараюцца ў XII–XIII стст. шматлікія ўзоры рыцарскага паэтычнага эпасу. Трувер Крэцъен дэ Труа складае іх французскім рыфмаваным вершам, Генрых фон Фельдэке, Гартман фон Аруэ і Вальфрам фон Эшэнбах – нямецкім чатырохнаціскным вершам. Разам з тым вучоная эпапея на лацінскай мове, якую, як і ў антычныя часы, складалі гексаметрам, таксама служыла мэтам увасаблення гістарычных і рыцарскіх сюжэтаў. На пачатку XII ст. у Італіі ўнікае цэлы шэраг такіх паэм: пра перамогі пізанцаў над арабамі, пра міжусобныя войны ламбардскіх гарадоў і інш. Пры гэтым «усе яны стылізаваныя пад батальныя ўзоры Вергілія і Лукана» (Гаспаров 1984, 509). У сферы апрацоўкі тых сюжэтаў, якія найбольш адпавядалі «гарызонту чаканняў» (Jauss 1970, 175) сярэднявечнага чытача, даволі паслядоўна назіраецца «паралельнасць» у рэцэпцыі гэтых сюжэтаў труверамі ды мінезінгерамі, з аднаго боку, і вучонымі лацінскімі паэтамі – з другога. Разнастайныя праявы версіі гісторыі захопу і зруйнавання Троі сталі

падставай для шматлікіх варыянтаў «Рамана пра Трою». Аднак побач з гэтай белетрыстычнай прозай была створана і эпопея вергіліеўскага тыпу – паэма ў шасці кнігах «Траянская вайна» Іосіфа Эсетэрскага (каля 1160–1210). Другім найбольш папулярным сюжэтам у сярэднявечнай літаратуры была гісторыя жыцця і подзвігаў Аляксандра Македонскага. Яе паэтычнае пералажэнне ў форме класічнай эпопеі «Александрэіда» (1541 гекзаметр) стварыў Вальтэр Шацільёнскі. Французскі паэт, больш вядомы як класік вагантаўскай лірыкі, напісаў гэтую паэму на лацінскай мове каля 1170 г. Такім чынам, сфармуляваны М. Гаспаравым тэзіс пра тое, што яшчэ ў часы ранняга Сярэднявечча лацінская літаратура была «вымушана пацясніцца» (Гаспаров 1984, 499), не пацвярджаецца рэальнай карцінай развіцця прыгожага пісьменства.

У італьянскай літаратуры эпох *Trecento* і *Quattrocento* пашыраецца жанрава-тэматычны дыяпазон новалацінскай эпікі. Акрамя эпопеі вергіліеўскага тыпу («Афрыка» Франчэска Пятраркі) ствараюцца, пераважна ў эпіліях (невялікіх паэмах), апрацоўкі сюжэтаў антычных міфаў («Астыянакс» (1430) Мафео Веджыо; «Палідарэіда» (першая пал. XV ст.) Антонія Баратэлы; «Пра выкраданне Цэрбера» (1490) ураджэнца Дубраўніка Якава Буніча). Значнае пашырэнне з сярэдзіны XV ст. атрымлівае «эпас пра гісторыю і сучаснасць» (*historisch-zeitgeschichtliche Epos*) (Hoffmann 2000, 146). Часцей за ўсё гэтыя паэмы прысвячаліся прадстаўнікам правячых дынастый Еўропы. Аўтары выбіралі для іх назвы на ўзор «Іліяды» і «Энеіды»: «Гесперыда» ў 13 кнігах Базінія Базіні (у гонар герцага Малатэсты), «Сфарцыяда» Франчэска Філельфа, «Казміяда, або Пра славу Козіма Медзічы», «Лаўрэнціяда» (у гонар Ларэнца Медзічы) Джавані Марыё Філельфа.

У XVI ст., калі на палітычным небасхіле Еўропы ўзыхля зорка дынастыі Габсбургаў, гэта адразу ж было «заўважана» паэтамі-эпікамі: на працягу менш за 100 гадоў быў створаны цэлы шэраг паэм у іх гонар, прычым чатыры з іх мелі аднолькавую назву – «Аўстрыяда». Храналагічна першая «Аўстрыяда» ў 12 кнігах належала пярэму Рыкарда Барталіні. Яго паэма ўпершыню пабачыла свет у 1516 г. – у адным годзе з «Прускай вайной» Яна Вісліцкага, якую, у сваю чаргу, можна разглядаць як *carmen heroicum* з элементамі дынастычнай эпопеі ў гонар Ягелонаў. У 1540 г. была надрукавана «Аўстрыяда ў дзвюх кнігах» Ёахіма Мюнцінгера, у 1559 г. – «Аўстрыяда» Рока Боні, у 1602 г. – паэма Андрэаса Гравінуса з такой жа назвай. Ужо ў першай «Аўстрыядзе» – паэме Р. Барталіні – знайшла мастацкае ўвасабленне актуальная ў той час у колах імператара Максіміліяна ідэя «*translatio imperii*» («перанос улады»). Гэтая ж ідэя – у дачыненні да ВКЛ – будзе пазней актуалізавана і ў «Радзівіліядзе» (1592): Ян Радван упершыню ў паэтычнай форме ўвасобіў паданне пра прыход Палямона.

Акрамя гісторыі манаршых дынастый, лацінамоўныя эпопеі эпох Рэнесансу і Барока апрацоўвалі найбольш знакавыя падзеі гісторыі народа. Так, у 1516 г. у Парыжы быў надрукаваны эпас Валерана дэ ля Варан «Пра подзвігі панны Жанны, выдатнай французскай ваяркі». Эпоха вялікіх геаграфічных адкрыццяў таксама знайшла свой водгук у новалацінскай эпопеі: у другой палове XVI ст. з’явіліся паэмы «Пра марское падарожжа Хрыстафора Калумба» (1581) Ларэнца Гамбара, «Калумбеіда» (у 2 кнігах, 1585) Юлія Цэзара Стэлы. Гісторыя крыжовых паходаў стала сюжэтнай асновай не толькі італамоўнага «Вызваленнага Ерусаліма» Тарквата Таса, але і лацінамоўнай паэмы «Сірыяда» (1585) П’этра Анджэла да Барга.

У новалацінскай эпічнай паэзіі эпохі Рэнесансу была запатрабавана і свяшчэнная гісторыя хрысціянства. Шэраг вядомых біблейскіх сюжэтаў паклаў у аснову гераічнага эпаса «Давідзіяда» (6761 гекзаметр) харвацкі паэт Марка Маруліч (1450–1524), якога даследчыкі называюць «хрысціянскім Вергіліем». На пачатку XVI ст. упершыню друкуюцца біблейскія эпасы Ювенка, Цэлія Седулія, Лактанцыя. З’яўляюцца новыя ўзоры гэтага жанру. Самы аб’ёмісты з іх (больш за 16 тысяч гекзаметраў) – паэма «*Thalichristia*» (1522) іспанца Алвара Гомеса дэ Сьюдод-Рэаль у 25 кнігах (гл. Hoffmann 2000, 167). Пад назвай «Хрысціяда» выйшлі ў XVI ст. дзве паэмы: у 1525 г. – манаха-бенедыктынца з Бургундыі Умбера дэ Манмарэ, у 1535 г. – італьянца Марка Джаралама Віды.

Пры яўнай перавазе гекзаметра як памера эпічнай паэзіі яшчэ ў антычнай літаратуры былі прадстаўлены *carmina maiora*, напісаныя элегічным двувершам («Гісторыя Смірны» Мімнерма з Калафона; «Гераіды» і «Навука каханьня» Авідзія), што стварыла падставу для развіцця **ліра-эпічнай паэмы**. Найбольш яркі ўзор гэтага жанру ў беларускай паэзіі эпохі Рэнесансу – «Песня пра зубра» (1523) Мікалая Гусоўскага. Надалей ліра-эпічныя *carmina maiora* ў лацінамоўнай паэзіі былі прадстаўлены пераважна эпіліямі (маленькімі паэмамі). Пры гэтым строгага метрычнага абмежавання для гэтай формы не існавала. Элегічным двувершам быў напісаны агіяграфічны эпільій Яна Андрушэвіча (30-я гг. XVI ст.; захаваліся 42 радкі без назвы) і лацінская частка дзвюхмоўнай паэмы «Патрыёт – да сената і народа літоўскага» (1597), аўтарам якой лічыцца Гальяш Пельгрымоўскі. Гекзаметрам напісаны эпільій Іягана Мюліуса з Лібенродэ «Ласка Божая ў часы праўлення Жыгімонта Аўгуста <...> перамога над маскоўцамі, здабытая... Грыгорыем Хадкевічам...» (1564).

¹ Гэтую назву цяжка адназначна перакласці на беларускую мову. Этымалагічна яна звязана з двума грэчаскімі словамі: *θεαλία* ('шчасце, веселасць; пір') і *Χριστός* ('Хрыстос').

З наступленнем эпохі Барока пазіцыі лацінамоўнай паэмы ў прыгожым пісьменстве не аслабелі. Полівектарнасць, уласцівая хранатопу Барока, імкненне да крытычнага асэнсавання традыцыйных культурных здабыткаў і каштоўнасцей, жаданне пранікнуць у нетры нязведанага, абумоўленае глыбокім інтэлектуалізмам эпохі ў духу картэзіянскага светаўспрыняцця, – усё гэта давала новыя магчымасці для паэтычнага ўвасаблення гераічнага ідэалу. Пераход ад Рэнесансу да Барока ў лацінамоўнай паэзіі Беларусі звязаны са з’яўленнем новых жанравых разнавіднасцей: **панегірычнай паэмы і паэмы-hodoeporicon**. Да першага тыпу адносіцца «Панегірык на ўзяцце Полацка» (1580) Базыля Гяцынта, напісаны падчас штудый аўтара ў Падуі. Сам факт, што ў загаловак вершаванага твора вынесена слова «*panegyricus*», сведчыць пра ўплыў літаратурнай практыкі Заходняй Еўропы: у літаратуры ВКЛ назву «панегірык» мелі пераважна пражанічныя казанні. Разуменню панегірыка як пражанічнага твора адпавядала і дэфініцыя Скалігера: «Панегірык – пахвальная прамова, з якой звычайна звяртаюцца да вялікай супольнасці [людзей]» (Scaliger 1561, 160). Але, напрыклад, у творчасці нямецкіх паэтаў гэтае жанравае азначэнне прымянялася да вершаваных твораў: «Панегірык на ўрачыстую каранацыю боскага Максіміліяна» Пауля Зібера (1563; 584 гексаметры), «Панегірык» Даніэля Германа ў гонар цэсарэвіча Рудольфа, сына імператара Максіміліяна II (1572; 226 гексаметраў). Такім чынам, Базыль Гяцынт упершыню трансліраваў адпаведнае разуменне тэрміна ў літаратурны дыскурс старажытнай Беларусі.

Жанр паэтычнага апісання падарожжа (*hodoeporicon*), традыцыя якога сягае ў літаратуру Старажытнага Рыма (вершы Луцылія і Гарацыя), набыў асаблівае пашырэнне ў нямецкай паэзіі з сярэдзіны XVI ст. Так, Хуга Фаволіус апісаў у 4522 гексаметрах падарожжа пасольскай місіі імператара Карла V да турэцкага султана ў 1545 г.; гэтую паэму («Апісанне візантыйскага падарожжа») Г. Віганд назваў «гераічным эпасам без гераічных учынкаў» (Wiegand 1984, 150). У XVI ст. *hodoeporicon* уключаецца ў нарматыўную іерархію паэтычных жанраў: Ю.-Ц. Скалігер каротка прэзентуе *hodoeporicon* у групе падобных да яго жанраў (*propempticon*, *apopempticon*) (гл. Scaliger 1561, 156). У 1575 і 1580 гг. выйшлі з друку два аб’ёмістыя зборы *hodoeporica*, якія падрыхтавалі Натан Хітрэй і Мікалай Ройзнер (гл. Wiegand 1984, 13). У рэчышчы гэтай літаратурнай традыцыі ўзнікла паэма Францішка Градоўскага «Апісанне маскоўскага паходу... Хрыстафора Радзівіла» (1582).

У паэзіі эпохі Барока рэнесансны культ «усемагутнага чалавека» карэктіруецца ў адпаведнасці з задачамі хрысціянскага выхавання. У межах новай эстэтыкі гераічнае, як і іншыя эстэтычныя катэгорыі, раскрываецца на памежжы дзвюх бясконцых прастораў – макракосмасу сусвету і мікракосмасу чалавечай асобы, на грані канечнага часу і вечнасці. Асаблівае значэнне набывае паэтыка кантрасту. Новым увасабленнем формы вергіліеўскай эпопеі ў шматмоўнай літаратуры Беларусі стала гераічная паэма «Караламахія» (1606) Хрыстафора Завішы (1577–1670). Гэты твор варта аднесці да катэгорыі «гісторыка-панегірычны эпас» (*historisch-panegyrische Epos*; Traube 1911, 344). *Heros perfectus* («да-сканалы герой») паэмы, вялікі гетман Ян Караль Хадкевіч, які здабыў у 1605 г. перамогу пад Кірхгольмам над войскам Карла IX, паказаны не толькі ваенным правадыром, але і сапраўдным патрыярхам свайго народа, носьбітам высокіх хрысціянскіх цнотаў.

Яшчэ ў эпоху Рэнесансу аўтары гісторыка-панегірычных паэм часта закраналі пытанні паходжання тых ці іншых народаў або краін. Так, паэма Сімона Лемнія «Рэтэіда» распавядала не толькі пра падзеі Швейцарскай (Швабскай) вайны 1499 г., але і пра паходжанне народа гельветаў (гл. Hoffmann 2000, 153). Паэты эпохі Барока актыўна «адкрывалі» для сваіх чытачоў малавядомыя краіны, таму **этыялагічная накіраванасць** лацінамоўнай паэмы становіцца больш выразнай. Гэтую рысу ярка прэзентуюць паэмы «Данейды, або Песні пра датскія справы, у чатырох кнігах» Іягана Секцэруіцыя (1581), «Раксаланія» (1584) Себасцьяна Фабіяна Кляновіча. Этыялогія займае важнае месца і ў «Радзівіліядзе» Яна Радвана: у гэтай паэме, якая, па сутнасці, з’яўляецца панегірыкам Мікалаю Радзівілу, вялікае значэнне надаецца разам з тым пытаннем паходжання ВКЛ. Такім чынам, лацінамоўныя паэмы эпохі Барока дэманструюць **жанравы сімбіёз**: спалучэнне рыс гісторыка-дынастычнай і этыялагічнай эпопеі, а таксама вершаванага панегірыка.

Большасць эпопеяў паэзіі эпохі Барока імкнуцца супрацьпаставіць свае тварэнні паэмам Гамера і Вергілія, што знайшло яркае ўвасабленне ў «Радзівіліядзе» Яна Радвана і ў «Эпасе пра Св. Казіміра» Яна Крайкоўскага. На гэтым грунце ўзнікла дынаміка жанравай структуры класічнай эпопеі – «момант няпэўнасці, нясталасці, нестандартнасці формы; момант унікальнасці, момант якасна новага для свайго часу мастацкага сэнсавага звязу; момант нараджэння новай, дастаткова значнай мастацкай ідэі» (Корань 1996, 7). Такой значнай мастацкай ідэяй у лацінамоўнай паэзіі канца XVI – пачатку XVII ст. стала ўзмацненне аўтарскага пачатку ў эпопеі, што было звязана найперш з задачай фарміравання вобразу нацыянальнага героя. Гэтую задачу паспяхова вырашылі ў сваіх творах аўтары лацінамоўных паэм, якія паводле відавочнай прыналежнасці адносіліся да ліра-эпасу.

Такім чынам, кароткі агляд гісторыі лацінамоўнай паэмы ў літаратурах краін Еўропы ад Антычнасці да Барока дазваляе зрабіць выснову пра наяўнасць пэўнай традыцыі, звязанай з лацінскай вершаванай культурай. Гэтая традыцыя, якая ўзнікла на грунце асаблівага стаўлення да латыні як мовы

паэтычнай творчасці, была надзвычай актуальнай для еўрапейскай кніжнай паэзіі Сярэднявечча, Рэнесансу і Барока. Беларуская літаратура акцэнтуюе гэтую традыцыю на пачатку XVI ст. і захоўвае да пачатку XIX ст. Цікава, што нават Адам Міцкевіч далучыўся да традыцыі лацінамоўнага вершавання: у 1854 г. з нагоды перамогі французска-англійскага флоту ў пачатковай фазе Крымскай вайны ён напісаў алкеевай страфой верш пад назваю «Да Напалеона III, аўгусцейшага імператара, ода на ўзяцце Бамерзунда» (Mickiewicz 1955, 426–427).

Беларускія эпікі стваралі свае паэтычныя творы на лацінскай мове ў межах той сістэмы жанраў, якая складалася ў творчай практыцы заходнееўрапейскіх аўтараў. Жанравае поле лацінамоўнай паэмы Беларусі вызначалі наступныя асноўныя складнікі:

– гераічная паэма (*carmen heroicum*); прадстаўлена ў некалькіх разнавіднасцях: «эпас пра гісторыю і сучаснасць» («Радзівіліяда» Яна Радвана), «гісторыка-панегірычны эпас» («Караламахія» Хрыстафора Завішы), агіяграфічная паэма, або агіяграфічны эпас («Пра жыццё і подзвігі святога Гіяцынта» Мікалая Гусоўскага, «Язафатыда» Язафата Ісаковіча);

– паэма-*hodoeporicon*, паэтычнае апісанне падарожжа («Апісанне маскоўскага паходу Хрыстафора Радзівіла» Францішка Градоўскага);

– панегірычная паэма («Панегірык на ўзяцце Полацка» Базыля Гіяцынта);

– ліра-эпічная паэма («Песня пра зубра» Мікалая Гусоўскага);

– эпільі («Перамога над туркамі» Мікалая Гусоўскага; «Ласка Божая...» Іягана Мюліуса).

ЛІТАРАТУРА

Аверинцев С. С. Внешнее и внутреннее в поэзии Вергилия // Поэтика древнеримской литературы: Жанры и стиль. М., 1989. С. 22–52.

Белинский В. Г. Избранное. М., 1954.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986.

Гаспаров М. Л. Каролингское возрождение (VIII–IX вв.) // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. М., 1970. С. 223–242.

Гаспаров М. Л. Латинская литература // История всемирной литературы: В 9 т. М., 1984. Т. 2. С. 499–516.

Дилите Д. Античная литература. М., 2003.

Кавалёў С. Шматмоўная паэзія Вялікага Княства Літоўскага эпохі Рэнесансу. Мн., 2010.

Кожин В. Эпопея // Словарь литературоведческих терминов. М., 1974. С. 472–475.

Корань Л. Цукровы пеўнік: Літаратурна-крытычныя артыкулы. Мн., 1996.

Памятники книжного эпоса: стиль и типологические особенности / Отв. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1978.

Хейзинга Й. Осень Средневековья: исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М., 2004.

Яковенко Н. Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. Київ, 2002.

Voehm L. Latinitas – Ferment europäischer Kultur: Überlegungen zur Dominanz des Latein im germanisch-deutschen Sprachraum Alteuropas // Germania latina, Latinitas teutonica: Politik, Wissenschaft, humanistische Kultur vom späten Mittelalter bis in unsere Zeit. München, 2003. Bd. 1. С. 21–70.

Jauss H. R. Literaturgeschichte als Provokation der Literaturwissenschaft. Frankfurt a. M., 1970.

Hoffmann H. Neulateinische Literatur: Aufgaben und Perspektiven // Neulateinisches Jahrbuch: Journal of Neo-Latin Language and Literature. Hildesheim; Zürich; New York, 2000. Bd. 2. С. 58–97.

Mickiewicz A. Dzieła. T. I. Wiersze. Warszawa, 1955.

Scaliger J. C. Poetices libri septem. [Lyon], 1561.

Traube L. Einleitung in die lateinische Philologie des Mittelalters. München, 1911.

Ulčinaite E. Lietuvos Renesanso ir Baroko literatūra. Vilnius, 2001.

Wiegand H. Hodoeporica. Studien zur neulateinischen Reisedichtung des deutschen Kulturraums im 16. Jahrhundert. Baden-Baden, 1984.

Паступіў у рэдакцыю 10.03.11.

Жанна Вацлаваўна Некрашэвіч-Кароткая – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дактарант кафедры тэорыі літаратуры.

Т.І. ГРЫНЕВІЧ

ЭПІКГРАМА ЯК ЭЛЕМЕНТ ПРАДМОЎНА-ПАСЛЯСЛОЎНАГА КОМПЛЕКСУ БЕЛАРУСКІХ КНІГАДРУКАЎ КАНЦА XVI – ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ XVII ст.

Посвящена беларускай эпикграмме конца XVI – первой половины XVII в. Особое внимание уделяется поэтике эпикграммы, месту жанра в предисловно-последственном комплексе. Выделяются типы эпикграммы в зависимости от ее функционального значения.

The article is devoted to the Belarusian epikgram of the end of the 16th and the first half of the 17th centuries. Special attention is paid to the epikgram poetics and the role of the genre in the pre- and post-verbal structures. In addition, the author classifies the types of the epikgram according to its functioning.

У прадмоўна-пасляслоўным комплексе XVI–XVII стст. знаходзіла сваё месца не толькі аўтарскае самавыражэнне, але і адлюстраванне рэчаіснасці, таму сэння для навукоўцаў ён з’яўляецца крыніцай вывучэння і літаратурнага працэсу, і гісторыі краіны ў цэлым. Колькасць частак і жанравая напоўне-

насць сукупнага паняцця «прадмоўна-пасляслоўны комплекс» у розных выданнях вар’іравалася. Даследаванне беларускіх друкаваных кніг XVI–XVII стст. дазволіла вылучыць у складзе гэтага комплексу такія кампаненты, як эпіграма, прысвячэнне, прадмова да кнігі, пасляслоўе-малітва і пасляслоўе. Разам змяшчаўся нелітаратурны кампанент – герб-гравюра, дзе слоўная сімволіка эпіграмы матэрыялізавалася выяўленча-мастацкімі сродкамі (гл. Прадмовы 1991, 8). Адкрывала твор, часцей за ўсё, эпіграма – вершаваны зварот да мецэната ці чытача. Апісаць гісторыю ўзнікнення гэтага жанру, акрэсліць яго адметныя рысы ў агульнаеўрапейскай і старажытнай беларускай літаратуры, звярнуць увагу на віды эпіграмы паводле функцыянальнага прызначэння – і ёсць асноўныя задачы дадзенага артыкула.

Слова эпіграма ў перакладзе з грэчаскай мовы азначае «надпіс». Менавіта ў старажытнай Грэцыі эпіграмы ўзніклі як надпісы на мемарыяльных прадметах ці прадметах культуры – алтарах, скульптурах, келіхах. Такія прадметы, як бы надзеленыя дарам маўлення, з’яўляліся пасрэдкамі, што звязвалі свет людзей са светам багоў і герояў. Першапачаткова ў такіх надпісах – вельмі кароткіх, у адзін-два радкі – паведамлялася, кім і калі зроблены помнік. З надпісаў паступова нарадзіліся сентэнцыі – кароткія маральныя разважанні.

У ролі самастойнага асобнага жанру паэзіі старажытнай Грэцыі эпіграма пачала сваё існаванне прыкладна ў другой палове VII ст. да н. э. На той час практычна заўсёды яна ўяўляла сабой двухрадковае, дзе першы радок быў напісаны гекзаметрам, а другі – пентаметрам. Пазней адбылася эвалюцыя жанру, змянілася яго тэматыка і вершаваны памер. І калі ў родапачынальніка жанру Сіманіда Кеоскага эпіграма яшчэ застаецца надпісам, то ўжо ў Калімаха, Мелеагра жанр, прайшоўшы стадыю апісання, збліжаецца з элегіяй (лірычным разважаннем), а ў старажытнарымскіх паэтаў Катула і Марцыяла эпіграма набывае сатырычнае гучанне і як адлюстраванне жыцця проціпастаўляецца «высокім» міфалагічным жанрам эпасу і трагедыі. (Пра гісторыю ўзнікнення і развіцця жанру эпіграмы падрабязней гл.: Аверинцев 1981; Тронский 1988.)

У еўрапейскай літаратуры Новага часу тэрмін «эпіграма» замацоўваецца за малой формай сатырычнага жанру. Паводле азначэння М.Л. Гаспарава, з канца XVI ст. пад эпіграмай разумеюцца «кароткія сатырычныя вершы, звычайна з досціпам (пуантам) у канцы, якія часткова перапрацоўваюць традыцыйныя марцыялаўскія матывы, а часткова з’яўляюцца водгукам на злабадзённыя, часта палітычныя падзеі» (Літературный энциклопедический словарь 1987, 511).

Змяняючыся на працягу стагоддзяў, жанр эпіграмы ў кожнай нацыянальнай літаратуры набываў свае асаблівыя, адметныя рысы, змешваўся з народнай культурай краіны, дзе функцыянаваў. Так, напрыклад, у англійскай літаратуры эпіграма трансфармавалася ў пяцірадковы паэтычны тэкст – лімэрык. У аснове яго сюжэтнай лініі ляжала абсурдная ці гратэская сітуацыя, а галоўнымі ўдзельнікамі былі дзівакі, учынкі якіх кожны раз супярэчылі грамадскай думцы. Высмейваючы сваіх дзівакаватых герояў, творы адначасова вучылі, як належыць сябе паводзіць, каб не стаць аб’ектам кпінаў ці нават асуджэння ў рэальным жыцці. Пры гэтым правілы паводзін падаваліся чытачу ў закадзіраваным выглядзе, што з’яўляецца адлюстраваннем этнакультурнай спецыфікі паводзін англічан, паколькі выражэнне павучанняў у прамой імператывнай форме неўласціва для прадстаўнікоў дадзенай культуры (гл. Артемова 2004). Італьянская літаратура ў межах гэтага жанру распрацавала і засвоіла два прынцыпова розныя тыпы твораў: ухваляльны і зневажальны, паклёпніцкі. У польскай літаратуры эпіграма наблізілася да народных жанраў – жарту і анекдота і, дзякуючы сваёй сакавітасці, яркасці і афарыстычнасці, таксама стала часткай нацыянальнай культуры. Так узніклі пасквілі і мадрыгалы ў Італіі, лімэрыкі ў Англіі, максімы ў Францыі, фразкі і фіглікі ў Польшчы (гл. Карповіч 2008, 35).

У старабеларускую літаратуру эпіграма ўвайшла як панегірычны твор. Гэта былі так званыя «эпіграмы» на гербы славетых магнацкіх родаў. Як адзначае прафесар В.П. Рагойша, «узрыўны гук з у старабеларускай мове перадаваўся літарамі *кэ*» (Рагойша 2004, 544). Такім чынам у гісторыі беларускай літаратуры замацаваўся тэрмін «эпіграма». Пазней у новай беларускай літаратуры (як, дарэчы, і ва ўсёй еўрапейскай), тэрмін стаў азначаць іншы жанр – сатырычны, змяніўшы пры гэтым сваё гучанне на «эпіграму». Сёння ў беларускім літаратуразнаўстве існуюць абодва тэрміны, якія абазначаюць творы рознага характару: панегірычнага ці дыдактычнага (эпіграма) і сатырычнага (эпіграма).

Да жанру эпіграм звярталіся амаль усе беларускія паэты ранняга Барока. Аднак пісаліся яны не толькі ўласна паэтамі, але і кнігавыдаўцамі, перакладчыкамі. Справа ў тым, што залежнасць беларускай друкаванай кнігі ад мецэнацкай шчодрасці вымагала ад аўтараў пастаяннага пошуку такога роду фундатараў. Да таго ж згадкі на друкаваных старонках уплывовых імёнаў маглі пэўным чынам служыць кнізе абаронай ад знішчэння. Таму вельмі распаўсюджана было прысвячаць творы сваім патронам або іншым уплывовым асобам дзяржавы з надзеяй на іх далейшую падтрымку. І калі прадмова да кнігі забяспечвала непарыўнасць трыяды аўтар – кніга – чытач, то эпіграмы на гербы і прысвячэнні ў беларускіх старадруках былі тымі элементамі, якія забяспечвалі сувязь паміж аўтарам і фундатарам. Як вынік, прыкладна з канца XVI ст. эпіграма становіцца этыкетна пажаданым элементам прадмоўна-пасляслоўнага комплексу ў беларускай літаратуры, хаця і не заўсёды абавязковым.

Эпіграма як жанр вершаваны знаходзілася ў прамой залежнасці ад тагачаснага ўзроўню развіцця гэтага віду літаратуры. Станаўленне беларускай літаратуры канца XVI – пачатку XVII ст. адбывалася ў пераходны перыяд. Як адзначаюць даследчыкі славянскіх літаратур, і ў прыватнасці А.І. Рогаў, «у гэты час разам з развіццём традыцый Сярэднявечча і Адраджэння зараджаецца і дасягае свайго кульмінацыйнага пункту комплекс гісторыка-культурных і філасофска-эстэтычных катэгорый, што пазней атрымаў назву барока» (Рогов 1979, 3). Гэты працэс быў заканамерным этапам развіцця ўсіх славянскіх культур і ўключаў іх у агульнаеўрапейскі кантэкст. Тым не менш, нягледзячы на агульную накіраванасць, стыль барока праяўляўся ў асобных славянскіх культурах у розны час і па-свойму. Справа ў тым, што прычыны пранікнення і распаўсюджвання барочных элементаў на славянскіх землях абумоўліваліся мясцовымі гісторыка-культурнымі фактарамі. Найперш барочныя тэндэнцыі распаўсюдзіліся ў літаратурах той часткі славян, якія былі звязаны з каталіцызмам і Рэфармацыяй. «Менавіта межамі распаўсюджвання гэтых павеваў, а не этнічнымі рубяжамі вызначаўся геаграфічны арэал барока», – адзначаў даследчык А.В. Ліпатаў (Липатов 1982, 41). Адпаведна спачатку барочныя тэндэнцыі ўнікаюць у літаратуры заходніх славян і значна пазней – ва ўсходніх і паўднёвых праваслаўных славянскіх землях. Беларускія і ўкраінскія літаратуры перанялі традыцыі барока з польскай культуры, пасля чаго самі паўплывалі на пранікненне іх у літаратуру Маскоўскай Русі.

Барока на Беларусі спалучала ў сабе рэнесансавыя і сярэднявечныя традыцыі. З аднаго боку, яно мела на мэце перавыхаваць душу чалавека, «разбэшчанага» вальнадумствам эпохі Адраджэння, сцвердзіць ідэалы ўніверсальнага хрысціянскага свету і яго пазачасавыя каштоўнасці, а надышоўшая Контррэфармацыя імкнулася да цэласнага тэалагізаванага светапогляду. З другога боку, разняволены чалавечы розум не мог вярнуцца да сярэднявечнага светаўспрымання і праяўленне аўтарскай індывідуальнасці зноў звесціся да этыкетнага самапрыніжэння і ананімнасці. Акрамя таго, для дадзенага перыяду было характэрна спалучэнне розных відаў і форм творчасці. Як адзначае Л.І. Сазонава, «тэарэтыкі барока заклікалі да аб'яднання мастацтваў, патрабавалі ад тых, хто пісаў, універсальных ведаў і ўмення сінтэзаваць іх у сваёй творчасці. У якасці нарматыўнага ідэалу эстэтыку барока прывабліваў паэтычны свет, цэнтр цяжару якога ляжаў бы ў нагляднай канкрэтнасці сімвалічнай вобразнасці, у адчувальнай бачнасці ўяўленняў. “Паэзія ёсць красамоўны жывапіс”, а “жывапіс – нямая паэзія”, паэт павінен пісаць фарбамі – маніфестуемыя палажэнні эпохі» (Сазонава 2006, 229). Такім чынам, згодна з прадэманстраваным барока прынцыпам сінтэзу і ўзаемапранікнення мастацтваў, адбываецца нараджэнне новых сінкрэтычных жанраў і форм, такіх, напрыклад, як геральдычная і эмблематычная паэзія.

У еўрапейскіх краінах эмблематыка шырока распаўсюдзілася ў XVI ст. Як з'ява эмблема бярэ пачатак у сярэднявечнай геральдыцы і жанры «імпрэзы», што ў сваю чаргу ўзыходзяць да антычнай міфалогіі і егіпецкай іерагліфікі. Эмблематычны тып мыслення быў заснаваны на неаплатанічным поглядзе на свет, згодна з якім бачная рэальнасць – гэта сістэма знакаў, сімвалаў, прачытанне і расшыфроўка якіх вядуць да спасціжэння духоўнага, вечнага, ісціннага і ўніверсальна-ідэальнага. Эмблематыка будавала мастацкі свет, абапіраючыся на прынцып дасціпнасці і кіруючыся ідэяй, што мастацтва павінна быць карысным і прыемным адначасова (гл. Сазонава 1991, 86). Трэба адзначыць, што эмблема найбольш дакладна адпавядала барочнаму светаўспрымання з яго вечнымі пошукамі ў навакольных рэальных прадметах іншасказальных вобразаў і звышнатуральных знакаў.

У кніжнай паэзіі Беларусі з XVI ст. паступова складваўся класічны трохчасткавы тып эмблемы: надпіс-дэвіз (*inscriptio*), выява (*pictura*) і подпіс (*subscriptio*). Сентэнцыі антычных аўтараў, цытаты і парафразы з Бібліі, папулярныя тагачасныя аўтарскія выказванні служылі дэвізамі эмблем. У выяўленчай частцы выкарыстоўваліся прадметы жывой і нежывой прыроды (нябесныя свяцілы, дзівосныя расліны, фантастычныя істоты), іх фрагменты або кампазіцыі. Подпісы – разнастайныя па змесце, форме і аб'ёме – у залежнасці ад мэты стварэння эмблемы былі метафізічныя, дыдактычныя і панегірычныя (гл. Ткачэнка 1998, 236).

У славянскіх краінах эмблематыка мела рознае функцыянальнае прызначэнне. Беларускія магнаты перанялі ад польскай шляхты моду на родавыя гербы і вершы на іх. Такім чынам, у старабеларускай літаратуры замацаваўся гербатлумачальны тып эпіграмы, дзе выявы магнацкіх гербаў і з'яўляліся, фактычна, эмблемамі, што апісваліся аўтарамі. Адпаведна змест эпіграмы вызначаўся гравюрамі княжацкіх гербаў, якія мелі форму шчыта з выявамі знакаў годнасці іх уладальніка. Звычайна шчыт аблямоўваўся вянком з пераплеценага лісця, уверсе размяшчаліся шлем або карона, упрыгожаная пёрамі, рагамі ці крылатымі жывёламі, па баках ад яе вялікімі літарамі пазначаліся ініцыялы магната. У цэнтры шчыта знаходзіўся вобраз-сімвал роду. Калі ж герб належаў больш як аднаму знакамітаму дому, на ім адлюстроўваліся знакі ўсіх родаў.

Нягледзячы на залежнасць зместу тэксту твора ад канкрэтнай выявы, эпіграма як жанр, згодна з літаратурнай традыцыяй барока, пісалася па строгіх канонах і мела сваю структурна-кампазіцыйную будову. Даследчык І.В. Саверчанка вылучае ў складзе эпіграмы чатыры элементы, што размяшчаліся, як правіла, у строгай паслядоўнасці адносна адзін аднаго: «Спачатку ішоў уступ-зачын, затым – зварот да памяці продкаў, цэнтральнае месца займалі тлумачэнні знакаў (“кляйнаотаў”) герба, і, нарэш-

це, завяршала эпіграму дакончанне-пажаданне. Кожны з элементаў жанру выконваў сваю ідэйна-мастацкую функцыю» (Саверчанка 1992, 47).

Пачыналі эпіграму аўтары часцей за ўсё параўнаннем – адным з асноўных лагічных і мастацкіх прыёмаў барока. Велічнасць «кляйнотаў» герба супастаўлялася са зьяннем сонца, месяца і зорак: *Яко небо, слонце, мьсяц з свѣтлыми звѣздами, // Так тот клейнот сияет з своими знаками...* (цыт. па: Прадмовы 1991, 89). Пачаткам маглі служыць і разважанні над дабрачыннасцямі прадстаўнікоў княжацкага дому: *Кгда в вышних набоженство станах местце мает // И рыцарская мужность к ней ся прилучает, // Где расторопность в порадех, справедливость в судах, // Где статечность во всяких для Отчизны трудех – // Там Бог благословляет, там слава значная, // В тым доме заставае на веки трвалая* (цыт. па: Саверчанка 2007, 105).

У другой частцы эпіграмы часцей за ўсё згадваліся слаўныя справы продкаў роду, як, напрыклад, абарона межаў дзяржавы ці набожнасць і адданасць веры: *Крест ся Христов славою вѣрных имену-ет, // им ся апостол хвалитъ розказует. // Тым ся знаком божія церков украшает // и старожитных домов зацность вывышает. // Тым ся лукавых духов гуфы прогоняют, // и варварских народов польки побѣждают* (цыт. па: Прадмовы 1991, 50). Тут трэба адзначыць, што, надзяляючы магнатаў дабрачыннасцямі, аўтары не столькі малявалі партрэт канкрэтнай асобы, колькі прадстаўлялі ідэалізаваны вобраз чалавека-ваяра, заступніка і хрысціянна.

Напэўна, асноўнай і найбольш буйной можна назваць трэцюю частку эпіграмы, у якой змяшчалася слоўнае выражэнне гербавых выяў. Але гэта не было простым апісаннем сімвалаў. Для твораў барока характэрны былі шматзначнасць, метафарычнасць, парадаксальнасць, іншасказальнасць. Таму трэцяя частка эпіграмы прысвятлялася не проста апісанню, а вытлумачэнню метафарычных знакаў-вобразаў, і пры гэтым неабходным лічылася абгрунтаванне сімвалічнай узаемасувязі паміж «кляйнотамі» герба і яго ўладальнікам.

Варта заўважыць, што набор вобразаў-сімвалаў, якія выкарыстоўваліся аўтарамі ў эпіграмах, быў досыць традыцыйным. Прычына ў тым, што паэзія барока – рытарычная. Рыторыка выступала як галоўны прынцып арганізацыі твора на тэматычным, жанравым, кампазіцыйным і стылістычным узроўнях. Яна прадугледжвала пэўныя правілы стварэння і разгортвання тэксту, мела сваю сістэму мастацкіх сродкаў. У XVII ст. існавалі спецыяльныя дапаможнікі ці дадаткі да падручнікаў па паэтыцы, дзе змяшчаўся паэталагічны апарат, які складаўся з ужо гатовых тропай, фігур, цытат і сентэнцый. Такім чынам, свабода аўтарскага выражэння ў барочных творах заключалася не ў вынаходніцтве мастацкіх сродкаў, а ў наданні новых сэнсаў знаёмым сімвалам, вар'іраванні ўжо гатовых метафар і параўнанняў. Менавіта таму досыць традыцыйныя выявы княжацкіх гербаў аўтарам удавалася тлумачыць больш-менш арыгінальна і бачыць за выяваю крыжа і прымету набожнасці роду, і сімвал дабрачыннасці, і знак абаронцаў хрысціянства. А спалучэнне рагоў-трубаў і лілеі, напрыклад, тлумачыцца Кузьмой Мамонічам як праслаўленне хрысціянства прадстаўнікамі роду Войнаў і квітненне праваслаўя сярод іх («Евангеліе толковое». Вільня, 1595). Такім чынам, у эпіграмах асабістыя заслугі і якасці магнатаў звязваліся аўтарамі з выявамі на іх родавых гербах.

Напрыканцы старабеларускай эпіграмы, у адрозненне ад сатырычных заходнееўрапейскіх узораў жанру, змяшчаўся не пуант – нечаканы паварот аўтарскай думкі, а лагічнае этыкетнае пажаданне («дакончанне-пажаданне». – І. С.). Аўтары зычылі князям славы, красавання, доўгіх гадоў жыцця: *Жи во вствь льта, по смерти што ест дознаеш, // Же милуеш бога и вѣру помнажаеш* (цыт. па: Прадмовы 1991, 75)

Аднак трэба адзначыць, што далёка не кожная эпіграма мела чатырохчасткавую будову. Галоўным для аўтараў старабеларускіх эпіграм было ўслаўленне мецэнацкіх родаў, і кожны паэт павольна рэалізоўваў гэтую задачу ў творы: *Славу в том старожитном и презацном дому // Квитнуючую и давных от вѣков никому // Не тайную, клейноты в гербах выражают, // А цноту, дълность, вѣру сполне высвѣдчают. // Тым ся бовѣм зацным дома прославляют // И праве под самое небо вывышают* (цыт. па: Прадмовы 1991, 65). Як бачна з прыкладу, у эпіграме Мялеція Сматрыцкага на герб Саламярэцкіх няма дакладна выражанага ўступу і пажадання, як няма і апісання выяў на гербе. Падобную будову мае і эпіграма Мялеція на герб князёў Хадкевічаў. Захоўваючы як аснову матыў ўслаўлення, аўтары часам вар'іравалі структуру твора.

Неабходна сказаць і пра тое, што не варта зводзіць функцыю эпіграмы як жанру выключна да панегірычнай. Як адзначае У.Г. Кароткі, «эпіграма як такая мела па меншай меры два прызначэнні: гербатлумачальнае (больш распаўсюджанае) і дыдактычна-асветніцкае (сустракаецца значна радзей)» (Прадмовы 1991, 8). Эпіграма другога тыпу, трэба адзначыць, і па змесце, і па функцыянальным прызначэнні вельмі адрозніваецца ад эмблематычных вершаў. Гэтыя творы па сваіх характарыстыках хутчэй нагадваюць дыдактычныя вершы-пасланні, чым панегірыкі. Прыкладам такога тыпу эпіграм можа служыць вершаваны ўступ да «Апокрысіса» Хрыстафора Філалета «Книжка до минающих мовит». Адкрываючы палемічны твор, эпіграма сама мае вострае гучанне. У ёй аўтар, выка-

рыстаўшы папулярны ў тыя часы прыём персаніфікацыі, вядзе размову ад імя самой кнігі, што выносіцца на суд чытачу: просіць у чытача ўвагі, звяртаецца да яго з рытарычнымі пытаннямі і заклікамі. Уводзячы нас у твор антыўніяцкай накіраванасці, эпіграма працягвае разгорнутую на старонках твора рэлігійную палеміку: *Почто новых вещей вѣдѣтьте желаете, // нову вещь, мене имѣя, презираете?.. // Купи, читай, разъсуждай, брате и тцателю, // повинни ли, повѣжд, се к благодателю?* (цыт. па: Прадмовы 1991, 44–45).

Да дыдактычна-асветніцкіх можна аднесці і «Эпіграму на граматыку» Лаўрэнція Зізанія. Тут раскрываецца змест і структура асноўнага твора, а таксама падкрэсліваецца значэнне навукі «грамматікі» для чалавека: *Грамматіка писма встѣх научает, // чтырма частми латве уразумляет: // Орфографією и просодією, // сийнтаксистом и этимологією... // Ключем бо ест отворяючи встѣм ум, // къ познанію въ преправый разум. // По которой власне, як по всходѣ пойдѣт, // каждый, если хочет, встѣх наук дойдѣт* (цыт. па: Саверчанка 1992, 131). Эпіграммы гэтага тыпу не мелі пэўнай адзінай структуры ці кампазіцыі. У іх, як і ў большасці тагачасных прадмоў да кніг, дакладна выразілася дыдактычная функцыя старажытнай літаратуры з яе імкненнем тлумачыць і інтэрпрэтаваць саму сябе.

Падводзячы вынікі ўсяго сказанага, адзначым, што эпіграма як жанр, зарадзіўшыся ў глыбокай старажытнасці, да XVII ст. спазнала нямала змен і ў кожнай культуры набыла свае нацыянальныя адметнасці. У сучаснай еўрапейскай літаратуры пад эпіграмамі часцей за ўсё разумеюцца кароткія сатырычныя вершы, але ў розныя часы гэтым тэрмінам называліся і невялікія лірычныя творы філасофскага ці дыдактычнага зместу, і панегірыкі, напісаныя для вядомых асоб.

У старабеларускай літаратуры эпіграма была даволі распаўсюджана, да яе звярталіся паэты, перакладчыкі, кнігавыдаўцы. Гэты жанр па сваім функцыянальным прызначэнні і змесце адрозніваўся ад традыцыйнага разумення яго ў еўрапейскай літаратуры Новага часу. Старабеларускія вершы на гербы, у аснове якіх ляжала тлумачэнне сімволікі гербавых атрыбутаў, уяўлялі сабой зусім асобны самастойны жанр – эмблематычны, геральдычны, што па сваёй функцыі больш набліжаўся да панегірыкаў, чым да прадмоў. Яны ажыццяўлялі тыповую для барока тэндэнцыю да сінтэзу розных відаў мастацтва, спалучаючы ў адно цэлае славесны кампанент і мастацкае афармленне твора. Эпіграммы другога тыпу мелі ярка выражаны дыдактычна-асветніцкі характар, змяшчаліся перад творами палемічнага ці навучальнага зместу і былі больш цесна звязаны з усёй кнігай у цэлым: у іх даваліся асноўныя пасылкі, якія пасля раскрываліся ў іншых элементах прадмоўна-пасляслоўнага комплексу і самім творы непасрэдна. Увайшоўшы ў склад кніжнай паэзіі, гэты жанр стаў адной з частак прадмоўна-пасляслоўнага комплексу беларускіх старадрукаў, з'яўляючыся своеасаблівым паэтычным уступам да яго.

ЛІТАРАТУРА

- Аверинцев С. С. Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981.
 Артемова О. Е. Лингвокультурная специфика текстов прецедентного жанра лимерик (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004.
 Карповіч Г. Антычная топіка ў шматмоўнай эпіграматычнай паэзіі Вялікага Княства Літоўскага XVI ст. // Феномен пагранічча: польская, украінская і беларуская літаратура – уплывы і ўзаемаўзбагачэнне. Мн., 2008. С. 33–41.
 Липатов А. В. Древнеславянская письменность и общеевропейский литературный процесс. К проблеме исследования литературы как системы // Барокко в славянских культурах. М., 1982. С. 14–77.
 Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
 Прадмовы і пасляслоўі паслядоўнікаў Францыска Скарыны / Укл., уступ. арт. і камент. У.Г. Кароткага. Мн., 1991.
 Рагойша В. П. Паэтычны слоўнік. Мн., 2004.
 Рогов А. И. Проблемы славянского барокко // Славянское барокко. М., 1979. С. 3–12.
 Саверчанка І. В. Лявон Мамоніч – пісьменнік і кнігадрукар // Беларусь і беларусы. Мн., 2007. С. 99–107.
 Саверчанка І. В. Старажытная паэзія Беларусі: XVI – першая палова XVII ст. Мн., 1992.
 Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.
 Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII – начало XVIII в.). М., 1991.
 Ткачэнка М. І. Эмблематычныя рысы ў гравюрным партрэце пачатку XVII ст. // Барока ў беларускай культуры і мастацтве. Мн., 1998. С. 235–246.
 Тронский И. М. История античной литературы. М., 1988.

Паступіў у рэдакцыю 20.06.11.

Таццяна Івануна Грыневіч – суіскальніца кафедры гісторыі беларускай літаратуры. Навуковы кіраўнік – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры гісторыі беларускай літаратуры У.Г. Кароткі.

**ЖАНРАВА-СТЫЛІСТЫЧНЫЯ АДМЕТНАСЦІ ФУНЕРАЛЬНАГА ЗБОРНИКА
САЛАМОНА РЫСІНСКАГА «MONUMENTA... DIVERSIS PERSONIS... POSITA»
(‘ПОМНІКІ... ПАСТАЎЛЕННЫЯ... РОЗНЫМ АСОБАМ’) (1614)**

Рассматривается фунеральный сборник «Monumenta... diversis personis... posita» («Памятники... поставленные... разным особам») Соломона Рысинского в контексте литературной теории XVI–XVII вв. Определены основные мотивы стихов (похвала, плач, утешение); предложена жанровая идентификация прозаических и стихотворных произведений.

The article considers Solomon Rysinsky's collection of funeral works «Monumenta... diversis personis... posita» ('Monuments... erected... to different people') in the context of contemporary literary theory. Main motifs of the poems are defined (praise, lamentation, consolation). Genre identification of the prose and poetic works is suggested.

1. Вершаваныя і празаічныя фунеральныя творы ў спадчыне Саламона Рысінскага. У XVII ст. фунеральная паэзія набывае надзвычайную папулярнасць у колах беларускіх арыстакратаў, становіцца «свайго роду шляхецкай паэзіяй» (Zabłocki 1999, 167). На думку С. Кавалёва, мода на стварэнне эпітафій і іншых сямейна-рытуальных твораў у Вялікім Княстве Літоўскім узнікла дзякуючы прыезду ў Вільню знакамітага іспанскага паэта П. Раізія (1505–1571), у якога беларуска-літоўскія магнаты замаўлялі эпітафіі яшчэ пры жыцці (гл. Кавалёў 2010, 103).

Фунеральныя творы ў літаратуры Вялікага Княства Літоўскага XVI–XVII стст. былі прадстаўлены такімі жанрамі, як *эпіцэдый* (дасл. «верш на скон» <грэц. *ἐπικήδειον* <ἐπι- ‘на-’ і *κηδεία* ‘пахаванне’), *эпітафія* (дасл. «надгробак» <грэц. *ἐπιτάφιος* <ἐπι- ‘на-’ і *ταφή* ‘грабніца’), *трэн* (грэц. *θρήνος* ‘плач, лямант’) і *нэнія* (лац. *naenia* ‘жалобная песня’). Усе гэтыя творы былі разнавіднасцямі *carmen funebre* – панегрычнага верша, напісанага з нагоды смерці пэўнай асобы. Існавалі таксама празаічныя фунеральныя жанры, прадстаўленыя ў асноўным пахавальнымі казаннямі і надмагільнымі празаічнымі інскрыпцыямі.

Тэндэнцыя да пашырэння папулярнасці фунеральных твораў яскрава адбілася ў творчасці беларускага гуманіста, філалага, паэта і перакладчыка Саламона Рысінскага (1560–1625). Працяглы час Рысінскі выконваў абавязкі прыдворнага паэта, менавіта таму прынагодная паэзія ўвогуле, і ў прыватнасці фунеральная тэматыка, займае асаблівае месца ў яго спадчыне.

Першыя фунеральныя вершы Саламона Рысінскага з’яўляюцца ўжо ў яго раннім эпістальным зборніку «*Epistolarum libri duo*» (Альтдорф, 1587). Сярод лістоў Рысінскі публікуе эпітафію дачцэ Іягана Бусерцыя, рэктара Альтдорфскага ўніверсітэта, а таксама вельмі ўдалы літаратурны эксперымент на фунеральную тэму – «Эпітафію самому сабе» (падрабязней гл.: Прыстаўка 2011).

Большасць фунеральных твораў Рысінскага змяшчаецца ў лацінамоўным зборніку «*Monumenta... diversis personis... posita*» («Помнікі... пастаўленыя... розным асобам»), апублікаваным як дадатак да выдання «*Rerum ab illustrissimo Principe Christophoro Radivilio... gestarum... epitome*» («Эпітамэ... дзеяў найсвятлейшага князя Крыштафа Радзівіла») (Любча, 1614) (гл. Rysinius 1614, 21–57 <без пагінацыі>). Зборнік «Эпітамэ» быў задуманы Рысінскім як літаратурны помнік, што павінен быў увекавечыць памяць пра славу тага магната князя Крыштафа Радзівіла (1547–1603) і іншых прадстаўнікоў беларускай і польскай арыстакратыі.

Твор «*Monumenta... diversis personis... posita*» («Помнікі... пастаўленыя... розным асобам») уяўляе сабой зборнік вершаваных і празаічных інскрыпцый, створаных Рысінскім для аздаблення надмагільных кампазіцый знакамітых асоб. У выданні знайшлі адлюстраванне «помнікі», пастаўленыя ў гонар кашталяна троцкага князя Юрыя Радзівіла (1578–1613), яго маленькіх нашчадкаў Яна, Станіслава і Кацярыны, у гонар княгіні слуцкай Соф’і Радзівіл (1585–1612), Мікалая – сына Крыштафа Радзівіла, Андрэя Волана (к. 1530–1610), а таксама помнікі прадстаўніцам знатных польскіх родаў Барбары Асалінскай, Эльжбэце Турскай, Рэгіне Бучынскай – усяго 10 «помнікаў». Да зборніка «*Monumenta...*» таксама прымыкае твор «*Exequalia monumenta*» («Пахавальныя помнікі»), дзе сабраныя вершы, якія аздаблялі помнік Крыштафа Радзівіла (гл. Rysinius 1614, 16–20).

2. Жанравыя адметнасці вершаваных твораў з «*Monumenta... diversis personis... posita*». Кожны «помнік» аформлены як копія надмагільнай кампазіцыі, выкананай з дапамогай Рысінскага. Празаічныя надпісы прадстаўлены так, як яны павінны выглядаць на магільным помніку: тэкст разбіты на радкі, ключавыя словы набраны вялікімі літарамі, загаловкі ўказваюць, у якім месцы размяшчаўся той ці іншы надпіс: *inscriptio labari* ‘надпіс на сцягу’, *inscriptio tabulae argenteae* ‘надпіс на срэбнай дошцы’, *in frontispicio monumenti* ‘на пярэднім баку помніка’, *in aversa parte monumenti* ‘на адваротным баку помніка’. Празаічны тэкст арганічна чаргуецца з вершаваным. Паэтычныя творы адрозніваюцца па працягласці: самы кароткі верш складаецца з 4, а самы працяглы – з 48 радкоў.

* Вершаваныя творы са зборніка «*Monumenta... diversis personis... posita*» былі перакладзены на рускую мову Я. Парэцкім (гл. Порецкий 1983, 67–71). У дадзеным артыкуле празаічныя і вершаваныя фрагменты твораў Рысінскага цытуюцца ў падрэдкавым перакладзе аўтара артыкула. – Я. П.

Фунеральныя вершы Рысінскага напісаны элегічным двувершам – памерам, традыцыйным для паэзіі гэтага жанру. Выключэнне складае эпітафія са зборніка «*Exequalia monumenta*», надрукаваная пад загаловам *Inscriptio labari* ‘надпіс на сцягу’ і прысвечаная Крыштафу Радзівілу (16 радкоў гекзаметра). На нашу думку, памер верша і месца яго размяшчэння абраны невыпадкова. Радкі, напісаныя «гераічным вершам», змешчаныя на сцягу, павінны былі падкрэсліць эпічнасць подзвігаў героя, яго выбітную ролю ў абароне Бацькаўшчыны: *Cum Bellona suos ipsum raptaret ad usus, // Regibus et patriae studiumque, fidemque probavit <...> // Ad capitis canos, adque ultima limina vitae, // In bello constans ipsum fortuna secuta est* ‘Калі Белона ўзяла яго для сваіх патрэб, ён даказаў сваю стараннасць і вярнаць каралям і радзіме <...> Да сівізны ў галаве, да апошніх імгненняў жыцця фартуна задавалася нязменна прыхільнай да яго’ (Rysinius 1614, 17).

Большасць вершаў са зборніка «*Monumenta...*» трэба аднесці да жанру эпітафіі, паколькі яны маюць непасрэднае матэрыяльнае ўвасабленне і суадносяцца з рэальнымі надмагільнымі інскрыпцыямі. Менавіта дадзены аспект эпітафій адзначаў знакаміты тэарэтык паэзіі Юлій Цэзар Скалігер (1484–1558), гаворачы пра адрозненні ў такіх жанрах, як эпіцэдый, эпітафія, трэн і нэнія: *epitaphium etiam Elogium ipsum dictum est, quod tumulo inscribitur* ‘эпітафіяй таксама называецца сам надпіс, які пакідаюць на магіле’ (Scaliger 1581, 122).

Разам з тым два вершы Рысінскага – эпітафія князю Юрыю Радзівілу, якую Рысінскі назваў *Iessus* ‘плач на пахаванні’, і эпітафія княгіні Соф’і Радзівіл, якая мае заглавак *Naenia* ‘пахавальная песня’, маюць выразныя прыкметы жанру «нэнія». Паводле вядомага езуіцкага тэарэтыка паэзіі Якуба Пантана (1542–1626), *Naenia carmen erat... quae ad mortui laudem declarandam, luctumque astantibus commouendum faciebant* ‘Нэнія была вершам... у якім паведамлялася тое, што павінна было праславіць памерлага, і які выклікаў плач у прысутных’ (Pontanus 1594, 14).

У сваім трактате Юлій Скалігер вылучыў наступныя элементы эпітафіі: *laudes* ‘пахвала’, *iacturae demonstratio* ‘апісанне страты’, *luctus* ‘плач’, *consolatio* ‘суцяшэнне’, *exhortatio* ‘падбадзёрванне’ (Scaliger 1581, 122). Структурныя элементы *comploratio* ‘аплакванне’, *laudatio* ‘пахвала’, *consolatio* ‘суцяшэнне’ былі перанятыя эпітафіяй у фунеральнага жанру «эпіцэдый» і зафіксаваныя ўжо ў I ст. н. э. Напрыклад, такую будову эпітафіі можна назіраць ужо ў рымскага паэта Марцыяла (гл. Zabłocki 1999 [a], 217).

У фунеральных творах Рысінскага структурныя элементы эпітафіі, названыя Скалігерам, не з’яўляюцца абавязковымі. Паэт не моцна прытрымліваецца пэўных паэтычных правілаў і намагаецца не абмяжоўваць свой талент залішнімі тэарэтычнымі прадпісаннямі. Матывамі, якія найчасцей сустракаюцца ў яго эпітафіях, з’яўляюцца *comploratio*, *laudatio* і *consolatio*. Элементы гэтыя часта пераплятаюцца, у некаторых эпітафіях прадстаўлены толькі адзін, магчыма, гэта абумоўлена абмежаваным памерам надмагільнай інскрыпцыі.

Разгортваючы матыў пахвалы (*laudatio*), Рысінскі апелюе да традыцыйных тагачасных каштоўнасцей. Так, у вершах, прысвечаных Радзівілам, падкрэсліваецца іх радавітасць, вайсковая доблесць (*virtus*) і набажнасць (*pietas*). Апошняя характарыстыка павінна была адзначаць заслугі прадстаўнікоў гэтага роду ў справе падтрымкі Рэфармацыі ў Вялікім Княстве Літоўскім. У эпітафіі дзеячу беларуска-літоўскай Рэфармацыі, выбітнаму філосафу, правазнаўцу і палемісту Андрэю Волану (к. 1530–1610) праслаўляецца яго вучонасць. Рысінскі называе яго «зоркай паўночнага свету» (*arctoi sidus orbis*); ён «вядомы сваім талентам і на Усходзе, і на Захадзе» (Rysinius 1614, 46–47).

Вельмі цікавую і незвычайную характарыстыку Саламон Рысінскі даў княгіні слускай Соф’і Радзівіл, апошняй прадстаўніцы роду Алелькавічаў, якая пазней стала кананізаванай беларускай святой. *O felix animo, felix o dotibus illis, // Quas in faemineo corpore luno fovet. // Unica Slucensi de fidere stella relicta, // Inter lituanas gloria prima nurus* ‘О дабрашчасная духам, о дабрашчасная тымі дарамі, якімі Юнона дабраславіла жаночае цела! Ты адзіная зорка, пазасталая ў слупкім сузор’і, першая ў славе паміж літоўскімі дзевамі’ (Rysinius 1614, 32). Побач з гэтымі традыцыйнымі эпітэтамі, якія падкрэслівалі жаночыя «цноты» княгіні Соф’і, Рысінскі надзяляе яе незвычайнымі для жанчыны гераічнымі якасцямі: «*Heroina tuo magno haud minor ipsa marito*» ‘Ты гераіня, не меншая за твайго вялікага мужа’. Цяжка сказаць, што канкрэтна меў на ўвазе паэт пад такой характарыстыкай. Магчыма, Рысінскі адзначаў асветніцкі подзвіг княгіні, якая шмат зрабіла для захавання ў сваіх уладаннях праваслаўнай веры, падобна як і яе муж прыклаў вялікія намаганні для абароны пратэстантызму (гл. Грыцкевіч 2007, 497).

Калі ў эпітафіі адсутнічаюць падставы для *laudatio*, напрыклад, з прычыны непрацяглага жыцця памерлага, дамінуючым матывам становіцца суцяшэнне (*consolatio*). Узорам можа быць эпітафія Кацярыне Радзівіл, дачцэ князя Юрыя Радзівіла, якая памерла ва ўзросце 6 месяцаў: *Vita quid est? Gelidae trepida exspectatio Mortis. // Mors autem? Vitae dulcis origo novae. // Dum moritur caris Catharina parentibus ergo // Mox immortalis nascitur illa Deo* ‘Чым ёсць жыццё? Мітуслівае чаканне халоднай смерці. А смерць? Салодкі пачатак новага жыцця. Калі памірае для дарагіх бацькоў Кацярына, яна нараджаецца для несмяротнага Бога’ (Rysinius 1614, 44).

Тэма суцязнага адкрыцця прасторы для філасофскай рэфлексіі над сутнасцю жыцця і смерці. Смерць у Рысінскага атрымоўвае дваістае асэнсаванне. З аднаго боку, у ёй няма нічога страшнага, яна толькі «пачатак новага жыцця», з другога – смерць персаніфікуецца то ў вобразе бязлітаснай істоты з вострым сярпом (гл. Rysinius 1614, 33), то ў вобразе Парк – багіня лёсу, якія з зайздасцю спаборнічаюць адна з адной і тым самым памнажаюць пакуты людзей (гл. Rysinius 1614, 38).

Матыў плачу (*comploratio*) асабліва выразна гучыць у пахавальных вершах князю Юрыю Радзівілу і княгіні Соф’і Радзівіл, якія Рысінскі напісаў у стылістыцы заплачкі-трэнаса. Абодва творы маюць характэрны зачын. Так, верш на смерць Юрыя Радзівіла пачынаецца чатырохкратным *siccine* ('няўжо'): *Siccine te Princeps, Superis dilecte, Georgi, // A nostris oculis Mors inopina rapit!* 'Няўжо ты, княжа Юры, любімы багамі, нечакана ўзяты смерцю ад нашых вачэй' (Rysinius 1614, 25).

Падобная танальнасць гучыць у эпітафіі Соф’і Радзівіл, якая пачынаецца двухкратным воклічам *heu* 'о, авохці': *Heu certa incerti semper moliminia Fati! // Heu nullis expositum flebile mortis iter!* 'О, на жаль, заўсёды дакладныя высілкі недакладнага лёсу! О, на жаль, нікому не зразумелыя поўныя скрухі шляхі смерці' (Rysinius 1614, 32).

Апісваючы няўмольнасць смерці, Рысінскі па-майстэрску ўплятае ў мелодыю плачу лаўдацыйныя ноткі, разгортваючы перад вачамі чытача панараму вартасцей памерлай: смерць не зважае на «мужныя дзеі продкаў», на «славу роду» і «сілу розуму», ні на багацце, ні на «цвет маладосці», ні на «знешнасць багіні».

Цікава, што старажытнагрэцкі рытар Менандр Лаадыйкейскі ў сваім трактате «Аб урачыстым красамоўстве» (III ст. н. э.) рэкамендаваў спалучаць плач і пахвалу, прэзентуючы апошнюю як нагоду для плачу. Саламон Рысінскі прымяняе адваротны прыём, выкарыстоўваючы плач як нагоду для пахвалы.

У плане формы Рысінскі намагаўся зрабіць свае творы як мага больш разнастайнымі. Сярод яго эпітафіі сустракаюцца вершы з нарацыяй ад асобы памерлай («Помнікі» Барбары Асалінскай і Эльжбэце Турскай); эпітафія Рэгіне Бучынскай аформлена ў форме дыялогу: жонка адказвае мужу, які папракае яе ў заўчасным адыходзе.

Цікавае спалучэнне функцыянальнай і эмблематычнай пазіі можна назіраць у вершы «Dialogus hospitis et Musae» ('Дыялог замежнага гасця і музы'), змешчаным у «Помніку» Крыштафу Радзівілу (Rysinius 1614, 20). Сам па сабе дыялог у эпітафіях вядомы з часоў старажытнагрэцкага паэта Ляніда з Тарэнта (III ст. да н. э.). Рысінскі выкарыстоўвае форму дыялогу, каб раскрыць сімвалічнае значэнне элементаў герба Крыштафа Радзівіла: вандроўнік задае пытанні пра выявы на гербе, а муза, адказваючы на іх, тлумачыць значэнне сімвалаў трайнага рога, карабля, вежы, зверга і арла. Праз гэтак тлумачэнне раскрываюцца і падкрэсліваюцца вартасці памерлага.

3. Празаічныя фрагменты зборніка: лаканічнасць і прагматыка надмагільнай інскрыпцыі. Увагі заслугоўваюць не толькі вершы Рысінскага. Празаічныя радкі, змешчаныя паэтам на помніках, гучаць арыгінальна і дасціпна, ім уласціва лаканічнасць і вастрыня думкі. Ствараючы іх, Рысінскі праявіў сябе як майстар афарыстычнай інскрыпцыі, намагаючыся выказаць як мага болей у сціслым тэксце, абмежаваным прасторай надмагільнага каменя.

Для празаічных фрагментаў «Monumenta...» характэрна прагматыка, імкненне «зачапіць» чытача. Часта сустракаюцца рытарычныя пытанні, звароты да мінакоў: *Subsiste hospes quisquis es et vide minuta, magna, summa, ima. Invenies aeternum sub Jove nihil. Imo momento temporis maximarum rerum momenta subverti, everti* 'Спыніся, вандроўнік, хто б ты ні быў, і пабач маленькае і вялікае, найвышняе і найменшае. Ты знойдзеш, што вечнасць пад Богам – нішто, у адно імгненне значнасць вялікіх рэчаў нізрынаецца і знічтажаецца' (Rysinius 1614, 30).

Стылістыка і форма запісу празаічных частак «Monumenta...» указвае на іх блізкасць да старажытнага жанру «элогіум» (*elogium*). Элогіямі ў антычнасці называліся надпісы на статуях і будынках, абмежаваныя па памеры (максімальна 5 радкоў), якія змяшчалі імёны памерлага і пахвалу ў форме пераліку яго заслуг. Асабліва ўвага надавалася форме элогія, іх графічнаму афармленню, якое выконвала «камементарыўныя і аздобніцкія функцыі» (Otwińska 1999, 159).

Творы Рысінскага вылучаюцца вытанчанай і прадуманай стылістыкай. Так, у эпітафіі Соф’і Радзівіл вельмі дарэчы выкарыстоўваецца 6-кратная анафара; у «помніку» князю Юрыю Радзівілу хізм вытанчана спалучаецца з паранамазіяй: *conditur heic ingens ingentis gloria Gentis* 'тут ляжыць вялікая слава вялікага роду' (Rysinius 1614, 26). Улюбёным рытарычным прыёмам Рысінскага з’яўляецца сінтаксічны паралелізм: *Volanus <...> cui Magna Polonia ortum dedit, Magna Lithuania hospitium exhibuit, magna gens Radivilia domum praebuit <...>* 'Волян, якому вялікая Польшча дала нараджэнне, Вялікая Літва прадставіла прытулак, вялікі род Радзівілаў прапанаваў <свой> дом' (Rysinius 1614, 46). *Quid non mobile sub caelo? Quid non mutabile sub luna? Quid non mortale in orbe? Quid non corruptibile in terra? Unum extra omnia lumen* 'Што непахісна пад сонцам? Што нязменна пад месяцам? Што несмяротна на свеце? Што не псуецца на зямлі? Нішто, акрамя адзінага Бога' (Rysinius 1614, 40). Яшчэ адной характэрнай рысай стылю «Monumenta...» з’яўляецца градацыя: *At mortalium quivis et ubivis movetur, mutatur, moritur, corrumpitur. Ille senex sit, vir, iuvenis, puer, atque puellus, qualis, eheu, Nicoleos Radivil*

hic, primum parentium gaudium, primum cordolium 'У смяротных што заўгодна і дзе заўгодна хістаецца, змяняецца, памірае, псуецца. Той, хто мог бы стаць старым, мужам, юнаком, хлопчыкам і дзіцяняткам – Мікалаі Радзівіл, на жаль, тут знаходзіцца, першая радасць і першая скруха бацькоў' (Rysinius 1614, 40).

Зборнік «помнікаў», апублікаваны ў 1614 г. у Любчы, меў працяг. Твор «*Variorum monumentorum decas altera*» ('Розных помнікаў другі дзясятка') з нейкіх прычын не быў надрукаваны і захаваны ў рукапісе (НГАБ, ф. 694, воп. 1, спр. 145, арк. 1–16). У творы змяшчаюцца «помнікі» ваяводзе віленскаму князю Мікалаю Радзівілу «Рудому» (1512–1584), кашталюну віленскаму Астафію Валовічу (1520–1587), кашталюну віленскаму князю Янушу Радзівілу (1579–1620), жамойцкаму суддзі Андрэю Валовічу (?–1614), падчасаму Вялікага Княства Літоўскага Пятру Валовічу (?–?). Сярод помнікаў пераважаюць праязныя інскрыпцыі. У вершаванай форме выкананы толькі дзве эпітафіі, прычым у «помніку» князю Крыштафу Радзівілу паўтараецца «Дыялог замежнага госця і музы», вядомы нам па выданні 1614 г.

Зборнік «*Monumenta... diversis personis... posita*» сведчыць, наколькі багатай і разнастайнай была фунеральная культура Беларусі XVII ст. Дадзенае выданне захоўвае копіі рэальных надмагільных помнікаў, рэпрэзентуючы сапраўдныя адбіткі тагачаснай паэтычнай творчасці, звязанай з пахавальным абрадам. Аздаўшы апошнюю даніну памяці сваім сябрам і патронам, Рысінскі стварыў літаратурныя помнікі важным асобам беларускай гісторыі, увекавечыўшы іх заслугі для нашчадкаў. Яго творы – сапраўдныя нерукачынныя, паводле Гарацыя, «трывалейшыя за медзь» помнікі нашага слаўнага мінулага.

ЛІТАРАТУРА

Грыцкевіч А. Радзівіл Соф'я // Вялікае Княства Літоўскае: Энцыкл.: У 2 т. Мн., 2007. Т. 2. С. 493.

Кавалёў С. Шматмоўная паэзія Вялікага Княства Літоўскага эпохі Рэнесансу. Мн., 2010.

Порецкий Я. И. Соломон Рысинский: Solomo Pantherus Leucorussus. Конец XVI – нач. XVII в. Мн., 1983.

Прыстаўка Я. Зборнік лістоў Саламона Рысінскага «*Epistolarum libri duo*» (Альтдорф, 1587) як помнік гуманістычнай эпістальнай культуры // Актуальныя праблемы філалогіі: антычная культура і славянскі мир: Сб. науч. ст. Мн., 2011. С. 141–148.

Otwinowska B. Elogium // Słownik literatury staropolskiej / Pod red. Teresy Michałowskiej. Wrocław [i in.], 1999. S. 159–161.

[Pontanus Jacobus] Jacobi Pontani Poeticarum institutionum libri tres. Ingolstadii, 1594.

[Rysinius Solomon] Rerum ab illustrissimo principe Christophoro Radivilo... praeclare gestarum epitome conscripta... a Solomone Rysinio... accessit Variorum monumentorum decas. Lubecae ad Chronum, 1614.

[Scaliger Iulius Caesar] Iulii Caesaris Scaligeri Poetices libri septem. [Sine loco], 1581.

Zabłocki S. Epicedium // Słownik literatury staropolskiej / Pod red. Teresy Michałowskiej. Wrocław [i in.], 1999. S. 166–168.

Zabłocki S. Epitafium // Słownik literatury staropolskiej / Pod red. Teresy Michałowskiej. Wrocław [i in.], 1999 [a]. S. 216–218.

Паступіў у рэдакцыю 03.06.11.

Ягор Уладзіміравіч Прыстаўка – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры класічнай філалогіі.

Н.Л. БЛИЦ

ОБРАЗ А. БЛОКА В КНИГЕ А. РЕМИЗОВА «УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ»

Исследуется литературно-генетическое родство ремизовского героя с лирическим героем Блока на основе книги «Учитель музыки» и пьесы «Роза и Крест». Утверждается мысль, что традицию блоковского лирического героя Ремизов выводит исходя из образов Дон-Кихота и князя Мышкина.

The problem under investigation is inner literary kinship between the main character of A. Remizov's «Teacher of Music» and the lyrical hero of Blok. According to Remizov the latter may be derived from such characters as Don Quixote and Prince Myshkin.

Создавая книгу «Учитель музыки», Ремизов своими «подстриженными глазами» рассматривает причудливые узоры сочетаний художественных текстов и судеб художников. Ремизоведы высказывают различные мнения о прототипах главного героя книги «Учитель музыки», но большинство ученых склоняются к тому, чтобы видеть в Корнетове alter ego Ремизова*.

Дружба с Блоком составила основной мемуарный «капитал» Ремизова. *Судьба с первой встречи свела нас в жизни и до последних дней* (Ремизов 2002, X, 328), – напишет он в одном из первых эссе, посвященных Блоку. Эмигрантские металитературные тексты Ремизова содержат воспоминания о совместных творческих планах (либретто балета «Алалей и Лейла», драма «Китоврас и Соломон») и издательских проектах («Сирин», «Алконост»). Практически во всех эмигрантских воспоминаниях

* См.: 1) д'Амелия А. «Автобиографическое пространство» Алексея Михайловича Ремизова // Ремизов А. Учитель музыки. Paris, 1983; 2) Грачева А.М. Из истории контактов А.М. Ремизова с медиевистами XX века // Грачева А.М. А.М. Ремизов и древнерусская культура. М., 2002; 3) Доценко С. О литературном генезисе имени героя книги А. Ремизова «Учитель музыки» // Литература русского зарубежья (1920–1940-е годы): Взгляд из XXI века: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 4–6 окт. 2007 г.). СПб., 2008. С. 190–195.

Ремизов неизменно подчеркивал, что к Блоку он питал особые дружеские чувства, и вспоминал об активной переписке и ночных телефонных разговорах. В эссе о П. Милюкове Ремизов признается: *Из моих современников-сверстников ближе мне всех Блок. По искренности и правдивости кого еще назвать? И совестьливость...* (Ремизов 2002, X, 375).

Металитературный диалог с Блоком Ремизов продолжил в книге «Учитель музыки». Важным представляется тот факт, что замысел составить «стоглавую повесть», как называл свою книгу Ремизов, из разрозненных фрагментов, уже опубликованных в эмигрантских изданиях 1930-х гг., возник в 1946 г., т. е. спустя 25 лет после смерти Блока и одновременно с написанием посвященного поэту эссе «По серебряным нитям. Лития». Ремизов начинает хронику жизни главного героя книги «Учитель музыки» – Александра Александровича Корнетова – с переписывания раннего рассказа «Глаголица», созданного еще в 1911 г. Комментаторы переписки Блока и Ремизова отмечают, что этот рассказ был в свое время прочитан и высоко оценен А. Блоком (см. Литературное наследство 1981, XCI (2), 63–127). В повести «Чинг-чанг», послужившей своеобразным эпилогом к книге «Учитель музыки», Ремизов поясняет: *Имя Корнетову дано было еще в Петербурге в честь Александра Александровича Блока, а фамилия «Корнетов» не столько инструментальная по профессии учителя музыки, сколько кавалерийская: заветная мечта Александра Александровича, которую он неоднократно высказывал, – быть бы мне лихим корнетом, ездить на коне, как у Толстого в «Воине и мире», выделять всякие ухарские штуки! – фамилия Корнетов дана по контрасту с его небоевым образом жизни* (Ремизов 1983, 503).

Тем не менее некоторые ремизоведы утверждают, что *нет возможности установить, в действительности ли имя героя было связано с Блоком – или это столь типичная для Ремизова мистификация* (Грачева 2002, 169). На наш взгляд, литературно-генетическое родство ремизовского героя с лирическим героем Блока – не мистификация, а стилистическая реальность ремизовского текста. Попробуем обосновать нашу версию.

Безусловно, образ Корнетова наделяется узнаваемыми автобиографическими чертами. Он и «роду московского», как автор, также жил в Петербурге, затем в Берлине и Париже. О герое отзывались «манияк», как в биографической легенде Ремизова его самого аттестовал В. Брюсов. Корнетову была присуща «боязнь всеобъемлющая – от автомобиля до консьержек», что отсылает к историям о том, как Ремизов в Париже попал под автомобиль, и о его роковой ссоре с консьержкой в доме на авеню Мазар. Корнетов, как и его создатель, – *единственный на всем земном шаре писал письма и всякие дружеские послания «глаголицей»*. Однако это не просто alter ego, но и металитературная проекция образа А. Блока, прочитанного Ремизовым через культурные ипостаси князя Мышкина и Дон-Кихота.

Князь Мышкин с его обнаженной совестью и детской доверчивостью был одним из любимых литературных героев Ремизова. Вспомним, что в эссе о Блоке Ремизов подчеркивает наследственные черты князя Мышкина в жизнетворческих масках поэта. В одном из металитературных эссе Ремизов вспоминал «виноватую» улыбку Блока-Мышкина: *Это и есть то самое, что создает поле доверчивости – открывает свободу, при которой только и можно говорить с человеком по-человечески без засти лукавства «двойных» задних мыслей* (Ремизов 2002, X, 288–289). Мышкин – литературное воплощение взрослого-ребенка, а Блока, по мнению Ремизова, отличает та же черта: *И еще была у Блока та наивность, детскость, которая без всяких ярко отличает живой дар... <...> Я видел, как тяжело ему было на людях, его все трогало* (Ремизов 2002, X, 375).

Впрочем, автобиографический герой Ремизова и сам многое заимствует у Мышкина: и философию «двойных мыслей», и сверхчувствительность. Проницательный мемуарист Вл. Пяст заметил: *...в своем пристрастии к красивому письму старинными почерками Ремизов подражал «Идиоту», т. е. князю Мышкину* (Пяст 1997, 270). В книге «Учитель музыки» главный герой и пишет на глаголице, и склонен к усиленной рефлексии: *Корнетов принадлежал к разряду чувственных. И в этом было его счастье и несчастье: счастье – потому, что мир его чувств был необычайно богат; несчастье – уж очень обременительно, когда все трогает* (Ремизов 1983, 320). Таким состояниям «беспокойной души» Ремизов дает окказиональное определение – «космический перепуг». Это *совсем не болезнь, а это те самые судороги души, о которых говорит Достоевский* (Ремизов 1983, 445), – объясняет Ремизов гиперчувствительность своего героя, при этом прямо указывая на первого и главного певца «обнаженной души» в русской литературе.

В романе «Учитель музыки» высвечивается целый ряд аллюзий к Блоку, возникающих в контексте достоевско-пушкинского текста. Строки пушкинского стихотворения «Бедный рыцарь» (*Он имел одно виденье, // Непостижное уму, // И глубоко впечатленье // В сердце врезалось ему*) в творческом сознании Ремизова связаны с образом Блока и его видением Прекрасной Дамы. Эту смысловую проекцию он и воплотил в эссе-плаче «К Звездам», где поэт, «закованный в латы с крестом», обретает свою рыцарскую ипостась. В книгу «Учитель музыки» включен и характерный фрагмент о путешествии в замок Кузи, во время которого Корнетов рассказывает средневековую легенду о рыцаре Рено – легенду, рефреном которой становится восклицание «Бедный рыцарь!». Прототипом ремизовского

бедного рыцаря Рено послужил яркий представитель провансальской поэзии трубадуров Гильом де Кабестан, судьба которого неоднократно подвергалась литературной обработке. Намек на сюжет о бедном рыцаре-поэте Кабестане, в которого влюбляется жена графа Ромуальда, просвечивается в интриге драмы Блока «Роза и Крест», а песня рыцаря-поэта Гаэтана восходит к меланхолической канцоне Кабестана «Сладостно-злая Грусть, что Amor мне дал...», которую трубадур исполнил для возлюбленной. Ревнивый граф убивает поэта и приказывает приготовить жаркое из сердца поэта для того, чтобы угостить жену. Сюжет о «съеденном сердце» бедного рыцаря Ремизов использовал при создании металитературной легенды о Блоке: и Блок, как рыцарь, в эпоху революций и войн начала XX в. воспевал любовь к «Прекрасной Даме» и умер оттого, что *должен был и не мог не умереть. И мучения его были безмерны. (Сердце)* (Ремизов 2002, X, 334).

Образ бедного рыцаря – смысловая сердцевина авторской концепции, воплотившейся в «Учителе музыки»: героем книги стал лирик-отшельник Корнетов, отгородившийся от мира и уединившийся в свою поэтическую мечту. Ремизов задолго до современных литературоведческих открытий* обнаружил, что сюжет о «бедном рыцаре», преломленный сквозь призму романа Достоевского «Идиот», имеет продолжение в судьбе и творчестве А. Блока. По биографической легенде А. Блок, увлеченный романтическим чувством влюбленности в Любовь Менделееву, заменил буквы A(ve) M(ater) D(ei) в пушкинском стихотворении «Бедный рыцарь» на ЛДМ. Вспомним, что Аглая, героиня романа Достоевского «Идиот», также заменила священные буквы на инициалы Настасьи Филипповны. Юный поэт вполне мог разыгрывать тогда этот жизнетворческий сценарий, поскольку с романом Достоевского он был хорошо знаком.

Блоковский «автопроектный» образ «бедного рыцаря» восходит к первоначальному замыслу Достоевского, согласно которому «положительно прекрасный человек» князь Мышкин был тесно связан с образом Дон-Кихота идеей высокого юродства**. Ремизов точно подметил, что Блок, как и герой Достоевского, был склонен к символистской сублимации: эротическое желание трансформировалось в «бесполое» религиозное почитание. Отсюда и образы опозитизированных поэтом незнакомок, явно воспринимаемых Ремизовым как отголоски образа Настасьи Филипповны: для него отнюдь не случайно, что описание портрета-иконы из романа Ф. Достоевского «Идиот» послужило эпиграфом к пьесе Блока «Незнакомка». По существу, Ремизов считает, что религия рыцарства Дон-Кихота, умноженная на религию сострадания князя Мышкина и возведенная в символистскую степень, дала в результате ложно-мистическую эротику поэзии Блока, притягательность которой обусловлена именно религиозной наивностью поэта.

Интересно, что в книге «Учитель музыки» Ремизов по-своему перепевает мотивы блоковской драмы «Роза и Крест». Маршруты ремизовских героев повторяют биографическую топографию Блока. Одним из мест действия в ремизовской книге становится французская провинция Бретань. Путешествие поэта с Л.Д. Менделеевой летом 1911 г. было, по версии блоковедов, очередной попыткой «снова встретиться сердцем и возродить прежнюю небесную связь с Прекрасной Дамой» (Литературное наследство 1978, 286), потому что Бретань в сознании Блока связана с историей рыцарства. Путешествуя по Бретонскому побережью, Блоки посещали замок Кемпер. Корнетов и другие авторские маски отправляются именно в Бретань и поселяются в Chateau de Camper, где герой вспоминает об известной бретонской легенде: *В сумерки Корнетов рассказал о короле Градлоне, жил в Кемпере, о его дочери, черной волшебнице, погубившей знаменитый город Ис и погибшей в море* (Ремизов 1983, 276). В пьесе Блока отголоски легенды также прозвучат в песне рыбака, которую сочинил рыцарь-поэт Гаэтан: *«Не спи, король, не спи, Граллон, // Твой город в воду погружен! // Кэр-Ис лежит на дне морей, // Проклятье дочери твоей!* Блока и Ремизова очень заинтересовал трагический финал этой легенды: принцессу, затопившую город, бросили в волны океана – она стала сиреной, привлекающей своим пением моряков. Оба увидели в славянских девах-птицах Сиринах бретонских сирен. Лейтмотив песни Гаэтана из драмы «Роза и Крест» – *Сердцу закон непреложный – Радость – Страданье одно!* – навеивает ассоциации с песней о радости-печали сказочной птицы Сирин из славянской языческой мифологии. Напомним, что время работы над пьесой – 1912 г. – совпадает со временем появления значимого для Блока издательства «Сирин».

Поэт живописал уединенный поселок Аберврак, маяки и голос океана в письмах к Ремизову, а потом еще и в пьесе «Роза и Крест», работу над которой, кстати, инициировал именно Ремизов. В письмах лета 1912 г. Блок неоднократно сообщает Ремизову о творческом бессилии: замысел либретто постепенно превращается в пьесу, а пьеса пишется еще более мучительно. Причиной тому была очередная личная драма Блока, которая связана с театральными увлечениями Л.Д. Блок-Менделеевой.

* См., например: Багно В.Е. Русское донкихотство как феномен культуры // Вожди умов и моды. Чужое имя как наследуемая модель жизни. СПб., 2003. С. 217–233; Тахо-Годи Е. Пушкинское стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный...» в сочинениях Вл. Соловьева и о Вл. Соловьеве // Эткиндовские чтения II–III: Сб. ст. по материалам Чтений памяти Е.Г. Эткинды. СПб., 2006. С. 73–88.

** Об этом подробнее см.: Минц З.Г. Блок и Достоевский // Минц З.Г. Александр Блок и Достоевский. СПб., 2000. С. 86–113.

Ремизов в этот тяжелый период оказывал поэту важную психологическую поддержку, о чем свидетельствуют и активность их переписки конца 1912 – начала 1913 г., и указания на продолжительные ночные телефонные разговоры, и записи о Ремизове в дневнике Блока. Так, в апреле 1913 г., собираясь прочитать пьесу «Роза и Крест» К.С. Станиславскому, Блок пишет ему: *...очень хотел бы я прочесть ее Вам не одному, а в присутствии Алексея Михайловича Ремизова только; с ним мы особенно подружались в этом году, и к нему, я знаю, и Вы относитесь хорошо* (Блок 1965, 149).

Возможно, что именно под влиянием Ремизова оформилась личная мифология Блока, воплощенная в образе Бертрана. Совершенно очевидно, что прощальные слова Бертрана в пьесе «Роза и Крест» подсвечены биографическим подтекстом: *Счастлива будь, Изора! // Мальчик красивый // Лучшие туманных и страшных снов!* В октябре 1912 г. Блок, измученный обидой и ревностью, писал в дневнике: *Он – мальчик, «хороший» (22 года), чистый, «знает ее жизнь», «любит» ее. 7 ноября (ровно 10 лет!), вероятно, она поедет в Житомир... <...> ...тихая прогулка... над черной Невой среди огней Николаевского моста. Я стар* (Блок 1965, 156). После отъезда жены Блок составляет новый план пьесы, из которого следует, что восстание альбигойцев и сюжеты романов о трубадурах уже мало интересуют его: *Моя тема – совсем не «Крест и Роза» – этим я не овладею. Пусть будет – судьба человеческая, неудачника, и, если я сумею «умалиться» перед искусством, может мелькнуть кому-нибудь сквозь мою тему – большее* (Блок 1965, 181).

Тема вовлеченности Блока в период работы над пьесой «Роза и крест» в альбигойский процесс стараниями блоковедов несколько идеологизирована. Для одних особое значение имела связь блоковской пьесы с историей французского средневекового эпоса, народными преданиями и песнями (см. Жирмунский 1964). Другие рассматривали исключительно социально-политические подтексты драмы «Роза и Крест» – восстание альбигойцев как аналог предреволюционных волнений в России 1913 г. (см. Родина 1972). Третьи углублялись в историю альбигойских религиозных сект, перечисляли этапы исторического развития «зороастризма персов, каббалы евреев, неоплатонизма греков, и, наконец, гностицизма» (Любимова 1998).

По сути, в лирической драме «Роза и Крест» Блок использует типичный больше для Ремизова прием декоративной стилизации эпохи – но лишь для того, чтобы под маской историко-культурного персонажа написать о себе. Скрытый смысл блоковского текста проясняется в симптомах тайного присутствия в нем биографической драмы поэта: речь идет о сложности взаимоотношений с Л.Д. Блок и о ее увлечениях «пажами»^{*}. Ремизов, как никто другой, понимал, что «дрейфы» (термин В. Орлова) жены поэта были обусловлены нереализованными амбициями «прекрасной дамы». Ведь ремизовскую жену С.П. Довгелло также не устраивало ее скромное амплуа «состоять при муже», отсюда и ее попытки самоутверждения в «Опытах новой любви» в кругу сестер Гиппиус, и поиски себя в области палеографии.

Для Ремизова очевидно, что драма «Роза и Крест» – яркое свидетельство взаимообратимости жизненного и художественного текстов. Отразившийся в дневниках жизнетворческий образ Блока и созданный поэтом образ рыцаря Бертрана схожи в реакциях на переживаемые эмоции. Например, в дневниковом дискурсе Блок акцентирует чувство старости и свой глухой голос, что является признаком угасания жизни или обострения депрессивного состояния. В пьесе Бертран говорит: *Голос мой глух и бессилён, а затем и поэт Гаэтан находит, что голос Бертрана глух и печален*. Лирический герой Блока в стихотворении «Religio» предвосхищает появление Бертрана: *Мой голос глух; мой волос сед*.

В эссе о Блоке А. Ремизов развивал тему взаимосвязи странничества и безумия, подразумеваемая в качестве дешифрующего контекста статью поэта «Рыцарь-монах», где образ В. Соловьева дан в проекции на Дон-Кихота. Характерные черты внешности Соловьева – худоба и высокий рост, серостальные локоны и неподвижность черт, составившие узнаваемый портретный фон рассуждений Блока в статье, – воплотились и в герое драмы «Роза и Крест» рыцаре-поэте Гаэтане. Портрет Гаэтана в авторских комментариях к постановке также восходит к образам В. Соловьева – Дон-Кихота: *Про рост его ничего нельзя сказать – бывают люди такие, о которых мало сказать, что они высокого роста. Лицо – немного иконописное, я бы сказал – отвлеченное. Кудри седые, при лунном свете их легко принять за юношеские льняные* (Блок 1960, IV, 526).

Далее Блок переходит на совершенно поэтическую риторику: *...не глаза, а очи, не волосы, а кудри, не рот, а уста, из которых исходит необыкновенно музыкальный и гибкий голос* (Там же), – подчеркивая тем самым свое подсознательное влечение к подобному идеалу художника. Гаэтан «призрачен» и «потусторонен», влюбленная Изора не видит в нем старика с седыми волосами, а видит юношу с серебряными локонами, носителя тайного знания, выраженного в образной форме. Пьеса «Роза и Крест» – это поэтическая драма, где Блок представил разные модели собственной субъективности. Бертран – выразитель авторской боли, обостренной приближающейся старостью, это об-

^{*} В жизнетворческой легенде Л.Д. Блок есть сюжеты о двух таких «пажах» прекрасной дамы: «паж Дагоберт» – актер Константин Давидовский, роман с которым случился во время гастролей в Могилеве и закончился рождением ребенка; «паж чернокудрый» – это молодой актер Кузмин-Караваев, роман с которым разыгрался во время театрального сезона 1912 г. в Териоках. Подробнее см.: Блок Л. Д. И были и небылицы о Блоке и о себе. М., 2000.

разная маска «дневникового» Блока. Газтан – эманация лирического героя раннего Блока. Именно Ремизов подметил символически значимое роковое совпадение: *Блок умер 7 августа, в день св. Гатана – имя из «Розы и Крест»* (Ремизов 2002, X, 334), тем самым доказывая преданность поэта своему лирическому герою – бедному рыцарю, поэту, страннику.

В последние годы жизни у Ремизова возрастает потребность к созданию образных имитационных систем (снотворчество, графика, воспоминания и т. д.), способных гармонизировать его душевное состояние. Блок становится в этих ментальных дискурсах самым востребованным персонажем. Металитературный сон о Блоке из книги «Подстриженными глазами» соткан из тех же мотивных нитей, что и поминальный триптих, более того, он стилизован под молитвенное полисиндетонное причитание: *...И в этой белой лунной полосе вдруг я увидел Блока. Как в жизни, улыбаясь, он протянул мне руку. И мне показалось по его одежде, что он прошел большой – бесконечный путь, и этот путь вел его через жестокую зиму, и нет у него крова, и странствие – его доля, и одиночество и молчание – его удел, и что за десять прошедших лет в первый раз видит он человека. Но он только смотрел на меня, и по его кроткой улыбке я догадался, что больше не мучается... <...> Душа его была беспокойная – беспокоящаяся – всегда тревожная, и вот без чувств он успокоенный – какая кротость и ясность!* (Ремизов 2002, VIII, 14). Лунный путь странника, жесткая зима, «кроткая улыбка», «кротость и ясность» – вот постоянные атрибуты сновидческого образа Блока. Из приведенных примеров понятно, что в творчестве Ремизова складывается устойчивый «блоковский текст». Он отражает рецепцию писателем блоковских мотивных сцеплений («снежных вихрей» и одинокого «странника») и авторскую рефлексию о металитературном родстве поэта с героями Достоевского, наделенными «беспокойной душой» и «кротостью».

Так, например, блоковский код пронизывает сон Корнетова, главного героя книги «Учитель музыки». Во сне Корнетов попадает на Луну, где встречает одну из безумных Лиз Достоевского с мученическим взглядом и жалкой улыбкой (Ремизов 1983, 320). *Это была Лиза – Лиза не из «Вечного мужа», с таким жаром описанная Достоевским, а ее «крестовая сестра» – Лиза из «Записок из подполья»...* (Ремизов 1983, 320), – уточняет Ремизов, иронизируя над Достоевским, любившим называть своих героев-мальчиков Колями, а героинь с душевными расстройствами – Лизаветами.

В обоих снах-встречах акцентирован агиографический мотив **успокоения**. Корнетов замечает, что Лизу «осенил» *свет успокоенного человека, нашедшего, наконец, свое место* (Ремизов 1983, 321). Вспомним, что таким же «успокоенным», с «кротким» и «ясным» лицом пригрезился сновидцу Блок. Переселенная Ремизовым на Луну героиня Достоевского не только внешней «успокоенностью» своей перекликается с образом Блока. Эта перекличка усилена тем, что героиня сна риторически вопрошает: *...разве жить без воздуха можно?* В творческом сознании Ремизова этот вопрос был прочно связан с пророческим выводом Блока о Пушкине: *Его убило отсутствие воздуха*. Слова Лизы отсылаются в подсознании ремизовского героя еще одним блоковским словом-символом – «возмездие», придавая мотиву «лунных встреч» с Блоком статус роковой неизбежности, а образу Лизы – статус блоковского зазеркального «отражения». Интересно, что в эссе Ремизова о Достоевском «Звезда-полынь» теми же эпитетами, что и Блок, маркирована другая героиня классика – Настасья Филипповна: «бесноватая, «небесная», «серебряная». С точки зрения А. Ремизова, «Настасья Филипповна одной породы с Мышкиным» (читай – Блоком), а родство определяется тем, что *одни рождаются для земли, другие для неба: у одного белый огонь, у других разожженный уголек в крови* (Ремизов 2005, 299).

Таким образом, в книге «Учитель музыки» о Блоке Ремизов совершил преломляющую «взаимонастройку» блоковских и собственных художественных и жизненных текстов сквозь «призму» героев Достоевского. В данной работе мы проанализировали металитературный диалог ремизовского alter ego с лирическим героем раннего Блока и героями-рыцарями из пьесы «Роза и Крест» на основе обоюдной привязанности художников к культурным образам Дон-Кихота и князя Мышкина.

ЛИТЕРАТУРА

- Блок А. Записные книжки: 1901–1920. М., 1965.
 Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960.
 Грачева А. М. А. М. Ремизов и древнерусская культура. М., 2002.
 Жирмунский В. М. Драма Александра Блока «Роза и Крест»: Литературные источники. Л., 1964.
 Литературное наследство. Александр Блок: Новые материалы и исследования. М., 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 63–82.
 Литературное наследство: Александр Блок: Письма к жене. М., 1978. Т. 89.
 Любимова О. «Блок и сектанство: «Песня судьбы» и «Роза и Крест» // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 1998. С. 69–90.
 Пяст В. Встречи. М., 1997.
 Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. Петербургский буерак. М., 2002.
 Ремизов А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 8. Подстриженными глазами. М., 2002.
 Ремизов А. Учитель музыки. Paris, 1983.
 Ремизов А. Огонь вещей. Сны и предсонье. СПб., 2005.
 Родина Г. М. Александр Блок и русский театр начала XX века. М., 1972.

Поступила в редакцию 23.03.11.

Наталья Леонидовна Блищ – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры русской литературы.

СУЧАСНАЯ БЕЛАРУСКАЯ ПОСТДРАМА ЯК СРОДАК АДЛЮСТРАВАННЯ КРЫЗІСНАГА СВЕТААДЧУВАННЯ ГЕРОЯЎ

Аналізуюцца актуальныя праблемы сучаснай беларускай драматургіі, а іменна новай маладой генерацыі. Выяўлена адрозненнасць мастацкіх прыёмаў постдрамы. Вызначана тэматыка і праблематыка п'ес у непасрэднай сувязі з сацыяльна-псіхалагічным станам чалавека ў пачатку XXI в.

The article is analyzed the actual problems of modern Belarusian drama, namely the new young generation. Artistic techniques of postdrama are investigated. Also the themes and the range of problems of plays in connection with social and psychological condition of the person at the beginning of the XXI century are analyzed.

Сучасная беларуская драматургія, прадстаўленая новай генерацыяй (М. Рудкоўскі, С. Гіргель, А. Курэйчык, Д. Балыка, П. Пражко, К. Сцешык і г. д.), генетычна звязана з новай еўрапейскай і рускай драмай. Тэрмін «новая драма» ўпершыню з'явіўся на мяжы XIX–XX стст. і быў звязаны з творчасцю Г. Ібсена, А. Чэхава, А. Стрындберга, Г. Гаўптмана. Драматургія У. Вампілава, А. Валодзіна, А. Арбузава, М. Рошчына – гэта ўзлёт савецкага тэатра ў 1950–1970-я г., саміх жа аўтараў назвалі «новымі драматургамі». Наступнае пакаленне – Л. Петрушэўская, С. Злотнікаў, А. Галін, У. Арро – увайшлі ў гісторыю рускай драматургіі пад назвай «новая хваля».

Заснавальнікамі англійскай новай драмы 1990-х гг. па праву лічацца англічане М. Равенхіл і С. Кэйн. У іх шакіруючых творах безвыходнасць сітуацый, жорсткасць і дэпрэсіўнасць герояў былі сканцэнтраваны і павялічаны ў некалькі разоў, каб уздзейнічаць на публіку, якую цяжка чым-небудзь уразіць. Лонданскі тэатр «Роял Корт» пры дапамозе пастаянных лабараторый і семінараў сфарміраваў тэхналогію стварэння new writing. У драматургіі з'явіўся новы накірунак – «verbatim», які абазначаў дакументальнае адлюстраванне рэчаіснасці. Узнік таксама in-your-face-theatre (дакладна – «вам у твар»), у якім рэзка крытыкавалася еўрапейскае грамадства татальнага спажывання.

Расійская драматургічная рэвалюцыя канца XX ст. вылілася ў тэндэнцыю пад назвай «новая драма». М. Угараў, М. Курачкін, В. Сігараў, К. Драгунская – няпоўны спіс аўтараў, якія адкрыта загаварылі пра табуіраваныя тэмы расійскай рэальнасці. На сцэну выйшлі маргінальныя героі з нецэнзурнай лексікай, у якой адлюстраваліся балявыя моманты злому дзвюх эпох. У тэатральнай прасторы з'явіліся Тэатр.doc, Цэнтр драматургіі і рэжысуры пад кіраўніцтвам М. Рошчына, тэатр «Практыка», фестывальны рух «Новая драма», якія займаюцца менавіта стварэннем і пастаноўкамі навішай драматургіі.

Сітуацыя ў польскай драме рэзка змянілася пасля 1989 г.: новая палітычная сітуацыя дала магчымасць пісаць аб тым, што раней не дазвалялася. К. Бізё, П. Юрэк, Я. Клята, М. Медзялеўскі, М. Валчак, П. Дэмірскі, М. Прухнеўскі і іншыя аўтары загаварылі аб капіталістычнай рэчаіснасці, аналізуючы праблемы, якія паўсталі перад грамадствам. Асаблівую ролю ў развіцці навішай драмы іграе варшаўская «Лабараторыя драмы» пад кіраўніцтвам Т. Слабадзянэка. Тут, як і ў расійскіх калег, праходзяць чыткі новых п'ес, майстар-класы, разгортваюцца дыскусіі аб сучаснай драме і тэатры з удзелам вядомых крытыкаў, а рэпертуар тэатра складаецца з імёнаў новых аўтараў.

Беларускі тэатр пасля перыяду гістарычнай п'есы, распаўсюджанай у 1990-я гг., паступова ўваходзіць у фазу хуткага рэагавання на сучаснасць: пачынае гаварыць з глядачом на востра-актуальныя тэмы, задаваць пытанні, якія маюць дачыненне да сённяшняга дня і да праблем, што ўзніклі на ўмежы стагоддзяў. Цэнтр беларускай драматургіі і рэжысуры, створаны ў 2007 г. у Рэспубліканскім тэатры беларускай драматургіі, займаецца працай з маладымі аўтарамі. Тандэмная лабараторная праца драматургаў і рэжысёраў выліваецца ў спектаклі і грамадскія абмеркаванні. Пастаноўка п'ес сучаснай беларускай драмы, правядзенне чытак, online праектаў, майстар-класаў замежных драматургаў і крытыкаў садзейнічала прыцягванню аўдыторыі да тэатральнага мастацтва. Менавіта падчас рэалізацыі праектаў Цэнтра актывізаваліся грамадскія абмеркаванні. Размова і праца з глядачом – тое, што, на жаль, сёння амаль адсутнічае ў беларускім тэатры.

У беларускай драматургіі XXI ст. аўтары маладой генерацыі імкнуцца асэнсаваць новыя рэаліі жыццёвай прасторы, зразумець хаатычнасць і плюралізм каштоўнасцей і вызначыць месца і значэнне чалавечай асобы ў гэтым. Новае пакаленне не выстаўляе рахункі мінуламу, а імкнецца адлюстраваць жыццё ва ўмовах новай рэчаіснасці, дзе свет стаў падобны да гіпермаркета, а жыццё людзей у постіндустрыяльным грамадстве ў вялікай ступені вызначаецца іх узаемаадносінамі. Ва ўмовах глабалізацыі чалавек мацней адчуў страчанае яшчэ ў XX ст. цэнтральнае становішча ў свеце, апынуўся ў віры хаосу каштоўнасцей і меркаванняў. Герой беларускай драмы новага пакалення – паняцце неадназначнае, яно выслізгае з-пад канкрэтных межаў і выразных вызначэнняў. Плюралістычны характар постмадэрнісцкага мастацтва нараджае мноства герояў і іх мастацкае раўнапраўе. Аб'ядноўвае іх, тым не менш, адчуванне крызісу чалавечага існавання. Такім чынам, у цэнтры ўвагі навішай беларускай драматургіі становіцца герой крызіснага светаадчування.

Новая хваля беларускай драмы пачалася пасля перамогі драматургаў на міжнародным конкурсе «Еўразія». А. Курэйчык у 2004 г. атрымаў трэцяе месца за п'есу «Тры Жызэлі», разам з ім спецпрыз

журы атрымаў і П. Пражко за п'есу «Серпанцін». Ужо ў 2006 г. колькасць пераможцаў значна павялічылася: М. Рудкоўскі («Ана і ананас», «Уварванне»), К. Сцешык («Сцэны з жыцця»), П. Пражко («Кэмпінг»), П. Расолька «Пачваркі»), А. Курэйчык («Светлы дом»), С. Гіргель («Масква радыяльная») увайшлі ў long-ліст гэтага конкурсу. У 2007 г. пераможцам стала Д. Балыка з п'есамі «Жыццё ўбогае» і «Гарачая кропка».

Накірунак *постдрамы* (неарыстоцэлеўскай драмы) мае дыскрэтную структуру, у якой можа не быць развіцця дзеяння, вострага канфлікту, нават выразна акрэсленых персанажаў. Ёй таксама характэрны нявызначанасць героя, наяўнасць мастацкага раўнапраў'я герояў, фрагментарнасць слаба звязаных паміж сабой сцэн, нехраналагічная прэзентацыя гісторыі і ўчынкаў персанажаў, сімультанная прастора (у адным месцы наяўнасць шмат іншых), сінхроннасць часу (учора і сёння ў той жа час). Своеасаблівы паток свядомасці аўтара можа быць замацаваны адзінствам эмацыянальнага тону або рытмам. Аб'ектыўныя крытэрыі можна вызначыць перш-наперш яе разарванай, дыскрэтнай структурай, дзе адсутнічае сістэма завязка – кульмінацыя – развязка. Героі – людзі з вострым адчуваннем крызісу, якія знаходзяцца ў крызісным стане (паміж жыццём і смерцю, на мяжы істэрыкі і суіцыду) і балюча перажываюць крызіс каштоўнасцей і ўзаемаадносін у грамадстве XXI ст.

Тэматыкай навейшай драматургіі становіцца татальная камунікацыйная раз'яднанасць, пачуццё адчужанасці, «закрытасць» асобы, нестабільнасць эмацыянальнага стану, дэпрэсія, спажывальніцтва, крызіс сям'і, гвалтаванне, няздольнасць да самаідэнтыфікацыі.

П'еса «Жыццё ўдалося» П. Пражко была пастаўлена М. Угаравым у Тэатры.doc (спектакль атрымаў «Залатую Маску» ў 2009 г.) і Э. Баяковым у тэатры «Практыка» адначасова (Расія). Героі гэтага твора не сярэднестатыстычныя, а хутчэй «усредненные» падлеткі. Поп-культура і інтэрнэт-прастора неверагодным чынам скзілі іх свядомасць, што непасрэдным чынам адлюстравана ў мове герояў. Яны размаўляюць свэрхкароткімі фразамі, якія называюць прадмет, але не пранікаюць у яго існасць. Кліпавая свядомасць стварае аднаскладовую мову, падобную хутчэй на рэкламныя слоганы, чым на прадукт рэфлексійнага мыслення. Некультурная мова перадае тупасць матэрыялізаваанай і замбіраванай свядомасці. Гісторыя чатырох маладых людзей: братоў – настаўнікаў фізкультуры і дзяўчын-школьніц прадстаўляе сабой зрэд жыцця, у якім у персанажаў няма ні думак, ні жаданняў, адны толькі фізічныя рэфлексы, якія яны спрабуюць задаволіць, мяркуючы, што менавіта гэта ім патрэбна для шчасця. Яны шчыра лічаць, што іх жыццё «ўдалося», але шчасця няма і кахання няма і фізіялогія радасці не прыносіць. Вяселле Аляксея і Алены – відавочны трагіфарс, падобны да медыйных reality show: жаніх да смерці напіваецца і засынае ў прыбіральні, а нявеста прыходзіць да высновы, што кахае яго брата. Героі крочаць па жыцці, пакутуюць ад немагчымасці ўсвядоміць саміх сябе і хаця б неяк выразіць. Драматычныя калізіі дэманструюць іх няздольнасць да стваральнага мыслення і дзеяння. Пражко паказвае жыццё «насякомых», якія не маюць волі і рэфлексіі. Бясконцыя самапаўтарэнні і паўзы сведчаць аб тым, што персанажы не могуць выразіць тое, што яны адчуваюць, у іх няма нармальнага слоў у запасе. Героі, дарэчы, не забойцы, не злодзеі, яны папросту «планктон». Рэмарка (з п'есы таго ж аўтара «Зачыненыя дзверы») «і ні аб чым не думае» падыходзіць ім больш за ўсё. Праз тры месяцы маладыя разыходзяцца, але «працягваюць разам тусавацца» – з персанажамі не адбываецца ніякіх змен і пераўтварэнняў характару, як гэта адбывалася ў класічнай драме. Тут і не могуць адбывацца змены – менавіта ў гэтым і ёсць трагізм сітуацыі.

Калі ў класічнай драме героі пакутавалі ад пачуццяў, якія ніхто не падзяляў, імкнуліся вырашыць канфлікт, змяніць жыццё ўрэшце рэшт, то персанажы постдрамы «Зачыненыя дзверы» аддаюць перавагу пустаце. Акрамя П. Пражко досыць вядомай за межамі краіны з'яўляецца і творчасць М. Рудкоўскага. Аўтар іранічна і дакладна перадае інтанацыю часу, які змяніўся, і канстатуе праблемы сучасных рэалій. «Ана з адной н» – менавіта так называла сябе гераіня п'есы «Ана і ананас», якая не жадала быць адной з соцень тысяч дзяўчат з такім жа іменем і ўлівацца ў выразна арганізаваную грамадскую сістэму. Канфлікт чалавека з соцыумам складаў і аснову «Уварвання», дзе існаванне індывіда ў штодзённасці насіла характар вайны. Персанажы п'ес М. Рудкоўскага адчуваюць трагічнасць часу і невыносную лёгкасць быцця. Яны смешныя, жорсткія і кранальныя адначасова. Героі камедыі «Усё як вы хацелі» – заложнікі сучаснай цывілізацыі. Забяспечаныя людзі сярэдняга ўзросту, якія адчуваюць дэфіцыт пачуццяў і недахоп часу на каго-небудзь яшчэ акрамя сябе любімых. Аўтар, тым не менш, не пакідае іх без надзеі на вылячэнне: трапляючы на лона прыроды, муж і жонка адчуваюць адраджэнне кахання і спачування адзін да аднаго. Прыватная гісторыя робіцца ўніверсальным абагульненнем.

Камедыя «Дажджы да прэм'еры» – гэта разумная іронія аб шырока распаўсюджаных памятных датах, карцінка цывілізацыі, якая змянілася і ў якой немагчыма паяднаць сувязь часоў. Сучасны чалавек не хоча і не можа цягнуць на сабе груз ваеннага мінулага сваіх продкаў. Актрыса Вера рыхтуецца да «ваеннай» прэм'еры ў сваім тэатры і прагне ў поўнай меры адчуць і пражыць выпрабаванні сваёй гераіні-партызанкі. Яна аддае дарагія касцюмы мужа-бізнесмена за два акрайцы хлеба, якія і падае яму на вярэру. Сваю баявую сяброўку яна прымушае адмовіцца ад салярыя і салонаў

прыгажосці. Тая, канешне, напачатку адмаўляецца, але потым і сама пранікаецца гэтымі «ахвярнымі ідэямі». Парадаксальная сітуацыя тут даведзена да абсурду. Феерычная іронія драматурга здымае налёт сур'эзнасці, але не адмяняе глыбіні праблем. Маўляў, вайна насамрэч не скончылася, яна проста існуе ў іншых формах. П'еса «Паляванне на суніцы» гаворыць аб нашай усеагульнай разгубленасці перад жыццём, аб нашым жаданні быць кім заўгодна, толькі не сабой, аб адзіноце і спажывальніцкіх стасунках адзін да аднаго ўрэшце рэшт. Каханне тут не тое, што немагчымае, але яно прадстаўляе для герояў небяспеку. Менавіта таму героя Сяргея на працягу ўсёй п'есы жанчыны актыўна эксплуатауюць, што нараджае шмат кур'эзных момантаў і сведчыць аб крызісе мужчынскай свядомасці. Такім чынам, М. Рудкоўскі стварае прастору складанага канфлікту. Яго героі ваююць самі з сабою і сутыкаюцца адзін з адным. Яны з'яўляюцца своеасаблівым адлюстраваннем сацыяльных няўдач і псіхічнага расстройтва сучаснага грамадства. Аўтар стварае вобраз свету ў перакручаным стане, хаця п'есы пры гэтым не характарызуюцца пачуццём безвыходнасці.

Новыя п'есы маладых аўтараў не маюць пазітыўнага «паслання», у іх няма веры і аптымізму, што зло мусіць быць пакарана добром, няма маралі, традыцыйных каштоўнасцей. Сям'я, напрыклад, не з'яўляецца больш апорай: або яе ўвогуле няма, або яна з'яўляецца крыніцай болю і фрустрацыі. Адзінокія людзі ствараюць рознага кшталту ўзаемаадносін, мімалётныя і пазбаўленыя сапраўдных пачуццяў. Праблема «зачыненасці» чалавека і раз'яднанасці людзей у XXI ст. ставіцца востра і праходзіць чырвонай ніткай праз усю драму новага часу. Аўтары паказваюць чалавека, які пазбавіўся ілюзій аб прыродзе ўласнай натуры, аб магчымасці змянення жыцця. П'есы пра чалавека, маленькага, звычайнага чалавека, таго, на якім закончылася новая драматургія XX ст. – драматургія А. Чэхава і М. Горкага, – менавіта з гэтай кропкі пачынаецца навейшая драма XXI ст. Адбываецца вяртанне да праблемы асобы, якая пакутуе ад камунікацыйнай раз'яднанасці, гвалту, татальнай адзіноты, дэпрэсіўнасці, суіцыдальных здзяйсненняў.

У К. Сцешыка, які напісаў каля 20 твораў, значнае месца займае тэма ўнутранай адзіноты і пустаты, нежаданне сучаснага чалавека ўзаемадзейнічаць з навакольным светам, страх перад рэальным жыццём. Вобраз персанажа, які ствараецца ў драме, – бяздзейсны герой. «Назіраецца разбурэнне стэрэатыпаў героя, што былі сфарміраваны традыцыяй XIX і XX стагоддзяў; на змену яму прыходзіць з'рыстычны герой, які характарызуецца адсутнасцю ў ім сэнсавай вызначанасці “дрэнны-добры”. Такі персанаж ускладніў свой “малюнак”, як псіхалагічны, так і жанравы. Яго псіхалогію адлюстроўвае рэфлексія пачуццяў, ён больш гаворыць і разважае, чым дзейнічае» (Хрестоматія 2002, 7). Тэма непаразумення і адчужанасці робіцца рухавіком сюжэта. Пошук, патрэбнасць і немагчымасць шчасця пры катастрофічнай раз'яднанасці персанажаў робіцца канфліктам большасці п'ес. П'еса «Мужчына, жанчына, пісталет» удзельнічала ў шматлікіх чытках, як у Беларусі, так і за мяжой, атрымвала розныя сцэнічныя інтэрпрэтацыі і стала ўжо знакавай для ўсёй навейшай беларускай драматургіі. У п'есе два персанажы – Ён і Яна. Героі сустракаюцца пасля чатырохгадовай разлукі. Ён, як аказваецца, ні слова не гаворачы, пакінуў Яе адну ў парку і знік на чатыры гады. Прычынай такога ўчынку стаў унутраны канфлікт героя з самім сабой. «Мне пуста, усюды пуста», – спрабуе растлумачыць свой стан герой. Калі ж гераіня прапануе яму пачаць нармальнае сумеснае жыццё, Ён гаворыць аб немагчымасці быць разам: «Разам немагчыма! Усё роўна паасобку атрымаецца. Людзі не могуць быць разам, разумеш? Гэта татальная адзінота, абсалютная! Назаўсёды!» Расчараваны герой не верыць у магчымасць чалавечага яднання і шчасця, бо ў кожнага свая сістэма каардынат. Не знаходзячы выйсця з унутранага лабірынта, Ён дастае пісталет і страляе сабе ў галаву – заканчвае жыццё самагубствам, так, як і гераіня знакавай англійскай п'есы «Псіхоз 4.40» С. Кейн, што таксама пакутавала ад унутранай пустаты. Духовная дэградацыя прыводзіць герояў да крайнасцей як у пачуццях, так і ва ўчынках. У хуткім кругавароце жыццёвых падзей героі спрабуюць адшукаць нейкі ўнутраны стрыжань, толькі жыццёвыя пазлы не складаюцца ў гарманічную мазаіку.

Навейшая драматургія адлюстроўвае крызісны стан чалавечай свядомасці і ўзаемаадносін, стварае вобраз свету, у якім плюралістычная ісціна прыводзіць герояў да светаўспрымальніцкага тупіка, канстатуе крызіс гуманнасці ў грамадстве XXI ст. Такім чынам, прааналізаваныя п'есы з'явіліся цалкам новым і адметным словам у драматургічным мастацтве, але разам з тым яны, безумоўна, садзейнічаюць моўнаму і тэматычнаму абнаўленню.

ЛІТАРАТУРА

Хрестоматія по современной русской драматургии (конец XX – начало XXI века): Учеб. пособие. Мн., 2002.

Паступіў у рэдакцыю 16.05.11.

Крысціна Рычардаўна Смольская – аспірантка кафедры гісторыі і тэорыі мастацтваў БДАМ. Навуковы кіраўнік – член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар філалагічных навук, прафесар С.С. Лаўшук.

О.А. ВЕЛЮГО

ДИСКУРС ЛЮБВИ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ПРОЗЕ (ДЖ. БАРНС, Д. ЛОДЖ, И. МАКЬЮЭН, А. ДЕ БОТТОН, ДЖ. УИНТЕРСОН)

Рассматриваются особенности любовного дискурса в английской художественной прозе конца XX в. Предпринята попытка показать, какие черты постмодернистской эстетики воплощаются в современном дискурсе любви и каким образом они конкретизируются в произведениях. Используются теоретические работы Р. Барта, Ю. Кристевой и У. Эко. Особое внимание уделено соответствию реальности и языкового выражения.

In the given article we analyze the peculiarities of love discourse in the British prose at the close of the 20-th century. The aim is to reveal the characteristic features of postmodern aesthetics reflected in the contemporary love discourse and the way they are actualized. We address theoretical studies by R. Barthes, J. Kristeva and U. Eco. Of our special interest is the problem of language correspondence to the reality.

Начало литературоведческому исследованию любовного дискурса было положено Роланом Бартом и его последовательницей Юлией Кристевой; что касается отечественной науки, здесь данное направление активно разрабатывается в русле лингвистики (Т. Ренц, М. Ползунова, Е. Матвеева), а также культурологии и философии (Е. Шапинская, А. Грякалов, А. Руденко). Многие из диссертационных исследований названных авторов выполнены на материале художественной литературы (кандидатские диссертации М. Ползуновой (2008) и Е. Матвеевой (2010), докторская диссертация Е. Шапинской (2002)), однако сугубо литературоведческие исследования до сих пор не приобрели систематического характера. В связи с этим представляется необходимым начать с определения термина. Под дискурсом любви мы имеем в виду в узком смысле развертывание речи влюбленного (в понимании Р. Барта) с позиции персонажей или автора, в том числе внутренней. В широком смысле дискурс любви – это художественное произведение, в котором любовный дискурс персонажей и/или автора релевантен для понимания идейного содержания.

К концу XX в. в Великобритании сформировался целый пласт произведений, в которых актуализируется любовный дискурс нового типа. К числу наиболее известных писателей-романистов, которые внесли вклад в этот процесс, относятся Дж. Барнс, Д. Лодж, А. Картер, И. Макьюэн, Д. Лессинг, А. Байетт, а также многие менее известные русскоязычному читателю английские прозаики, такие как Г. Адэр, П. Бэйли, А. де Боттон, Л. Гринлоу, Т. Хилл, Дж. Уинтерсон и др. Здесь мы охарактеризуем основные особенности современного любовного дискурса на примере романов «Думают...» (*Thinks...*) Дэвида Лоджа (2001), «Как все было» (*Talking It Over*) Джулиана Барнса (1991), «Письмена на теле» (*Written on the Body*) Джанет Уинтерсон (1992), «Невыносимая любовь» (*Enduring Love*) Иэна Макьюэна (1997), «Интимные подробности» (*Kiss and Tell*) Алена де Боттона (1995). Наш выбор обусловлен не только репрезентативностью любовного дискурса в этих произведениях, но и тем, что их авторы уже зарекомендовали себя (Дж. Барнс и И. Макьюэн удостоены Букеровской премии (2011 и 1998)), их творчество стало объектом литературоведческих исследований, а произведения экранизируются и переводятся, в том числе на русский язык.

Указанные произведения нельзя назвать исключительно постмодернистскими, но они заимствовали многие черты философии и эстетики постмодернизма, проявляющиеся на уровне содержания и/или формы, что и обусловило специфику современного дискурса любви. По мнению К. Белси, любовь в эпоху постмодерна молчит, осознавая свою банальность, но при этом дискурс любви не прекращается, фраза *Я люблю тебя* стала клише (см. Belsey 1994, 74). Р. Барт, например, справедливо отмечает: «По телевизору каждый второй вечер говорят “Я люблю тебя”» (Барт 1999, 419). В связи с этим К. Белси ставит вопрос: мы стремимся к уникальности, но возможно ли выразить собственный исключительный опыт, повторяя эту изношенную фразу, пустой перформатив, который не передает нюансов? (см. Belsey 1994, 75). Это сомнение в способности признания донести свой истинный смысл явилось следствием всеобщего растущего недоверия к языку, которое в эпоху постмодерна охватило не только лингвистику, но и философию, культурологию, психоанализ.

Ю. Кристева утверждает, что речь влюбленного метафорична, т. е. литературна: «The language of love is... a flight of metaphors – it is literature» (Kristeva 1987, 1). Именно метафоричный объект любви придает поэтичность любовному дискурсу (Там же, 30). Она объясняет это тем, что точность референции и значения размывается в любовном дискурсе вследствие неясности самого объекта, т. е. любви. Ю. Кристева задается вопросом: о чем говорят влюбленные, когда признаются в любви? Они говорят не об одном и том же, поскольку никогда не уверены в том, как воспринимаются их слова и какой именно смысл вкладывает в любовное признание другой. Это означает, что в любовном дискурсе определенность смысла, а значит, и референтная и коммуникативная способности языка вообще ставятся под сомнение. Любовь предельно индивидуальна, таким образом, ее нельзя выразить, а значит, она всегда одинока (см. Kristeva 1987, 2–3). Соответственно любовь становится частью невысказанного.

Само признание в любви стало восприниматься в эпоху постмодерна как цитата. Так, в романе Дж. Уинтерсон «Письмена на теле» рассказчик говорит: *Почему так происходит, что самая неори-*

гинальная вещь на свете, которую мы говорим друг другу, все еще остается тем, что мы страстно желаем слышать? «Я люблю тебя» – это всегда цитата (Винтерсон 2002). За этими простыми словами – Я люблю тебя – скрывается вся история человеческой культуры, которую стало невозможно игнорировать. В связи с этим вспомним слова У. Эко: «Постмодернистская позиция напоминает мне положение человека, влюбленного в очень образованную женщину. Он понимает, что не может сказать ей “люблю тебя безумно”, потому что понимает, что она понимает (а она понимает, что он понимает), что подобные фразы – прерогатива Лиалы. Однако выход есть. Он должен сказать “По выражению Лиалы – люблю тебя безумно”. При этом он избегает деланной простоты...; и тем не менее он доводит до ее сведения то, что собирался довести, – то есть что он любит ее, но что его любовь живет в эпоху утраченной простоты» (Эко 2007, 77). И так, мы видим, что крупные теоретики постмодернизма – Р. Барт, Ю. Кристева, У. Эко сходятся во мнении: любовный дискурс нового типа не видит возможности создать нечто принципиально новое, оригинальное, поэтому вынужден в бесчисленных вариациях использовать уже существующие тексты. Это восприятие характерно для мироощущения постмодерна в целом. Так, главный герой романа «Невыносимая любовь» Джо говорит о своей глубокой внутренней драме: *...all the ideas I deal in are other people's* ‘все идеи, которыми я торгую, принадлежат другим’ (McEwan 1998, 75).

Это означает, что на смену модернистскому восприятию приходит «ироничное переосмысление» (Шапинская 1997, 331) предыдущих дискурсов любви. Авторы включают в свои произведения различные традиционные модели, сюжеты, мотивы, которые присутствуют в текстах в виде постмодернистских приемов – коллажа, цитаты, аллюзии или пасташи (Там же, 326), создавая тем самым интертекстуальное пространство. Например, Д. Лодж применяет пасташи, инкорпорируя в романе «Думают...» тексты-стилизации, написанные студентами главной героини. Фрагментарность усиливается посредством введения писем (как и в романах «Невыносимая любовь» И. Макьюэна, «Метроленд» Дж. Барнса). Роман «Интимные подробности» А. де Боттона представляет собой фрагментированную биографию: на основе разрозненных компонентов читателю предлагается самому выстроить целостную картину жизни героини и ее взаимоотношений с рассказчиком, при этом фрагментарность дополнительно выражается в виде таблиц, рисунков, карикатур и схем. По Кристевой, фрагментарность также создается введением размышлений (см. Кристева 1994, 105), а для современного любовного дискурса по-прежнему характерна высокая степень рефлексии. Кристева называет подобную фрагментарность «бессвязностью», которая в современном любовном дискурсе сочетается с «непристойностью» (Там же), создаваемой эротическими сценами, но чаще интимными подробностями. Отметим, что сексуальность, долгое время существовавшая за границами легитимного дискурса, попадает в поле дискурсивности: воспоминания героев о сексуальном опыте облекаются в слова и записываются. Так, главный герой романа «Думают...» использует вульгарные выражения, как правило, глаголы, например: *I've stopped screwing other women* (груб.) ‘Я перестал *трахать* других женщин’; *We started to snog once at a party* (разг.) ‘Однажды на вечеринке мы стали *зажиматься*’; *...you went upstairs with me to your bedroom and very pleasantly fucked?* (груб., неценз.) ‘...ты бы пошла со мной наверх в спальню и очень приятно *трахнулась*’* (Lodge 2002, 3, 173, 174) и т. д. Эта черта характерна и для произведений Дж. Барнса, А. де Боттона, Дж. Уинтерсона и др.: авторы упоминают табуированные физиологические подробности, как правило, в диалогах и внутренних монологах.

Фрагментация и цитирование создают эффект иронии (которая лишь усугубляется введением интимных деталей и эротических сцен). Е. Шапинская делает отсюда вывод: постмодернистский дискурс любви – это «поле существования всех итерабильных моделей, но с признанием их “вторичности”, заимствованности» (Шапинская 1997, 331). Например, роман Дж. Уинтерсона «Письмена на теле» характеризуется интертекстуальностью. Пытаясь создать собственный, уникальный дискурс любви, рассказчик при своем нежелании использовать клише (*It's the clichés that cause the trouble. A precise emotion seeks a precise expression* (Winterson 1993, 10, 71)) вынужден к ним обращаться, и мы обнаруживаем множество аллюзий на Песню Песней, на лирику Джона Донна. Используются библейские мотивы: *Ты пристально смотришь на меня. Как, наверное, когда-то Бог смотрел на Адама. ...Мне хочется уйти и прикрыть себя фиговыми листьями* (Винтерсон 2002). Кроме того, в романе присутствуют прямые отсылки к «Буре» У. Шекспира, «Алисе в стране чудес» Л. Кэрролла, «Джейн Эйр» Ш. Бронте, «Мадам Бовари» Г. Флобера и «Анне Каренине» Л. Толстого и др. Интертекстуальность реализуется не только на уровне образных средств, но и на уровне фабулы: используется вечный сюжет (встреча – непреодолимое препятствие – разлука – воссоединение), но финал остается открытым. Имя и даже пол рассказчика остаются для читателя загадкой, анонимность в этом тексте достигает предела.

В романе Дж. Барнса «Как все было» и его продолжении «Любовь и так далее» (Love, etc., 2000) также используется вечный сюжет – традиционный любовный треугольник, который получает здесь

* Здесь и далее перевод данного иностранного источника наш. – О. В.

новое толкование. Цитация выражается в том, что персонажи высказывают любовь и желание с помощью цитат. Страдающий Стюарт цитирует слова из песни Пэтси Кляйн (см. Barnes 1992, 155, 166), Джилиан говорит просто: *I feel lost* 'Я потерялась'. И добавляет, моментально превращая свои слова в клише и цитату: *Lost and found* 'Потерялась и нашлась' (Там же, 139). Речь Оливера, интеллектуала и денди, пестрит аллюзиями и цитатами. Все это создает эффект анонимности (см. Belsey 1994, 81). Читатель задается вопросом, чей именно голос он слышит, и не всегда может отличить подлинник от копии. Все это является типичным для постмодернистского дискурса способом подвергнуть иронии традиционные установки и утвердить плюрализм мнений.

Эта специфика современного любовного дискурса проистекает из того факта, что любовь является «дискурсообразующ[им] фактор[ом]» (Матвеева 2010, 4), а в эпоху постмодерна интерес к языку становится определяющим. Так, Ю. Кристева приравнивает любовь к слову (см. Kristeva 1987, 6). Несомненно, Оливер хочет добиться Джилиан, потому что она принадлежит его другу Стюарту. Однако, считает К. Белси, еще одна причина его любви заключается в том, что дискурс любви («talking it over») имеет долгую традицию, уходящую корнями в прошлое – к поэтам времен Елизаветы, которые уже имели представление о цитатном характере любовного дискурса, когда обращались к произведениям Петрарки, Овидия, Катулла и Теокрита (см. Belsey 1994, 81)¹. Отсюда можно сделать вывод: чтобы высказать свою любовь, необходимо воспользоваться уже разработанным другими языком любви – язык подчиняет себе субъекта.

Дискурсивный характер любви, связь чувства и слова отчетливо просматриваются в романе Дж. Уинтерсон, где эта мысль, как и у Дж. Барнса, занимает ключевую позицию текста – название – и далее расшифровывается в тексте: *Подушечки твоих пальцев превратились в литеры, ты впечатала свое послание в мою кожу, впечатала смысл в мое тело. Твоя азбука морзе совпадает с биением моего сердца. ...Письмена на теле – это секретный код, видимый только при определенном освещении. ...Я люблю хранить свое тело свернутым, вдали от любопытных глаз. Никогда не разворачивая его настолько, чтобы можно было прочесть весь рассказ. Откуда мне было знать, что Луиза читает руками. Она перевела меня с моего языка и создала свою собственную книгу* (Винтерсон 2002). Однако эта метафора остается многозначной, оставляя возможность для множества интерпретаций. Весь роман представляет собой любовный дискурс – непрерывное высказывание любви, которое одновременно является и рефлексией, размышлением о любви, что типично для любовного дискурса.

Роман А. де Боттона «Интимные подробности» в оригинале называется *Kiss and Tell*, что означает «книга, статья, интервью, повествующие о любовной связи со знаменитостью» (ABBYY Lingvo). Но это название также прямо говорит о связи любви и дискурса. Характерно, что в эпоху постмодерна в связи с интересом к языку в отношении к реальности рефлексия все больше распространяется не только на феномен любви как таковой, но и на область любовного дискурса: дискурс любви часто превращается в метадискурс. Так, А. де Боттон обращает особое внимание на популярность любовных историй: *Хотя в мире существует только пять сюжетов любовных историй, мы охотно внимаем их бесчисленным вариациям* (де Боттон 2005, 150). Дж. Барнс в романе «Метроленд» поднимает еще один вопрос – сложность выражения чувств, границы между любовью и нелюбовью: *Самый простой ответ: ты знаешь, когда ты влюблен, потому что, когда ты влюблен, у тебя нет сомнений, любишь ты или нет... Но вот в чем загвоздка: когда ты пытаешься описать состояние влюбленности, ты неизбежно впадаешь либо в тавтологию, либо в метафору. Когда ты влюблен, у тебя ощущение, как будто ты сейчас взлетишь... Или тебе просто кажется, что именно так должен чувствовать себя человек, который сейчас взлетит? Или ты убеждаешь себя, что ты должен чувствовать себя так, как будто сейчас взлетишь? Неуверенность не означает отсутствия чувств – она означает только, что ты сомневаешься насчет терминологии... Мне кажется, выбор слов так или иначе определяет чувства... Назвать – значит наполовину сделать* (Барнс 2004, 637–638). Здесь, во-первых, эстетически воплощается постмодернистское сомнение в способности языка адекватно отражать реальность, а во-вторых, прослеживается мысль Р. Барта о том, что признание в любви – это перформатив (см. Барт 1999).

Саморефлексия, размышление о природе любви обнаруживаются в романе И. Макьюэна «Невыносимая любовь». В текст вкрапляются любовные письма Джеда, страдающего психическим отклонением (синдром Клерамбо) юноши, влюбленного в главного героя. Бросается в глаза, что точно такие же письма могла бы писать женщина, мучимая безответной любовью: *When are you going to leave me alone? You've got me. I can't do anything* 'Когда ты оставишь меня в покое? Ты меня достал. Ничего не могу поделать'; *Dear Joe, I feel happiness running through me like an electrical current. I close my eyes and see you...* 'Дорогой Джо, ощущаю счастье в себе подобно электрическому току. Закрываю глаза и

¹ Без сомнения, эту традицию можно проследить и в еще более отдаленном прошлом – в эпоху Средневековья и Проторенессанса (например, в творчестве Дж. Чосера и Дж. Гауэра).

вижу тебя...»; *I can feel your presence all around me* 'Я чувствую твое присутствие вокруг' (McEwan 1998, 91, 93, 95). Это типичное для влюбленного ощущение счастья, которое сменяется приступами отчаяния; необязательно страдать синдромом Клерамбо, чтобы испытывать подобные чувства. Не случайно ситуация, заложником которой оказался Джо, абсурдна в своей безвыходности: никто не верит в то, что Джек болен и опасен, а сам Джо неповинен в том, как стали развиваться события. Здесь, как и в романе Дж. Уинтерсон, уделяется внимание гендеру и маргинальным слоям населения (душевнобольные; гомосексуалисты): мужчины и женщины, «нормальные» и «ненормальные» практикуют весьма близкие типы дискурсов, различия между которыми стираются. Эту черту современного любовного дискурса Е. Шапинская назвала «деконструкцией бинарных оппозиций "субъект-объект"», имея в виду внимание к областям, которые носили подчиненно-объектный статус или были вытеснены за пределы легитимности (см. Шапинская 1997, 328).

Следуя постмодернистской ориентации на плюрализм, современные авторы предлагают читателю самому делать выводы. Поэтому они зачастую обращаются к форме повествования от первого лица, предоставляя слово влюбленным, подобно Р. Барту (см. Барт 1999). По такому принципу построены художественные произведения, к которым мы обращаемся. Так, «Невыносимая любовь» и «Письмена на теле» – исповеди рассказчиков, а «Интимные подробности» – постмодернистская пародия на биографию, написанная от лица «биографа», который часто высказывается по поводу самого процесса написания биографии, превращая текст в метатекст, дискурс – в метадискурс. Что касается романа «Думают...», то он представляет собой противопоставление дискурсов главных героев: дневник Хэлен, писательницы, и поток сознания Ральфа, ученого-когнитивиста, записываемый на диктофон. Женская и мужская точки зрения на одни и те же события иногда прерываются повествованием от третьего лица, в котором рассказчик как личность предельно элиминируется, оставив за собой лишь функцию механической передачи фактов и диалогов. Поскольку мысли героев постоянно обращаются к любовным переживаниям, их дискурсы – это дискурсы любви.

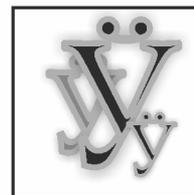
Итак, своеобразие современного любовного дискурса обусловлено вниманием к взаимоотношениям между реальностью и ее дискурсивным отражением. Это своеобразие состоит, с одной стороны, в актуализации особенностей, почерпнутых из постмодернистской эстетики: 1) цитация, 2) фрагментарность, 3) ирония, 4) анонимность, 5) метадискурсивность, 6) включение дискурса сексуальности, 7) внимание к гендерным и маргинальным дискурсам, 8) ориентация на плюрализм. С другой стороны, имеет место продолжение традиции любовного дискурса, что выражается, например, в рефлексии персонажей.

ЛИТЕРАТУРА

- Барнс Дж. Как все было, Любовь и так далее, Метроленд. М., 2004.
 Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. М., 1999.
 Винтерсон Дж. Письмена на теле [Электронный ресурс] / Пер. Д. Огановой. 2002. Режим доступа: <http://lib.ru/INPROZ/WINTERSON/dnevnik.txt>
 де Боттон А. Интимные подробности. М., 2005.
 Кристева Ю. Дискурс любви // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины 20 в. СПб., 1994. С. 101–109.
 Матвеева Е. И. Ситуация признания в любви и ее дискурсивная реализация в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2010.
 Шапинская Е. Н. Дискурс любви: любовь как социальное отношение и ее репрезентация в литературном дискурсе. М., 1997.
 Эко У. Заметки на полях «Имени розы». СПб., 2007.
 ABBYY Lingvo [Electronic source]. Access mode: <http://lingvo.abbyyonline.com>
 Barnes J. Talking it Over. New York, 1992.
 Belsey C. Desire: Love stories in Western Culture. Cambridge, 1994.
 Kristeva J. Tales of Love. New York, 1987.
 Lodge D. Thinks... UK, 2002.
 McEwan I. Enduring love. Surrey, 1998.
 Winteron J. Written on the Body. New York, 1993.

Поступила в редакцию 24.02.11.

Ольга Александровна Велюго – аспирантка кафедры зарубежной литературы МГЛУ. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы МГЛУ М.С. Рогачевская.

Г.І. КУЛЕШ

ДА ПЫТАННЯ АБ АДЭКВАТНАСЦІ ПЕРАДАЧЫ НЕКАТОРЫХ ПРАВАВЫХ ПАНЯЦЦЯЎ НА БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

На матэрыяле законодательных текстов и словарей специальной и общеупотребительной лексики прослеживается становление терминов для передачи на белорусском языке понятия 'состояние, при котором физическое лицо не могло сознавать значение своих действий или руководить ими вследствие психического расстройства или слабоумия'.

The establishment of transmission in the Belarusian language the concept of 'state in which an individual could not recognize the significance of his actions or control them due to his mental illness or dementia' is traced on the material of law texts and dictionaries and on the basis of special and current vocabulary.

Для абазначэння паняцця 'стан, пры якім фізічная асоба не можа ўсведамляць фактычны характар і супрацьпраўнасць свайго дзеяння, кіраваць ім у выніку хранічнай або часовай псіхічнай хваробы ці слабага розуму', што дае падставы такую асобу вызваліць ад юрыдычнай адказнасці, у беларускіх заканадаўчых тэкстах на працягу ХХ ст. выкарыстоўваліся разнастайныя тэрміны: *непрытомнасць, поўная адсутнасць памяці, бессвядомасць, неўмяняльнасць*.

Мэта нашага даследавання – прасачыць станаўленне тэрмінаў для перадачы апісанага вышэй і звязаных з ім прававых паняццяў, прааналізаваць іх семантычную адпаведнасць, паспрабаваць даць практычныя рэкамендацыі па ўдасканаленні плана выяўлення неадпаведных, на наш погляд, ужываных варыянтаў.

Крыніцамі лінгвістычнага матэрыялу паслужылі тэксты розных рэдакцый крымінальнага, крымінальна-працэсуальнага кодэксаў, кодэкса аб адміністрацыйных правапарушэннях, а таксама слоўнікі юрыдычнай і агульнаўжывальнай лексікі, выдадзеныя ў розныя гады.

Каб ацаніць адэкватнасць тэрміна адпаведнаму паняццю, неабходна дакладна ўспрымаць гэтае паняцце. У нашым выпадку – уяўляць, па якіх крытэрыях вызначаецца акрэслены вышэй стан. Для вылучэння гэтых крытэрыяў лагічна звярнуцца да азначэння, дадзенага ў заканадаўчых тэкстах і ў юрыдычным энцыклапедычным слоўніку.

Параўнанне фармулёвак у тэкстах розных гадоў паказвае, як з цягам часу яны карэктываліся, скрупулёзна дэталізаваліся. У КК-28, а таксама ў КК-40 і КК-57, выдадзеных у рэдакцыі КК-28, запісана: *Меры сацыяльнай абароны судова-папраўчага характару не ўжываюцца да асоб, што ўчынілі злачынства ў стане хранічнай псіхічнай хваробы або часовага парушэння псіхічнай дзейнасці, або ў такім хваравітым стане, калі яны не маглі разумець сваіх дзеянняў ці кіраваць імі* (КК-28, 13). У КК-61 у апісанне ўносіцца істотнае ўдакладненне: *Не нясе крымінальнай адказнасці асоба, якая ў час учынення грамадска небяспечнага дзеяння... не магла ўсведамляць сваіх дзеянняў або кіраваць імі з прычыны хранічнай псіхічнай хваробы, часовага расстройтва псіхічнай дзейнасці, прыдуркаватасці або іншага хваравітага стану* (КК-61, 11).

У выніку на першае месца выносіцца аргументацыя вызвалення ад крымінальнай адказнасці: *асоба не магла ўсведамляць сваіх дзеянняў або кіраваць імі*. І толькі пасля гэтага тлумачацца магчымыя прычыны такога стану: 1) *хранічная псіхічная хвароба*; 2) *часовае расстройтва псіхічнай дзейнасці*; 3) *прыдуркаватасць*; 4) *іншы хваравіты стан*. А УК-99 канкрэтызуе апошнюю прычыну: *інога болезненнаго состояния психики* (УК-99, 28).

* Звяртае на сябе ўвагу некарэктнасць у тэксце закона слова *прыдуркаватасць*. Яно не мела значнага пашырэння ў заканадаўчых тэкстах. Часцей за ўсё як адпаведнік рускаму *слабоумие* выкарыстоўваўся двухкампанентны тэрмін *слабы розум* (КЗаШС-27, 99; КаАП-85, 19).

З заканадаўчай фармулёўкі вынікае, што асоба не ацэньвала свае дзеянні як супрацьпраўныя ці не магла кіраваць імі ў выніку менавіта псіхічнага або ментальнага (інтэлектуальнага) расстройства.

Прасочым, наколькі адэкватна ўжываныя на працягу новай гісторыі беларускага заканадаўства тэрміны перадавалі адпаведнае паняцце. Паколькі ў заканадаўстве, акрамя стану, пры якім асоба не можа ўсведамляць характар і супрацьпраўнасць свайго дзеяння і кіраваць ім, улічваецца таксама і стан, пры якім асоба можа ўсведамляць свае дзеянні і кіраваць імі, звернем увагу і на ўжыванне тэрмінаў-антонімаў для называння супрацьпастаўленых паняццяў.

Тэрмін *непрытомнасць* і аднакаранёвыя ўтварэнні зафіксаваны ў лексікаграфічных крыніцах 1920–1930-х гг.: *невменяемость – непридуманность* (РБС-24, 21; РБС-26, 81; БНТ-10, 37; РБС-37, 206), *невменяемый – непридумны* (РБС-26, 81; РБС-37, 206), *вменяемость – прытомнасць* (РБС-24, 26; РБС-26, 21; БНТ-10, 18), *вменяемый – прытомны* (РБС-26, 21; БНТ-10, 18). Выключэнне складае ПС-35, які прапануе транслітараваны варыянт: *вменяемость – умяняемасць* (ПС-35, 37).

РБС-28, які вызначаецца адлюстраваннем «велізарнага сінанімічнага багацця беларускай літаратурнай мовы» (Крамко 1967, 208), акрамя *непрытомнасць* і *непрытомны*, прапануе варыянты *неасуднасць* і *неасудны* (РБС-28, 270).

Цікава, што апошнія два тэрміны выкарыстоўваюцца ва ўкраінскай мове: *Не підлягає адміністративній відповідальності особа, яка під час вчинення протиправної дії чи бездіяльності була в стані неосудності, тобто не могла усвідомлювати свої дії або керувати ними внаслідок хронічної душевної хвороби, тимчасового розладу душевної діяльності, слабоумства чи іншого хворобливого стану* (КУПАП-84, 20). Калі ўлічыць, што ўкраінская юрыдычная тэрміналогія сфарміравалася раней за беларускую, яшчэ ў дакастрычніцкі перыяд (гл. Жовтобрюх 1969, 95), выдатным пацвярджэннем чаго з'яўляецца выдадзены ў 1926 г. Украінскай акадэміяй навук грунтоўны «Російсько-український словник правничої мови», які змяшчаў звыш 67 000 слоў (гл. Гуткоўскі 1927, 90), то можна меркаваць пра выкарыстанне ўкладальнікамі РБС-28 лексікаграфічнага вопыту суседзяў.

Першая фіксацыя тэрмінаў *(не)прытомнасць*, *(не)прытомны стан* у заканадаўчых тэкстах акрэсленага перыяду адзначана ў КПК-32: *У тых выпадках, калі ў час дасудовага і судовага сьледства ўзьнікла пытаньне аб прытомнасці падсуднага, суд... павінен пры вынясенні прысуду паставіць на сваё вырашэнне пытаньне аб прытомнасці падсуднага...* (КПК-32, 321); *Калі судом будзе прызнана, што падсудны ў час учынення прыпісваемага яму дзеяння знаходзіўся ў **непрытомным стане**, то суд выносіць азначэнне аб спыненні справы...* (КПК-32, 322).

Спецыяльнае, крымінальна-прававое, значэнне названым тэрмінам нададзена на аснове агульналітаратурнага. У агульным жа ўжытку, паводле ТСБМ, *прытомнасць* – гэта стан, у якім чалавек здольны ўспрымаць навакольны свет (ТСБМ, IV, 487). Як адзначаецца ў слоўніку, гэта слова звычайна выкарыстоўваецца ў словазлучэннях нахштальт *страціць прытомнасць*, *прывесці да прытомнасці*, *прыйсці да прытомнасці*. Такое азначэнне ўказвае перш за ўсё на фізічныя магчымасці асобы: чуць, бачыць, рухацца. З улікам гэтага можа выклікаць непаразуменне наступная фармулёўка: *Калі судом будзе прызнана, што падсудны ў час учынення прыпісваемага яму дзеяння знаходзіўся ў **непрытомным стане**, то суд выносіць азначэнне аб спыненні справы...* (КПК-32, 322). Будучы фізічна бездапаможным, ці магчыма ўчыніць злачынства?

Фіксуючы назоўнік *прытомнасць* як монасемантычны, ТСБМ для яго антоніма прыводзіць два значэнні: *непрытомнасць* – 1. Страта прытомнасці, выкліканая хваравітым станам або ўзрушэннем. 2. Крайняя ступень узрушэння, пры якой траціцца здольнасць валодаць сабой (ТСБМ, III, 387). Аднак нават калі ўлічваць другое значэнне, тэрмін *непрытомнасць* не перадае ў поўным аб'ёме адпаведнае паняцце: крайняя ступень узрушэння можа назірацца і ў псіхічна здаровага, разумова паўнаватраснага чалавека.

У 1950-я гг. робяцца спробы падабраць для перадачы спецыяльнага значэння асобны тэрмін, які б не супадаў з агульналітаратурным словам. У якасці адпаведніка рускаму *невменяемость* слоўнікі, у прыватнасці РБС-53, прапануюць у залежнасці ад значэння такія беларускія эквіваленты: *поўная адсутнасць памяці*; (беспамятство) *непрытомнасць*, *бессвядомасць* (РБС-53, 299). Ілюстрацыйны матэрыял слоўніка паказвае, што першы з іх мае юрыдычнае значэнне (*экспертыза установіла невменяемость обвиняемого – экспертыза ўстанавіла поўную адсутнасць памяці ў абвінавачанага*), астатнія – агульнаўжывальнае (*он действоваў в состоянии невменяемости – ён дзейнічаў у стане непридуманности (бессвядомасці)*). У прапанаваных беларускіх эквівалентах для субстантыва *невменяемый* размежаванне спецыяльнага і агульнаўжывальнага значэнняў паказана з дапамогай паметы: 1. юр.: *он невменяем – у яго поўнаасцю адсутнічае памяць*; 2. (раздражэнны, не владзеючы сабой) *непрытомны*; (исступленны) *раз'юшаны*, *шалёны*. Аднак тэрміна-агентыва для перадачы тэрміналагічнага значэння, як бачым, слоўнік не прапануе.

У беларускамоўных заканадаўчых тэкстах адпаведнае найменне асобы перадаецца апісальна. Так, назве главы 22 УПК-61 «*Особенности предварительного следствия по делам о невменяемых*»

у КПК-61 адпавядае «*Асаблівасці папярэдняга следства па справах аб асобах, якія знаходзяцца ў стане поўнай адсутнасці памяці*». А ў артыкулах 328 і 332 гэтага ж кодэкса – іншыя беларускія адпаведнікі:

рассмотрение дела о невменяемом
(УПК-61, 328)

Ходатайство об отмене или изменении принудительных мер медицинского характера могут возбуждать близкие родственники лица, признанного невменяемым (УПК-61, 332)

разгляд справы аб асобе, у якой поўнасцю адсутнічае памяць (КПК-61, 328)

Хадайніцтва аб адмене або змяненні прымусовых мер медыцынскага характару могуць узбуджаць блізкія сваякі асобы, прызнанай страціўшай памяць (КПК-61, 332)

Такім чынам, у беларускамоўным тэксце кодэкса апісальны адпаведнік для перадачы рускага субстантыва *невменяемый* тройчы трансфармаваўся: *асоба, якая знаходзіцца ў стане поўнай адсутнасці памяці; асоба, у якой поўнасцю адсутнічае памяць; асоба, страціўшая памяць*.

Недахопы гэтага адпаведніка ў тым, што, па-першае, ён шматкампанентны (для называння асобы больш зручна карыстацца аднаслоўным тэрмінам накшталт *абвінавачаны, падсудны, зняволены*); па-другое, не з'яўляецца ўніверсальным ва ўжыванні (кантэкст патрабуе трансфармацый); па-трэцяе, наяўнасць варыянтаў супярэчыць аднаму з асноўных патрабаванняў да юрыдычнай тэрміналогіі: адно паняцце – адзін тэрмін (варыянтныя тэрміны могуць быць успрыняты карыстальнікамі заканадаўчых актаў як семантычна розныя); па-чацвёртае, не мае дастатковай сэнсавай адпаведнасці паняццю з-за недакладнага выбару матыватара (амнезія можа развіцца не толькі ад псіхічнага захворвання, а, напрыклад, ад траўмы галавы; асоба, якая не памятае свайго мінулага, ва ўсім астатнім можа быць абсалютна нармальнай і асэнсоўваць свае дзеянні).

Нельга назваць удалымі і прапанаваныя РБС-53 антонімы да разгледжаных тэрмінаў, напрыклад: *вменяемость – прысутнасць поўнай памяці* (РБС-53, 62). Такі ж тэрмін уключаны і ў праект слоўніка па тэорыі дзяржавы і права (СТДіП-67, 41). Неадэкватнасць яго бачым у наступным. Па-першае, тэрмін *поўная памяць* не выяўлены намі ні ў медыцыне, ні ў псіхалогіі. У камп'ютарным лексіконе гэта спалучэнне абазначае аб'ём інфармацыі. Па-другое, супрацьпастаўленне значэння ў антанімічнай пары адбываецца па пэўнай дыферэнцыяльнай прыкмеце. Калі за дыферэнцыяльную прыкмету ўзяць апазіцыю «наяўнасць – адсутнасць», то да тэрміна *поўная адсутнасць памяці (невменяемость)* неабходна ўтварыць антонім *поўная прысутнасць памяці (вменяемость)*. Калі ж супрацьпастаўляць семантычныя кампаненты «поўны – няпоўны», то антонім – *няпоўная/частковая прысутнасць памяці*. У такім выпадку апошні тэрмін не з'яўляецца адэкватным эквівалентам тэрміну *вменяемость*.

Урэшце, на аснове тэрміна *прысутнасць поўнай памяці* практычна немагчыма ўтварыць беларускі адпаведнік да субстантыва *вменяемый*. РБС-53 перакладае яго праз выраз *быть вменяемым – быць пры поўнай памяці*, а спалучэнне *вменяемое состояние – стан поўнай памяці*.

Неабходна ўлічваць і тое, што ў рускамоўных тэкстах у наш час ужываюцца такія тэрміны, як *уменьшенная вменяемость, состояние уменьшенной вменяемости*: *Лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии уменьшенной вменяемости, то есть не могло в полной мере сознавать значение своих действий или руководить ими вследствие психического расстройства (заболевания) или умственной отсталости, не освобождается от уголовной ответственности* (УК-99, 29). УК-99 на беларускую мову не перакладалі. Прынамсі, фонды Нацыянальнай бібліятэкі Рэспублікі Беларусь не маюць беларускага тэксту. Якія эквіваленты прапанавалі б перакладчыкі для гэтых тэрмінаў, можна толькі здагадацца. Меркаваныя варыянты накшталт *зменшаная прысутнасць поўнай памяці* або *прысутнасць няпоўнай памяці* ці *няпоўная адсутнасць памяці* не маглі б папоўніць склад юрыдычнай тэрміналогіі з прычыны парушэння лексічнай спалучальнасці ў такіх утварэннях.

У 1980-я гг. замест *прысутнасць поўнай памяці* ў слоўнікі быў уведзены тэрмін *наяўнасць свядомасці* (РБС-82, I, 106), у якасці антоніма пакінуты ўжываны раней *поўная адсутнасць памяці* (РБС-82, I, 513). Тэрміны *наяўнасць свядомасці – поўная адсутнасць памяці* можна лічыць антонімамі пры ўмове раўназначнасці кампанентаў *свядомасць і памяць*. Паводле ТСБМ, *свядомасць і памяць*, з'яўляючыся полісемантамі, маюць супадзенне ў адным са значэнняў – 'здольнасць мысліць, разважаць, усведамляць свае ўчынкі, пачуцці; тое, што і *прытомнасць*' (ТСБМ, V, 1, 96; ТСБМ, III, 658). Аднак *прытомнасць*, як ужо адзначалася, часцей за ўсё называе фізічны стан асобы, а не прыняты пад увагу ў заканадаўстве псіхічны або разумовы.

У заканадаўчых жа тэкстах 1980-х гг. адзначана ўжыванне тэрміна *неўмяняльнасць*: *Справа аб адміністрацыйным правапарушэнні не можа быць заведзена, а заведзеная падлягае спыненню пры наяўнасці наступных акалічнасцей: [...] 3) неўмяняльнасць асобы, якая ўчыніла супрацьпраўнае дзеянне ці бяздзейне* (КаАП-85, 227). Гэта ўтварэнне, не зафіксаванае ні ў агульнаўжывальных, ні ў спецыяльных слоўніках, з'яўляецца транслітараваным варыянтам рускага *невменяемость*, «абеларушаным» заменай неўласцівага суфікса.

Такое новаўвядзенне не было падтрымана пазнейшай лексікаграфічнай практыкай. ЮЭС-92, акрамя *поўная адсутнасць памяці*, прапануе яшчэ і варыянт *бессвядомасць* (ЮЭС-92, 408), супрацьлеглае значэнне перададзена тэрмінам *наяўнасць свядомасці* (ЮЭС-92, 338). *Бессвядомасць* як адзіны адпаведнік рускаму *невменяемость* прыводзіць КРБАС-97 (КРБАС-97, 48). Гэты беларускі эквівалент зручны ва ўжыванні: ад яго лёгка ўтвараюцца суадносныя дэрываты. Заслугоўвае ўвагі і прапанаваны БРП-94 састаўны тэрмін: *вменяемый – адказны за свае дзеянні* (БРП-94, 3).

Пэўныя перавагі перад усімі згаданымі для абазначэння псіхічнага і інтэлектуальнага стану, у якім асоба не здольная асэнсоўваць свае дзеянні і кіраваць імі, на наш погляд, мае ўжываны ў РБС-28 тэрмін *неасуднасць*. Сэнсавая адпаведнасць гэтага тэрміна паняццю падтрымліваецца тым, што асоба ў такім стане не нясе крымінальнай ці адміністрацыйнай адказнасці, не падлягае суду. Вядомы рускі лексікограф С.І. Ожагаў тлумачыць *невменяемый* з прыцягненнем выразу *вменить в вину*: *находящийся в таком психическом состоянии, при котором нельзя вменить в вину проступок, преступление* (СРЯ-78, 366). Сітуацыю, пры якой «нельзя вменить в вину проступок, преступление», па-беларуску перададзім як *немагчымасць абвінаваціць, асудзіць*. Адсюль і *неасуднасць*. Прываблівае і монасемантычнасць гэтага слова, адсутнасць агульнаўжывальнага значэння. А зразумеласць яго для карыстальнікаў у выпадку ўвядзення ва ўжытак будзе забяспечана прыведзенай у законе дэфініцыяй.

Назіранні за станаўленнем тэрмінаў для перадачы паняцця ‘стан, пры якім фізічная асоба не можа ўсведамляць фактычна характар і супрацьпраўнасць свайго дзеяння, кіраваць ім у выніку хранічнай або часовай псіхічнай хваробы ці слабага розуму’ і іх аднакаранёвымі прывялі да высновы, што пошукі найбольш адэкватнага лексічнага ўвасаблення гэтых паняццяў, якія вяліся лексікографамі і заканадаўцамі на працягу ХХ ст., не завершаны. Істотнымі недахопамі пры выбары эквівалентаў з’явіліся: ужыванне недакладна арыентуючых тэрмінаў (*прытомнасць – непрытомнасць*), якія ствараюць няправільнае ўяўленне аб адпаведных паняццях; утварэнне шматслоўных састаўных тэрмінаў (*прысутнасць поўнай памяці*), што ўскладняе ўтварэнне аднакаранёвых, напрыклад, суадносных назваў асобы, а таксама адпаведных антонімаў; выкарыстанне варыянтных тэрмінаў для абазначэння аднаго паняцця (*поўная адсутнасць памяці – бессвядомасць*), што дэзарыентуе карыстальнікаў у разуменні іх значэння.

Адсутнасць трывала замацаваных тэрмінаў для акрэсленых паняццяў пацвярджае актуальнасць іх уніфікацыі, якая будзе мець паспяхова вынікі толькі пры ўмове кансалідаваных тэрмінатворчых намаганняў філолагаў і правазнаўцаў.

Скарачэнні (слоўнікі)

БНТ-10 – Беларуская навуковая тэрміналогія. Выпуск дзесяты. Тэрміналогія права. Мн., 1926; **БРП-94** – Слоўнік юрыдычнай тэрміналогіі: беларуска-расейска-польскі / Апрац. А. Галяк. Б. м., 1994; **КРБАС-97** – Лойко М. О. Краткий русско-белорусско-английский словарь для юридических институтов и факультетов. Гродно, 1997; **ПС-35** – Праект слоўніка. Выпуск другі. Саветаў будаўніцтва і права. Мн., 1935; **РБС-24** – Байкоў М. Практычны расійска-беларускі слоўнік. Мн., 1924; **РБС-26** – Байкоў М. Практычны расійска-беларускі слоўнік. Мн., 1926; **РБС-28** – Некрашэвіч С. М., Байкоў М. Я. Расійска-беларускі слоўнік. Мн., 1928; **РБС-37** – Руска-беларускі слоўнік / Пад рэд. А. Александровіча. Мн., 1937; **РБС-53** – Русско-белорусский словарь / Под ред. Я. Коласа, К. Крапивы и П. Глебкі. М., 1953; **РБС-82** – Русско-белорусский словарь / Ред. К. К. Атрахович (К. Крапива). Мн., 1982; **СРЯ-78** – Ожегов С. И. Словарь русского языка. 12-е изд., стер. М., 1978; **СТДІП-67** – Слоўнік па тэорыі дзяржавы і права і па міжнародных адносінах: праект для абмеркавання. Мн., 1967; **ТСБМ** – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. (6 кн.). Мн., 1977–1984. Т. 1–5; **ЮЭС** – Юрыдычны энцыклапедычны слоўнік. Мн., 1992.

Скарачэнні (крыніцы)

КаАП-85 – Кодэкс БССР аб адміністрацыйных правапарушэннях. Мн., 1985; **КЗаШС-27** – Кодэкс законаў аб шлюбе, сям’і і апецы БССР. Мн., 1927; **КК-28** – Крымінальны кодэкс БССР. Мн., 1928; **КК-40** – Крымінальны кодэкс БССР. Мн., 1940; **КК-57** – Крымінальны кодэкс Беларускай ССР. Мн., 1957; **КК-61** – Крымінальны кодэкс Беларускай ССР. Мн., 1961; **КПК-32** – Крымінальна-працэсуальны кодэкс БССР. Мн., 1932; **КПК-61** – Крымінальна-працэсуальны кодэкс БССР. Мн., 1961; **КУпАП-84** – Кодекс Украіны про адміністративні правопорушення. Київ, 1984; **УК-99** – Уголовный кодекс Республики Беларусь. Мн., 1999; **УПК-61** – Уголовно-процессуальный кодекс БССР. Мн., 1961.

ЛІТАРАТУРА

Гуткоўскі М. Беларуская праўная тэрміналогія // Працы БДУ. 1927. № 14–15. С. 81–91.
 Жовтобрюх М. А. Развитие терминологического словаря украинского языка в дооктябрьский период // Вопр. филологии. М., 1969. С. 92–99.
 Крамко І. І., Юрэвіч А. К., Яновіч А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мн., 1968. Т. 2.

Паступілі ў рэдакцыю 28.10.11.

Ганна Іванаўна Кулеш – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры гісторыі беларускай мовы.

НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНЫ КАМПАНЕНТ У БЕЛАРУСКАЙ ЛЕКСІКАГРАФІІ КАНЦА XIX – 20-х гг. XX ст.: САЦЫЯЛЬНА-ГІСТАРЫЧНЫ КАНТЭКСТ

Анализируется реестровый материал белорусских словарей конца XIX – 20-х гг. XX в., который включает в себя лексические единицы, указывающие на психологическое и культурное единство носителей белорусского языка на разных этапах исторического развития белорусской нации. Доказывается, что историческими и культурными детерминантами национального самосознания в этих лексикографических источниках выступили прошлое и традиции народа, его обычаи, нормы поведения, этнографическая уникальность и самобытность.

Register material of Belarusian dictionaries of the end of XIX – 20th XX centuries includes lexical units which indicate Belarusian language speakers' psychological and cultural unity at different stages of the Belarusian nation's historical development. The past and people's traditions, their customs, norms of behavior, ethnographic uniqueness and originality have acted as historical and cultural determinants of national consciousness in these lexicographic sources.

Мэтай даследавання з'яўляецца аналіз этнаграфічнага і нацыянальна-культурнага складніка ў слоўніку І.І. Насовіча (1870 г.) і лексікаграфічных крыніцах 20-х гг. XX ст., а таксама сацыяльна-культурных і гістарычных перадумоў складання гэтых слоўнікаў. Пазначаныя лексікаграфічныя працы змяшчаюць нацыянальна арыентаваныя кампаненты, якія вядомы носьбітам мовы, узнаўляюцца ў іх маўленні і маркіруюць іх у вачах іншаземцаў. Згодна з меркаваннем этнолагаў, этнічнасць групы людзей вызначаецца па-першае, валоданнем гэтай групай мовай этнасу і прызнаннем яе ў якасці роднай, уменнем карыстацца ёй падчас зносінаў; па-другое, засваеннем пэўных комплексаў культуры этнасу, да якога яны належаць, і ўменнем выкарыстоўваць гэтыя комплексы ў паўсядзённым жыцці; па-трэцяе, выкарыстаннем (і захаваннем) традыцый паводзін і ладу жыцця этнасу, да якога яны належаць; па-чацвёртае, самасвядомай прыналежнасцю да якога-небудзь этнасу (гл. Ешич 2002, 21–22). Пры гэтым неабходна ўлічваць, што этнічнасць не з'яўляецца стабільнай і нязменнай адзінкай: у розныя гістарычныя эпохі, у розных народаў і ў розных рэгіёнах этнічнасць мела розныя формы праяўлення, адчувала на сабе ўплыў ізаляцыянісцкіх, інтэграцыйных і іншых тэндэнцый. Рэестравы матэрыял выбраных слоўнікавых крыніц якраз і вызначаецца наяўнасцю лексічных адзінак, якія ўказваюць на псіхалагічнае і культурнае адзінства носьбітаў беларускай мовы на розных этапах гістарычнага развіцця беларускай нацыі – на ўстойлівыя сувязі і адносіны людзей унутры сацыяльнай групы, што адлюстроўвае іх нацыянальную самасвядомасць.

Важным з'яўляецца не толькі лексічны матэрыял аналізуемых слоўнікаў, але і храналогія іх выхаду. Сучасная беларуская мова як вышэйшая форма нацыянальнай мовы пачала складвацца даволі позна – у XIX ст. – з прычыны пэўных сацыяльных і гістарычных фактараў. Як у першай, так і ў другой палове XIX ст. у поглядах на яе не было адзінай думкі: яе лічылі і самастойнай славянскай мовай (С.Б. Ліндэ, М. Надзеждзін, М. Максімовіч), і разглядалі ў якасці дыялекту або рускай, або польскай моў (І. Сразнеўскі, А. Сабалеўскі) (гл. Гуліцкі 1978, 60–61). Праца экспедыцыі 1860-х гг. Геаграфічнага таварыства ў так званым «западнарусскаму крае», якая павінна была апісаць «племянныя і побытавыя адрозненні народнасцей заходняга краю, іх колькасныя адносіны, размеркаванне паводле веравызнанняў і ступеней культуры, нарэшце гаспадарчы побыт і ступень матэрыяльнага дабрабыту» (Пыпин 1892, 148), таксама не спрыяла канчатковаму сцвярджэнню самастойнасці беларускай мовы і ўвогуле беларускай культуры: «Дзеячы 1860-х гадоў у заходнім краі так многа гаварылі пра «аб'яднанне», «абрусенне» і да т. п., так настойвалі на пазбаўленні ад усяго мясцовага, якое нагадвала «польскі» ўплыў, так моцна лічылі польскім усё, што не было падобна да маскоўскага, што мясцовае жыццё стала хавацца ў шкарлупу, і вучоным даследчыкам (асабліва раней чужым краю) з цяжкасцю прыходзілася б вышукваць яго праявы, замест таго, каб бачыць яго адразу ўвачавідкі без канцылярскіх шырмаў» (Пыпин 1892, 148).

Нягледзячы на гэта, праведзенае этнаграфічнае даследаванне Беларусі выявіла найбагацейшую старажытную спадчыну беларускага народа, якая патрабавала аналізу і лексікаграфічнай сістэматызацыі. Для беларускай мовы такім слоўнікам з'явіўся «Слоўнік беларускай мовы» І.І. Насовіча (гл. Насовіч 1983), запланаваны Імператарскай акадэміяй навук у якасці другой часткі «Опыта словаря областных наречий», але выдадзены ў Санкт-Пецярбургу ў 1870 г. як самастойная праца пад назвай «Словарь белорусского наречия».

І.І. Насовічу было даручана скласці слоўнік, які «сістэматызаваў бы лексіку жывой народнай мовы і быў бы адначасова крыніцай для лінгвістычных даследаванняў беларускай мовы і дапаможнікам пры чытанні старажытных помнікаў пісьменства» (Гуліцкі 1978, 60). Абапіраючыся на ранейшыя слоўнікавыя распрацоўкі І. Грыгаровіча і С. Мікуцкага, І. Насовіч склаў самы аб'ёмісты паводле колькасці сабранага і лінгвістычна апрацаванага матэрыялу беларускі слоўнік XIX ст., які ахопліваў больш за 30 тыс. адзінак лексікі і фразеалогіі жывога беларускага маўлення сярэдзіны XIX ст. з гаворак Магілёўшчыны, Міншчыны, Віцебшчыны, Гродзеншчыны, некаторых паветаў Прывісленскага краю. Многія словы былі са старабеларускіх пісьмовых помнікаў. Усе значэнні слоў і словазлучэнняў

раскрываюцца рускамоўнымі адпаведнікамі, а таксама аўтарскімі тлумачэннямі і ілюструюцца дыялектнымі, фальклорнымі ці літаратурнымі цытатамі.

У якасці некаторых рэестравых адзінак і кампанентаў ілюстрацыйнага матэрыялу І.І. Насовіч змясціў словы і словазлучэнні – выразнікі міфалагічных поглядаў і этнаграфічнай характарыстыкі беларускага народа, а таксама іншанацыянальныя этнанімічныя назвы і нацыянальныя стэрэатыпы. Некаторыя этнонімы ў слоўніку І.І. Насовіча змяшчаюць у сабе ўказанні як на нацыянальную, так і на канфесійную прыналежнасць іх носьбітаў: **басурманець, басурманинь** – 1) *Не исповедающий христианской веры, Турокъ.* 2) *Употребляющий скоромную пищу въ постные дни.* Згодна з гэтай пазіцыяй, вернікі нехрысціянскіх канфесій не карысталіся належнай пашанай, як заўважна з тлумачэнняў да слоўнікавых артыкулаў: **басурманка** – 1) *Магометанка или Татарка.* 2) *Нарушительница поста и не имеющая уважения къ какой-либо святыне.*

Не ўсе прапанаваныя І.І. Насовічам лексемы, якія супадаюць з сучаснымі літаратурнымі назвамі нацыянальнасцей і геаграфічных тэрыторый, з'яўляюцца этнонімамі: слова **Украина** – гэта не сучасная назва Маларосіі, а *'страна, лежащая на пределах, при границе или за пределами отечества или области'*. Слова **Москва** ўвогуле з'яўляецца полісемічным і мае значэнні, абагульненыя семай 'прыналежнасць да рускай нацыі': 1) *Русский солдатъ.* 2) *Русский плотникъ и множ. плотники.* 3) *Русский, разъезжающий по торговымъ или другимъ промысламъ.* 4) *въ женск. роде собир. Солдаты.* 5) *Москвитянинъ, Великороссіанинъ.*

Што тычыцца саманазвы **Беларусь**, то ў слоўніку зафіксавана толькі адна рэестравая адзінка – **беленькая Русь**, – праілюстраваная прыкладам з народнай песні: **беленькая Русь** – *Белорусь, употр. только изредка въ песняхъ. Налецели гуси // Да съ беленькой Руси, // Сели пали на кринице, // Стали ены воду пици.* Ды яшчэ можна дадаць згадку пра крывічоў у рэестравым слове **кроў** у дадатку да слоўніка: **кровь** – 1) *Кровь (это слово въ Белорусскомъ наречіи въ родит., дат. и предл. падежахъ ед. ч. имеетъ криви. <...> Древнее название Славянскаго племени Кривичи, по Польски Krewiczu, по Немецки отъ Польскаго же Krewings, можетъ быть произведено отъ криви, и въ такомъ случае можетъ значить: кровные, единокровные, соплеменные).* 2) *Племя, корень племени.*

На жаль, сярод усёй разнастайнасці назваў плямёнаў і народнасцей Расійскай імперыі беларусы з цяжкасцю вызначалі сябе як нацыю, як самабытнае славянскае племя з непаўторным гістарычным шляхам і ўнікальнай культурай. І тым больш значнай уяўляецца праца І.І. Насовіча, якая, нарэшце, пачала адлюстроўваць пачатак нацыянальнай самасвядомасці беларусаў.

І.І. Насовіч не толькі па-навуковаму дасканала семантызуе найменні-этнаграфізмы, але і падае гістарычныя звесткі аб іх узнікненні, ускосным шляхам пацвярджаючы іх этнічную даўніну і аўтэнтычнасць: **куница** – 1) *Платежь помещику за девицу, выдаваему въ замужество, а особенно въ чужое имене. Въ древности куницы, или куньи шкурки, употреблялись вместо денегъ.* 2) *Кандалы. Въ старину при каждой церкви находилась прикованная къ стене, близь входа, железная цепь съ таковымъ же наручникомъ, или ножникомъ, или ошейникомъ, называвшаяся куницею, которую надевали на явныхъ грешниковъ, присужденныхъ къ публичному покаянiю. Даже въ начале XIX столетiя видны были еще въ древнихъ Белорусскихъ православныхъ церквахъ такъ называемыя куницы, наводившія страхъ на простолудиновъ. Ныне нигде нетъ куницъ; но слово это еще живетъ въ говоре простолудиновъ, какъ историческое.* Міфалагічныя ўяўленні беларусаў у «Слоўніку беларускай мовы» знайшлі адлюстраванне, у прыватнасці, у рэестравых адзінках – найменнях міфічных істот, персанажаў з народных казак і прымхаў: **вовколак, доброхот, домовик, клетник** і інш.

У працы І.І. Насовіча адметнасць беларускай мовы і побыту падкрэслівалася не толькі гістарычным і краязнаўчым каментарам, які надаў слоўніку пэўную гісторыка-культурную вартасць, але і ўласна лінгвістычным аналізам многіх рэестравых адзінак, згодна з якім лексемы або паўсталі адметнымі ў параўнанні з іншымі мовамі, або набылі беларускую фанетычную ці граматычную спецыфіку пры запазычанні. Так сабраны слоўны матэрыял зафіксаваў у межах «рускага народнага языка» (згодна з рыторыкай акадэміка К. Весаюўскага ва Уводзінах да слоўніка І.І. Насовіча) не проста «наречіе», а самастойную мову, здольную прадуцыраваць прыдатныя для розных камунікатыўных задач моўныя адзінкі.

Станаўленне беларускай дзяржаўнасці і прызнанне беларускай мовы дзяржаўнай стала штуршком для з'яўлення і актывізацыі ўжывання новых лексічных сродкаў беларускай мовы, у тым ліку тэрміналагічных, слаба распрацаваных у дакастрычніцкі перыяд. Ужыванне дыялектызмаў, ці, як яны называліся ў той час, паветалізмаў, таксама патрабавала асобнага разгляду. У тагачаснай беларускай лексічнай сістэме яшчэ не былі вызначаны межы паміж агульнанароднымі і дыялектнымі словамі, таму кожны пісьменнік шырока выкарыстоўваў моўныя багацці роднай гаворкі. Хаця празмернае выкарыстанне дыялектызмаў перашкаджала разуменню мастацкіх твораў, аднак у літаратурную мову ўваходзілі найбольш тыповыя словы і звароты, формы і сінтаксічныя канструкцыі народнай мовы. Гэта спрыяла своеасабліваму апрабаванню розных сродкаў, замацаванню новых, найбольш адметных з'яў беларускай літаратурнай мовы.

Пашырэнне маштабу выкарыстання беларускай мовы прымусіла нацыянальную інтэлігенцыю рэспублікі звярнуць увагу на стан яе лексічнага складу. Праца вялася ў напрамках высвятлення найбольш мэтазгодных шляхоў вывучэння і фарміравання слоўнікавага складу беларускай мовы, нармалізацыі і сістэматызацыі наяўных лексічных рэсурсаў. І першапачатковай задачай ставілася складанне беларускага слоўніка, патрэбу ў якім у 1921 г. акрэсліў Я. Карскі: «Яшчэ стаіць вялікая задача складання поўнага беларускага слоўніка. Існуючыя слоўнікі І.І. Насовіча (СПб., 1870) і Дабравольскага (Смаленск, 1914) носяць дыялектычны характар: яны не ахопліваюць усёй беларускай вобласці... Акрамя таго, гэтыя слоўнікі не поўныя...» (Карскі 1921, 26). Разуменне асаблівага гістарычнага і эвалюцыйнага шляхоў сваёй мовы і краіны прыводзіла даследчыкаў да акрэслення метадаў працы над слоўнікамі: «Тады як задачай, прыкладам, рускага слоўніка, па словах акадэміка Істрына, зьяўляецца пазнаць рускую мову, задачай нашага слоўніка, апрача таго, зьяўляецца яшчэ й апрацаваць нашу мову, выявіць яе, як мову беларускую, прыгодную ня толькі для пісаньня вершаў і штодзённага ўжытку, але й для выражэння ёю самых глыбокіх навуковых ісцін, самых тонкіх адценьняў нашай мыслі» (Некрашэвіч 1925, 169). Выказаўшы свае меркаванні адносна крыніц папаўнення беларускага лексікону, навуковай тэрміналогіі, іншамоўнай лексікі і індывідуальна-аўтарскіх наватвораў, С. Некрашэвіч прыходзіць да думкі, што «ў сучасны момант сярод усёй нашай навуковай працы на Беларусі мы ня бачым другой такой важнай, патрэбнай і неадкладнай, як праца па ўкладанні слоўніка нашай мовы» (Некрашэвіч 1925, 186).

Аktуальныя праблемы тагачаснага мовазнаўства абумовілі і напрамкі нармалізатарскай дзейнасці, асноўным з якіх стала работа па апрацоўцы рэсурсаў беларускіх гаворак, прычым навуковае асэнсаванне гэтай работы было абумоўлена неабходнасцю гістарычнай і этнічнай кансалідацыі нацыі: «У кожным разе ідэал мовы ў літаратурна-гаворачых і пішучых прымушае трымацца пэўных норм і гэтым самым надае літаратурнай мове пастаянства, перашкаджае ёй паддавацца тэй зьменчывасці, якой адзначаецца разгаворна-народная мова. ...Толькі дзякуючы такой кансерватыўнасці, магчыма аб'яднаньне ў часе з мінулымі пакаленьнямі і стварэнне адзінай нацыянальнай шматвяковай літаратуры» (Харэвіч 1925, 86).

Варта адзначыць і высокую нармалізацыйную каштоўнасць двухмоўных слоўнікаў 20-х гг.: перакладныя слоўнікі, выдадзеныя ў гэты час («Руска-беларускі слоўнік» Г. і М. Гарэцкіх (1918), «Невялічкі беларуска-маскоўскі слоўнік» М. Гарэцкага (1919), «Практычны расійска-беларускі слоўнік» М. Байкова і М. Гарэцкага (1924), «Беларуска-польска-расейска-лацінскі батанічны слоўнік» З. Верас (1924), «Беларуска-расійскі слоўнік» (1925) і «Расійска-беларускі слоўнік» (1928) М. Байкова і С. Некрашэвіча), «арыентавалі лексікаграфічную распрацоўку беларускай мовы на ўзровень, якога ўжо дасягнулі іншыя, больш развітыя на той час літаратурныя мовы, у прыватнасці суседнія – руская, польская» (Шакун 1995, 182), а гэта значыць, спрыялі інтэнсіфікацыі нармалізацыйных працэсаў у беларускай мове.

Этнацэнтрысцкія тэндэнцыі, якія панавалі ў айчынным мовазнаўстве 20-х гг., выявіліся ў імкненні да шырокага ўжывання беларускай мовы ў сферах, недаступных для яе ў мінулым, да рэгулявання яе грамадскага функцыянавання і месца ў абслугоўванні сацыяльных патрэб. Гэта знайшло адлюстраванне ў выданні рознага тыпу лексікаграфічных даследаванняў, масавым абмеркаванні аktуальных моўных праблем, папулярызацыі лінгвакультуралагічных ведаў. Адпаведна грамадскай устаноўцы на выкарыстанне слоўнай спадчыны мінулых пакаленняў у некаторых перакладных слоўніках гэтага перыяду (у прыватнасці, у «Маскоўска-беларускім слоўніку» 1920 г. Г. і М. Гарэцкіх; «Невялічкім беларуска-маскоўскім слоўніку» 1919 г. М. Гарэцкага; «Практычным расійска-беларускім слоўніку» 1924 і 1926 гг. М. Байкова і М. Гарэцкага) зафіксаваны ў якасці рэестравых слоў (часта ў размоўным варыянце) імёны асоб і міфалагічных істот: *Жукоўшчык, -шчанка – сын, дочка Жуковского; Юзюк – Иосиф, Восіп; Юрка – Георгий, Юрий; нац. бел. танец; Купала – миф. существо, бог любви; Смок, или Цмок, – сказочный змий, страшное миф. существо; Стаўры-Гаўры – название миф. существ, собаки миф. князя Боя;*

назвы хрысціянскіх святаў і абрадаў: *Купалле – ночь на 24 июня ст.ст., Иванов день, белорусский праздник в честь весны; Макаўе – день 1-го августа (ст.ст.), праздник братьев Маккавеев, в который совершается освящение овощей; Юр'е – праздник в честь св. Георгия (23 апр. ст.ст.), имеющий у белорусов нац. черты;*

назвы нацыянальных гістарычных з'яў і асоб: *сойм – сейм, собрание народных представителей; падкаморы земскі – управляющий межевой частью (министр Бел.-Лит. княжества); падскарбі земскі – министр финансов (в Бел.-Лит. княжестве);*

назвы людзей – удзельнікаў нацыянальных абрадаў: *валачобнікі – пасхальные поздравители-певцы; каравайніца – родственница, наблюдающая за печением каравая и ходом всего соответствующего церемониала;*

нацыянальныя рытуальныя і міфалагічныя абрады, вераванні: *прошча – священное место; суроцы – вредное действие глаза, дурной глаз; талака – работа миром за угощение.*

Прааналізаваныя лексікаграфічныя працы (і слоўнік І.І. Насовіча, і слоўнікі 20-х гг. ХХ ст.) змяшчаюць у сваім складзе пэўную колькасць лексічных адзінак, якія выражалі культурна-этнаграфічную адметнасць беларускага народа і з'яўляліся сацыяльна актуалізаваным рээстравым матэрыялам у адпаведны гістарычны перыяд.

Гістарычнымі і культурнымі дэтэрмінантамі нацыянальна-моўнай свядомасці ў беларускай нацыянальнай лексікаграфічнай практыцы канца ХІХ – 20-х гг. ХХ ст. выступілі мінуўшчына і традыцыі народа, яго звычаі і нормы паводзін. Навуковае асэнсаванне гэтай работы было абумоўлена неабходнасцю як вывучэння моўнай спадчыны беларускага народа, так і кансалідацыі нацыі і нармалізацыі беларускай мовы, што дазваляе прыйсці да высновы аб нацыятворчай функцыі пазначаных слоўнікаў.

ЛІТАРАТУРА

- Гуліцкі М. Ф. Нарысы гісторыі беларускай лексікаграфіі (ХІХ – пачатак ХХ ст.). Мн., 1978.
Ешич М. Б. Этничность и Этнос // Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте) / Науч. совет по истории мировой культуры. М., 2002.
Карский Е. Что предстоит сделать по белорусскому языку и литературе? // Вестн. Нар. Комиссариата Просвещения. 1921. № 1. С. 25–28.
Насовіч І. І. Слоўнік беларускай мовы. Мн., 1983.
Некрашэвіч С. Да пытання аб укладанні слоўніка жывой беларускай мовы // Польша. 1925. № 5. С. 164–186.
Пыпин А. Н. История русской этнографии. Том 4: Белоруссия и Сибирь. СПб., 1892.
Харэвіч А. Мова як ідэал // Польша. 1925. № 4. С. 82–96.
Шакун Л. М. Гісторыя беларускага мовазнаўства: Вучэб. дапам. Мн., 1995.

Паступіў у рэдакцыю 30.04.11.

Ірына Іванаўна Савіцкая – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры сучаснай беларускай мовы.

А. У. ЛЯНКЕВІЧ

СТАЎЛЕННЕ ДА БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ МОВЫ І ЗМЕШАНАГА МАЎЛЕННЯ Ў МЕДЫЯ-ДЫСКУРСЕ (на матэрыяле публікацый у газеце «Звязда»)*

Исследуется отношение к белорусскому литературному языку и смешанной речи. Представлены результаты контент-анализа 472 публикаций в газете «Звязда», касающихся социолингвистических проблем. Разнообразие авторских мнений и суждений свидетельствует о заинтересованности данными проблемами целевой аудитории издания.

The article discusses the attitudes toward the Standard Belarusian language and mixed speech. It provides the results of the content-analysis of 472 materials in the paper «Zviazda», concerning sociolinguistic problems. The considerable variety of authors' views and opinions indicates the interest in these problems in the society, at least among the paper's target groups.

Уводзіны. Адносіны да моў і іх варыянтаў актыўна вывучаюцца з 1960-х гг. (гл. Lambert, Hodgson, Gardner, Fillenbaum 1960; Attitudes 1982; Woolard 1989; Baker 1992 і інш.), аднак для беларускай сацыялінгвістыкі гэта параўнальна новая сфера даследаванняў (падрабязней гл.: Лянкевіч 2010). Пад *стаўленнем да мовы* разумеюцца «адчуванні людзей у адносінах да іх уласнай мовы або мовы іншых людзей» (Crystal 1992, 215). Па меркаванні экспертаў ЮНЭСКО, стаўленне ў грамадстве да мовы з'яўляецца адным з дзевяці фактараў, якія ўплываюць на яе жыццёвасць (linguistic vitality) (гл. Language 2003). Веды аб стаўленні да моў дапамагаюць выявіць тыя праблемы іх функцыянавання, якія могуць прывесці да моўнага зруху (language shift) або знікнення мовы (language death), спрагназаваць пэўныя аспекты моўнай сітуацыі, а таксама стаць базай для правядзення моўнай палітыкі. Для даследавання стаўлення выкарыстоўваецца шэраг прамых (апытанне, інтэрв'ю) і непрамых метады (метады ўключанага назірання і эксперыментальныя метадыкі), а таксама аналіз вынікаў перапісаў насельніцтва, кантэнт-аналіз і інш. Для найбольш глыбокага даследавання стаўлення выкарыстоўваецца комплекс названых метадык.

1. Кантэнт-аналіз як метады даследавання стаўлення да моў. Сутнасць гэтага метады заключаецца ў пераводзе зместавай інфармацыі ў колькасныя паказчыкі шляхам кадзіравання і яе статыстычнай апрацоўцы, апрача таго, ён дазваляе «ўпісаць» змест паведамлення ў сацыяльны кантэкст, асэнсаваць яго адначасова і як праяву, і як ацэнку сацыяльнага жыцця; гэта аб'ектыўнае, сістэматычнае і колькаснае апісанне яўнага зместу камунікацыі (гл. Berelson 1971, 15). Для кадзіроўкі тэкстаў распрацоўваецца кадзіравальная матрыца, у якой фіксуюцца колькасныя паказчыкі, і алгарытм кадзіравання. Адрозніваюць два тыпы кантэнт-аналізу – колькасны і якасны. У лінгвістыцы кантэнт-аналіз адным з першых выкарыстаў Ч. Осгуд пры даследаванні меркаванняў і статыстычнага

* Праца выканана ў рамках навукова-даследчага праекта «Трасянка ў Беларусі – “змешаны варыянт” як прадукт беларуска-рускага моўнага кантакту», які фінансуецца фондам «Фольксваген» (грант № ІІІ/83 371, 14 крас. 2008 г.).

вымярэння стаўлення моўцы да пэўных аб'ектаў у тэксце (гл. Osgood, Saporta, Nunnally 1956, 47–102). З мэтай даследавання стаўлення да моўных кодаў у беларускім грамадстве ў якасці аднаго з метадаў мы выкарысталі кантэнт-аналіз публікацый у газеце «Звязда». Метадам суцэльнай выбаркі з 3013 нумароў газеты, якія выходзілі ў перыяд з 1 студзеня 2000 г. да 31 снежня 2010 г., было выяўлена 472 матэрыялы, што змяшчаюцца ў 316 нумарах газеты, у якіх закранаецца сацыялінгвістычная праблематыка.

2. Характарыстыка канала камунікацыі. «Звязда» – штодзённая грамадска-палітычная газета. Надаючы асноўную ўвагу эканамічным, сацыяльным і палітычным пытанням, газета «Звязда» ў аналізаваны перыяд, тым не менш, мела выразную інтэнцыю звярнуць увагу грамадскасці на пэўныя аспекты моўнай сітуацыі ў краіне, пра што ўскосна сведчыць і слоган, які публікуецца пад назвай газеты і часта выкарыстоўваецца журналістамі і чытачамі як перыфраз назвы – «Родная газета на роднай мове».

Газета выходзіць 250 разоў на год, часта бываюць «здвоеныя» нумары. Тыраж выдання за 11 гадоў зменшыўся амаль на 40 тысяч экзэмпляраў і ў апошні прааналізаваны год склаў каля 33 тысяч. Што датычыць мэтавай аўдыторыі газеты, то яе можна вызначыць па дадзеных анкетавання сярод індывідуальных падпісчыкаў. Згодна з яго вынікамі (апублікаваны ў № 77 за 27.03.2003), асобы старэйшыя за 50 гадоў складаюць 50 % чытачоў, 40–49 гадоў – 26,4 %, 30–39 гадоў – 12,9 %, 20–29 гадоў – 9,3 %, маладзейшыя за 20 гадоў – каля 3 %.

3. Колькасны кантэнт-аналіз. Пры колькасным, або зместавым, кантэнт-аналізе ўвага даследчыка скіравана на даследаванне слоў, выказванняў, меркаванняў, гэта значыць на змест паведамлення. Аналізуючы элементы паведамлення, даследчык павінен «умець прадбачыць іх сэнс» (Мангейм, Річ 1997, 277). Правядзенне кантэнт-аналізу ў дачыненні да пэўнага тэксту прадугледжвае аперыраванне канкрэтнымі адзінкамі, якія дазваляюць класіфікаваць матэрыял з неабходнай ступенню падрабязнасці. У сувязі з гэтым было выдзелена некалькі катэгорый аналізу, адзінак аналізу і адзінак падліку. *Катэгорыі аналізу* ўяўляюць сабой найбольш агульныя, ключавыя паняцці, якія адпавядаюць даследчыцкім задачам; гэта кароткае выражэнне пэўнай праблемы. У якасці *адзінак аналізу* выступаюць моўныя адзінкі або элементы зместу, якія служаць у тэксце індикатарам з'явы, якая цікавіць даследчыка (слова, сказ, тэма, меркаванне, паведамленне ў цэлым і інш.). У сваю чаргу, *адзінка падліку* – колькасная мера ўзаемасувязі тэкставых і пазатэкставых з'яў, колькасная мера адзінкі аналізу (колькасць радкоў, плошча, частата з'яўлення пэўных прыкмет).

3.1. Стаўленне да беларускай мовы ў грамадстве. Адзінкамі аналізу ў межах дадзенай катэгорыі выступаюць пазітыўныя і негатыўныя меркаванні пра беларускую мову ў грамадстве, якія не належаць аўтарам артыкулаў, а толькі прыводзяцца імі; адзінкай падліку была колькасць згадак пазітыўных і негатыўных меркаванняў (параўн.: *Але я лічу, што гэта вельмі добра, таму што фактычна беларуская мова набывае прыкмету элітарнасці, і веданне яе разглядаецца як прэстыжнае* (01.09.2007) // *Я, дзе б ні жыў, дзе б ні быў, пагарду да беларускай – адчуваў толькі з боку... сваіх, «рускагаворячых»...* (15.05.2007)). Гэтыя суадносіны не абавязкова адлюстроўваюць рэальнае стаўленне да беларускай мовы ў грамадстве, паколькі пералічаючы прыклады пазітыўнага стаўлення, аўтары гэтым самым сведчаць, што фонам для іх вылучэння з'яўляюцца індывідуальныя або негатыўныя меркаванні.

3.2. Ступень занепакоенасці станам беларускай мовы. Адзінкамі аналізу ў катэгорыі выступаюць словы і словазлучэнні, якія ўжываюцца ў дачыненні да беларускай мовы, тыпу *пагражае небяспека, занябана, заняпад, нізкі прэстыж, усё менш выкарыстоўваецца, зракліся, выходзіць з ужытку, пагроза страты, трэба адраджаць мову, не размаўляюць, не гучыць*; адзінка падліку – колькасць абзацаў з адной або некалькімі такімі адзінкамі. Такіх адзінак было налічана 384: *Шкада, што многія кіраўнікі не хочуць бачыць, у якім цяжкім крызісе знаходзіцца мова карэннай нацыі* (12.05.2009). Заўважым, што пры параўнальна вялікай колькасці выяўленых адзінак, якія выражаюць занепакоенасць станам беларускай мовы, адносна няшмат публікацый, дзе разглядаюцца прычыны, суб'екты ўтварэння праблемы і спосабы выхаду з наяўнай сітуацыі, гэта значыць аўтары, хоць і занепакоены станам рэчаў, аднак не дастаткова яго асэнсавалі.

3.3. Аўтарскае стаўленне да беларускай мовы. У якасці адзінак аналізу выкарыстоўваліся словы і словазлучэнні, якія ўжываліся ў дачыненні да беларускай мовы тыпу *люблю, падабаецца, шаную* і пад., а таксама азначэнні, якія ўтрымліваюць азначную характарыстыку тыпу *родная, мілагучная, непаўторная, багатая* і інш. Адзінкай падліку выступала колькасць абзацаў, у якіх ужывалася адна або некалькі такіх адзінак. Усяго была знойдзена 281 такая адзінка. Стаўленне можа выражацца непасрэдна з дапамогай дзеясловаў *любіць, падабацца* (*Я вельмі люблю беларускую мову, але, на жаль, у нашых умовах чамусьці беларускамоўныя песні нікому не патрэбныя...* (22.11.2006)) або прыметніка *любімы* (*Я так рады, што і за межамі Беларусі жывуць людзі, якія вывучаюць маю любімую беларускую мову* (22.06.2007)). Часта пры пазітыўным стаўленні ўжываецца азначэнне

* Падчас збору матэрыялу не было знойдзена ніводнай публікацыі, дзе б аўтар выражаў сваё адмоўнае стаўленне да беларускай мовы. На нашу думку, найперш гэта можа быць звязана са спецыфікай аўдыторыі *беларускамоўнай* газеты.

родная, а таксама эпітэты *пяеучая, мілагучная, прыгожая, матчына, вобразная, чыстая, жывая, спа-конвечная* і інш. Таксама для выражэння стаўлення характэрна выкарыстанне суб'ектна-прэдыкатных канструкцый тыпу «N1–N1», дзе ў якасці суб'екта ўжываецца слова *мова: А мова – гэта ж душа... Душа нашага беларускага народа* (15.05.2007). Апрача таго, стаўленне можа выражацца ўскосна, з дапамогай кантэксту, напрыклад, пры апісанні наступстваў знікнення беларускай мовы, пры гэтым агульным месцам стала сцвярджэнне, што калі знікне беларуская мова – знікне нацыя або знікне Беларусь як дзяржава: *Гэта так відавочна (я думаю), калі загубім мову – загубім незалежнасць, загубім моц, загубім Беларусь* (13.07.2007).

3.4. Аўтарскае стаўленне да змешанага маўлення. Адзначым, што праблема змешанага маўлення падрабязна аналізавалася толькі ў адной публікацыі, дзе яно выступала ў якасці асноўнага аб'екта разгляду (*Трасянка, сэр!* (05.06.2003)), аднак у частцы публікацый гэтай моўнай з'яве надавалася пэўная ўвага. У якасці адзінак аналізу ўжываліся асабістыя пазітыўныя і негатыўныя меркаванні пра змешанае маўленне, адзінкай падліку выступала колькасць такіх меркаванняў. Пры кадзіроўцы было выяўлена 3 пазітыўныя і 30 негатыўных меркаванняў: *Згодны з выказваннямі старшыні Таварыства беларускай мовы А. Трусава – лепш трасянка, чым яе адсутнасць* (08.04.2009) // *Для таго, каб мы ведалі беларускую мову, каб пазбавіліся ад прыкрай трасянке, адных урокаў мала* (28.10.2006). Адзначым, што для значнай колькасці матэрыялаў характэрна неразмежаванне змешанага і дыялектнага маўлення: *Бо сёння частка насельніцтва, асабліва сельскага, хоць яна і думае, што размаўляе па-беларуску, а насамрэч карыстаецца «трасянкаю»* (19.02.2000). Некаторыя аўтары лічаць, што змешанае маўленне найперш распаўсюджана ў вёсках: *А рэальнасць такая: беларускі горад з кожным годам усё больш паспяхова дрэйфуе ў бок рускамоўнасці, а вёска не менш паспяхова фарсіруе «трасянку»* (05.02.2000). Апрача згаданай катэгорыі, намі была выдзелена катэгорыя «стаўленне да змешанага маўлення ў грамадстве», дзе адзінкамі аналізу выступалі меркаванні пра змешанае маўленне ў грамадстве. Аднак пры аналізе не было выяўлена ніводнай такой адзінкі, што можа сведчыць пра ўспрыняцце праблемы адносна да змешанага маўлення другаснай у параўнанні з праблемай стаўлення да беларускай мовы.

3.5. Змешанае маўленне як сродак адмоўнай характарыстыкі асобы. У ходзе кадзіравання матэрыялаў быў заўважаны факт наўмыснага выкарыстання змешанага маўлення з мэтай адмоўнай характарыстыкі герояў, і таму была ўведзена новая адзінка аналізу – пераключэнне з літаратурнага маўлення на змешанае, адзінкай падліку ў дадзеным выпадку выступала колькасць кодавых пераключэнняў. Усяго ў прааналізаваным матэрыяле было выяўлена 10 такіх адзінак: *Другі раз бачу гэтага ж кандуктара [беларускамоўнага] у кампаніі маладых людзей, якія спрабуюць «качаць правы» і з яўным беларускім акцэнтам патрабаваць, каб з імі размаўлялі на «нармальным языке»* (10.10.2008). Гэты факт ускосна дазваляе кваліфікаваць прыведзеныя ўрыўкі як прыклад асабістага негатыўнага стаўлення да змешанага маўлення.

3.6. Ступень тэарэтычнага асэнсавання сацыялінгвістычнай сітуацыі. Да катэгорыі належаць дзве адзінкі аналізу – словы і словазлучэнні: а) *моўная сітуацыя, двухмоўе, білінгвізм*; б) *стаўленне, адносіны, ставіцца*. Адзінкай падліку ў абодвух выпадках выступае колькасць ужыванняў слоў і словазлучэнняў. Як і папярэдня, гэтая катэгорыя была вылучана ў ходзе кадзіравання. Такіх адзінак было выяўлена адпаведна 79 і 59. Нам падаўся вартым увагі факт наяўнасці падобных словаформаў у публікацыях, паколькі ён сведчыць пра больш высокую ступень асэнсавання аўтарамі праблемы (*Мне сумна, што мой сямігадовы сын, які не мог ад мяне чуць штосьці дрэннае пра беларускую мову, рэагуе адмоўна на яе гучанне. Я не магу зразумець, дзе крыніца такога стаўлення* (27.08.2009)).

4. Якасны кантэнт-аналіз. Пры правядзенні якаснага, або структурнага, кантэнт-аналізу ўвага даследчыка фіксуецца не столькі на змесце паведамлення, колькі на спосабе яго падачы. У такім выпадку аналізуецца размяшчэнне матэрыялу і наяўнасць ілюстрацый, вызначаецца, хто з'яўляецца яго аўтарам, у чым бачыць змест праблемы і г. д.

4.1. Асоба аўтара. Аўтарам мы лічылі не складальніка матэрыялу, а суб'екта, чыё меркаванне разглядаецца ў публікацыі (напрыклад, герой інтэрв'ю, рэпартажу і інш.), хаця часам гэтыя асобы маглі супадаць. Часцей за ўсё аўтарам меркавання выступаюць журналіст (20,1 %), чытач (19,1 %) і эксперт (13,6 %). Да экспертаў мы адносілі мовазнаўцаў, гісторыкаў, выкладчыкаў і настаўнікаў беларускай мовы. Высокая частата чытацкіх меркаванняў па сацыялінгвістычных праблемах сведчыць пра цікавасць да гэтай тэмы ў грамадстве. Сярод іншых аўтараў меркаванняў: адказныя асобы – супрацоўнікі міністэрстваў, чыноўнікі высокага рангу (10,6 %), творчая інтэлігенцыя – мастакі, музыканты, пісьменнікі (8,9 %), школьнікі і студэнты (4,2 %) і іншыя (4 %). У некаторых матэрыялах меркаванне выражаюць адразу некалькі асоб, усяго такіх публікацый 19,5 %.

4.2. Асноўны і дадатковы аб'екты разгляду. Асноўным аб'ектам разгляду пераважнай большасці публікацый з'яўляецца беларуская літаратурная мова (97,2 %). У сваю чаргу, у якасці дадатковага аб'екта часцей за ўсё выступаюць іншыя мовы (20,8 %), змешанае маўленне (5,9 %), беларускія гаворкі і беларуская літаратурная мова (па 1,1 %). Сярод іншых моў часцей за ўсё выкарыстоўваецца

ўкраінская, руская, чэшская, іўрыт, польская і літоўская для дэманстрацыі падабенства і адрознення моўнай сітуацыі або ў якасці ўзору адэкватнай, на думку аўтараў, моўнай палітыкі: *Трэба браць прыклад з нашай суседкі Расіі, дзе сваё нацыянальнае багацце абараняюць, за сваё змагаюцца, як толькі могуць. У іх краіне рускай мове, здавалася б, нічога не пагражае. Але там, пры Дзярждуме Расіі, стварылі Камітэт у абарону рускай мовы!* (03.02.2009).

Заўважым, што для абазначэння змешанага маўлення ва ўсіх матэрыялах ужываецца слова «трасянка», што сведчыць пра яго распаўсюджанасць у публіцыстычным дыскурсе. Пры гэтым часта «трасянкай» называюць любое адхіленне ад граматычных норм літаратурнай мовы – як рускай, так і беларускай (параўн.: *З другога боку, наша «трасянка», якая праяўляецца і ў маўленні, і ў пісьме... Гэта ўсё з'яўляецца разбуральным фактарам таго фундаменту, на якім грунтуецца літаратурная беларуская мова* (17.07.2007)).

4.3. Праблемная сфера. Часцей за ўсё аўтары ўздымаюць праблему моўнай сітуацыі ў сферы адукацыі (14,6 %). Таксама ў матэрыялах разглядаецца становішча беларускай мовы ў мастацтве (у тым ліку ў літаратуры і кнігавыданні) (7,2 %), у СМІ (7 %), у сферы абслугоўвання, транспарту, на шыльдах, этыкетках тавараў (7 %), у сферы заканадаўства і справаводства (4,2 %), у побыце (3 %) і ў іншых сферах (5,1 %). Адрознава праблему ішла гаворка ў 8,7 % публікацый; у 43,2 % матэрыялаў аўтары не канкрэтызавалі праблемную сферу.

4.4. Змест праблемы. У некаторых публікацыях аўтары закраналі праблемы функцыянавання мовы. Да экстралінгвістычных праблем мы адносілі пытанне выкарыстання беларускай мовы ва ўмовах білінгвізму, стаўленне да моўных кодаў і інш., да ўнутрымоўных – пытанні арфаграфіі, лексікалогіі і інш.

65 % матэрыялаў закраналі пазамоўныя праблемы, 2,1 % – унутрымоўныя, 4,9 % публікацый датычыліся і пазамоўных, і ўнутрымоўных праблем адрознава, пры гэтым яны разглядаліся ў іх узаемасувязі, і, на думку аўтараў, вырашэнне ўнутрымоўнай праблемы можа ў пэўнай ступені спрыяць вырашэнню пазамоўнай: *Увядзенне ў дзеянне новай рэдакцыі «Правіл беларускай арфаграфіі і пунктуацыі»... паэзія прэстыж беларускай мовы... паспрыяе пашырэнню беларускамоўнага асяроддзя і павелічэнню цікавасці насельніцтва да вывучэння і ўжывання беларускай мовы* (У. Здановіч, старшыня Пастаяннай камісіі Палаты прадстаўнікоў па адукацыі, культуры, навуцы і навукова-тэхнічным прагрэсе, 08.05.2007). Аўтары 27,8 % публікацый не вызначылі пэўнай праблемы; 0,2 % матэрыялаў – цяжкакваліфікуемы выпадак.

4.5. Прычыны і суб'ект утварэння праблемы. Некаторыя аўтары імкнуліся прааналізаваць прычыны праблемы і высветліць фактары, якія паўплывалі на яе з'яўленне, а таксама вызначыць суб'ект утварэння праблемы: спробы вызначыць прычыну здзейснены ў 67, а суб'ект – толькі ў 12 публікацыях, што сведчыць пра недастатковую асэнсаванасць праблемы. Аўтары не прапанавалі рашэнняў праблемы ў 56,8 % публікацый, а суб'ект іх утварэння не вызначаны ў 68,2 % публікацый.

У 33 публікацыях аўтары адзначаюць псіхалагічныя прычыны ўзнікнення наяўнай моўнай сітуацыі: *І што дзіўна: пачуццё непайнавартасці трымаецца ў сядомасці людзей так моцна... што беларусы ніяк не могуць зламаць у сабе гэтую ўстаноўку нерашучасці, боязі здацца адсталымі, забітымі і цёмнымі, як не маглі пазбыцца гэтага адчування і нашых продкі* (24.04.2009). У 23 матэрыялах аўтары называюць гістарычныя, у 3 – сацыяльна-эканамічныя і палітычныя прычыны: *Беларуская мова ў Беларусі стала нявыгаднай, як у палітычным (атажсамліваецца з апазіцыяй дзяржаве), так і ў эканамічным плане (не зробіш кар'еры)* (05.02.2000). Аўтары 8 публікацый указваюць на іншыя прычыны – галоўным чынам унутрымоўную, правапісную: *Потым, калі... пачаўся парад суверэнітэтаў, наша чыноўніцтва пад ціскам часу нават пачало карыстацца ёй. І, магчыма, карысталася б да сённяшняга дня, калі б не спроба вярнуць «тарашкевіцу»* (08.04.2009). Што датычыцца суб'екта ўтварэння праблемы, то ў 11 матэрыялах аўтары называюць сам народ або кожнага грамадзяніна паасобку (*Цяпер мне здаецца, што ў саміх беларусаў няма волі да раскрыцця сваіх каранёў* (16.05.2008)), у 1 суб'ектам праблемы выступае ўрад.

4.6. Спосаб вырашэння праблемы. У параўнанні з прычынамі і суб'ектамі ўтварэння праблемы спосабы яе вырашэння прадстаўлены шырэй. У 9,7 % ад усіх публікацый аўтары мяркуюць, што вырашыць праблему можна тады, калі само грамадства (народ) і кожны асобны грамадзянін усвядоміць істотнасць дадзенай праблемы і пачне актыўна дзейнічаць: *Тут, мне здаецца, нават бацькоўскі аўтарытэт свой трэба ўжыць – прымусіць уласных дзяцей паважаць сваю мову, гаварыць і чытаць на ёй – карыстацца* (26.09.2008). Аўтары 8,5 % матэрыялаў мяркуюць, што найперш патрэбна дзяржаўная падтрымка: *Прычым, я не згодны з тымі, хто сцвярджае, што ўсё залежыць ад нас, ад людзей. Больш, па-мойму, ад дзяржаўных вярхоў* (12.05.2009). У 1 матэрыяле (0,2 %) аўтар сцвярджаў, што вырашыць гэтую праблему немагчыма: *Таму ўпэўнена – як бы вы ні стараліся, што б там ні пісалі пра нашу мову, час страчаны, беларус па-беларуску ўжо не загаворыць!* (08.04.2009).

Высновы. Кантэнт-аналіз публікацый у газеце «Звязда» за перыяд 2000–2010 гг. адлюстравалі пэўную занепакоенасць журналістаў і чытачоў выдання становішчам беларускай мовы ў дадзены перыяд. У той жа час было выяўлена, што далёка не ўсе аўтары глыбока асэнсоўваюць праблемы,

бачаць іх прычыны і шляхі вырашэння. Даволі высокая колькасць згадак як пра пазітыўнае, так і пра негатыўнае стаўленне да беларускай мовы ў грамадстве сведчыць пра наяўнасць прынамсі дзвюх светапоглядных арыентацый – з аднаго боку, погляд на беларускую мову як пэўную каштоўнасць, якая з'яўляецца адной з прыкмет нацыі, з другога – утылітарнае ўспрыняцце мовы, якая не выйграе канкурэнцыю з мацнейшай, а таму не мае асаблівай вартасці і практычнай карысці.

У дачыненні да змешанага маўлення можна сказаць, што аўтары не надаюць шмат увагі гэтаму пытанню. Прычынамі гэтага нам уяўляюцца наступныя: 1) у параўнанні з праблемай функцыянавання беларускай літаратурнай мовы дадзенае пытанне не разглядаецца аўтарамі як асабліва істотнае; 2) магчыма, некаторыя патэнцыйныя аўтары самі з'яўляюцца носьбітамі гэтага моўнага кода і таму яго наяўнасць успрымаецца як пэўная дадзенасць, якая не мае падстаў быць аб'ектам аналізу.

Такім чынам, мы можам меркаваць, што публікацыі ў газеце выражаюць погляды пэўных катэгорый насельніцтва, якія з'яўляюцца мэтавай аўдыторыяй газеты, і ў пэўным сэнсе медыя-дыскус ёсць адлюстраванне і важны складнік працэсаў, што адбываюцца ў грамадстве ў сферы функцыянавання моўных кодаў.

ЛІТАРАТУРА

Лянкевіч А.У. Праблема стаўлення да моў у замежнай і беларускай лінгвістыцы // Весті НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2010. № 4. С. 111–119.

Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология: Методы исследования. М., 1997.

Attitudes towards Language Variation / E.B. Ryan, H. Giles. London, 1982.

Baker C. Attitudes and Language. Clevedon, 1992.

Berelson B. Content Analysis in Communication Research. New York, 1971.

Crystal D. An encyclopedic dictionary of language and languages. Cambridge, 1992.

Lambert W., Hodgson R., Gardner R., Fillenbaum S. Evaluational Reactions to Spoken Languages // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1960. Vol. 60. P. 44–51.

Language Vitality and Endangerment. Document submitted to the International Expert Meeting on UNESCO Programme Safeguarding of Endangered Languages. Paris, 10–12 March 2003.

Osgood C.E., Saporta S., Nunnally J.C. Evaluative Assertion Analysis // Litera. 1956. Vol. 3. P. 47–102.

Woolard K.A. Double Talk: Bilingualism and the Politics of Ethnicity in Catalonia. Stanford, 1989.

Паступіў у рэдакцыю 29.08.11.

Алена Уладзіміраўна Лянкевіч – аспірантка кафедры гісторыі беларускай мовы. Навуковы кіраўнік – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай мовы С.М. Запрудскі.

І.М. КУРЛОВІЧ

ПРЫСЛОЎІ НЯПЭЎНА-КОЛЬКАСНАЙ СЕМАНТЫКІ 'МНОГА' Ў ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ

Рассматриваются особенности функционирования наречий неопределенно-количественной семантики 'много' в истории белорусского языка. Делается вывод, что на протяжении развития белорусского языка вышли из активного употребления отдельные книжнославянизмы, произошла более узкая специализация значений в рамках одной словоформы, увеличилась словообразовательная валентность отадрективных компонентов в составе современных сложений.

The article deals with the specific features of indefinite qualitative adverbs of 'many / much' semantics in the history of the Belarusian language. It was found out that in the course of the Belarusian language development some bookish words of Slavonic origin went out of use, a narrower specialization of meanings in the framework of one word form took place, word forming valence of adjective components in modern word combinations increased.

Вывучэнне прыслоўя як знамянальнай часціны мовы ў беларускай лінгвістыцы не мае даўняй традыцыі. Асобныя пытанні, звязаныя з гэтай катэгорыяй слоў, упершыню былі закрануты ў працах акадэміка Я.Ф. Карскага, які адзначаў, што «неизменяемые части речи (наречия, предлоги, союзы, междометия) в белорусском языке бывают или первообразные, часто состоящие из одного гласного звука (а, и, у) или гласного с согласным (на, ци), не говоря уже о тех образованиях, которые вследствие фонетических причин сократились, потеряв часто даже характер слога (об, з, ў), или производные при посредстве разных суффиксов» (Карский 1956, II, 64).

Акадэмік Карскі прытрымліваўся традыцыйнага вызначэння прыслоўя як нязменнай самастойнай часціны мовы. Да прыслоўяў ён адносіў нячленныя формы вышэйшай ступені параўнання прыметнікаў (*первей, перш-наперш, спржеда*), а таксама лічыў, што ў іх склад можна ўключаць пабочныя словы, якія ўтвораны ад дзеясловаў (*мусіць, аможе, ведьже*). Я.Ф. Карскі пры гэтым заўважыў, што прыслоўяў, утвораных непасрэдна ад уласнамоўных каранёў, беларуская мова ведае няшмат, прытым больш за ўсё ў форме часціц, якія ўваходзяць у састаў складаных прыназоўнікаў і прыслоўяў: а- (*абыдзе, абыдзень, абыяк, ажно, ану*), -ка (*цяперака, тутачка, тамака*) (гл. Карский 1956, II, 65–78). Заслугай Я.Ф. Карскага ў вывучэнні гэтай часціны мовы можна лічыць сабраны ім выключна багаты і разнастайны фактычны матэрыял з помнікаў старабеларускага пісьменства, а

таксама розных беларускіх гаворак, што дазволіла ўвесці ў навуковы ўжытак вялікую колькасць старажытнабеларускіх і дыялектных прыслоўяў (гл. Шуба 1962, 28).

Пазней некаторыя назіранні над функцыянаваннем прыслоўяў у беларускай літаратурнай мове знайшлі адлюстраванне ў дапаможніках для студэнтаў вышэйшых навучальных устаноў, школьных падручніках, распрацоўках метадычнага характару (А.М. Базыленка і інш., 1957; М.І. Гурскі, М.Г. Булахаў, М.Ц. Марчанка 1958, 1961). Грунтоўным абагульненнем назапашанага матэрыялу, своеасаблівым манаграфічным нарысам марфалогіі прыслоўя стала праца П.П. Шубы «Прыслоўе ў беларускай мове» (гл. Шуба 1962). У ёй даследчык выдзяляе тры асноўныя разрады прыслоўяў па значэнні (акалічнасныя, якасна-акалічнасныя, якасныя), разглядае асаблівасці іх форма- і словаўтварэння, вылучае акцэнталагічныя тыпы прыслоўяў у сучаснай беларускай літаратурнай мове.

Што да колькасных прыслоўяў, то ў беларускай лінгвістыцы пакуль што не вырацаваны адзіны погляд на іх месца ў лексіка-семантычнай класіфікацыі. Адны мовазнаўцы адносяць іх да якасных, якія абазначаюць меру якасці той або іншай прыметы (гл. Шуба 1962, 34; Беларуская граматыка 1985, 196), другія выдзяляюць у асобны разрад і класіфікуюць як азначальныя (гл. Бурак 1974, 193; Л.М. Грыгор'ева (гл. Беларуская мова 1994, 215); Л.І. Сямешка, І.Р. Шкраба, З.І. Бадзевіч (гл. Курс беларускай мовы 1996, 430)).

Мэтай нашага артыкула з'яўляецца выяўленне асаблівасцей функцыянавання прыслоўяў няпэўна-колькаснай семантыкі 'многа' ў гісторыі беларускай мовы. Крыніцамі фактычнага матэрыялу паслужылі картатэка і 30 выпускаў «Гістарычнага слоўніка беларускай мовы», дыялектныя, тлумачальныя, этымалагічныя слоўнікі беларускай і рускай моў, «Слоўнік мовы Скарыны», «Слоўнік мовы "Нашай Нівы"», а таксама «Старославянскі слоўварь» і «Словарь русского языка XI–XVII вв.».

Для выражэння апрадмечанай колькасці ў сучаснай беларускай літаратурнай мове выкарыстоўваюцца базавыя прыслоўі *многа*, *шмат*, а таксама *больш* (як форма вышэйшай ступені да *многа*). Паводле ТСБМ прыслоўе *многа* мае наступныя значэнні: 1. У вялікай колькасці, у вялікай ступені; не мала (*Не, я дык люблю сходкі. Асабліва вялікія, дзе многа людзей...* М. Зарэцкі). 2. Больш, чым патрэбна; лішне (*Няўжо гэта тая, пра якую калісь так многа гаварылі...* М. Зарэцкі). Прыслоўе *шмат*: 1. Вялікая колькасць, дастатковая колькасць каго-, чаго-н., многа (*Шмат спявае*). 2. У спалучэнні з прыметнікамі і прыслоўямі выш. ст. азначае: значна, намнога (*Ён шмат маладзейшы за мяне*). 3. У спалучэнні з адноснымі займеннікамі абазначае: многія, многае (*Ты, Ліпень, надта малады і шмат чаго ў жыцці не паспеў зразумець...* В. Праўдзін). Прыслоўе *больш*: 1. Выш. ст. да прысл. *многа* (...*больш багатыя дастанецца*. Г. Марчук). // 3 колькаснымі назоўнікамі або з колькаснымі назоўнікавымі злучэннямі ўказвае на перавышэнне абазначанай колькасці (*Больш за тону. Званілі доўга, больш за пяць хвілін*. К. Чорны). 2. У спалучэнні з прыметнікамі або прыслоўем служыць для ўтварэння вышэйшай ступені (*Міколка наважыўся падацца ў больш спакойнае месца*. М. Лынькоў). 3. У адмоўным сказе азначае: далей, у далейшым, ужо (*Холаду Лявоніха больш не адчувала...* В. Праўдзін). 4. Пераважна, галоўным чынам (...*мужава прысутнасць цяпер больш перашкаджала...* В. Праўдзін).

Акрамя адзначаных лексем, у народных гаворках ужываюцца прыслоўі *болі* (*Не хадзі болі туды, бо буду сварыцца*. Краснае Маладз.) (СГЦРБ, I, 40); *боле*, *болеі* (*Яны боле рыжыя*. Ахрэмаўцы Брасл. *Болей не прыдзе*. Чычаль Швянч.) (СПЗБ, I, 202); *веле*, *веля*, *велё*: 1. Шмат, многа (*О, веле стаякоў настаўляла*. Беняконі Воран.). 2. Колькі, колькі-н. (*Веле малака ў мяне бралі?* Старыя Трокі Трак.). 3. Толькі (*Ругаецца стары, як цыгра, веля спакою, як у хаці німа*. Міратычы Карэл.). 4. Працяглы час (*Я веля нахадзілася па леся*. Старыя Смільгіні Воран.; параўн.: польск. *wiele* 'многа, багата') (СПЗБ, I, 231); *венц* (*Зямлі меў паўвалокі ці венц*. Грыкені Вільн.) (СГЦРБ, I, 231); *мнозазна* (*Но ў гэты год ягад у лесі, ягад мнозазна!* Заямнае Стаўб.) (СГЦРБ, I, 231).

Паводле свайго паходжання пераважная большасць гэтых прыслоўяў адносіцца да агульнаславянскага пласта лексікі. У помніках старабеларускага пісьменства найбольшай прадуктыўнасцю характарызуецца стылістычна нейтральнае прыслоўе *многа*, пры гэтым у лексіка-семантычнай групе з асноўнай дамінантай 'многа' налічваецца значная колькасць разнастайных паводле паходжання прыслоўных словаформаў.

1. Прыслоўе *многа* (ад праславянскага прыметніка *тъногъ*, які этымалагі збліжаюць з гоцк. *tanags* 'шматлікі', ЭСБМ, VII, 60) шырока зафіксавана ў помніках стараславянскай мовы ў форме *тъного* са значэннем 'многа, очень много', пры гэтым адзначаецца і яе параўнальная ступень *тъножае* (СС, 335). Варта адзначыць, што фактычна паралельна ўжываліся і прыслоўі *тъногашьды*, *тъногашди*, *тъногащи* са значэннем 'многакратно, много раз' (СС, 335).

У помніках агульнаўсходнеславянскай мовы прыслоўе *многа* выступае ў двух значэннях: 'в большом количестве, в большой степени; много, не мало' і 'сильно, очень' (СлРЯ, IX, 194). У гэты перыяд словаформа *многа* магла ўжывацца і ў функцыі назоўніка са значэннем 'большое количество' (*Можааше бо се миро продано быти на мънозе и дано быти нищимъ*. Матф. XXVI, 9) (СлРЯ, IX, 194–195), а таксама як першая частка складаных слоў са значэннем 'предмет, действие, состояние,

качество, названные второй частью слова, существуют в большом количестве': *многобожный, многожальный, многовидный* і г. д. (СлРЯ, IX, 194–195), чаго не назіралася ў стараславянскай мове. Фіксуецца ў помніках агульнаўсходнеславянскай мовы і прыслоўі *многажды* (*многажди, мъногашьди*), *многожды*; *многачски* (*многачьскы*); *многащи* (*мъногашчи*); *многизда*; *многизды* з адзіным значэннем 'часта, многакратно' (СлРЯ, IX, 192–193).

У старабеларускай мове прыслоўе *многа* атрымлівае далейшае пашырэнне семантыкі. Яно ўжываецца ў чатырох значэннях: 1. У вялікай колькасці, у вялікай ступені, многа, нямала (*Их много укупе ездило и много злогъ людемъ чинили*. Вісл., 17). 2. Значна, у значнай ступені (*В землю Мьсти-славльскою воину свою поустиль и много проли крови християньскаа*. Увар., 91). 3. Моцна, вельмі (*Вашо польное здорovie отъ Якуба слышавъши, вельми много есмо радовалися* КЗ, 362, 1484). 4. Больш, чым патрэбна, лішне (*Не надобе о томъ много писати, вси бо ведаемъ яковыхъ теперъ учителей маемъ*. Будны, 7) (ГСБМ, XVIII, 89–90). Словаформа *многа* ў пісьмовых помніках беларускай мовы XIV–XVII стст. фіксуецца і ў значэнні назоўніка 'вялікая колькасць' (*Хто бы за мало много упросиль*. Ст. 1529, 4) (ГСБМ, XVIII, 90).

У «Гістарычным слоўніку беларускай мовы» падаюцца прыслоўі *множайше* і *множае* як вышэйшая ступень ад *многа* (ГСБМ, XVIII, 96), а таксама са значэннем 'часта, шматразова' прыслоўі *многажды* (*многизда, многожды*); *множицею*; *многокротъ*; *многократъ* (*многократъ*) (ГСБМ, XVIII, 87, 91–92, 100). Далейшае развіццё ў помніках старабеларускага пісьменства атрымала словаўтваральная мадэль складання з першай часткай *многа-*, якая адлюстроўвае ступень праяўлення прыметы, названай другой асновай (*Зъ многогрешного тела...* Карп., 49); (*Будучы з многозацныхъ...* Атыла, 199); (*Многоклопотливых света сего...* Калист, II, 9 б) (ГСБМ, XVIII, 96).

Новая (сучасная) беларуская літаратурная мова, якая ў другой палове XIX – пачатку XX ст. фарміравалася на вусна-дыялектнай аснове, у адрыве ад кніжна-літаратурных традыцый папярэдніх стагоддзяў, сведчыць аб дыферэнцыйным адборы прыслоўяў няпэўна-колькаснай семантыкі, замацаванні ў жывой народнай мове толькі прыслоўяў з найбольш абагуленым значэннем. Так, у «Слоўніку мовы "Нашай Нівы"» прыслоўе *многа* падаецца з двума базіснымі значэннямі: 'у вялікай колькасці, у вялікай ступені; не мала' (...*сваталося многа розных князёў...* 1910, № 1, с. 6) і 'вельмі шмат, празмерна' (*Многа працавалі людзі, многа пралівалі поту...* 1907, № 26, с. 3) (СМНН, II, 552). Фіксуецца таксама складанні з першым кампанентам *многа* – са значэннем меры і ступені праяўлення прыметы: *многагаротны, многалюдны, многапольны* (СМНН, II, 553–554).

Што да сучаснай беларускай літаратурнай мовы, то прыслоўе *многа*, як і ў нашаніўскі перыяд, выступае толькі ў двух значэннях. Старажытная кніжныя формы тыпу *многажды* (*многизда, многожды*); *множицею*; *многокротъ*; *многократъ* (*многократъ*) не замацаваліся. Для абазначэння вялікай колькасці ў сучаснай беларускай літаратурнай мове ўжываецца таксама і назоўнік *мноства*. Як параўнальная ступень да *многа* ў літаратурнай мове функцыянуе суплетыўная словаформа *больш*.

2. Прыслоўе *больш* (ад стараславянскага прыметніка ў параўнальнай (вышэйшай) ступені *болии, больши, боле*) побач з *большими* мела адзінае значэнне 'больше' (СС, 98–99).

У помніках агульнаўсходнеславянскай мовы зафіксаваны прыслоўі *больше* (*больши*) і *более* (*боле, боли*) са значэннямі: 1. Дольше, продолжительнее (...*а больше дву месяца...* ААЭ, I, 71. 1471 г.). 2. Сильнее, больше (по степени действия или проявления) (...*елико ихъ больши подавляють...* Ав. Кн. Толк., 567. 1677 г.). 3. Преимущественно, главным образом (...*а больши у него речей...* Польск. д. III, 90. 1562 г.). 4. Лучше (...*о чемъ больше договоримся...* Гебд., 40. 1659 г.) (СлРЯ, I, 285–286). Падаецца тут і прыслоўе *большее*. То жэ, што *больше* (в знач. 1, 3) (СлРЯ, I, 286). З адзіным значэннем 'больше, сильнее' прыводзіцца прыслоўе *большими* (*большими*) (*И отъ того дъни большими начат любить его*. Патерик Печ., 32. XV в.) (СлРЯ, I, 287).

У помніках старабеларускай мовы прыслоўе *больш* зафіксавана ў такіх формах, як *болше, больше, болшей, болшэй, болшешей, болшэйшэй, более, боле, болей*. Значэнне 'больш' перадавалі словаформы *болше, больше* (...*казати болше брати...* Ст. 1529, 70); *более* (...*не мовъ более ко мне...* Скар. ДЗ, 11); *боле* (...*а будетъ ли боле парсунъ у той жалобе...* АЗР, I, 40–41, 1420–1423); *болеи* (...*померло ихъ многимъ болей...* Скар. ІН, 21 б–22); *болшей, болшэй, болшешей, болшэйшэй* (...*не могутъ болшей того терпети*. КЗ, 448, 1486) (ГСБМ, II, 127, 138). Акрамя таго, словаформы *болшей, болшэй, большеи, болшэйшэй* перадавалі значэнні 'скарэй, хутчэй' (...*а болшей то въ земъли Жомойтской ма быть...* КПД, 587, 1557); 'далей' (*Не становити подводы нигде болшей семи миль...* КПД, 596, 1558) (ГСБМ, II, 138–139).

Далейшае пашырэнне семантыкі прыслоўя *больш* адбываецца на пачатковым этапе фарміравання сучаснай беларускай літаратурнай мовы. У выданнях газеты «Наша Ніва» сустракаюцца наступныя формы прыслоўя *больш*: *болеи, boleј, боляи* са значэннямі: 1. Больш (...*а выдаткоў усё болей і болей...* 1907, № 13, с. 2); // 3 колькаснымі назоўнікамі ці злучэннямі ўказвае на перавышэнне абазначанай колькасці, сумы (...*а нават крыху болей, як авёс*. 1908, № 26, с. 4). 2. У адмоўным сказе азначае: далей, у далейшым, ужо (*Перад Калядамі Сайка зусім занямог і болей не паднімаў галавы*.

1914, № 29, с. 3). 3. У спалучэнні з прыслоўем служыць для ўтварэння вышэйшай ступені (...*выстаўляець тых работнікоў шмат болей...* 1907, № 12, с. 8) (СМНН, I, 228); *болі* са значэннем 'больш' (*Чым болі яны падрасці...* 1914, № 17, с. 1) (СМНН, I, 228); *больш*, *bols* са значэннямі: 1. Выш. ст. да многа (*Больш аб гаспадарцы дбала Банадыся*. 1913, № 11, с. 2). // У спалучэнні з колькаснымі назойнікамі і з прыназоўнікамі *як*, *за* і без іх указвае на перавышэнне названай колькасці (*Князь Острожскі быў патронам больш чым 600 цэрквей*. 1910, № 4, с. 72). 2. У спалучэнні з прыметнікамі або прыслоўем утварае вышэйшую ступень (*У больш культурных старонках...* 1913, № 14, с. 1). 3. У адмоўным сказе азначае: далей, у далейшым, ужо (...*ніколі больш не пыталися...* 1908, № 10, с. 5). 4. Выкарыстоўваецца як кампанент складанага злучніка чым... *тым* (*Чым больш грошэй будзе ў касе, тым лепей пойдзе праца суполкі*. 1908, № 5, с. 7). 5. Далей, у далейшым, ужо (...*асталася ляжаць на дне і ўжо больш не таець*. 1908, № 6, с. 4) (СМНН, I, 229).

Нягледзячы на функцыянаванне шматлікіх варыянтных формаў прыслоўяў з асновай *больш-* (*болі-*) у помніках старабеларускага пісьменства і ў так званы нашаніўскі перыяд, у сучаснай беларускай літаратурнай мове выкарыстоўваецца адзінае прыслоўе *больш* з асноўным значэннем 'выш. ст. да прысл. *многа*'. Значэнні прыслоўя *больш* 'далей, у далейшым, ужо' ў адмоўным сказе і 'пераважна, галоўным чынам' (ТСБМ, I, 394–395), на наш погляд, маюць дадатковы характар і могуць успрымацца як аманімічныя.

Варта адзначыць, што ў сучаснай беларускай літаратурнай мове прыслоўная словаформа *больш* з'яўляецца кампанентам ва ўстойлівых спалучэннях: *больш таго* (*Алесь адчуў сябе старэйшым. Больш таго – адчуў, што страшны, халодны час раздарожжа закончыўся, можна хоць штосьці рабіць, хоць за штосьці ўчапіцца*. Брыль); *больш-менш* (*Гэты самы гук памагаў яму [Сяргею Карагу] крыху агледзецца і больш-менш пэўна вызначыць сваё становішча*. Колас); *ні больш ні менш* (*Бяру аршын і правяраю сам. Дык што ж вы думалі? Ну ў чэрці! Недахапіла ў мяне там ні больш ні менш – тры чвэрці*. Крапіва); *тым больш* (*Рахункаводу абрыдла сядзець у канторы, тым больш што на вуліцы выдатны вясновы вечар*. Хадкевіч) (гл. Лепешаў 2008).

У помніках агульнаўсходнеславянскай мовы са значэннем 'больш за ўсё' зафіксаваны прыслоўныя словаформы, у склад якіх уваходзіць прыстаўка *наи-*: *наиболее* (...*оже жены наиболее кланяются до земля...* Корм. Балаш., 275. XVI в. ~ 1156 г.) (СлРЯ, X, 99); *наибольши* (...*сие же наибольши расширяются...* Назиратель, 227. XVI в.) (СлРЯ, X, 99). Старабеларускай мове такія словаформы не былі характэрныя.

Шырокі спектр такіх словаформаў атрымаў развіццё ў старабеларускай мове. Параўн.: *найбольшъ*, *найболшъ* са значэннем 'найбольш' (...*и наибольшъ было діаконъ...* Дыяруш., 166) (ГСБМ, XIX, 44); *набольшей*, *наболшей*. Тое, што і *найбольшъ* (...*а наболшей тым которые бы...* Ст. 1529, 24) (ГСБМ, XVIII, 293); *наболше*, *наболша*, *наболши*, *набольше*. Тое, што і *найбольшъ* (...*а найбільше млстынею Чэцця*, 19 б) (ГСБМ, XVIII, 293); *найболей* са значэннямі 'найболей, найбільш; асабліва' (...*зубляше землю, наиболее египетскую...* Скар. КБ, 87–87 б) (ГСБМ, XIX, 44); *набойей*. Тое, што і *найболей* (...*а набойей о земленомъ...* АЮЗР, I, 22, 1483) (ГСБМ, XVIII, 292); *наболе*. Тое, што і *найболей* (...*а наболе ныне мне мешкаючи...* АСД, IX, 6, 1506) (ГСБМ, XVIII, 292).

Прыслоўе *набольшь* са значэннем 'наиболее' падаецца ў «Слоўніку беларускай мовы» І.І. Насовіча (*Кожень себе набольшь любіць, чимъ-си другога*) (Насовіч, 298). Ніводнае прыслоўе з прыстаўкай *най-* не фіксуецца ў мове газеты «Наша Ніва».

Што да сучаснай беларускай літаратурнай мовы, то ў ёй функцыянуюць прыслоўі *найбольш* і *найболей*. Параўн.: *найбольш*. 1. Больш за ўсё, больш за іншых; асабліва (...*вайна цягнулася ўжо каторы год. І найбільш далася яна нашай краіне, прынамсі Беларусі*. Дубоўка). 2. У спалучэнні з якаснымі прыметнікамі ўтварае найвыш. ступень апошняга (*Найбольш яркі. Найбольш прыгожы*) (ТСБМ, III, 252); *найболей*. Тое, што і *найбольш* (*3 усіх птушак найболей падаюць голас у лесе сініцы...* Навуменка) (ТСБМ, III, 252).

У помніках старабеларускага пісьменства побач з прыслоўямі *многа* і *больш* суіснавалі сінанімічныя словаформы, у аснове якіх быў праславянскі якасны прыметнік *велии*, які паступова страчваў марфалагічныя рысы формамянення і ператвараўся ў нязменную часціну мовы. Параўн.: *веле*, *веля*, якія мелі значэнні 'многа, мноства' (...*оузрел веле шпичъ грецких...* Троя, 54) і 'колькі, як многа' (...*пана самого не было, выписують зособна, чого которій податокъ и веле посыла*. КПД, 533, 1569) (ГСБМ, III, 76–77); *велие* са значэннем 'многа' (...*оуставляемъ ижъ велие суседъ посполито не может поити...* Вісл., 26–26 б) (ГСБМ, III, 82).

Венцей са значэннем 'больш' (...*ижъ венцей терпети не повинень*. АЗР, V, 75–76, 1645) (ГСБМ, III, 108); *венци*, *веньци*. Тое, што і *венцей* (*Братія венци не мают...* Вісл., 35 б) (ГСБМ, III, 109). Форма *венць* у пісьмовых помніках беларускай мовы XIV–XVII стст. сустракаецца ў значэннях злучніка і прыслоўяў: 1. Зл. *Такім чынам*. 2. Прысл. *Толькі*. 3. Прысл. *Больш* (*Рекль старец венць жадного...* Зб. 107, 201 б) (ГСБМ, III, 109).

Варта адзначыць, што ў стараславянскай мове функцыянавала словаформа **веле** як выклічнік (СС, 110), а таксама словаформа **велии** (*велий*) як прыметнік (СС, 110). Прыслоўную словаформу **веле** або **велии** не адлюстроўваюць ні помнікі стараславянскай мовы, ні агульнаўсходнеславянскія крыніцы.

Прыслоўная словаформа **веле** ў літаратурнай мове ўсходніх славян магла ўжывацца ў функцыі першай часткі кампазітаў. У іх складзе яна перадавала ступень праяўлення прыметы, названай другой асновай, і была характэрна найбольш для помнікаў рэлігійнай літаратуры: *велегласно воскликнемъ* (Чэцця, 70 б); *велеречиво молиться* (Каліст, I, 32 б); *велелепнымъ гласомъ* (Катэхізіс, 201); *велемовная спрносность* (Кін., 49 б–50); *велемовство, жарты* (Навука, 56); *велемовцею его* (Пралог, 560 б); *велелепнымъ гласомъ* (Катэхізіс, 201); *а велеречия не имети, ни искати* (Чэцця, 166–166 б); *врагъ на мя велеречоваль* (Чэцця, 242 б) (ГСБМ, III, 78, 81, 101). Неабходна адзначыць, што абсалютная большасць такіх кампазітаў сустракаецца ў самых ранніх агульнаўсходнеславянскіх крыніцах. Параўн.: у «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» *велегласие, веледушно, велемудрый* і інш.

У сучаснай беларускай літаратурнай мове кампанент **веле-** ў складзе кампазітаў, як і прыслоўныя словаформы на **веле** або **венц**, не ўжываецца. На думку прафесара М.Г. Булахава, «у прыметніка **велии** (*велий*) з праславянскай эпохі быў моцны канкурэнт – суфіксальны сінонім **великъ** (*великий*), які паступова станавіўся больш ужывальным словам, здольным утвараць усе магчымыя (склонавыя, родавыя, лікавыя і кампаратыўныя) формы і ўступаць у разнастайныя сэнсавыя сувязі з іншымі словамі» (Булахаў 1973, 22).

Для выражэння няпэўнай велічыні ў помніках агульнаўсходнеславянскай мовы функцыянавалі прыслоўныя словаформы *пуще, пущи, пуцьше* з наступнымі значэннямі: 1. Ср. ст. нар. и прил. *Сильнее, больше; хуже* (*Иже раны пуще пьрвыхъ...* Ж. Феод. Студ.). 2. *Слабее, ниже в каком-л. отношении* (...яко простии людье, пуще и половець. Ипат. Лет., 742). 3. Нареч. *Больше всего, в особенности* (...проводиль его до Терека, отъ Шавкала пуще. Арс. Сух. Проскинитарий, 115. 1653 г.) (СлРЯ, XXI, 76).

У значэнні ‘больш, болей’ у старабеларускай мове выкарыстоўвалася прыслоўе *паче* (*пачеи*) (...*весть яко паче всех согрешиль...* ПБ, 23) (СМС, II, 8). Акрамя таго, тут адзначаюцца такія сінанімічныя словаформы да прыслоўя *пуще*, як *пущеи* (...*страшливыи пущеи всихъ...* Трыст., 46–47) (ГСБМ, XXIX, 390); *пущи* (...*а сотворение лепшого не будетъ поущи его*. Арыст, 159) (ГСБМ, XXIX, 391); *пущести* (...*а любо бывало имъ пущести иже трудъ подалъ...* Арыст, 208) (ГСБМ, XXIX, 391).

«Слоўнік беларускай мовы» І.І. Насовіча прыводзіць прыслоўе *пущи* са значэннем ‘хуже’ (*Пуще будзецъ, коли не послухаешъ*) (Насовіч, 540), а таксама прыслоўе *пущей* са значэннем параўн. ст. ‘сильнее’ (*Пущей ставъ кричаць*) (Там жа). На старонках «Нашай Нівы» прыслоўе *пушчэй* зафіксавана са значэннем ‘горш’ (*Шмат бядней і пушчэй живе ў нас народ як на другіх краёх*. 1914, № 19, с. 3) (картатэка СМНН). Ні ў сучаснай беларускай літаратурнай мове, ні ў народных гаворках гэтая форма не захавалася.

3. Даўнюю гісторыю ў беларускай мове мае прыслоўе **шмат** са значэннем ‘многа’. Яно сустракаецца ўжо ў помніках старабеларускага пісьменства (...*коли шматъ золота обачыль...* Зб. 752, 485 б); (...*и кости шматъ дужій отбито прочъ*. ГЮМ, VIII, 524, 1636) (картатэка ГСБМ), а пазней зафіксавалася і на старонках «Нашай Нівы» (*Шмат бядней і пушчэй живе ў нас народ як на другіх краёх*. 1914, № 19, с. 3) (картатэка СМНН). Словаформа **шмат** была запазычана з польскай мовы, дзе ўжывалася як назоўнік са значэннем ‘кавалак, ануча’. Параўн.: польск. *szmat, szmata* (гл. Булыка 1972, 366).

«Слоўнік беларускай мовы» І.І. Насовіча падае словаформу **шмат** з наступнымі значэннямі: 1. Кусокъ чэго-либо (*Шматъ мяса, полотва, земли*). 2. Порядочное количество (*Шматъ грошей выдавъ*) (Насовіч, 714).

Словаформа **шмат** шырока ўжываецца і як прыслоўе (*Ён з глебы гоніць кропляў шмат*. А. Куляшоў), і як назоўнік не толькі ў сучаснай беларускай літаратурнай мове, але і ў народных гаворках. Параўн.: *Шмат і яшчэ чаго казаў*. Бешанковічы, Беш. р. (ВКС, 353); *Шмат работы яшчэ засталося*. *Зарабіў шмат грошай*. В. Старына (КСЧ, 311). Прыкладна з 1920-х гг. прыслоўе **шмат** стала актыўна выкарыстоўвацца ў функцыі кампанента складання: *шматвопытны, шматлікі, шматстаронні* і да т. п. (гл. Прыгодзіч 2000, 72). Першапачаткова гэты кампанент ужываўся як патэнцыяльна магчымы дублет да **многа-** (*многагадовы – шматгадовы, мнагалікі – шматлікі*), але паступова ён пашырыўся і ў некаторых выпадках стаў адзіна магчымым: *шматкроп’е, шматслоўе*. На думку М.Р. Прыгодзіча, «складанні з першай асновай **шмат-** пачынаюць успрымацца як найбольш тыповыя для сучаснай беларускай мовы» (Прыгодзіч 2000, 72).

Прааналізаваны матэрыял сведчыць аб тым, што на працягу гістарычнага развіцця беларускай мовы ў складзе прыслоўяў няпэўна-колькаснай семантыкі ‘многа’ адбыліся істотныя змены. З аднаго боку, з актыўнага ўжытку выйшлі кніжнаславянскія словаформы тыпу **веле, пуще, паче**, з другога – адбылася больш вузкая спецыялізацыя значэнняў у межах адной словаформы. Словаўтваральную актыўнасць у сучаснай беларускай літаратурнай мове набіраюць прыслоўі **многа** і **шмат** як кампаненты кампазітаў.

Скарачэнні

ВКС – Каспяровіч М.І. Віцебскі краёвы слоўнік. Віцебск, 1927; **ГСБМ** – Гістарычны слоўнік беларускай мовы: У 30 т. Т. 2, 3, 18, 19, 29. Мн., 2009; **КСЧ** – Шатэрнік М.В. Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны. Мн., 1929; **Насовіч** – Насовіч І.І. Слоўнік беларускай мовы. Мн., 1983. Факс. выд.; **СГЦРБ** – Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі: У 2 т. Т. 1. А – П / Пад рэд. Е.С. Мяцельскай. Мн., 1990; **СлРЯ** – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1, 9, 10, 21. М., 1975, 1982, 1983, 1995; **СМНН** – Слоўнік мовы «Нашай Нівы»: У 5 т. / Пад рэд. В.П. Лемцюговай. Мн., 2003, 2007. Т. 1, 2; **СМС** – Слоўнік мовы Скарыны: У 2 т. / Склад. У.В. Анічэнка. Мн., 1977; **СПЗБ** – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: У 5 т. Мн., 1979–1986; **СС** – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994; **ТСБМ** – Глумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. Мн., 1977–1982; **ЭСБМ** – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мн., 1991. Вып. 7.

ЛІТАРАТУРА

Беларуская граматыка / Пад рэд. М.В. Бірылы, П.П. Шубы. Мн., 1985. Ч. 1.
 Беларуская мова: Вучэб. дапам. / Г.І. Андарала і інш.; Пад рэд. Л.М. Грыгор'евай. Мн., 1994.
 Булахаў М. Г. Гісторыя прыметнікаў беларускай мовы. Мн., 1973. Ч. 3.
 Бурак Л. І. Сучасная беларуская мова. Мн., 1974.
 Карский Е. Ф. Белорусы: В 3 т. М., 1956. Т. 2. Вып. 2.
 Курс беларускай мовы: Падручнік / Л.І. Сямешка і інш. Мн., 1996.
 Прыгодзіч М. Р. Словакладанне ў беларускай мове. Мн., 2000
 Шуба П. П. Прыслоўе ў беларускай мове. Мн., 1962.

Паступіў у рэдакцыю 16.05.11.

Ірына Мікалаеўна Курловіч – аспірантка кафедры гісторыі беларускай мовы. Навуковы кіраўнік – доктар філалагічных навук, прафесар, загадчык кафедры гісторыі беларускай мовы М.Р. Прыгодзіч.

Д.А. ДОЎГАЛЬ

ВЕРБАЛЬНЫЯ І НЕВЕРБАЛЬНЫЯ КАМПАНАНТЫ БЕЛАРУСКАГА ЭПІСТАЛЯРНАГА ЭТЫКЕТУ

Исследуется структура белорусского эпистолярного этикета. На материале переписки белорусских писателей XX в. устанавливаются вербальные и невербальные компоненты этикета, которые регулируют поведение коммуникантов в эпистолярном общении.

The structure of the Belarusian epistolary etiquette is investigated in the article. The verbal and nonverbal components of etiquette regulated behaviour of communicants in the epistolary situation are determined in the correspondence of the Belarusian writers of the 20th century.

Этыкетам называюць «устаноўлены парадак паводзін, формы абыходжання ў якім-небудзь асяроддзі, грамадстве» (Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы 2002, 777). Эпістальныя этыкет рэгламентуе паводзіны камунікантаў, якія знаходзяцца на пэўнай адлегласці паміж сабой і выкарыстоўваюць пісьмовы варыянт мовы як адзіна магчымы (напрыклад, да вынаходніцтва і шырокага распаўсюджвання тэлефоннай сувязі) ці найбольш дарэчны для зносін. Даследчыкі беларускага эпістальнага этыкету (гл. Важнік 2009 [а]; Важнік 2009 [б]; Піваварчык 1996) засяроджваюць сваю ўвагу на вербальных аспектах вядзення перапіскі, па сутнасці атаясамліваючы паняцці *эпістальны этыкет* і *вербальны этыкет у эпістальным тэксце*. Між тым даследаванні спецыялістаў па невербальнай камунікацыі (гл. Крейдлін 2000; Морозова 2006) сведчаць пра сумеснае функцыянаванне ў маўленні этыкетных сродкаў некалькіх знакавых сістэм. Гэта значыць, што ў структуры эпістальнага этыкету можна вылучыць як вербальныя, так і невербальныя кампаненты. Матэрыялам для іх вывучэння паслужыла апублікаваная эпістальная спадчына (амаль 3000 тэкстаў) беларускіх пісьменнікаў XX ст.: М. Багдановіча, Я. Купалы, Я. Коласа, М. Гарэцкага, К. Чорнага, П. Броўкі, М. Лынькова, К. Крапівы, І. Мележа, У. Караткевіча, В. Быкава і Р. Барадуліна.

1. Вербальныя кампаненты эпістальнага этыкету. Эпістальныя беларускія майстроў слова дазваляе меркаваць пра нормы (правілы) вербальнага афармлення карэспандэнцыі. Этыкетна абумоўленымі ў эпістальным тэксце з'яўляюцца яго вербальная структура, сродкі афармлення кампазіцыйных і сэнсавых частак ліста, а таксама выбар мовы ліста ці яго фрагментаў.

1.1. Структурная арганізацыя эпістальнага тэксту. Вербальную структуру ліста складаюць стандартныя сэнсава-кампазіцыйныя часткі пасланна, якія маюць слоўнае выражэнне: вітанне, зварот да адрасата, апісанне стану перапіскі, развітанне, вітанні іншым асобам/ад іншых асоб і г. д. Структура еўрапейскага (і беларускага) ліста сфарміравалася гістарычна. Устаноўлена, што «найбольш важнай і ўсеагульнай мадэллю ліста, якая захавалася амаль нязменнай да нашых дзён, з'яўляецца так званы фармуляр» (Клімаў 2003, 113), які склаўся яшчэ ў антычныя часы і ўключае пратакол (пачатак ліста) і эсхатакол (яго заключэнне). Правілы структурнай арганізацыі эпістальнага тэксту вызначаюць наяўнасць і размяшчэнне элементаў у розных відах лістоў. Напрыклад, заўважана (гл. Доўгаль 2010), што эсхатакол неафіцыйных лістоў Я. Купалы складаецца са стымулу да працягу кантакту (а), развітальнай этыкемы (б), фатычнага пашыральніка подпісу (в), уласна подпісу (г) і прывітання іншай

асобе ці ад іншай асобы (д) (не ўсе элементы абавязковыя і строга лакалізаваныя ў тэксце): (а) *Чакаючы, што хутка пабачымся і «сразімся» ў конікі*, (в) *застаюся шчыра адданы* (е) *Янка*. (д) *Шчырае прывітанне Вользе Уладзіміраўне і Рыце* (Я. Купала да Я.Ф. Калітоўскага; 1930); (б) *Усяго Вам радаснага і сонечнага*. (д) *Прывет вечнаму маладому пакаленню і старому Міхасю*. (в) *Ваш* (е) *Янка* (Я. Купала да А.А. Александровіч; 1935).

1.2. Этыкетныя адзінкі ў эпістальярным тэксце. Адзінкамі этыкету называюцца ўстойлівыя формы зносін, якія прызначаны для ўстанаўлення кантакту і падтрымання зносін у абранай танальнасці паміж камунікантамі з улікам іх сацыяльных роляў і ўзаемаадносін у афіцыйнай і неафіцыйнай абстаноўцы.

У эпістальярным тэксце сустракаюцца як агульнаўжывальныя этыкетныя адзінкі (выкарыстоўваюцца ў разнастайных сітуацыях зносін), так і спецыфічныя. «Жанр ліста дыктуе большую стэрэатыпізаванасць выказаў, чым вусныя зносіны, адсюль асаблівы, уласцівы эпістальярнаму жанру набор этыкетных выказаў» (Акішина, Формановская 2007, 3). Адметнымі з'яўляюцца формулы, якія абумоўлены параметрамі эпістальярных зносін, напрыклад:

– вербалізаваныя жэсты: *Кланяюся ўсім* (М. Багдановіч да В. Ластоўскага; 1914); *Цалую вас усіх моцна* (М. Гарэцкі да Л. Гарэцкай; 1931); *А пакуль – абдымаю цябе, мой мілы братка* (В. Быкаў да Р. Барадуліна; 1999);

– эпітэты афіцыйнага ці пачцівага звароту да асобы: *Вельмі паважаны паночку!* (Я. Купала да Б.Э. Эпімах-Шыпілы; 1909); *Глыбокапаважаны і міласцівы пане акадэмік!* (М. Гарэцкі да Я.Ф. Карскага; 1921);

– формулы «паслання»: *«Веч<ернюю> газ<ету>» атрымліваю, за што шлю Вам шчыры дзякуй* (Я. Купала да А.І. Луцкевіча; 1913); *Жонка мая засылае Вам усім самы шчыры прывет* (Я. Купала да М.І. Шыманскай; 1935);

– стандартныя формулы ветлівасці, якія папярэднічаюць подпісу: *Са шчырай пашанай І. Луцэвіч* (Я. Купала да Я. Драздовіча; 1915); *Назаўсёды адданы табе Рыгор* (Р. Барадулін да В. Быкава; 1998) і інш.

Спецыфіка эпістальярнага этыкету выяўляецца і ў графічнай форме вербальных адзінак. У лістах беларускіх пісьменнікаў выкарыстоўваецца шэраг скарачэнняў зваротаў і абазначэнняў асобы: *Ш. П.* (Шаноўны Пана), *п.* (пан, пані), *п.п.* (паны), *т., тав.* (таварыш), *т.т.* (таварышы), *с.п.* (светлай памяці – пра нябожчыкаў) і інш. Могучь быць скарачаны ў эпістальярным тэксце і стандартныя формулы ветлівасці: *Са шчырым паваж.* (Я. Купала да А.І. Луцкевіча; 1920); *З тав. прыв.* (Я. Колас да Ц.С. Гарбунова; 1943); *З тавар. прывітаннем* (М. Лынькоў да Э.С. Гурэвіч; 1961). Да графічных сродкаў эпістальярнага этыкету належыць выкарыстанне вялікай літары ў зваротах да асобы: *Шчырапаважаны Паночку!* (Я. Купала да А.І. Луцкевіча; 1913), *Міласлівы Гаспадар, Пане Рэдактар!* (М. Гарэцкі ў рэдакцыю газеты «Беларуская думка»; 1919), а таксама ў займенніках *Вы (Ваш)* і *Ты* (значна радзей): *На гэты раз асмельваюся турбаваць Вас у вась якой справе* (М. Гарэцкі да Я.Ф. Карскага; 1923); *Хілю чало перад Табою!* (Р. Барадулін да В. Быкава; 1998).

1.3. Выбар мовы ліставання. Эпістальярная спадчына беларускіх пісьменнікаў шматмоўная. Выбар мовы ліста ў прыватнай перапісцы беларускіх літаратараў тлумачыцца як моўнай кампетэнтнасцю камунікантаў (у першую чаргу ступенню валодання беларускай мовай), так і абставінамі зносін. Выбар мовы зносін можа мець этыкетны характар (напрыклад, у камунікацыі пры трэцяй асобе няветліва выкарыстоўваць незнаёмую для яе мову). Гэта норма ў эпістальярным тэксце трансфармуецца ў правіла ўліку моўнай кампетэнцыі магчымага чытача: *Принимая во внимание, что это письмо получится после твоего отъезда, я решил писать по-русски, ибо маме было бы трудно читать по-белорусски* (Я. Колас да М.Д. Міцкевіч; 1923).

Адметную з'яву ў беларускім эпістальярні складаюць двухмоўныя паслання, у якіх пры афармленні фармуляра і асноўнай часткі пісьма выкарыстоўваюцца розныя мовы (пераважна руская з беларускай): *Глыбокуважаемый Ефим Федорович! Шчыра дзякую Вам за памяць аба мне* (Я. Колас да Я.Ф. Карскага; 1926); *Даражэнькі мой Здзіславе! Как давно я не писал тебе!* (У. Караткевіч да З. Нядзелі; 1972). Выбар мовы фармуляра, як правіла, не тлумачыцца аўтарамі, аднак змена мовы ў асноўнай частцы суправаджаецца каментарыем: *В Москву уезжает один профессор, через которого хочу написать Вам несколько строк, и потому тороплюсь. Тараплюся так, что аж забыўся пачаць па-беларуску* (Я. Колас да Ц.С. Гарбунова; 1943). Функцыя асноўнай часткі ліста інфармацыйная, таму змена коду паслання ў ёй можа ўскладніць адрасату разуменне зместу. Роля ж фармуляра заключаецца ва ўстанаўленні і падтрыманні кантакту паміж адрасантам і адрасатам, таму выбар мовы можа служыць дзейным сродкам стварэння патрэбнай танальнасці: *Когда придется побывать в Москве, то, безусловно, загляну к Вам. Будзьце здаровенькі і вясёленькі. Шчыра вам адданы Ів. Луцэвіч* (Я. Купала да І.А. Белавусава; 1919); *Бывай здаровы! Кіруй і пішы, – найбольш – апошняе! Прывітанне дружыні та твоім талановітым дзіткам!* (І. Мележ да В.П. Казачэнкі; 1957).

2. Невербальныя кампаненты эпістальярнага этыкету. Менш даступныя для даследавання невербальныя складнікі эпістальярнага этыкету. Гэта натуральна тлумачыцца няведаннем усіх абставін

камунікацыі, захаваннем толькі часткі лістоўнай спадчыны, недаступнасцю ці стратай арыгіналаў лістоў і іншымі фактарамі. Аднак у эпістальнай спадчыне беларускіх майстроў слова ёсць пэўныя згадкі, якія дазваляюць меркаваць і пра іншыя аспекты вядзення перапіскі – часавы, колькасны (аб'ёму камунікацыі), афармлення. У асобных выпадках для ілюстрацыі невербальных паводзін камунікантаў мы звярталіся да ўспамінаў і дзённікавых запісаў беларускіх літаратараў, а таксама сучасных папулярных дапаможнікаў па этыкеце.

2.1. Часавы аспект эпістальнага этыкету. Эпістальны этыкет у часавым аспекце складаюць правілы, якія рэгламентуюць хуткасць адказу на ліст¹. Важная для пасяховых зносін хуткасць дастаўкі карэспандэнцыі, аднак яна не залежыць ад волі камунікантаў (заўважым, што пры запозненым па віне паштовых ці нейкіх іншых службаў атрыманні пасланна камунікант у рэактыўным (у адказ) лісце часта гаворыць пра гэта, каб не парушыць правіл хуткага адказу на карэспандэнцыю: *Так трапіла, што Вашае пісьмо атрымаў толькі сягоння. Вельмі яны доўга цяпер ходзяць* (П. Броўка да Я. Коласа; 1941); *Учора атрымаў твой ліст ад 12 сакавіка. Жаліва доўга ідуць лісты, не даючы ніякай магчымасці дыялогу* (В. Быкаў да Р. Барадуліна; 1999)). Затрымка з адказам на прыватнае пасланне можа прывесці да парушэння камунікацыі, таму патрабуе прызнання віны, вытлумачэння прычын, выбачэння: *Даўно атрымаў тваё пісьмо і зрабіў па-свінску, што не адказаў табе ў скорым часе* (К. Чорны да П. Глебкі; 1942); *Дарагі дзядзька Якуб! Доўга я Вам не пісаў і адчуваю сябе вінаватым* (П. Броўка да Я. Коласа; 1943); *Прабачце, што адказваю Вам з такім спазненнем. Я сапраўды ў гэтым годзе страшэнна заняты, а лістоў – багата* (І. Мележ да Н.М. Даніленка; 1972). Пра важнасць хуткага адказу сведчаць таксама стэрэатыпныя фразы ў развітальным комплексе ліста: **Чакаючы ад Вас хуткага адказу, астаюся са шчырай да Вас пашанай** (Я. Купала да К. Лейкі; 1914), **Чакаем хуткага ад Вас адказу** (Я. Купала да Б.А. Тарашкевіча; 1914).

Безумоўна, колькасць часу, патрэбнага для напісання рэактыўнага ліста, велічыня адносна (дарэчы, даведнікі па сучасным этыкеце (гл. Кузнецов 2009; Современный этикет 2008) рэкамендуюць адказваць на прыватны ліст на працягу тыдня), аднак у агульных рысах зразумела, што асоба з высокім сацыяльным статусам мае болей часу для адказу, чым асоба з больш нізкім становішчам (мы маем на ўвазе выпадак камунікацыі такіх асоб паміж сабой: настаўнік – вучань, кіраўнік – падначалены, вопытны літаратар – пісьменнік-пачатковец і г. д.).

2.2. Аб'ём камунікацыі (колькасны аспект ліставання). Аб'ём камунікацыі характарызуюць такія паказчыкі, як частата ліставання і велічыня пасланна. Частата ліставання павінна быць такой, каб забяспечыць належны ўзровень камунікацыі. Гэтай жа мэце служыць колькасная характарыстыка асобнага ліста – даўжыня. Памер пасланна – велічыня таксама адносна² – абумоўлены яго камунікатывнай мэтай і павінне суадносіцца з прагматычнымі характарыстыкамі камунікантаў: напрыклад, немагчыма кароткае пісьмо да блізкага чалавека або занадта вялікі ліст да малазнаёмага адрасата ці асобы з больш высокім статусам не адпавядаюць правілам ветлівых зносін. Нездарма ў канцоўцы такіх лістоў можна сустрэць тлумачэнне нешматслоўнасці: *Доўгага не пішу ліста, бо, мусіць, з гэтай адкрыткай сам сябе 13/II прывязу Вам на паказ* (Я. Купала да М.К. Хайноўскай; 1938); *Вялікага ліста не пішу, бо ведаю, што Вас выклікаюць да нас для ўдзелу ў другім мітынгу і, такім чынам, мы спадзяемся ў хуткім часе з Вамі сустрэцца* (М. Лынькоў да Я. Коласа; 1942) ці прабачэнні за доўгае пісьмо: *Ну, прабачце за 18-футовы ліст, у якім я нагаварыў сем беркаўцаў да Полацка і ўсе ракам* (У. Караткевіч да М. Танка; 1956); *Даруйце мне за гэты доўгі і, магчыма, нудны ліст, які, напэўна, давядзе Вас да знясілення* (У. Караткевіч да Я. Брыля; 1958).

У зносінах камуніканты імкнуцца да выпрацоўкі аптымальных суадносін частаты ліставання і памеру ліста з улікам абставін камунікацыі: *Пішы хоць панямногу, але часцей, купі сабе хоць адкрытак. Не забывайся, што маці па табе сумуе і кожнае тваё пісьмо для яе – радасць* (К. Крапіва да І.К. Атраховіча; 1948).

2.3. Афармленне карэспандэнцыі. Важную ролю ў ліставанні адыгрываюць правілы афармлення карэспандэнцыі, якія вызначаюць патрабаванні да канверта, маркі і сродкаў пісьма (паперы, чарніла), спосаб выканання пасланна (рукапісны, друкаваны), почырк, размяшчэнне тэксту на аркушы паперы, графічнае суправаджэнне ліста і г. д.

Вядома, што віншавальныя пасланні звычайна змяшчаюцца на адмысловых паштоўках, а некаторыя віды лістоў могуць быць адпраўлены ў спецыяльных канвертах (напрыклад, пісьменнік Ян Скрыган так апісвае атрыманне ліста: «Учора ў двары паштальёнка дала распісацца за ліст ад Севы. Канверт з чорнай рамкай: адразу зразумеў, у чым рэч. Памерла Ліна» (Скрыган 2005, 500)).

¹ На перыферыі эпістальнага этыкету знаходзяцца нормы, якія рэгламентуюць паводзіны асобы ў дачыненні да атрыманага ёй ці прызначанага іншай асобе пасланна. Напрыклад, недапушчальна знаёміцца без дазволу з карэспандэнцыяй, адрасаванай іншай асобе.

² Такая характарыстыка, як час стварэння пасланна, для эпістальных зносін не з'яўляецца этыкетна значнай, у адрозненне ад іншай сітуацыі апасродкаванага кантакту – тэлефоннай.

³ Гэта добра ілюструе прыклад, які падае Н. Гілевіч у дзённіку: «Ніна прыслала з Кузьміно доўгачаканы ліст. Вось яго змест: «Дарагі мой Ніл!» І подпіс: «Ніна». Дата: 10.12.1956. Ліст у трох словах. А колькі сказана!» (Гілевіч 2006, 12).

Акуратнае афармленне карэспандэнцыі ўсведамляецца камунікантамі як важная ўмова ліставання. Разборлівы почырк – індывідуальная манера пісаць – таксама з’яўляецца неабходным чыннікам паспяховай камунікацыі пры рукапісным ліставанні. Незахаваанне гэтага патрабавання можа прыводзіць да непаразуменняў: *А цяпер адна заўвага, Тэрэнь Германавіч: Вы так пішаце, як надта вучоны медычны доктар, – каб разабраць доктарскі почырк, трэба рэцэпт несці да аптэкара. Прыйдзецца і мне тое самае рабіць і з Вашымі лістамі – несці да аптэкара чытаць* (Я. Купала да Т.Г. Масэнкі; 1938).

Правільнае афармленне карэспандэнцыі прадугледжвае і дарэчнае размяшчэнне частак ліста на аркушы паперы (графічны макет ліста). Напрыклад, зварот да адрасата, як правіла, знаходзіцца пасярэдзіне ліста ўверсе, подпіс – справа ўнізе, дата і месца стварэння ліста пазначаюцца найчасцей зверху справа ці знізу злева за яго межамі. Часта гэтыя элементы аддзяляюцца ад асноўнага тэксту рабеламі, вольнымі радкамі.

Варта заўважыць, што гэты бок перапіскі з-за трансфармацыі пры публікацыі рукапіснага тэксту ў друкаваны найчасцей застаецца па-за ўвагай даследчыкаў.

Безумоўна, немагчыма разглядаць вербальныя і невербальныя аспекты вядзення перапіскі адасоблена, паколькі яны разам садзейнічаюць забеспячэнню эфектыўных зносін: вербальна аформленыя фрагменты ліста аддзяляюцца графічнымі невербальнымі сродкамі (напісаннем з абзаца, выдзяленнем, размяшчэннем на старонцы), віншаванне са святамі ажыццяўляецца пры дапамозе вербальных формул на спецыяльных паштоўках і г. д.

Высновы. Эпістальярны этыкет, такім чынам, вызначае не толькі вербальныя, але і невербальныя паводзіны камунікантаў пры эпистальярных зносінах. Вывучэнне лістоўнай спадчыны беларускіх пісьменнікаў ХХ ст. дазваляе вылучыць у якасці вербальных складнікаў этыкету структурную арганізацыю паслання, сродкі афармлення частак ліста і выбар мовы камунікацыі. Невербальны бок эпистальярнага этыкету рэгулюе вядзенне перапіскі ў часавым, колькасным і афармляльным аспектах. Комплекснае даследаванне вербальных і невербальных кампанентаў ліставання выяўляе спецыфіку беларускай культуры зносін.

ЛІТАРАТУРА

- Акишина А. А., Формановская Н. И. Этикет русского письма. М., 2007.
 Важнік С. А. Эпістальярны этыкет беларусаў: Да пытання станаўлення эпистальярнай нормы беларускай мовы // Роднае слова. 2009 [а]. № 2. С. 54–56.
 Важнік С. А. Эпістальярны этыкет беларусаў: Нашаніўскі лістоўны стыль // Роднае слова. 2009 [б]. № 3. С. 46–49.
 Гілевіч Н. Запісы: з дзённікаў розных гадоў. Мн., 2006.
 Доўгаль Д. А. Фармуляр купалаўскага ліста // Рэспубліканскія Купалаўскія чытанні: 3б. навуц. арт. Гродна, 2010. С. 103–107.
 Клімаў І. П. Тэорыя заходнееўрапейскага ліста ў часы Сярэднявечча і Рэнэсансу // Беларускі археаграфічны штогоднік. Мн., 2003. Вып. 4. С. 113–126.
 Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика в ее соотношении с вербальной: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000.
 Кузнецов Н. И. Современный этикет. М., 2009.
 Морозова Е. Б. Невербальный этикет в его соотношении с вербальным: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
 Піваварчык Т. А. Этыкетныя асаблівасці эпистальярнага жанру ў творах М. Гарэцкага // Гарэцкія чытанні: Матэрыялы дакладаў і паведамленняў. Мн., 1996. С. 143–147.
 Скрыган Я. Дзённікавыя запісы, лісты // Выбраныя творы. Мн., 2005. С. 493–518.
 Современный этикет / Авт.-сост. Н.В. Белов. Мн., 2008.
 Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / Пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. Мн., 2002.

Паступіў у рэдакцыю 20.04.11.

Дзмітрый Аляксандравіч Доўгаль – аспірант кафедры беларускай мовы МДУ імя А.А. Куляшова. Навуковы кіраўнік – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры сучаснай беларускай мовы БДУ С.А. Важнік.

А.А. МАТЮНОВА

СТРУКТУРА НОМИНАТИВНО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ СЛОЖНЫХ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (диахронический аспект)

Описывается объем содержания понятия «номинативно-словообразовательное значение», куда входят лексическое значение мотивирующего и мотивированного слов, ономазиологическое значение, мотивационный признак, словообразовательное и грамматическое значения. Определена роль ментальных и культурных компонентов семантики в процессе именованья. Мотивационный признак рассматривается как лингвокультурный код сложных номинаций и важный параметр установления лингвокультурного потенциала языковой единицы. На примере сложных слов описываются лингвокультурные коды, определившие ход номинативных процессов в разные периоды развития языка.

In this article we say about the concept «nominative-formation semantic», describe it structure, which consists of lexical meaning base word and new word, onomasiological meaning, motive sign (extra linguistic nominative base), word-formation meaning, grammar meaning. We say about the role of mental and cultural semantic components in the nomination. We consider, that motive sign (extra linguistic nominative base) of the compound words is the most important lingvo-cultural potential part. In this article we describe lingvo-cultural codes, which were main ideas in the different periods of the language development.

Понятие номинативно-словообразовательной семантики слова. Традиционно, говоря о словообразовательном значении, имеют в виду установленные при словообразовательном анализе зна-

чения аффиксов, используемых в рамках одного словообразовательного шага. Однако такой подход, на наш взгляд, не совсем полно описывает явления, происходящие при образовании нового слова. Определение словообразовательного значения как значения, возникшего «в результате воздействия данного форманта с его категориально-грамматическими и лексическими характеристиками на данную производящую основу (основы) и их категориально-грамматические и лексические значения» (Лингвистический энциклопедический словарь (далее – ЛЭС) 1990, 468), и представление деривационного значения как обобщенного лексического значения, которое «в определенных совокупностях производных номинативных единиц не зависит от значений частей речи» (Никитевич 1985, 52), не выявляют всю сложность номинативного процесса в совокупности и не репрезентируют все языковые и неязыковые, объективные и субъективные факторы, положенные в основу процесса именования. Анализ семантики новой номинации показывает, что на ее образование оказывают влияние такие факторы, как значение производящей основы, значение словообразовательного аффикса, смысловые отношения между производящей основой и аффиксом, мотивационный признак, положенный в основу именования и, по сути, объединяющий все названные факторы. Наконец, немаловажную роль играет потенциальное грамматическое оформление будущей номинации и ее лексическое значение. Все эти факторы, безусловно, влияющие на процесс именования и на его конечный результат – новое слово, – не могут быть описаны одним термином «словообразовательное значение», поскольку включают в себя значительно больший объем информации. Предлагаемый нами термин «номинативно-словообразовательная семантика» является, на наш взгляд, наиболее подходящим для представления всех элементов номинативного процесса в совокупности. Описание номинативно-словообразовательной семантики позволяет не только полнее показать значение слова, процесс формирования этого значения, но и «разъяснить смысл человеческих высказываний <...> исследовать структуры мысли» (Вардзелашвили 2003, 227).

Структура номинативно-словообразовательной семантики. Номинативно-словообразовательную семантику новой леммы можно определить как комплексное значение, включающее в себя следующие компоненты: 1) лексическое значение и/или смысл мотивирующих слово основ. Эти элементы номинативного процесса формируют внутреннюю форму будущей номинации, указывают на причину, по которой «данное значение оказалось выраженным именно данным сочетанием звуков» (ЛЭС, 85); 2) лексическое значение потенциальной новой номинации; 3) мотивационный признак, обеспечивающий связь означаемого и означающего, мотивирующего и мотивированного слов с учетом интралингвистических и экстралингвистических факторов, реализуемый посредством «номинативного суждения» (Трофимович 2002). Мотивационный признак есть культурный фон, объективное знание, опыт, которые участвуют в языковом процессе именования. Это позволяет считать мотивационный признак *лингвокультурным кодом* (см. Матюнова 2009, 76) номинации; 4) ономаσιологическое значение, определяющее отношения внутри номинативного суждения, положенного в основу именования; 5) словообразовательное значение, обуславливающее выбор словообразовательного форманта; 6) категориальное и реляционное значения всех входящих в состав производного слова аффиксов.

Рассмотрение всех составляющих номинативно-словообразовательной семантики производного слова в русском языке в иерархии позволяет выделить два уровня ее составных элементов: первый уровень – ментальный – включает в себя мотивационный признак, ономаσιологическое значение, семасиологический компонент, связанный с выбором лексического значения мотивирующего и мотивированного слов; второй уровень – структурный – включает в себя словообразовательное значение и значения всех входящих в состав производного слова аффиксов. Ментальный уровень номинативно-словообразовательной семантики формирует в процессе именования внутреннюю форму номинации и существует на уровне мыслительных процессов. Структурный уровень номинативно-словообразовательной семантики обеспечивает базу именования.

Рассмотрим структуру номинативно-словообразовательной семантики на примере сложного слова *сороконожка*. Лексическое значение этого слова определяется толковыми словарями русского языка как «многоножка – членистоногое животное с червеобразным телом и большим количеством ножек». Лексическое значение восходит к значению мотивирующих композит слов *сорок* и *нога*. *Мотивационный признак* номинации можно репрезентировать суждением «живое существо, у которого сорок ног». В номинации эксплицировано нумеральное *ономаσιологическое значение* (см. Кожевникова 2007, 82): в основу предметной номинации положено наивное представление носителей языка о доминантном признаке номинируемого явления. Анализ значения основы *сорок-*, участвующей в именовании, показывает, что в данном случае реализовано ее не прямое, а переносное значение, не зафиксированное толковыми словарями: *сорок* в данном случае значит «много». *Словообразовательное значение* выражено посредством интерфикса *-о-*. Аффикс *-к-* в составе сложного слова реализует модификационное значение подобия (см. Русская грамматика 1990, 67). *Грамматическое значение* композита представлено в окончании. Таким образом может быть объективирована номинативно-словообразовательная семантика леммы *сороконожка* в указанном значении. Однако это слово функциони-

рует не только в значении 'животное...'. В современном русском языке существуют и другие значения этого слова: 1) 'немецкий транспортный самолет Agado Ag 232, появившийся в 40-е годы XX века'; 2) 'типовой проект станции метро, по которому в 60-е и 70-е годы XX века в разных городах СССР было построено несколько десятков станций'; 3) 'дом, построенный по проекту французского архитектора Корбюзье: здание, стоящее на сваях, без фундамента. При его строительстве не нужно рыть котлован'; 4) 'человек, который очень быстро ходит, всегда спешит' (значения слова приводятся по «Большому толковому словарю русского языка», Свободной энциклопедии «Википедия», из речевой практики студентов). Появление трех последних значений у слова *сороконожка* является следствием расширения семантики существующей номинации посредством метафоризации уже имеющегося лексического значения. Количество переносных значений у одного слова не ограничено. Это зависит от творческого потенциала носителей языка.

Следует, однако, заметить, что при образовании новой номинации в формировании ее первичного смысла ментальный и структурный уровни номинативно-словообразовательной семантики участвуют в равной степени. В случаях расширения семантики производной номинации определяющим является ментальный уровень номинативно-словообразовательной семантики. Это можно увидеть при анализе прямого и переносных значений слова *сороконожка*. Переосмысление значения происходит при сохранении грамматических признаков слова (за исключением формы винительного падежа множественного числа). При этом мотивационный признак и ономазиологическое значение меняются. Мотивационный признак как лингвокультурный код номинации «впитывает» внеязыковые факторы (сходство существующего денотата с новым) и реализует их посредством нового ономазиологического значения (компаративного) уже существующего в русском языке слова. Таким образом, лексема *сороконожка* обладает минимум пятью лексическими значениями и двумя ономазиологическими, что выявляется при анализе ее номинативно-словообразовательной семантики.

Соотношение понятий номинативно-словообразовательная семантика и лингвокультурный потенциал номинации. Следует отметить, что анализ номинативно-словообразовательной семантики позволяет обоснованно говорить о лингвокультурном потенциале языковой единицы, в данном случае сложного слова. Под термином *лингвокультурный потенциал языковой единицы* нами понимается способность языковой единицы (в данном случае сложного слова) быть репрезентантом духовной культуры, мировоззрения человека, а шире – целой эпохи. Лингвокультурным потенциалом языковой единицы определяется выбор *лингвокультурного кода (мотивационного признака)*. Понятием *лингвокультурный потенциал языковой единицы* определяется номинативная, лексико-грамматическая и функциональная валентность лексических единиц, т. е. участие последних в процессе именования и учет особенностей их функционирования. Лингвокультурный потенциал анализируемых сложных слов определяется по следующим параметрам: наличие социокультурного и/или национально-культурного компонентов семантики, присутствие эмоционально-оценочного элемента, образность, освоенность лексемы носителями языка и языковой системой (частотность употребления, отмеченность в толковых словарях русского языка), участие в процессе именования.

Методика описания лингвокультурного потенциала языковых единиц – компонентный анализ, позволяющий выделить так называемые «*наносмыслы*» значения. Эти «наносмыслы» придают новой номинации необычный смысл и выявляют лингвокультурный код композита, заложенный глубоко в подсознании, «в архетипах сознания» (Вардзелашвили 2003, 226).

Номинативно-словообразовательная семантика сложных слов в диахронии и их лингвокультурный потенциал. Рассмотрение номинативно-словообразовательной семантики сложных слов в диахронии позволяет выявить некоторые закономерности номинативного процесса и описать факторы, влияющие на него, представить тайну вербализации мысли в языке.

Безусловно, что номинативно-словообразовательная семантика претерпевала изменения в истории развития русского литературного языка. Главным образом изменения касались доминирующего мотивационного признака, поскольку на его выбор при именованиях огромное влияние оказывали экстралингвистические факторы. Выявление структуры номинативно-словообразовательной семантики композитов, функционирующих в русском литературном языке на разных временных срезах, позволяет классифицировать все сложные слова с учетом влияния на процесс именования различных экстралингвистических и интралингвистических факторов.

В данной статье мы обратимся к рассмотрению сложных слов русского литературного языка, начиная с донационального периода и включая композиты, появившиеся в языке в последние десятилетия. Корпус анализируемого фактического материала составляет более 3000 лексем. В составе этих композитов можно выделить следующие группы сложных слов.

1. Сложные слова донационального периода (до XVII в.). Данную группу формируют композиты, извлеченные из памятников русской неделовой письменности XIV–XVII вв. (агиография XI–XVII вв., патерики XI–XIII вв., проповеди XI–XIV вв., воинские повести XIV–XVII вв., публицистика XVI–XVII вв., паломническая, учительная литература XVI–XVII вв., светские повести, летописные изводы XIV–XVI вв.).

Примерами лексем этой группы являются номинации: *ангелообразныи, благовѣстити, благовѣщение, прелюбодѣй, боголюбыць, боголюбивъ, грѣхотворныи, добродѣтель, смертоносие, чюдотворецъ, четвероногъ* и др.

Вся литература этого периода характеризуется особой религиозностью. Многие произведения являются переводными. Именно поэтому около 33 % композитов этой группы являются кальками греческих композитов, и в древнерусском литературном языке они появились посредством старославянского (см. Кожевникова 2007, 89). Религиозность – доминирующий экстралингвистический фактор, влияющий на процесс именовании в этот период, это лингвокультурный код всех номинаций данной группы. Она реализуется посредством мотивационного признака в семантике практических всех анализируемых композитов. Среди номинаций больше всего названий лиц, предметов и качественного признака. Меньше всего в этой группе сложных номинаций процесса. Преобладающими являются объектное и атрибутивное ономазиологические значения, т. е. наиболее регулярно сложными словами реализуются понятия действия и его объекта (*знаменосець, вседержитель, чадоубиение* и др.) и предмета и его признака (*Цесарьградъ, всенощныи, тѣзоименитыи* и др.). Рассматривая структуру номинативно-словообразовательной семантики композитов этой группы, отметим следующий факт: в корпусе анализируемого фактического материала немного композитов с компаративным ономазиологическим значением. Это лишь несколько номинаций опредмеченного признака: *звѣроумие* со значением 'жестокость', мотивационный признак – «ум, как у зверя», *мужесовершенство* со значением 'совершиться в человеке (о Боге)', мотивационный признак – «совершился в человеке (древнерусское – мужь)», *обоготворение* со значением 'обожествление', мотивационный признак – «творить по подобию Бога», *круподушие* со значением 'надменность, мелочность'. Последняя номинация эксплицирует в номинативном суждении понятие «душа, как крупица (крупка)». Компаративное ономазиологическое значение присутствует также и в некоторых сложных номинациях признака с компонентами *образ-* и *подоб-* (*крѣстообразень, звѣрообразныи, человекоподобныи* и др.). С одной стороны, наличие сложных слов с компаративным ономазиологическим значением в структуре номинативно-словообразовательного значения свидетельствует о проявлении творческих способностей древнерусских и старорусских авторов, а с другой – незначительное количество таких номинаций говорит об ограниченности этих способностей авторов. Анализ экстралингвистических факторов показывает, как это ни парадоксально, что таким ограничителем выступает лингвокультурный код – доминирующая общественная идея – особая средневековая религиозность. Это лингвокультурное ограничение обусловило невысокий лингвокультурный потенциал языковых единиц означенного периода: многие из них не употребляются в современном русском языке, многие сохранившиеся в современном русском языке слова изменили семантику и сферу функционирования (слова *благоверный/благоверная* употребляются в разговорном стиле, *благодетель, добродееание* – в высоком книжном и т. д.).

2. Сложные слова, появившиеся в период XVIII–XX вв. В данную группу входят лексемы, извлеченные из словарей русского языка: *брадобрей, самопрялка, домоседка, воздуходувка, чужеземка, самолет, мышеловка, круторогий, мохноногий, козлоногий, боеголовка, сороконожка, самokat, энергоустановка, вольнодумный, скотоприемный, самогон, крупнопанельный, правонарушитель, сельхозартель, доброкачественность* и др. В этот период появляется много слов с префиксоидами и суффиксоидами: *фотосъемка, фотосессия, автоблокировка, малообразованный, полгода, паровоз, ледоход, судоход, газоход, тихоход, луноход* и др. Лексемы, к которым восходят суффиксоиды и префиксоиды, в составе композитов реализуют свое первичное, прямое значение: *пол-* – 'половина', *-воз-* – 'возить', *-ход-* – 'ходить', *авто-* – 'сам', 'автоматический', 'собственный' и др. Это обуславливает невысокий лингвокультурный потенциал названных сложных слов: они не приобретают, как правило, со временем дополнительных значений, не функционируют в качестве метафор. Изначально многие из этих слов воспринимались как термины, поскольку называли новые явления жизни, однако со временем утратили это свойство (*паровоз, самолет* и т. д.).

В отличие от сложных слов первой группы в данном случае можно говорить об ином характере явления слов в языке, об ином характере заимствований, об иной общественной доминанте и соответственно об ином лингвокультурном коде. На смену религиозности, пронизывающей все сферы жизни социума, и вере в непознаваемую и всеобъемлющую божественную силу приходит вера в человека, в его возможности, талант. Наступает эпоха Просвещения, эпоха развития науки и техники, прогресса в сфере инженерии, меняется социальная стратификация, появляются новые профессии и новые области социального устройства, что не замедлило сказаться и на лексике русского языка. Характер заимствований становится другим, слова приходят из научных и социальных трактатов, многие из них являются терминами, поскольку называют абсолютно новые явления жизни. Значительное количество терминов-композиций пришло из греческого языка или образовано путем соединения компонентов греческого, латинского, французского, русского и другого происхождения: *агротехника, азродинамичный, нефтегазовый, гидроэлектроустановка* и т. д. Названия многих агрегатов образуются по принципу метафоричности (см. пример выше – *сороконожка, самолет*). В образовании многих композиций принимают участие слова разной стилистической окраски, часто разговорной (*криворожий, са-*

мопальный и др.). Доминирующим экстралингвистическим фактором, влияющим на выбор мотивационного признака и на лексическое значение производящих и производных, становится научно-технический и социальный прогресс. Появляется большое количество новых предметных номинаций и номинаций опредмеченного признака. Преобладают объектное и определительное ономаσιологические значения, увеличивается количество лексем с компаративным ономаσιологическим значением. Многие номинации являются следствием метафорического переосмысления значения уже имеющегося в языке слова (возможно, и заимствованного).

3. Сложные слова, появившиеся в конце XX – начале XXI в. Эту группу лексем формируют сложные номинации, извлеченные из языка интернет-блоггов и СМИ за последние два десятилетия: *ленинско-горбачевский* (пошиб), *хохло-русич*, *девьяностолохматый*, *укрохомячок*, *криворылый*, *мамоРусь*, *Толстоевский*, *эконом-класс*, *веб-мастер*, *медиабизнес*, *мотор-шоу*, *гей-парад*, *эмотон*, *блогосфера*, *мыслеформула*, *интернет-проблемы*, *герл-френд* и др. Многие из приведенных слов являются транслитерациями английских слов и выражений.

В данный период развития русского литературного языка доминирует также научный прогресс, однако теперь это прогресс в сфере информационных технологий. Поток информации размывает границы между странами и людьми, между реальным и виртуальным мирами. В эпоху информационного общества важными экстралингвистическими факторами становятся процессы демократизации и глобализации, а также экономичность. Именно эти причины влияют и на процесс именования, в частности на выбор лингвокультурного кода – мотивационного признака, который и обеспечивает взаимопонимание между собеседниками, а также на процесс функционирования новых номинаций в языке. Лингвокультурный потенциал номинаций этого периода и их лингвокультурный код зависят от происхождения компонентов сложений. Слова с русскими по происхождению компонентами обладают наибольшим лингвокультурным потенциалом, среди них преобладают композиты с компаративным ономаσιологическим значением в структуре номинативно-словообразовательного значения. Практически все подобные номинации в большей мере призваны не называть явления, а показывать отношение автора к нему. Иногда эмоционально-образная составляющая преобладает над объективным смыслом слов, является определяющим компонентом их семантики (см. Матюнова 2010, 55), важнейшую роль при этом играет контаминация основ (*Толстоевский* = *Толстой* + *Достоевский*). Проведенное нами компонентное исследование структуры номинативно-словообразовательного значения слова (включая его коннотации) позволяет «выделить мельчайшие частицы смыслов, заряженные очень мощной энергетикой, способной “вытолкнуть” данный смысл из глубинных пластов нашего подсознания и архепамяти» (Вардзелашвили 2003, 227). Эти мельчайшие смыслы обладают способностью к сцеплению с другими элементами смысла. «Это ведет к трансформации в смысловой структуре слова <...> результатом которой может стать “выброс” на поверхность нового неожиданного смысла-символа» (Там же). Такой «выброс» нового смысла вместе с появлением новой, образной номинации – яркое и частое явление в интернет-коммуникации.

Слова-транслитерации английских слов и выражений обладают наименьшим лингвокультурным потенциалом. Они призваны лишь номинировать новое явление, во многом они имеют признаки терминологической лексики. Их цель – сэкономить лексические средства при общении.

Таким образом, язык остро реагирует на изменения в жизни человека и общества. Все трансформации так или иначе фиксируются в значении слова. Выявить и проследить их можно при анализе номинативно-словообразовательной семантики слова. Описание этой семантики возможно при компонентном анализе слова, его коннотаций, существующих и потенциальных «смысловыразительных» возможностей. Структура номинативно-словообразовательной семантики позволяет определять лингвокультурный потенциал языковой единицы, выявлять роль «культурной» составляющей в образовании слова и его функционировании в диахронии.

ЛИТЕРАТУРА

- Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. 1-е изд. СПб., 2000.
 Вардзелашвили Ж. Наносмыслы лексических структур // Русское слово в мировой культуре. Конгресс МАПРЯЛ: Сб. докл. СПб., 2003. Т. 11.
 Википедия: Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>. Дата доступа: 20.12.2009–20.10.2011.
 Кожевникова А. А. Типология сложных слов в языке русской неделовой письменности XI–XVII веков (ономаσιологический аспект): Дис. ... канд. филол. наук. Мн., 2007.
 Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
 Матюнова А. А. К вопросу о лингвокультурных аспектах мотивации при именованиях (на примере языка Интернета и русскоязычных СМИ) // Вестн. БДУ. Сер. 4. 2009. № 3. С. 76–79.
 Матюнова А. А. Лингвокультурный потенциал сложных слов в русском языке конца XX – начала XXI веков (на материале русскоязычных СМИ и Интернета) // Вестн. БДПУ. Сер. 1. 2010. № 3. С. 54–58.
 Никитевич В. М. Основы номинативной деривации. М., 1985.
 Русская грамматика / В.Н. Белоусов и др.; Под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина. 2-е изд. М., 1990.
 Трофимович Т. Г. Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности. Мн., 2003.

Поступила в редакцию 28.02.11.

Антонина Александровна Матюнова – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры прикладной лингвистики.

ПРАГМАТИКА БЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО АНЕКДОТА*

Рассматриваются особенности функционирования белорусских фольклорных юмористических текстов с точки зрения их прагматики. Установлено, что основной прагматической оппозицией в тексте анекдота является оппозиция «свои – чужие». Отмечено, что создание групповой идентичности собеседников происходит через осуждение и высмеивание девиантных форм поведения «чужих», а также при помощи создания виртуальной реальности, в которой говорящий и слушающий всегда оказываются победителями над отсутствующими объектами разговора.

The article examines Belarusian folk jokes from the point of view of pragmatics. The main pragmatic opposition as found by the author is «we – others» opposition. Creation of group identity of interlocutors is carried out through criticizing deviant behavior of «others» as well as through creation of virtual reality where the speaker and the listener always appear to be winners.

Неконвенциональность, стремление нарушить правила, использование табуированных тем позволили многим авторам выделить комический дискурс, к которому, безусловно, принадлежит и анекдот, в качестве одного из двух существующих видов общения – несерьезного или, по терминологии некоторых авторов, игрового общения (см. Raskin 1985; Лендваи 2003). Игровое общение описывается как некий антимир, в котором правила и законы серьезного общения нарушаются, что можно видеть на всех уровнях – начиная с фонетического и заканчивая семантическим и прагматическим. Однако эти нарушения имеют свою закономерность, которая была постулирована В. Раскиным и С. Аттардо (см. Raskin 1985; Attardo 1994) и получила название Общая теория вербального юмора (General Theory of Verbal Humor). Согласно этой теории, комический эффект всегда основывается на переключении сценариев, находящихся в оппозитивных отношениях, при помощи триггера, в языковом плане реализующегося в виде языковой игры. Как правило, триггер является общим звеном двух противопоставляемых сценариев, в контексте которых он имеет разные значения. Ярким примером является юмореска про *набожную жанчыну*, которую не только обворовали, но еще и посмеялись над ней («*Божа, ачысці мяне ад грахоў*». – «*Ачышчу, ачышчу*», – *адказвае нехта з-пад лавы* (Жарты 2005, 84)). Слово-триггер *ачысціць* употребляется здесь в двух противоположных смыслах, что и рождает комический эффект.

Нарушение основных постулатов прагматики начинается на внешнем уровне, когда один из собеседников рассказывает анекдот, который на первый взгляд не связан с темой разговора (тем самым нарушается максима качества) (см. Грайс 1985, 225). Здесь также сталкиваются сценарии (разговора и анекдота): в общую тему разговора, имеющую своих героев, хронотоп, вклинивается чужеродный текст анекдота с иной тематикой, действующими лицами и т. д. Связующим звеном между двумя сценариями должен стать некий общий знаменатель (некоторое общее свойство). Происходит синергетический эффект – комическое рождается внутри анекдота при столкновении двух сценариев и обнаружении у них общего знаменателя (триггера) и затем проецируется на внешнюю ситуацию рассказывания, неожиданное сходство с которой (нахождение общего знаменателя там, где его не ожидают) усиливает комический эффект рассказанного анекдота. Данный прагматический триггер не всегда имеет лексическое, фонетическое или синтаксическое выражение (особенность произношения, слово или фраза, которая заставляет рассказчика вспомнить тот или иной анекдот). Это может быть имплицитно выраженная мысль, ассоциация, стереотип. В любом случае рассказчик уверен, что его слушатели разделяют сходные стереотипы, ассоциации по данной теме разговора. Зачастую рассказчик, неправильно оценивший внешнюю ситуацию, установив слушающих, их культурный фон, рискует не найти отклика, так как анекдот вызывает ненужную и неприятную слушающим аналогию.

В случае, когда анекдоты рассказываются для времяпрепровождения, для балагурства, привязка к внешней ситуации разговора необязательна. Однако обязательным остается условие наличия общего культурного фона, общего фона ассоциаций у рассказчика и слушателя, без которого комический эффект сводится к нулю. Рассказчик и слушатель разделяют некоторые знания, опыт, имеют одинаковое отношение к происходящим событиям, схожий набор стереотипов.

Некоторые зарубежные ученые отмечают, что, поскольку анекдоты базируются на общем знании и разделяемых ценностях (собеседников), они могут быть использованы для подчеркивания значимости общего опыта и ценностей данной группы (см. Norrick 1993, 107–109; Brown, Levinson 1987, 124). Таким образом, можно утверждать, что одной из общих социально-прагматических функций юмора является создание групповой солидарности и идентичности, т. е. чувства принадлежности к группе.

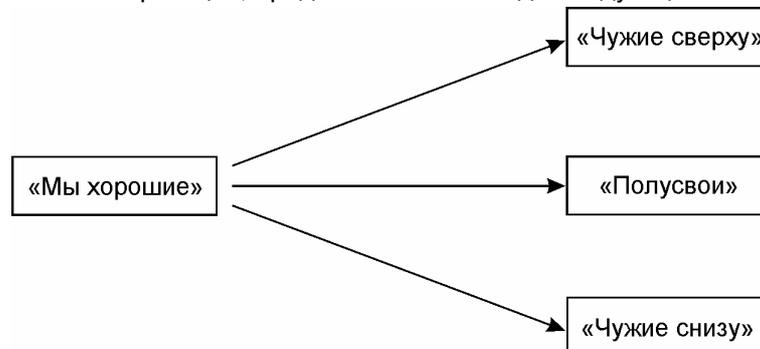
Рассказывая анекдот, говорящий как бы сообщает: «Я рассказываю тебе анекдот, потому что ты такой, как я, а не такой, как они, о которых идет речь в анекдоте». Или: «Я рассказываю тебе анекдот, так как он о нас с тобой».

Поскольку юмор основывается на противоречии (столкновение сценариев порождает противоречие), юмористическое событие отклоняется от нормы, т. е. противоречит тому, что считается нор-

* При отборе материала (300 юмористических текстов из сборников (см. Жарты 2005; Сержпутоўскі 1999)) мы пользовались критерием С. Аттардо (см. Attardo 1994), согласно которому основным признаком анекдота, отличающим его от других юмористических жанров, является наличие неожиданной финальной развязки.

мальным в данной группе. По А. Бергсону, смех (который напрямую связан с юмором)* имеет целью коррекцию поведения в тех случаях, когда оно (поведение) отклоняется от социально одобряемых или ожидаемых норм (см. Бергсон 1992, 34).

Нами предпринята попытка анализа 300 текстов белорусских народных анекдотов с точки зрения дихотомии «свои – чужие» для выявления основных прагматических целей рассказывания анекдота. Предполагаемым рассказчиком анекдота является белорусский крестьянин. Разнородность группы «чужих», репрезентированных в виде мишеней в анализируемых текстах, различные прагматические функции, которые несут эти тексты, послужили поводом для дальнейшего разделения этой группы на подгруппы. Нами также обнаружено некоторое количество анекдотов, в которых мишенью являлись «свои». Была получена классификация, представленная в виде следующей схемы:

«Мы хорошие» (рассказчик и слушатель анекдота). Эта группа отождествляется исключительно с положительными свойствами и поэтому редко становится объектом шутки. Как правило, данная группа шуток имеет главной мишенью представителя группы «чужие сверху» (в роли «глупца»), представитель же «своих» выступает скорее в роли вспомогательного персонажа – «хитреца» (10 %).

У адной пані касцы касілі траву на сена. Утаміліся і ляглі адпачыць. Ажно і пані едзе.

– *Уставаймо, хлопцы, бо дастанецца нам ад пані, – кажа адзін касец. А другі: – Ляжыце, хлопцы, і скубіце траву, а я ўжо знайду, што сказаць. Вось пад'ехала пані і пытае сярдыта: – Чаго вылежваецца, гультай? А касец ёй: – Вось, пані, касілі-касілі, ды і дайшлі да такой травы, што каса не бярэ, то мы яе, праклятую, рукамі рвем. – Гэта іншая справа! – прамармытала пані. – Так і далей рабіце (Жарты 2005, 113).*

С объективной точки зрения лень не является положительным качеством белорусского народа. В данном анекдоте рассказчик идентифицирует себя с группой косцов («свои»), поэтому отрицательное свойство (лень) репрезентируется как положительное (хитрость), в то время как представитель группы «чужих», *пані*, представлен не с положительной стороны (требовательная), а с отрицательной (злая, глупая).

«Чужие сверху». Представители этой группы принадлежат к более высоким слоям общества (чем рассказчик и слушатель) и являются наиболее частой мишенью анекдотов (63 % текстов). Это представители церкви (*папы, ксяндзы*), *паны*. В текстах этого типа ярко выражена речевая агрессия по отношению к мишени анекдота. Однако не всегда представители этой группы осуждаются за девиантное поведение. Нами обнаружены случаи, когда причиной речевой агрессии является сам факт принадлежности мишени к «чужим»:

У хаце вячэраюць. Нехта стукае ў акно.

– *Хто там?*

– *Я. Пусцеце, калі ласка, пераначаваць.*

– *Хто ж ты?*

– *Дваранін.*

– *Ну, то й спи на дварэ (Жарты 2005, 44).*

В тексте создается виртуальная реальность, в которой говорящий смотрит на мишень шутки «сверху вниз», в то время как в реальной жизни он смотрит на них «снизу вверх». Представители этой группы всегда ставятся в неловкое положение, что является своеобразной мезью за испытываемые по их вине группой «своих» неловкость и страх в реальной жизни.

* Дж. Хэй считает, что именно наличие смеха позволяет идентифицировать некоторое высказывание как юмористическое (см. Hay 2001, 56).

Ряд ученых отмечает, что анекдоты про хитрецов (Х. Насредин и др.) являются универсальной чертой, свойственной фольклору любого народа (см. Пермякова 1972).

Известный белорусский культуролог Ю.В. Чернявская пишет: «Поражение пана в поединке с мужиком – главная награда крестьянину. Можно даже говорить о своеобразном законе сказки – победе слабого над сильным. К сожалению, в реальности она куда менее достижима, но крестьянская хитрость и насмешка задают модель внутренней победы над паном и в действительной жизни» (Чернявская 2006, 73).

«Полусвои». Данная группа является автопортретом наших собственных недостатков (18 % текстов). Было бы вернее назвать эту группу «мы плохие», однако мишенью этих анекдотов выступают, как правило, соседи, некие абстрактные *мужык* и *жонка*, с которыми рассказчик себя никак не ассоциирует:

– *Ну і як з маладой жонкай? – пытаюцца ў шаўца, які ўжо трэці раз ажаніўся.*

– *Як з жонкай... Калі кіне ў мяне збанком і не трапіць, дык я цешуся. Як зноў я шпурну ў яе капылом і прамахнуся, тады яна цешыцца. Адным словам, шмат радасці і ўцехі* (Жарты 2005, 157).

Более того, рассказывая анекдот, рассказчик подразумевает, что он и слушатель совсем не такие. Согласно нашим наблюдениям, попытка приурочить анекдот о «полусвоих» к какой-либо проблеме собеседника нередко оканчивается неудачей:

– *А у меня муж в командировку уехал.*

– *Да, хорошо, что ты на третьем этаже живешь, соседу невысоко прыгать будет, если муж раньше вернется.*

– *?????*

Как видим, если рассказчик или слушатель каким-то образом вовлечены в описываемую в анекдоте проблему, такой анекдот не всегда вызовет комический эффект. Еще Аристотель в «Поэтике» писал, что «комедия – это трагедия, которая произошла с кем-то другим» (цит. по: Рюмина 2003, 35). В данной группе анекдотов происходит своеобразное психологическое «очищение» путем переноса собственных недостатков на полувывмышленного героя.

«Чужие снизу». Здесь представлены периферийные (национальные меньшинства, представители низкостатусных профессий) и маргинальные группы общества (пьяницы, алкоголики, наркоманы). В текстах, где мишенью являются представители данной группы, ситуации очень близки к реальным с некоторыми чертами гиперболизации. В анализируемой выборке нами обнаружены следующие персонажи, которые могут принадлежать к этой группе: *цыган, яўрэй, паляшук* (19 % текстов):

Адзін пан, маючы многа работнікаў, выйшаў і кажа:

– *Ну, дзецюкі, хто будзе водку піць?*

Цыган, збоку стоячы, падскочыў наперад пана і кажа:

– *Я, паночку!*

– *А хто будзе каўбасу есці?*

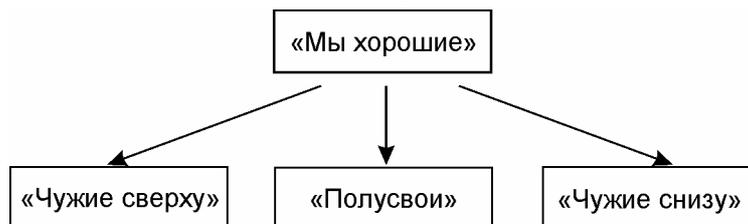
– *Я, паночку!*

– *А хто мне пойдзе сёння касіць?*

– *Дзецюкі, адзывайцеся, а то, далібог, мне аднаму ўжо цяжка – усё я да я!* (Сержпутоўскі 1999).

Агрессия здесь сочетается с чувством превосходства. В некоторой части текстов (1 %) данная группа представлена в качестве вспомогательного персонажа, мишенью же выступает группа «чужие сверху». В этих текстах *цыган* и *яўрэй* оказываются хитрее пана. Можно сделать вывод, что эта группа вызывает больше сочувствия у белорусского крестьянина, чем «чужие сверху».

Интересно, что «виртуальная реальность» анекдота выстраивает свою социальную лестницу со своими ценностями и законами, которые устанавливаются группой «мы хорошие», т. е. рассказчиком и слушателем анекдота. Эта социальная лестница представлена в виде следующей схемы:

Таким образом, анализ корпуса белорусских анекдотов позволил нам сделать следующие выводы о прагматической отнесенности данной группы текстов. Белорусский народный анекдот делит окружающий мир на «своих» и «чужих». «Чужие» – это все те, с которыми рассказчик и слушатель анекдота себя не идентифицируют и чье поведение или статус вызывают у них негативную реакцию в реальной жизни. Именно мир «чужих» может быть подвергнут осмеянию. Анекдоты, где мишенью выступают «чужие», как правило, демонстрируют те модели поведения, которые осуждаются в данной группе. Однако некоторые тексты позволяют предположить, что анекдот не всегда выполняет регулируемую, критическую функцию в группе. Целью некоторых анекдотов, например о «чужих сверху», является не осуждение девиантного с точки зрения данной группы поведения, а скорее создание некоторой виртуальной реальности, где «свои» (т. е. рассказчик и слушатель анекдота) оказываются лучше, «хитрее» чужих не по каким-то объективным причинам, а скорее априори, потому что они «свои» (анекдот про *двараніна*).

Итак, основной прагматической задачей рассказывания белорусского народного анекдота является создание групповой идентичности собеседников, которая позволяет устанавливать некоторые нор-

мы поведения в группе через осуждение и высмеивание девиантных форм поведения, а также создание виртуальной реальности, в которой собеседники всегда оказываются победителями.

ЛИТЕРАТУРА

- Бергсон А. Смех. М., 1992.
Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. С. 220–234.
Жарты, анекдоты, гумарэскі / Склад. А.С. Фядосік. Мн., 2005.
Лендвай Э. Прагмалингвистическая концепция русского анекдота // Русское слово в мировой культуре: Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. СПб., 2003. С. 45–53.
Пермякова Г.Л. Прodelки хитрецов. Мифы, сказки, басни и анекдоты о прославленных хитрецах, мудрецах и шутниках мирового фольклора. М., 1972.
Рюмина М.Т. Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность. М., 2003.
Сержпудоўскі А.К. Казкі і апавяданні беларусаў-палешукоў. Мн., 1999.
Чернявская Ю.В. Белорус: штрихи к автопортрету. Этнический самообраз белоруса в сказках. Мн., 2006.
Attardo S. Linguistic Theories of Humor. Berlin; New York, 1994.
Brown P., Levinson S.C. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge, 1987.
Hay J. The pragmatics of humor support // Humor: International Journal of Humor Research. 2001. № 14 (1). P. 55–82.
Norrick N.R. Conversational Joking. Humor in Everyday Talk. Bloomington, 1993.
Raskin V. Semantic Mechanisms of Humor. Dordrecht; Boston; Lancaster, 1985.

Поступила в редакцию 20.05.11.

Нина Валерьевна Фомичева – аспирантка кафедры речеведения и теории коммуникаций МГЛУ. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой речеведения и теории коммуникаций МГЛУ Т.В. Поплавская.

Л.С. МЕЛЬНИКОВА

О КОММУНИКАТИВНОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ (на материале итальянской учебной и художественной литературы)

Рассматривается содержательная сторона коммуникативной категории вежливости, ее функционирование в непрямых речевых актах, выявляется неоднозначная интерпретация вежливого поведения.

This article considers the content side of communicative category of politeness, it's functioning in indirect speech acts and reveals equivocal interpretation of polite behavior.

Вербальное взаимодействие людей следует определенным, достаточно сложным правилам и конвенциям. Так, один из особенно деликатных аспектов касается тех контекстов, в которых высказываются просьбы или формулируются приказания. Несмотря на то что тот, кто требует чего-либо или отдает приказания, часто имеет на это полное право по своему социальному статусу или служебному положению, тем не менее его собеседнику может быть неприятна подчиненная роль. Язык, являясь основным средством человеческого общения, развивает целый комплекс конвенциональных способов для высказывания просьб и требований, которые по-особому пользуются непрямыми средствами коммуникации.

Чаще всего основная цель обращения к непрямым средствам воздействия связана с вежливостью, играющей важную роль в речевом общении. Проблематика исследования данной категории неоднократно привлекала внимание отечественных и зарубежных социологов, психологов, лингвистов (Г.П. Грайс, Дж. Остин, Дж. Серль, И.И. Прибыток, И.А. Стернин, Н.И. Формановская, Дж. Лич, П. Браун, С. Левинсон, К. Кастельфранки, Д. Паризи и др.).

В отечественной лингвистике большая роль отводится исследованию языковой репрезентации категории вежливости, описанию единиц данной категории в терминах теории функционально-семантического поля, которое отражает понятийно-грамматические смыслы отношений явлений действительности и формируется грамматическими категориями и лексическими средствами языка. Как лингвистический феномен вежливость включает следующие аспекты: разработку концепции вежливости, социально-психологические факторы, определяющие функции вежливости и формы ее проявления, анализ языкового выражения вежливости, взаимосвязь категории вежливости и типа дискурса. По мнению некоторых исследователей, вежливость относится к сопутствующим социально-этическим коммуникативным категориям оппозитивного типа и выполняет функцию регулирования процесса общения (см. Захарова 1998, 88). Содержательной стороной коммуникативной вежливости является совокупность стратегических установок, организованных иерархически. Как считает И.А. Стернин, структура категории вежливости организована с помощью особых предписаний, таких как сдержанная манера общения, поддержание коммуникативного контакта, соблюдение коммуникативных императивов и табу, демонстрация общей культуры речи (см. Стернин 2003, 29).

Вежливость характерна как для устной, так и для письменной речи, она проявляется не только в вербальном общении, реализуясь с помощью определенного набора лексико-грамматических и про-

содических средств, но и в невербальной коммуникации и является социолингвистической практикой внутри любой культуры и в любом языке мира. По сути, категория вежливости – это функционально-семантическая универсалия, но каждый из национальных языков проявляет свою специфику в отражении этого явления.

Соблюдение принципов вежливости высоко ценится в цивилизованном обществе прежде всего потому, что она приятна адресату. С помощью вежливости как тактического приема адресант без особого труда достигает желанной цели (см. Формановская 1998, 67). С другой стороны, вежливость – очень важный, но не единственный фактор, обеспечивающий эффективность средств непрямо́й коммуникации. Есть ряд людей, которые в состоянии воспринимать только буквальное содержание высказываний и не в состоянии декодировать их скрытый смысл. В таких случаях непрямо́я речевая коммуникация, невзирая на большую вежливость, никогда не достигает своей цели (см. Прибыток 2003, 19).

Несмотря на то что понятие категории вежливости часто применяется в связи с побудительными речевыми актами вообще и просьбами в частности, интенционал этого понятия в прагмалингвистике еще не достаточно уточнен, возможно, потому, что и семантика самого слова *вежливый* не выявлена во всей полноте. Так, например, непонятно, включает ли в себя значение лексемы *вежливый* семы 'похвальный' или 'отстраненный'. Как нам кажется, вежливая просьба не обязательно похвальна, поскольку часто она может быть высказана саркастическим или дерзким тоном, в то же время прямой, высказанный без обиняков приказ может оказаться менее обидным и, во всяком случае, более достойным способом выразить побуждение. К тому же в некоторых случаях вежливость сродни безразличию; пассивные и безличные выражения часто склонны создавать ощущение отчужденности между собеседниками. С другой стороны, если вежливые просьбы формулируются собеседниками, которые связаны близкими семейными отношениями, то они звучат несколько фальшиво и часто лишены логики. Если считать, что вежливое поведение означает уважение по отношению к партнеру, то в таком случае прав Х. Хаверкейт, который утверждает, что формулировки, называемые вежливыми, не обязательно подразумевают вежливость, поскольку речь идет об автоматически высказываемых фразах, о вежливых клише, а не об осознанном семантическом выборе (см. Haverkate 1987, 27–63).

Побудительные речевые акты квалифицируются учеными как в принципе невежливые речевые действия, поэтому в языке выработаны различные способы «повышения» их вежливости. Другими словами, большую вежливость при обращении к непрямым средствам воздействия по сравнению с прямыми можно объяснить прежде всего именно тем, что высказывание побуждения уже само по себе противоречит принципу вежливости, сформулированному Дж. Личем. Директивы, по мнению этого исследователя, составляют класс речевых актов, в которых иллюкутивная цель противоречит социальной цели установления и поддержания вежливости (см. Leech 1983, 104). Косвенные способы предоставляют слушателю возможность не чувствовать себя ущемленным или униженным в своих правах, создают приятную, вежливую атмосферу общения, дают возможность выразить дополнительные оттенки значения, эмоции и мотивировку. Согласно традиционной точке зрения, косвенные директивы более вежливы, так как слушающему предоставляется возможность «выйти из игры» и дается ощущение относительной свободы выбора при принятии решения: удовлетворить просьбу или же оставить ее без внимания (см. Серль 1986).

Наиболее значимые теории вежливости, разработанные как в области лингвистики, так и в области социологии, основаны на различных классификационных критериях. Следует подчеркнуть, что в многочисленных работах, посвященных категории вежливости, отсутствует единство не только в понимании ее роли и особенностей функционирования, но и в самом определении данного феномена. Положения, выдвинутые социологами и лингвистами, носят обобщенный теоретический характер, не отражающий формы выражения вежливости, присущие лингвистической реальности какой-либо страны, но идея о неоднозначной интерпретации вежливости как лингвистического феномена заложена уже на самом раннем этапе ее исследования. Далее мы проиллюстрируем эти положения на итальянском языковом материале.

Среди социологов, которые исследовали коммуникативное поведение, Эрвинг Гофман был, безусловно, одним из тех, кто наиболее внимательно относился к лингвистическим аспектам (см. Goffman 1971). В частности, в области вежливости он различает два типа речевого поведения:

– «позитивной вежливости», с помощью которой выражается уважение, почтение и симпатия по отношению к другому человеку, направленная на получение столь же вежливой реакции, выражающей заинтересованность, как, например, просьба *Potrei chiederLe un piacere?* 'Могу я попросить Вас об одолжении?' или комплимент *Bella casa!* 'Прекрасный дом!', высказанный человеку, в дом которого мы попали впервые;

– «негативной вежливости», задача которой – привлечь внимание нашего собеседника и воспрепятствовать осуществлению действия, которое нам мешает. Это касается прежде всего косвенных речевых актов, таких как *Può lasciare la macchina un po' più avanti?* 'Вы можете поставить машину чуть подальше?' вместо *Qui non si può parcheggiare* 'Здесь нельзя парковаться'. Сюда можно отнести так-

же высказывания с применением техники эвфемистического смягчения ситуации: *Il risultato non è proprio soddisfacente* 'Результат не совсем удовлетворительный' вместо *Il risultato è deludente* 'Результат разочаровывает'.

Это разграничение, которое подхватили также П. Браун и С. Левинсон (см. Brown, Levinson 1987, 106), выглядит весьма заманчиво с философской точки зрения, но, на наш взгляд, на практике оно оказывается слабым, если считать, что на самом деле все вежливые акты, будучи конвенционально обусловленными, направлены на то, чтобы не допустить негативной реакции со стороны слушающего. Так, например, возможно, хозяину было бы неприятно, если бы его дом не получил соответствующей оценки гостя.

Робин Лакофф, в свою очередь, придерживалась в основном прагматического подхода к данной теме, предлагая три правила вежливого поведения, которые важны как для вербального, так и невербального общения:

- не будь навязчивым;
- давай возможность выбора;
- пусть беседа будет непринужденной/будь дружелюбным.

Эти три правила должны актуализироваться как в жестах, так и словесно, в соответствии с более или менее определенными схемами (см. Lakoff 1978, 229).

Что касается лингвистического аспекта, то нельзя считать соблюденным первое правило, если имеет место вмешательство в личную сферу собеседника, в его пространство, физическое и не только, например: *Permesso, posso entrare?* 'Можно войти?' или *Potrei farLe una domanda, se non sono indiscreto?* 'Извините за нескромность, можно задать Вам один вопрос?' (букв. 'Мог бы я задать Вам один вопрос, если я не буду нескромен?'). В действительности просьба о разрешении здесь весьма условна, так как часто вопрос задается или само действие начинается непосредственно в момент просьбы разрешить их осуществление. Например, следующий вопрос: *Posso permettermi di chiederLe quanti anni ha?* 'Могу я позволить себе спросить, сколько Вам лет?' на самом деле считается заданным еще до того, как было получено разрешение сделать это.

Правило 2, созвучное первому, можно расшифровать следующим образом: «Дай возможность слушающему самому принять решение – пусть у него будет выбор». Это значит, что нужно позволить собеседнику выбрать то, как ему реагировать на наши слова. Следовательно, мы не должны выражать собственную волю с помощью приказов (ср. *Dammi un bicchiere d'acqua!* 'Дай мне стакан воды!' и *Potresti darmi un bicchiere d'acqua?* 'Ты не мог бы дать мне стакан воды?'), а собственное мнение – в категоричной форме (ср. *Quel nuovo film è bruttissimo!* 'Этот новый фильм отвратителен!' и *Penso che quel nuovo film non sia un capolavoro* 'Мне кажется, что этот новый фильм вовсе не шедевр').

И наконец, правило 3 требует создать собеседнику комфортные условия для общения, проявить дружелюбие. В самом деле, два первых правила тоже направлены на это, но в данном случае у собеседника создается ощущение того, что ему рады, что к нему относятся по-дружески. На наш взгляд, это довольно лицемерное правило, если принимать во внимание существование условия искренности. Оно могло бы быть менее лицемерным, если бы столь часто не использовалось конвенционально. Характерной чертой этого правила является использование личных местоимений, имени, прозвища, а также комплиментов (они, кстати, не всегда возможны при соблюдении первого правила, поскольку могут являться маркерами назойливости). К данному правилу относятся также выражения, используемые для того, чтобы вовлечь собеседника в разговор или в выполнение какого-либо действия (*Che ne dici di andare al cinema stasera?* 'Что ты скажешь на то, чтобы сходить в кино сегодня вечером?').

На наш взгляд, границы между этими тремя правилами нечеткие, поскольку всегда найдутся и другие экстра- и паралингвистические элементы, которые укажут на то, какое из трех правил вступает в силу в данный момент.

Принцип вежливости, по Дж. Личу, включает в себя следующие симметричные постулаты: такта (причиняй минимум неудобств и оказывай максимум удобств другому); великодушия (оказывай минимум удобств себе и максимум удобств другому); одобрения (своди к минимуму отрицательную оценку других, стремись к максимальной положительной оценке других); скромности (минимально хвали себя, максимально порицай себя); согласия (своди к минимуму разногласие между собой и другим, стремись к максимальному согласию между собой и другим); симпатии (своди к минимуму антипатию между собой и другим, стремись к максимальной симпатии между собой и другим) (см. Leech 1983, 132). Первые два постулата формулируются в терминах затрат и выгод. Так, соблюдая постулат такта, говорящий минимизирует затраты для адресата, но максимизирует для него выгоды. Соблюдая постулат великодушия, говорящий, напротив, минимизирует выгоды для себя, но максимизирует затраты. Как видно, такт ориентирован на адресата, а великодушие – на говорящего. Постулат одобрения рекомендует избегать неодобрительных высказываний об адресате и обо всем, что входит в его сферу. Постулат скромности запрещает высказывать похвалу в адрес самого себя. Смысл всех постулатов

можно интерпретировать следующим образом: если хочешь быть вежливым или, по крайней мере, выглядеть таковым, будь в своем поведении и в своих высказываниях тактичен, великодушен и скром, не относись к адресату неодобрительно и с антипатией и по возможности соглашайся с ним; говори адресату по возможности о приятных для него вещах и избегай неприятных тем; если же кто-то тебе неприятен и ты хочешь дать ему понять это, не оскорбляй его, а вырази свою неприязнь в форме внешне безобидного иронического высказывания. В дальнейшем Р. Лакофф дополнит этот список постулатами *рациональности* и *блага* (исходи из того, что в общении участвуют разумные люди и что они не стремятся причинить друг другу вред). Соблюдение принципа вежливости дает возможность избежать конфликтов, которые обычно ведут к нарушению и прерыванию речевого общения (см. Lakoff 1978).

Принцип вежливости предъявляет ряд требований к структуре косвенных побудительных речевых актов. Так, многие исследователи отмечают, что при осуществлении косвенного побуждения существенную роль играют утверждения или вопросы, эксплицирующие указания на выполнение «условий успешности» (по другой терминологии пресуппозиций. – Л. М.) класса побудительных иллокутивных актов (см. Остин 1986; Серль 1986; Грайс 1985).

Итальянские ученые К. Кастельфранки и Д. Паризи рассматривают взаимоотношения между категорией вежливости и косвенными формами, исходя из утверждения, что многие формулы косвенной просьбы являются вежливыми и, наоборот, многие вежливые формулировки являются косвенными речевыми актами. По мнению этих ученых, вежливость заключается в том, что, каким бы ни был социальный статус говорящего, к своему собеседнику он относится как к человеку, занимающему более высокое положение, проявляя к нему уважение, всячески демонстрируя, что действует он в том числе и в интересах собеседника (см. Castelfranchi, Parisi 1980, 379). На лингвистическом уровне такое «униженное» положение достигается путем употребления следующих выражений: *La prego* 'прошу Вас', *se permette* 'если позволите' или *a Sua disposizione* 'в Вашем распоряжении'. В особенности это касается тех случаев, когда социальный статус слушающего равен статусу говорящего или ниже его. Нам кажется, что это весьма справедливое утверждение, так как не всегда искренняя вежливость проявляется во взаимоотношениях с теми, кто выше нас по служебному или социальному положению, общение с кем априори требует соблюдения принципов вежливости. В таких случаях речь иногда идет о ролевой игре, о выражении почтения, которое не только является притворным, но и должно быть интерпретировано как таковое. Этот вопрос отпал бы сам собой, если бы значение *вежливый* предполагало наличие семы 'искренний'.

Вежливость может означать и некоторую отстраненность собеседников или хотя бы некую формальность в их отношениях. Вежливая просьба предполагает, что адресат не имеет какой-либо особой причины, чтобы удовлетворить ее, поскольку она всегда формулируется в интересах самого говорящего. Невозможно быть вежливым, прося о чем-то, что в интересах исключительно слушающего. Возможно, это слишком категоричное утверждение, но, как нам кажется, в действительности вежливость нередко не предполагает ни обязательств, ни сотрудничества, ни любви, ни проявления эмоций. В семейном кругу или при наличии дружеских, приятельских или иных близких отношений вежливость в ряде случаев является излишней, и может не казаться невежливой простая и прямая просьба: *Accendi la radio!* 'Включи радио!' или *Passami quel documento!* 'Поддай мне тот документ!'

И наконец, вежливость, как это ни странно, сродни лицемерию, при котором говорящий скрывает свои эмоции и мнения, надеясь, что его оценят. К тому же вежливость позволяет действовать в личных интересах, т. е. быть приятным для человека, который может оказаться нам полезным. Субъективное отношение автора к данному свойству вежливости весьма отрицательно, и мы предпочли бы откровенную прямоту завуалированным косвенным высказываниям, но, как показывает опыт, человеческое общение основано на принципе вежливости и представляет собой, строго говоря, не совсем честную игру, участники которой изначально могут и должны не исключать друг в друге опасность лицемерия.

Таким образом, параметры конкретной ситуации могут влиять на интерпретацию коммуникативной категории вежливости, что, по всей вероятности, позволяет сделать соответствующий вывод семантического уровня: наряду с основными (ядерными) положительными компонентами значения ('уважительность', 'учтивость', 'обходительность', 'благовоспитанность', 'доброжелательность', 'предупредительность' и др.), концепт *вежливость* способен актуализировать дополнительные (периферийные) семы с отрицательной коннотацией ('отчужденность', 'лицемерие', 'безразличие', 'выгода' и др.).

ЛИТЕРАТУРА

- Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика / Под общ. ред. Е.В. Падучевой. М., 1985.
 Захарова Е.П. Коммуникативная категория чуждости и ее роль в организации речевого общения // Вопросы стилистики: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1998. С. 87–94.
 Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов / Под общ. ред. Б.Ю. Городецкого. М., 1986.

- Прибыток И.И. Дискуссионные моменты теории непрямо́й коммуникации. Прямая и непря́мая коммуникация: Сб. науч. ст. Саратов, 2003.
- Серль Дж. Косвенный речево́й акт. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речево́вых актов / Под общ. ред. Б.Ю. Городецкого. М., 1986.
- Стернин И.А. Проблемы описания вежливости как коммуникативной категории // Коммуникативное поведение. Вежливость как коммуникативная категория. Воронеж, 2003. Вып. 17. С. 22–47.
- Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998.
- Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge, 1987.
- Castelfranchi C., Parisi D. Linguaggio, conoscenze e scopi. Bologna, 1980.
- Goffman E. Modelli di interazione. Bologna, 1971.
- Haverkate H. La cortesía como estrategia conversacional // Diálogos Hispánicos de Amsterdam 6. 1987. P. 27–63.
- Lakoff R. La logica della cortesia – ovvero bada a come parli. In Sbisà (a cura di). Milano, 1978.
- Leech G.N. Principles of Pragmatics. London, 1983.

Поступила в редакцию 03.06.11.

Людмила Сергеевна Мельникова – старший преподаватель кафедры романского языкознания.

О.А. БОРИСЕВИЧ

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ ПРОТЕСТАНТСКИХ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ БЕЛАРУСИ

Исследуются особенности номинации протестантских культовых сооружений Беларуси. Анализируются экклезионимы трех конфессий: баптизма, христиан веры евангельской и христиан полного Евангелия. Отмечается, что названия молитвенных домов образуют группы по наличию в них того или иного ключевого слова, т. е. слова или компонента проприальной части, выделяемых на основе частоты их употребления и отражающих основные понятия протестантского вероучения.

The article deals with peculiarities of nomination of protestant religious buildings of Belarus. Ecclesionyms of three religious groups are analyzed. They are the doctrine of Baptists, Evangelical Churches. Names of houses of prayer form groups according key words. A key word is a word or a component of propriial part which are singled out because of frequency of their using and reflect general concepts of protestant dogma.

В настоящее время особое внимание уделяется изучению неразработанных областей онимического пространства, среди которых важное место занимают экклезионимы. Актуальность исследования названий объектов культового назначения связана с тем, что в них отражается, хотя и специфическим образом, окружающий мир, а также сам человек как часть этого мира, его ментальность. Комплексное изучение рассматриваемой ономастической лексики может дать многое для осмысления и описания этого класса с позиции антропоцентризма, формирующего новую научную парадигму современного языкознания.

Актуальность исследования обусловлена и некоторыми социальными факторами: возвратом общества к духовным религиозным ценностям, возрождением прежних и строительством новых храмов, необходимостью восстановления культурно-исторических объектов и их названий, имеющих непреходящее значение для культуры народа.

Цель нашего исследования – рассмотреть особенности номинации современных культовых объектов трех течений протестантизма, имеющих молитвенные дома на территории Беларуси. Это баптизм, христиане веры евангельской и христиане полного Евангелия. Данная работа является первой попыткой семантического анализа протестантских экклезионимов (под экклезионимом мы понимаем «собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии; в том числе название церкви, часовни, креста, монастыря» (Подольская 1988)). В своих рассуждениях мы опираемся на концепции лексического значения внутригородских названий (см. Мезенко 1991) и наименований православных культовых сооружений (см. Арина 2008).

Протестантизм – одно из трех, наряду с католичеством и православием, главных направлений христианства, представляющих собой совокупность многочисленных и самостоятельных течений, связанных своим происхождением с Реформацией – широким антикатолическим движением XVI в. в Европе.

Протестантизм разделяет общехристианские представления о бытии Бога, его триединстве, о бессмертии души, рае и аде (отвергая при этом католическое учение о чистилище). Протестанты считают, что человек может получить прощение грехов верой в Иисуса Христа (верой в его смерть за грехи и немощи всех людей и в его воскресение из мертвых). Христиане-протестанты верят, что Библия является единственным источником христианского вероучения, ее изучение и применение в собственной жизни считается важной задачей каждого верующего. Протестанты прилагают усилия, чтобы Библия была доступна людям на их национальных языках.

Таким образом, протестантизм определил принципиальными три положения: спасение личной верой, священство всех верующих, исключительный авторитет Священного Писания (Библии).

Раздел Речи Посполитой (1772–1795) привел к сокращению влияния католицизма на территории Беларуси. Белорусские крестьяне едут на юг России, на украинские земли на заработки, где знако-

мяцца с баптизмом. Баптистские общины появляются в Гомельской области и на востоке Беларуси. Баптизм на белорусских землях распространялся также беженцами из Польши. Первой на территории Беларуси считают баптистскую общину в д. Уть Добрушского района Гомельской области, появившуюся в начале 1870-х гг. В 1905 г. в этой деревне был построен молитвенный дом. В конце XIX в. баптизм распространяется в Минской губернии, в начале XX в. – в Гродненской (см. Протестантство 2006). Баптисты не признают икон; из всех христианских праздников сохранили только те, которые связаны с Иисусом Христом; богослужение совершается в молитвенных домах.

Для баптистской экклезиологии характерными являются 2 противоположные особенности. С одной стороны, стремление к индивидуализации, приводящее к многообразию наименований культовых объектов, а с другой – наличие большого количества церквей, имеющих наименование, равное номенклатурному термину, – *Церковь евангельских христиан-баптистов*.

В основе нашей классификации лежит понятие ключевого слова, т. е. слова или компонента проприальной части, выделяемых на основе частоты их употребления и отражающих основные понятия протестантского вероучения. По наличию в них того или иного ключевого слова названия баптистских молитвенных домов образуют следующие группы:

1) названия с компонентом **«благо»** в проприальной части – 7 наименований (например, *церковь евангельских христиан-баптистов «Благодать»* (г. Брест, 2009);

2) названия с компонентом **«свет»** – 6 наименований (например, *церковь евангельских христиан-баптистов «Свет Евангелия»* (г. п. Дрибин Могилевской обл., 2009);

3) названия с компонентом **«жизнь»** – 4 наименования (например, *церковь евангельских христиан-баптистов «Новая жизнь»* (г. Крупки Минской обл., 2009);

4) названия с компонентом **«спасение»** – 4 наименования (например, *церковь евангельских христиан-баптистов «Путь спасения»* (г. Узда Минской обл., 2009);

5) названия с компонентом **«евангелие»** – 3 наименования (например, *церковь евангельских христиан-баптистов «Светлый луч Евангелия»* (г. Кличев Могилевской обл., 2009);

6) названия с компонентом **«Христос»** – 3 наименования (например, *церковь евангельских христиан-баптистов «Рождество Христово»* (г. Ивацевичи Брестской обл., 2009);

7) названия с компонентом **«надежда»** – 3 наименования (например, *церковь евангельских христиан-баптистов «Надежда»* (г. Витебск, 2009);

8) названия с компонентом **«весть»** – 3 наименования (например, *церковь евангельских христиан-баптистов «Вестник пришествия»* (г. Славгород Могилевской обл., 2009);

9) названия с компонентом **«слово»** – 3 наименования (например, *церковь евангельских христиан-баптистов «Слово благодати»* (г. Минск, 2009);

10) названия с компонентом **«мир»** – 3 наименования (например, *церковь евангельских христиан-баптистов «Мир вам»* (г. Могилев, 2009);

11) названия с компонентами, отражающими библейские понятия (*церковь евангельских христиан-баптистов «Библейская церковь»* (2), *церковь евангельских христиан-баптистов «Вефиль»* (2), *церковь евангельских христиан-баптистов «Фавор»* (2), *церковь евангельских христиан-баптистов «Гефсимания»* (2), *церковь евангельских христиан-баптистов «Эммануил»* (1), *церковь евангельских христиан-баптистов «Вифания»* (4), *церковь евангельских христиан-баптистов «Сретенье»* (1), *церковь евангельских христиан-баптистов «Голгофа»* (2), *церковь евангельских христиан-баптистов «Сион»* (2));

12) названия с компонентами, обозначающими качества обращаящихся к Господу (*церковь евангельских христиан-баптистов «Кротость»* (1), *церковь евангельских христиан-баптистов «Милосердие»* (3), *церковь евангельских христиан-баптистов «Добродетель»* (1), *церковь евангельских христиан-баптистов «Терпение»* (1), *церковь евангельских христиан-баптистов «Вера»* (1), *церковь евангельских христиан-баптистов «Смирение»* (2));

13) названия с компонентами, отражающими духовные ориентиры деятельности церковной организации (*церковь евангельских христиан-баптистов «Тихие пристани»* (1), *церковь евангельских христиан-баптистов «Открытое небо»* (1), *церковь евангельских христиан-баптистов «Возрождение»* (3), *церковь евангельских христиан-баптистов «Вознесение»* (3), *церковь евангельских христиан-баптистов «Пробуждение»* (3), *церковь евангельских христиан-баптистов «Воскрешение»* (6), *церковь евангельских христиан-баптистов «Солнце правды»* (1), *церковь евангельских христиан-баптистов «Освящение»* (1), *церковь евангельских христиан-баптистов «Утешение»* (3)).

Остальные группы представлены двумя или одним наименованием. Особенностью баптистской экклезиологии является большое количество названий (135 единиц), образованных путем онимизации номенклатурного термина.

* По своей структуре экклезиологии поликомпонентны и состоят из географического апеллатива и проприальной части. Географический апеллатив мы пишем со строчной буквы, проприальную часть – с прописной.

Анализ названий баптистских культовых сооружений показывает следующее: 1) преобладают экклезионимы с проприальной частью «Надежда» (10 молитвенных домов), «Милость» (10), «Преображение» (6); 2) основными компонентами, формирующими проприальную часть, выступают «благо», «свет», «спасение», «жизнь», являющиеся ключевыми понятиями религиозной этики.

Пятидесятничество – течение протестантизма, в основу которого легло предание о сошествии Святого Духа на учеников Христа, произошедшем на 50-й день после его воскресения. Особенностью пятидесятников является стремление к обретению «даров Святого Духа», включающих слово мудрости, слово знания, веру, дар исцеления, чудотворение, пророчество, различение духов, иные языки и истолкование языков (см. Протестанство 2006).

Христиане веры евангельской – направление пятидесятников. Первые общины появились в 1920 г. в Брестской области. После 1939 г. стали распространяться и в восточных районах Беларуси.

Положив в основу классификации ключевое слово, можно выделить следующие группы экклезионимов:

1) названия с компонентом **«Христос»** – 14 наименований (например, *церковь христиан веры евангельской «Красота Христа»* (г. п. Свислочь Минской обл., 2009);

2) названия с компонентами **«жизнь, живой»** – 11 наименований (например, *церковь христиан веры евангельской «Новая жизнь»* (г. Петриков Гомельской обл., 2009);

3) названия с компонентом **«Бог»** – 9 наименований (например, *церковь христиан веры евангельской «Благодать Бога»* (г. Гомель, 2009);

4) названия с компонентом **«свет»** – 7 наименований (например, *церковь христиан веры евангельской «Свет миру»* (г. Быхов Могилевской обл., 2009);

5) названия с компонентом **«благодать»** – 6 наименований (например, *церковь христиан веры евангельской «Благодать Иисуса Христа»* (г. п. Свирь Минской обл., 2009);

6) названия с компонентом **«спасение»** – 6 наименований (например, *церковь христиан веры евангельской «Надежда спасения»* (д. Подкраичи Брестской обл., 2009);

7) названия с компонентом **«истина»** – 5 наименований (например, *церковь христиан веры евангельской «Дух истины»* (г. Толочин Витебской обл., 2009);

8) названия с компонентом **«надежда»** – 4 наименования (например, *церковь христиан веры евангельской «Надежда»* (д. Чудин Брестской обл., 2009);

9) названия с компонентом **«слово»** – 4 наименования (например, *церковь христиан веры евангельской «Слово жизни»* (г. п. Шарковщина Витебской обл., 2009);

10) названия с компонентом **«источник»** – 3 наименования (например, *церковь христиан веры евангельской «Источник жизни»* (г. Сморгонь Гродненской обл., 2009);

11) названия с компонентом **«путь»** – 3 наименования (например, *церковь христиан веры евангельской «Путь к Богу»* (д. Денисковичи Брестской обл., 2009);

12) названия с компонентом **«милость»** – 3 наименования (например, *церковь христиан веры евангельской «Милость Христа»* (д. Добромисли Витебской обл., 2009);

13) названия с компонентом **«новый»** – 3 наименования (например, *церковь христиан веры евангельской «Новый Завет»* (г. Чечерск Гомельской обл., 2009);

14) названия с компонентами, отражающими библейские понятия (*церковь христиан веры евангельской «Фавор»* (1), *церковь христиан веры евангельской «Звезда Вифлеема»* (1), *церковь христиан веры евангельской «Вефиль»* (1), *церковь христиан веры евангельской «Гефсимания»* (1), *церковь христиан веры евангельской «Иоанн Предтеча»* (2), *церковь христиан веры евангельской «Голгофа»* (2), *церковь христиан веры евангельской «Силоам»* (1), *церковь христиан веры евангельской «Воскресение»* (1), *церковь христиан веры евангельской «Вифания»* (2), *церковь христиан веры евангельской «Вифезда»* (1));

15) названия с компонентами, отражающими духовные ориентиры деятельности церковной организации (*церковь христиан веры евангельской «Общение»* (1), *церковь христиан веры евангельской «Преображение»* (4), *церковь христиан веры евангельской «Вознесение»* (4), *церковь христиан веры евангельской «Возрождение»* (10), *церковь христиан веры евангельской «Восстановление»* (1), *церковь христиан веры евангельской «От сердца к сердцу»* (1), *церковь христиан веры евангельской «Примирение»* (1)).

Остальные группы представлены единичными наименованиями. Так же как и в баптистской экклезионимии, многочисленны наименования (237 единиц), представляющие собой онимизированный номенклатурный термин.

Анализ названий свидетельствует о преобладании экклезионимов с проприальной частью «Благодать» (84 молитвенных дома), «Спасение» (16); основными компонентами, формирующими проприальную часть, являются «Иисус Христос», «жизнь, живой», «Бог», являющиеся ключевыми понятиями религиозной этики.

Полное Евангелие – теологическая концепция пятидесятников, которая требует, чтобы каждый верующий в своей жизни в определенной мере повторил жизнь Сына Божьего. Полное Евангелие вклю-

чаёт в себя 4 основных положения: рождение свыше, крещение духом святым, исцеление верой, тысячелетний приход Христа.

На основании повторяемости одних и тех же слов выделим 8 групп названий. Один и тот же экклезионим может входить в разные группы.

1. Названия с компонентом **«СЛОВО»** включают следующие наименования: «Слово веры» – 6 культовых сооружений, «Слово истины» – 2, «Слово жизни» – 1, «Слово пробуждения» – 1, «Живое слово» – 1. Всего 11 культовых сооружений.

Например, *церковь христиан полного евангелия «Слово веры»* (г. Брест, 2009 и др.), *церковь христиан полного евангелия «Слово жизни»* (г. Пинск Брестской обл., 2009).

2. Названия с компонентом **«ЖИЗНЬ»** включают 5 наименований: «Новая жизнь» – 7, «Слово жизни» – 1, «Источник жизни» – 1, «Свет жизни» – 1, «Жизнь с избытком» – 1. Всего 11 культовых сооружений.

Например, *церковь христиан полного евангелия «Жизнь с избытком»* (г. Минск, 2009), *церковь христиан полного евангелия «Свет жизни»* (г. Орша Витебской обл., 2009).

3. Названия с компонентами **«ИИСУС, ИИСУС ХРИСТОС»** – 5 наименований: Иисуса Христа – 6, «Воля Иисуса» – 1, «Любовь Иисуса» – 1, «Победа Иисуса Христа» – 1, «Великое повеление Иисуса Христа» – 1. Всего 10 культовых сооружений.

Например, *церковь христиан полного евангелия «Великое повеление Иисуса Христа»* (г. Минск, 2009), *церковь христиан полного евангелия Иисуса Христа* (г. Витебск, 2009 и др.).

4. Названия с компонентом **«БОЖИЙ»** – 3 наименования: «Семья Божья» – 2, Царства Божьего – 2, «Посольство Божье» – 2. Всего 6 культовых сооружений.

Например, *церковь христиан полного евангелия Царства Божьего* (г. Новополоцк Витебской обл., 2009 и др.).

5. Названия с компонентом **«НОВЫЙ»** – 2 наименования: «Новая жизнь» – 7, «Новое поколение» – 6. Всего 13 культовых сооружений.

Например, *церковь христиан полного евангелия «Новое поколение»* (г. Светлогорск Гомельской обл., 2009 и др.).

6. Названия с компонентом **«СВЕТ»** – 2 наименования: «Свет миру» – 2, «Свет жизни» – 1. Всего 3 культовых сооружения.

Например, *церковь христиан полного евангелия «Свет миру»* (г. Борисов Минской обл., 2009 и др.).

7. Названия с компонентом **«ЖИВОЙ»** – 2 наименования: «Живая вера» – 2, «Живое слово» – 1. Всего 3 культовых сооружения.

Например, *церковь христиан полного евангелия «Живое слово»* (г. Гродно, 2009).

8. Названия с компонентом **«ВЕРА»** – 2 наименования: «Слово веры» – 6, «Живая вера» – 2. Всего 8 культовых сооружений.

Например, *церковь христиан полного евангелия «Слово веры»* (г. Солигорск Минской обл., 2009 и др.).

Наибольшее распространение в данном секторе экклезионимии получили названия с проприальной частью «Новая жизнь» (его носят 7 культовых объектов), «Слово веры» (6 культовых объектов), «Новое поколение» (6 культовых объектов), Иисуса Христа (6 культовых объектов).

Таким образом, протестантская экклезионимия характеризуется следующими особенностями: 1) стремлением к индивидуализации, что приводит к большому количеству непохожих друг на друга названий; 2) соотносимостью проприальной части с абстрактным понятием, что сближает экклезионимы с другими видами онимов, например с эргонимами.

Особенность данного типа названий состоит также и в том, что, называя культовые объекты, они в то же время используются и для наименования общины – объединения людей, входящих в конкретную религиозную организацию. Двойственность природы протестантских экклезионимов и обусловила специфику их как структурной, так и семантической классификации.

ЛИТЕРАТУРА

Аринина Е. П. Содержательное и структурное своеобразие русских экклезионимов в типологическом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2008.

Мезенко А. М. Урбанонимия Беларуси. Мн., 1991.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1988.

Протестантство / Авт.-сост. А.А. Грицанов, В.Н. Семенова. Мн., 2006.

Поступила в редакцию 04.03.11.

Ольга Анатольевна Борисевич – аспирантка кафедры общего и русского языкознания ВГУ им. П.М. Машерова. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания ВГУ им. П.М. Машерова А.М. Мезенко.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДИКАТИВНЫХ КАТЕГОРИЙ В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Рассматриваются особенности выражения предикативных категорий лица, времени и модальности в русском и персидском предложениях с целью выявления совпадающих элементов и национально-специфичных для выработки механизма учета их при обучении иранских студентов структурно-семантической организации русского предложения, для теоретического обоснования отбора и структурирования содержания обучения.

The means of expression of predicative categories of person, time and modality in Russian and Persian sentences are studied in this article with the aim of searching similar and specific national elements for creating a mechanism of considering them in teaching of semantically structured organization of Russian sentence by Iranian students and also for theoretical basis for selection and making the educational content structured.

Предикативность как средство отнесенности предложения к действительности (по В.В. Виноградову) – универсальная грамматическая категория, вскрывающая механизм взаимодействия мышления носителя языка и отражаемого им мира. «Языковая картина мира отчасти универсальна, отчасти национально специфична» (Маслова 2008, 161). Специфичны для каждого конкретного языка «структура синтаксических единиц, формы синтаксической связи и порядок слов в предложении» (Чумак 2007, 6).

Цель нашей статьи – установить общее и специфичное в выражении предикативных категорий лица, модальности и времени в русском и персидском предложениях, что позволит сделать важные лингвометодические выводы.

1. Выражение синтаксической категории лица в русском и персидском предложениях. Синтаксическая категория лица в предложении связана с его главными компонентами. Позицию подлежащего в предложении, построенном по двукомпонентной схеме, занимает наименование субъекта, называющего предмет, о котором идет речь и которому приписывается предикативный признак. Категория синтаксического лица как в русском, так и в персидском языках выражается личными окончаниями спрягаемых форм глаголов-сказуемых и отдельными их формами (*Я имею доступ к интернету. من دسترسی به اینترنت دارم. Män be internet dästresi daräm; Я к интернет доступ имею. Ты узнала всех. تو همه را شناختی. To hameh ra šenaxti Ты все послелог (ra) знал.*)

Способы выражения субъекта в позиции подлежащего совпадают в обоих языках. Подлежащим может быть: имя существительное; субстантивированные имя прилагательное или причастие; числительное; местоимения различных разрядов, в том числе субстантивированные; количественно-субстантивное словосочетание; инфинитив; наречие: *Ветер дуем. Bad miväzäd باد می وزد; Брат положил книгу на стол. Baradar ketab ra rooye miz gozasht برادر کتاب را روی میز گذاشت; Я читаю газету. Män rooznameh mixanam من روزنامه می خوانم; Это книга. In ketab äst این کتاب است; Кто приехал? Ć e käsi amäd? چه کسی آمد; Некоторые так думают. Bärxi intowr fekr mikonänd برخی این طور آموزش به افراد; Учить иностранцев – трудное дело. Amoözesh be äfrade xareji kare säxti äst آموزش به افراد خارجی کار سختی است; Взрослые помогали мальчикам. Bozorgtärha be koočektärha komäk kändاند دو و سه می شود پنج; Два да три будет пять. Do vä se mišäväd päñج; Было посажено три дерева. Se deräxt kašteh šod سه درخت کاشته شد; Спящий не разбудит спящего? Хофте ра хофте ке конад бидар? خفته را خفته کی کند بیدار?; Скорее наступило бы завтра; Ey kaš färäd زودتر برسد ای کاش فردا زودتر برسد.*

В русском языке подлежащее выражается формой именительного падежа предметного имени, в персидском – начальной формой слов с предметной семантикой.

При обучении иностранных студентов важно последовательно дифференцировать грамматический и семантический субъекты и способы их выражения в русском языке в сопоставлении со способами выражения в родном языке обучающихся. Представление о соотносительных конструкциях русского и персидского языков дает табл. 1.

При выражении грамматическим субъектом специализированных значений: количественной близительности, выделения предмета из группы предметов, совместности действия – в персидском предложении зависимые слова в составе подлежащего употребляются в начальной форме с соответствующими предлогами.

Русским предложениям, в которых семантический субъект выражается формами косвенных падежей имени, соответствуют персидские предложения, в которых субъект, выражаемый именем или слитным местоимением в начальной форме, занимает позицию подлежащего. Следовательно, в персидском языке нет оппозиции понятий грамматический и семантический субъект предложения.

В однокомпонентных русских и персидских предложениях спрягаемо-глагольного класса типа *Иду* (перс. *Иду*), *Смотришь* (перс. *Смотришь*), *Звонят* (перс. *Звонят*), *Зовут* (перс. *Зовут*) на субъект (определенный или неопределенный) указывают личные окончания спрягаемых глаголов-сказуемых.

Выражение грамматического и семантического субъекта в русском и персидском предложениях

Выражение грамматического субъекта		
Модели	Русский язык	Персидский язык и дословный перевод
Словосочетание	Пять спортсменов выступили удачно	<i>Pānj vārzeškar ba movāfāqiyat hozur yaftānd. Пять спортсменов удачно выступили</i>
	В Минске учится несколько магистрантов из Ирана	<i>Ānd danešju foq dār minsk tāhsil mikonānd Несколько магистрант из иран в минск учатся</i>
	Некоторые из них участвуют в конференции	<i>Bārxi āz anha dār konferans šerkāt mikonānd Некоторые из они в конференции участвуют</i>
	Присутствовало около двадцати студентов	<i>Hodude bist danešju hozoor daštānd Около двадцать студент присутствовали</i>
Inf	Мы с другом уехали на каникулы	<i>Ma ba dust be tātilat rāftim. Мы с друг на каникулы уехали</i>
	Опоздывать нехорошо	<i>Dir kārdān xub nist Опоздывать хорошо нет</i>
Выражение семантического субъекта		
y + N ₂ (Pron ₂)	У сестры есть сын	<i>Xahār bāradār darād. Сестра сын имеет</i>
	У дочери температура	<i>Doxtār tāb darād. Дочь температура имеет</i>
	У него болит нога	<i>Pay-aš dārd mikonād. Нога он (слитное местоимение) болит</i>
	У студента нет конспекта	<i>Danešju xolaseh nādarād Студент конспект не имеет</i>
N ₃ (Pron ₃)	Ему не спалось	<i>Xab-āš nābord. Сон он (слитное местоимение 3-е лицо) не несет</i>
	Маше взгрустнулось	<i>Maša qāmgin šod. Маша взгрустнул</i>
	Читателю нужна книга	<i>Xanandeh be ketab niyaz darad. Читатель в книга нуждается</i>
	Нам грустно	<i>Qām-eman gereft. Грусть мы (слитное мест.) берет</i>
	Студентам нравятся лекции	<i>Danešjuyan az soxanrāni xošesan amad. Студенты (предлог az) лекции нравятся</i>
	Брату тридцать лет	<i>Bāradār si sale āst (darād). Брат тридцать лет есть (или имеет)</i>
4 (Pron ₄)	Аспиранта зовут Петр	<i>In danešjuye doctora ra petr seda mikonānd. Аспирант (послепо ра) Петр зовут</i>
N ₅ (Pron ₅)	Картина нарисована известным художником	<i>Tablo tāvāsote honārmānde māšhur kešideh šodeh āst. Картина + предлог (tavasote) + художник известный рисуется</i>

В безличных предложениях русского и персидского языков субъект отсутствует: ср. русские предложения (*Рассветает. Холодно. Закрыто*) и дословный перевод персидских предложений (*Светлый становится. Холодный есть. Закрытый есть*).

Таким образом, при обучении иранских студентов способам выражения субъекта в русском предложении необходимо учитывать прежде всего, что персидский язык, предметные имена которого имеют только начальную форму, не располагает оппозицией синтаксических конструкций, позволяющих противопоставлять активное, целенаправленное действие субъекта (*Сегодня он хорошо работал*) его состоянию (*Сегодня ему работалось хорошо*). Кроме того, внимания потребуют способы выражения специализированных значений субъекта в русском предложении, а также русские количественно-субстантивные словосочетания в позиции подлежащего.

2. Выражение синтаксических категорий времени и модальности (реальной) в русском и персидском предложениях. Специфику выражения предиката в русском и персидском языках рассмотрим на примере наиболее частотных конструкций – предложений со спрягаемой формой глагола (табл. 2).

Как следует из таблицы, русским сказуемым с фазисным значением (начинают писать) соответствуют сочетания именной части сложного фазисного глагола, предлога, отглагольного имени и личной формы компонирующего глагола в персидском языке; русским сказуемым с модальным значением (может понять) – персидские сочетания личной формы модального глагола и личной формы глагола, носителя вещественного значения сказуемого. Таким образом, в языке фарси при выражении фазисных и модальных значений сказуемого в двухкомпонентных моделях предложений не используется инфинитив, что необходимо учитывать при обучении иранских студентов русскому языку.

Предложения со спрягаемой формой глагола

Схемы	Русский язык	Персидский язык и дословный перевод
N ₁ + V _f	Студенты изучают русский язык Они начинают писать Он продолжает волноваться Она может понять брата Читаю книгу	Danešjuyad zaban rusi yadmigirand. Студенты язык русский изучают Anha šoru be neveštān mikonānd. Они + начало + предлог (be) + писание + делают U be ezterab edameh midāhād. Он предлог (be) + волнение + продолжает U mitāvanād bāradār ra dārkkonād. Она + может + брат + послелог (ra) + понимает Ketab ra miḫanām. Книга + послелог (ra) + читаю (глагол в первом лице ед. ч.; на лицо указывает личное окончание глагола)
V _{3S} + Inf	(Сестре) нравится петь	Xahār āz xandān hošašmiayad. Сестра + предлог (az) + пение + нравится

Русский глагол, обладающий лексико-грамматической категорией вида, имеет богатую систему способов глагольного действия и простую систему времен.

Временные формы русских глаголов несовершенного вида реализуют значения (см. Шелякин 2000, 141–143): процессное, неограниченно-продолжительное, постоянно-потенциальное, общефактическое, частнофактическое, значение временного соотношения. Формы глаголов совершенного вида реализуют значения: результативное, ограничительное, значение количественно-временного ограничения, значение чрезмерной длительности или крайней интенсивности, последовательности действий. Перечисленные значения в глаголах совершенного вида выражаются приставками *за-*, *по-*, *вс-*, *про-*, *при-*, *от-*; приставкой *раз-* и постфиксом *-ся* и другими словообразовательными формантами. В персидском языке способы глагольного действия выражаются либо словосочетаниями, либо специальными лексемами.

Персидский глагол, безвидовой, располагает сложной системой времен. Значения русских глаголов несовершенного вида в персидском языке выражают формы настоящего/будущего, настоящего конкретного, прошедшего длительного, прошедшего/настоящего длительного, прошедшего конкретного времени. Значения русских глаголов совершенного вида в персидском языке выражают формы простого прошедшего, преждепрошедшего и прошедшего/настоящего (перфект) времени (см. Рубинчик 2001, 239).

Таким образом, сопоставление модально-временных форм русских и персидских глаголов выявляет трудности при обучении иранских студентов русскому языку. Им нелегко дифференцировать синтетические формы русских глаголов-сказуемых и аналитико-синтетические формы глаголов-сказуемых родного языка; различные средства выражения одноименных грамматических значений. При образовании форм настоящего/будущего времени русских глаголов используются личные окончания, персидских глаголов – приставка *mi-* и личные окончания; форм прошедшего времени русских глаголов – суффикс *-л-*, форм прошедшего времени персидских глаголов – личные окончания либо приставка *mi-* и личные окончания. Специфические значения русских глаголов, обозначающих предельные и неопредельные действия благодаря категории вида, конкретизируются в контексте либо выражаются словообразовательными формантами. Значения большинства временных форм персидских глаголов выражаются аналитически, а значения способов глагольного действия – сочетанием, состоящим из именного и глагольного компонентов. Такие глагольные образования заменяют однолексемные (простые) глаголы, которых в персидском языке, по данным словарей, ничтожно мало.

При обучении иранских студентов способам выражения предикативных категорий в русском предложении необходимо: 1) опираться на структурно-семантические универсалии – способы выражения субъекта и предиката в двукомпонентных русских и персидских предложениях со спрягаемой формой глагола; средства указания на субъект в однокомпонентных предложениях глагольного класса; 2) учитывать национально-специфические особенности – соотношение личных и безличных конструкций в русском и персидском языках; выражение временных значений глаголов-сказуемых и способов глагольного действия в русском и персидском предложениях; противопоставление простого глагольного сказуемого составному глагольному в русском языке и отсутствие такого противопоставления в языке персидском.

ЛИТЕРАТУРА

- Маслова В. А. Современные направления в лингвистике. М., 2008.
Рубинчик Ю. А. Грамматика персидского языка. М., 2001.
Чумак Л. Н. Современный русский язык. Синтаксис. Мн., 2007.
Шелякин М. А. Справочник по русской грамматике. М., 2000.

Поступила в редакцию 09.03.11.

Наргес Аштиани – аспирантка кафедры риторики и методики преподавания языка и литературы. Научный руководитель – доктор педагогических наук, профессор кафедры риторики и методики преподавания языка и литературы Ф.М. Литвинко.

КРИТЕРИИ ОТБОРА РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ИРАНСКИХ СТУДЕНТОВ

С привлечением лингвистических, лингвокультурологических и методических оснований определяются критерии отбора русских фразеологических единиц для обучения иностранных студентов.

With the use of linguistic, and methodological grounds lingvoculturological defined criteria Russian phrase logical units for training for international students.

Введение. Современными лингвистами, исследующими язык в рамках антропоцентрической парадигмы, безоговорочно осознается теснейшая связь языка с культурой народа. Являясь разными знаковыми системами, и культура, и язык как формы сознания народа воплощают национальную модель мира. В языке, который называют «местом встречи человека с миром» (Гадамер), отображаются его реалии и обобщенные представления о них, способы восприятия и структурирования мира носителями языка, мировоззрение народа, его духовные ценности. В языковой картине мира есть «святая святых» национального языка – идиоматика (см. Арутюнян 1966, 65). Она признается наиболее «культуроносной», ее называют зеркалом, «в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» (Телия 1996, 9). Как утверждает В.Н. Телия, образы фразеологизмов-идиом, в основе которых – метафора, символ, в большинстве своем прозрачны для данной лингвокультурной общности, что и позволяет говорить о культурно-национальной специфике фразеологического состава языка (см. Большой фразеологический словарь 2009, 105). Закономерно, что образы, закрепленные во фразеологических единицах, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки, которые веками сохраняются в сознании людей и в конце концов приобретают статус культурных стереотипов (см. Шанский 1985, 53).

Национальные языковые образы, запечатленные во фразеологической системе русского языка, покоятся на общих для людей логико-психологических основаниях. Универсальный аспект членения мира системой языка во фразеологии представлен фразеосемантическими полями и семантикотематическими группами фразеологизмов, многие из которых позволяют формировать у иностранных студентов представление о русской национальной личности, о русском национальном характере, о ценностях русского народа, что обеспечивает формирование вторичной языковой личности (см. Халеева 2000). Такая личность способна к продуктивному межкультурному общению, которое и есть цель обучения русскому языку иностранных студентов. Его обеспечивают знания системы русского языка, в том числе фразеологической; знания о русском национальном характере, о поведенческих нормах носителей русского языка; речевые навыки и умения вступать в бесконфликтное межкультурное общение; адаптированная индивидуальная картина мира обучающегося благодаря общению к языковой картине мира носителей русского языка (см. Гальскова, Гез 2006, 65–80).

1. Основания для формулирования критериев отбора фразеологизмов с целью обучения иранских студентов

1.1. Лингвистические основания. Фразеология как раздел языкознания, изучающий фразеологический состав языка, располагает достоверными научно-теоретическими сведениями о фразеологизмах как знаках вторичного образования: об их взаимосвязанных универсальных и отличительных признаках, структурно-семантических свойствах, соотношении с обозначаемой действительностью, функционально-стилистической принадлежности.

Значительны достижения лингвистических исследований в установлении системности, пронизывающей фразеологический фонд языка: изучена семантика фразеологических единиц; установлены лексико-грамматические способы ее выражения; выявлены межфразеологическая и лексико-фразеологическая синонимия, антонимия; описаны механизмы фразеологического образования и фразеологической деривации (см. Русский язык 1979, 383–385). Полученные результаты:

- определили круг оснований для классификации фразеологических единиц языка: известны группировки по структурно-семантическим, грамматическим, функционально-стилистическим признакам;
- позволили решить проблему границ фразеологических единиц, понимания узкого и широкого их объема: доказана возможность включения во фразеологический фонд не только фразеологизмов, которые соотносятся с лексемой языка, но и пословиц и поговорок как устойчивых и воспроизводимых выражений;
- легли в основу системы упражнений для усвоения иностранными студентами русских фразеологических единиц: они рассматриваются с точки зрения семантики, структуры, соотношения с той или иной частью речи, синтаксических и стилистических свойств (см. Баба-заде Джамиля 2009, 21–30; Ахмади Мирейла, Мехтиханлы Севиндж 2009, 5–19).

Иранистика располагает значительно меньшим количеством исследований, объект которых – фразеологическая система персидского языка, однако научная ценность их необычайно высока: фразеологический фонд языка фарси исследуется по тем же параметрам, что и языка русского. Создана лингвистическая теория персидской фразеологии: основной фразеологический фонд представлен в

системе. Выявлены лексико-семантические, структурно-грамматические особенности фразеологизмов языка фарси, описаны их разряды, показана национальная самобытность персидского фразеологического фонда, раскрыта специфика употребления фразеологических единиц в речи.

Лингвистические основания позволили сформулировать следующие критерии отбора фразеологических единиц: критерий тематической, лексико-семантической и структурно-грамматической общности фразеологизмов; критерий уместности употребления фразеологизма в определенной речевой ситуации.

1.2. Социолингвистические и лингвокультурологические основания. Русский язык привлекателен для иностранных граждан как язык «глобального распространения и общечеловеческой культуры» (Гальскова, Гез 2006, 6), как средство международного и межгосударственного общения. Изучая русский язык, иностранный студент стремится овладеть им не только на уровне коммуникативной компетенции, обеспечивающей незатрудненное общение в устной и письменной форме речи в рамках международного взаимодействия, но и на уровне межкультурной компетенции. Она обеспечивает бесконфликтную межкультурную коммуникацию, условием которой – осознание национально-культурного своеобразия лингвосоциума русского народа, русской национальной личности, русского национального характера.

В поле «русская национальная личность» специалист в области лингвокультурологии В.В. Воробьев выделяет следующие компоненты: когнитивный, эмоциональный, поведенческий (см. Воробьев 2008, 161). Он устанавливает корпус общественных ценностей русской национальной личности: теоретических, эстетических, политических, экономических, социальных, религиозных. Ученый раскрывает культурологическую парадигму такого понятия, как *общественная личность*, подчеркивая общинный характер русской национальной личности. Она сориентирована на общину, мир, общество, государство, когда превыше всего ценится слава, духовность, знание, справедливость, власть (см. Воробьев 2008, 164). Русской национальной личности свойственны милосердие, скромность, почтительность, совестливость, бескорыстие, трудолюбие.

Источники, содержащие информацию о национальном характере, исследованы С.Г. Тер-Минасовой, которая пишет, что «последним по порядку, но отнюдь не по значению (Last, but Not Least), самым надежным и научно приемлемым свидетельством национального характера является Его Величество национальный язык. Язык и отражает, и формирует характер своего носителя, это самый объективный показатель народного характера» (Тер-Минасова 2000, 147), поскольку в нем, языке, закреплена сущность национальной личности. Она запечатлевается и сохраняется прежде всего в лексической и фразеологической системах языка, в том числе в пословицах и поговорках – носителях мудрости народа, содержащих оценку позитивных и негативных качеств человека.

В работах специалистов по фразеологии языка фарси содержится богатейший фразеологический материал, иллюстрирующий этнопсихологические и социально-этические нормы, характерные для иранского народа (см. Голева 2000, 2006). Их наложение на те же нормы русского народа при обучении русскому языку создает реальные условия для продуктивного межкультурного общения. Его отличительными психологическими особенностями являются толерантность, принятие элементов другой культуры и адаптация к ним, интеграция как способность «примирения, согласования различных, зачастую конфликтующих между собой, систем культурных координат» (Bennett 1998, 29).

Термин *национальный характер* соотносится нами с научным понятием, имеющим сложную структуру, которая, как считает С.М. Арутюнян, включает: 1) национальный способ выражения чувств и эмоций, 2) национальный образ мыслей и действий, 3) национальные привычки и традиции, 4) национальную культуру (см. Арутюнян 1966, 31).

Социолингвистические и лингвокультурологические основания позволили сформулировать следующие критерии отбора фразеологических единиц для целей обучения: потенциальных возможностей фразеологической единицы для формирования умений бесконфликтного межкультурного общения; критерий содержательной ценности фразеологизмов, их значимости для выявления особенностей русского национального характера.

Центральными компонентами таких фразеологизмов являются слова, квалифицируемые в когнитивной лингвистике как концепты. Они представляют собой: ключевые слова русской культуры (душа, воля, судьба, тоска и др.); философские категории (пространство, время, число); социальные понятия и отношения (свобода, воля, дружба, война); нравственные начала (правда, истина, ложь, совесть); базовые эмоции (счастье, радость, тоска); концепты-артефакты русской культуры (дом, колокол, колокольчик и др.) (см. Маслова 2005).

Для формирования у иранских студентов представления о русском национальном характере из словаря Р.И. Яранцева были отобраны фразеологизмы, объединенные темами «эмоции человека», «свойства и качества человека», «характеристика человеком явлений и ситуаций» (Яранцев 1997).

Фразеологизмы, обозначающие **национальный способ выражения чувств и эмоций**, распределены по группам:

восхищение, восторг, радость, счастье (*чувствовать себя на седьмом небе; возносить до небес; родиться под счастливой звездой*); интерес, внимание (*глаза разгорелись; глаза разбегаются; не*

отрывать глаз); беспокойство, волнение, переживание, тревога (*брать за душу; до глубины души; душа не на месте*); смущение, стыд, стеснительность (*прятать глаза; язык не поворачивается; сгореть со стыда; готов сквозь землю провалиться*); огорчение, грусть, тоска (*взять за душу; сам не свой; скребет на душе*).

Фразеологизмы, обозначающие **свойства и качества человека**, представлены такими группами:

прямота, искренность, откровенность (*раскрыть душу; излить душу; поговорить по душам; по совести сказать; с открытой душой; от всей души; от всего сердца, положи руку на сердце; душа нараспашку*); самообладание, бесстрашие, смелость (*брать себя в руки; владеть собой; готов в огонь и в воду; брать на себя смелость; не из трусливого десятка*); честность, верность, преданность (*дать слово; служить верой и правдой; всей душой; идти в огонь и в воду*); ум, разум (*иметь голову на плечах; ума палата; быть на голову выше; схватывать на лету*); энергичность, решительность, уверенность (*бить через край; бить ключом; горит в руках; землю роет; засучив рукава; брать быка за рога*); целеустремленность, самостоятельность (*вести свою линию; бить в одну точку; бить в цель; идти своим путем; брать в свои руки; жить своим умом*); упорство, упрямство (*выдерживать характер; гнуть свою линию; не покладая рук; в поте лица; потом и кровью*).

Фразеологизмы, содержащие **характеристику человеком явлений и ситуаций**, объединены в группы:

единство, согласие (*рука об руку; бок о бок; плечом к плечу; идти в ногу; в один голос; находить общий язык*); победа (*брать верх; лечь костями*); сила, власть, влияние (*стоять во главе; брать в руки; делать погоду*); ожидание, надежда, мечта (*подавать большие надежды; будет и на моей улице праздник; якорь спасения; рай земной; обетованная земля; синяя птица*); успех, удача, признание (*идти в гору; пожинать лавры; вкушать плоды; далеко пойти; почивать на лаврах*); риск (*Будь что будет! Была не была! Очертя голову; искушать судьбу; пойти ва-банк; ставить на карту*); точность, четкость, правильность, достоверность (*попасть в самую точку; как часы; слово в слово; из первых рук; секунда в секунду*); быстрота, скорость, стремительность (*во весь дух; изо всех сил; в мгновение ока; гигантскими шагами; по горячим следам*); помощь, поддержка, содействие (*принимать участие, пойти навстречу; открыть зеленую улицу; уступить дорогу; держать под своим крылом*).

1.3. Методические основания. Методическую перспективу обучения иностранных студентов русскому языку в режиме «диалога культур» четко сформулировал доктор филологических наук, профессор В.В. Воробьев: «Русская тематика: “Россия и русские”, “русский национальный характер”, “русская душа”, “русская национальная личность”, “русская идея”... в последнее время активно включается в языковой учебный процесс, но как сквозная реализуется стихийно, без должной системы, без устойчивого плана, а эффективность учебной деятельности не контролируется ни в языковом, ни в познавательном плане. Отсюда актуальной методической задачей является выявление и разработка путей организации языкового учебного процесса на основе изучения лингвокультурологического поля “русская национальная личность” как сквозной темы» (Воробьев 2008, 253). Лингвокультурологический подход до сих пор не был определяющим при отборе и структурировании содержания межкультурного обучения русскому языку иранских студентов (см. Баба-заде Джамиля 2009, 29).

Эффективность решения поставленной задачи зависит от содержания обучения, от системы работы, включающей упражнения на распознавание, семантизацию, закрепление и употребление в собственной речи инофонов русских фразеологических единиц, принадлежащих полю «русская национальная личность». Для ее воплощения в процессе обучения русскому языку иранских студентов имеются методически значимые теоретические предпосылки: разработано лингвокультурологическое поле «русская национальная личность», ее ценности и менталитет, произведено лингвометодическое описание русской национальной личности, определена последовательность предъявления языкового материала (см. Воробьев 2008). Русская лексикография располагает фразеологическими словарями, в которых: а) кроме основной лингвистической информации о фразеологизмах содержится культурологический комментарий (см. Большой фразеологический словарь 2009); б) фразеологические единицы располагаются по тематическому принципу, что облегчает их отбор для обучения иностранных студентов (см. Яранцев 1997). Имеются предпосылки и для моделирования процесса обучения иранских студентов русскому языку как «диалога культур» (Гальскова, Гез 2006, 15): важная роль в организации межкультурного обучения принадлежит Фарси-русскому фразеологическому словарю (см. Голева 2000), Русско-персидским словарям пословиц и поговорок (см. Фарсадманеш и др. 2005; Эчтахед 2000).

Выводы. Привлечение лингвистических, социолингвистических, лингвокультурологических, методических оснований позволило сформулировать такие критерии отбора и организации фразеологических единиц для обучения русскому языку иранских студентов: критерий тематической, лексико-семантической и структурно-грамматической общности отбираемых фразеологизмов; критерий уместности употребления фразеологизма в определенной речевой ситуации; критерий потенциальных возможностей фразеологической единицы для формирования умений бесконфликтного межкультурного общения; критерий содержательной ценности фразеологизмов, их значимости для выявления особенностей русского национального характера; критерий изучения лингвокультурологического поля «русский национальный характер» как сквозной темы.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнян С. М. Нация и ее психический склад. М., 1966.
- Ахмади Мирейла, Мехтиханлы Севиндж. Особенности обучения русским фразеологизмам в иранской аудитории на начальном этапе // *Pazhuhesh-e Zabanha-ye Khareji*, № 47, Special Issue, Russian, Winter 2009. P. 5–19.
- Баба-заде Джамиля. К проблеме изучения русской фразеологии в иранской аудитории // *Pazhuhesh-e Zabanha-ye Khareji*, № 47, Special Issue, Russian, Winter 2009. P. 21–30.
- Большой фразеологический словарь русского языка / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 2009.
- Воробьев В. В. Лингвокультурология. М., 2008.
- Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М., 2006.
- Голева Г. С. Фразеология современного персидского языка. М., 2006.
- Голева Г. С. Фарси-русский фразеологический словарь. М., 2000.
- Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Мн., 2005.
- Русский язык: Энцикл. М., 1979.
- Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- Тер-Минасова С. Г. Язык и культурная коммуникация. М., 2000.
- Халеева И. И. «Лингвауни» – вклад в культуру мира // Лингвауни: Третья Междунар. конф. ЮНЕСКО (Москва, 3–7 июля 1998 г.). М., 2000.
- Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М., 1985.
- Фарсадманеш С. А. и др. Русско-персидский словарь пословиц и поговорок. Тегеран, 1384 (2005).
- Эчтахед З. Русско-персидский словарь пословиц и поговорок. Тегеран, 1379 (2000).
- Яранцев Р. И. Русская фразеология: Словарь-справочник. М., 1997.
- Bennett M. J. Intercultural communication: a current perspective // Bennett M. J. (ed.) Basic concepts of intercultural communication. Selected readings. Intercultural Press, Inc., 1998. P. 1–34.

Поступила в редакцию 20.05.11.

Захра Фатхали – аспирантка кафедры риторики и методики преподавания языка и литературы. Научный руководитель – доктор педагогических наук, профессор кафедры риторики и методики преподавания языка и литературы Ф.М. Литвинко.

Ю. В. ИЛЬЮШЕНКО

ТИПЫ СТАТУСНО-РОЛЕВОЙ НЕУМЕСТНОСТИ В ДИАЛОГЕ

Предложена классификация видов статусно-ролевой неуместности, построенная на основании такого критерия, как тип ролей, исполняемых коммуникантами в процессе межличностного общения. Исследуются функции, выполняемые в диалоге репликами, в которых тематизируется идея статусно-ролевой неуместности.

The article proposes a detailed classification of the contexts of role inappropriateness based on the types of roles performed by the interlocutors in the process of interpersonal communication. Besides, it focuses on the functions of turns in which the idea of role inappropriateness is expressed.

Статус коммуниканта является одним из ключевых понятий, позволяющих объяснить многие закономерности межличностного общения. Существуют различные языковые подходы к изучению статуса (социолингвистический, лингвосемантический, лингвокультурологический (см. Карасик 2002)), в том числе и лингвопрагматический, подразумевающий анализ речевых действий коммуникантов, в которых тематизируется идея роли/статуса. Релевантные статусные характеристики проявляются в коммуникативных контекстах, эксплицирующих идею неуместности речевого поведения собеседника.

В данной работе представлен анализ одной из разновидностей неуместности, а именно статусно-ролевой, под которой мы понимаем неуместность определенного высказывания с точки зрения разнообразных социорольевых характеристик коммуникантов, таких как пол, возраст, национальность, раса, иерархические отношения и др. Материалом послужили фрагменты диалогов, содержащие маркеры статусно-ролевой неуместности высказывания, полученные путем сплошной выборки из произведений современной художественной литературы на английском, итальянском и русском языках (по 350 фрагментов в каждой выборке).

Как показал анализ фактического материала, коммуникативные контексты статусно-ролевой неуместности представляют собой достаточно гетерогенную группу контекстов во всех трех выборках. На наш взгляд, этот факт может быть объяснен многообразием ролей, которые говорящий и слушающий исполняют во время речевого взаимодействия. Как справедливо отмечает американский исследователь М. Стаббс, «любая речевая ситуация – это микрокосм базовых социальных и личных взаимоотношений» (Stubbs 1983, 61) (перевод наш. – Ю. И.). При этом основополагающими в данном исследовании являются понятия социального статуса и социальной роли.

Человек смотрит на мир и относится к другим людям в соответствии со своим статусом. По мнению В.И. Карасика, «без учета социального статуса участников общения само по себе общение носит искусственный либо провокационный характер» (Карасик 2002, 6). Статус представляет собой явле-

¹ Неуместность вслед за рядом исследователей трактуется в нашей работе как несоответствие высказывания целям и задачам общения, а также коммуникативному контексту его употребления (см. Плещенко, Федотова, Четвет 2001; Fetzer 2004).

ние нормативное, статическое во взаимоотношениях в обществе, тогда как роль, будучи моделью поведения, ориентированной на данный статус, является динамической характеристикой статуса, а следовательно, и социальных отношений (см. Кравченко 2008). Именно роли позволяют проследить тот богатый языковой потенциал, который раскрывается в человеческих взаимоотношениях – межличностных, социальных или межкультурных.

Цель нашего исследования заключается в выявлении типов статусно-ролевой неуместности в диалогическом общении, а также установлении функций, выполняемых репликами, в которых выражается идея статусно-ролевой неуместности.

При классификации типов статусно-ролевой неуместности мы опираемся на трехчастную таксономию социальных ролей, предложенную У. Герхард (см. Gerhard 1980, 556–569), согласно которой выделяются статусные (пол, возраст, раса, социальное положение и т. п.), позиционные (иерархические отношения на работе) и ситуационные роли (как правило, временно исполняемые коммуникантами в той или иной ситуации общения, например, роль покупателя, пешехода, пассажира, случайного прохожего и т. п.).

• Статусная неуместность. Данная разновидность реализуется, как правило, посредством реплик ретроспективной направленности, указывающих на неуместность предшествующего речевого акта с точки зрения таких социорольевых характеристик, как пол, возраст, раса, социальное положение коммуникантов. Ср. приведенный ниже фрагмент диалога между двумя коллегами, один из которых значительно старше другого по возрасту:

– *Пойдемте в комнату, Владимир Марленович. Холодно. Вдруг простудитесь?* – сказал Райский после долгой тягостной паузы.

– **Что это ты, Мишка, со мной разговариваешь как с немощным стариком?** (Дашкова 2001, 98).

Анализ фактического материала дает основания для вывода о том, что важным аспектом при изучении контекстов неуместности оказывается учет статусного вектора: ‘старший – младшему’/‘младший – старшему’. Так, восходящий статусный вектор наделяет своего обладателя определенными коммуникативными полномочиями, например, правом налагать определенные ограничения как на коммуникативные права собеседника (например, лишая коммуникативной инициативы младшего по возрасту коммуниканта – ср. *А ты не вмешивайся, когда старшие разговаривают*), так и на особенности реализации его коммуникативных интенций (что проявляется на уровне отдельных речевых актов, «санкционированных» или запрещенных старшим по возрасту коммуникантом – ср. *Ты еще не дорос, чтобы мне указывать*). Нисходящий же статусный вектор в большинстве случаев носит подчинительный характер, однако в нашей выборке имеются примеры, когда младший по статусу коммуникант высказывает несогласие по поводу приписываемого ему статуса (ср. *Я уже не ребенок, чтобы со мной так разговаривали*).

Относительно такого подтипа статусно-ролевой неуместности, как гендерная, отметим, что принадлежность собеседника к определенному полу в большей степени проявляется в речи коммуникантов, представляющих русскую лингвокультуру. Так, наиболее типичными в русскоязычной выборке являются примеры контекстов гендерной неуместности, образуемые репликами, выражающими сильные директивы (приказы, запреты, команды и др.), в которых коммуникант лишается права слова из-за своей принадлежности к женскому полу (ср. *Не смей вступать, когда мужчины разговаривают!, Знай свое место, женщина!*). Ср. также:

– **Никогда меня не перебивай! Если мужик говорит, баба должна молчать!**

– **У тебя только и слышно: баба должна, баба должна... Баба всегда кому-то и что-то должна... А что мужик должен? Что за политика такая? И вообще я не баба** (Шилова 2008, 182).

В англоязычной же лингвокультуре идея гендерной неуместности редко выражается в эксплицитной форме. Более востребованными в данной подвыборке оказываются примеры, в которых присутствие лиц женского пола может стать причиной, побудившей коммуникантов отказаться от общения. Ср.:

Get out of here before you get lynched, Alastair. You know we can never say the right thing with women ‘Уходи, пока тебя не линчевали, Алистер. Ты знаешь, мы никогда не можем говорить правду при женщинах’ (Kelly 2003, 112).

Что же касается итальянской лингвокультуры, отметим, что для нее характерно более или менее симметричное распределение гендерных ролей. Так, нередкими оказываются случаи отстаивания своих прав лицами женского пола. Ср.:

– **Insomma sono io l'uomo... e te devi obbedire – aveva concluso Bube.**

– **E io sono la donna... e perciò voglio averla io l'ultima parola** ‘В конце концов, это я мужчина... и ты должна подчиняться, – сделал вывод Бубе. // А я женщина... и поэтому хочу, чтобы последнее слово было за мной’ (Cassola 1994, 91).

* Понятие статусного вектора используется В.И. Карасиком применительно к классификации речевых актов на основании статуса участников процесса общения. Так, исследователь выделяет РА с нисходящим статусным вектором и восходящим статусным вектором (см. Карасик 2002, 119).

На наш взгляд, указанные особенности речевого поведения коммуникантов в ситуации гендерной неуместности в трех анализируемых лингвокультурах могут быть объяснены разным отношением к женщине в обществе (например, представители англо- и италоязычной культур, как правило, с большим уважением и вежливостью относятся к женщинам, чем представители русскоязычной культуры (см. Троцюк 2009, 231)); различием в требованиях, предъявляемых к мужчине и женщине в той или иной культуре, а также спецификой социализации (см. Tannen 1990) и др.

• **Позиционная неуместность.** Этот тип неуместности реализуется посредством как реплик проспективной направленности, так и реплик ретроспективного характера. Ср. фрагмент диалога между начальником и подчиненным:

– *Ступайте домой и не майтесь дурью!* – *прикрикнул он.*

– *Нет!* – *воскликнула Марианна и отпрянула.* – **Не смейте так говорить! Какое вы имеете право?**

– **Право начальника** (Алексеев 2000, 239).

Следует отметить, что коммуникативные контексты позиционной неуместности зачастую представляют собой дискурс авторитарной личности, характеризующийся достаточно жесткой линией речевого поведения коммуниканта, использующего всю полноту своей власти и злоупотребляющего категоричными речевыми действиями (приказами, угрозами, устрашениями и т. п.) (см. Пушкин 1989, 45–54).

В некотором роде закономерно, что подобная категоричность зачастую приводит к конфронтации между говорящим и слушающим. Так, разногласия по поводу властных полномочий, связанных с позиционными ролями коммуникантов, часто уводят диалог в сторону от непосредственных целей общения, а роли нередко становятся объектом переговоров или даже причиной конфликтов между говорящим и слушающим. Ср. фрагмент диалога между полицмейстером и настоятелем монастыря:

– **Только совать свой длинный нос в духовные дела не смейте.** Самоубийство – пускай. Возитесь в этой мерзости, сколько угодно. А прочее не вашего ума дело.

– *То есть как это?! – задохнулся от возмущения товарищ прокурора.* – **Да с какой стати, ваше высокопреподобие, вы мне указываете, чем...**

– *С такой, – перебил его отец Виталий.* – **Здесь на островах я всему голова, и отвечаю за все тоже я. Тем более в вопросах, касательных духовности** (Акунин 2001, 145).

В приведенном фрагменте диалога слушающий высказывает несогласие по поводу предписываемой ему говорящим ролевой позиции и связанных с ней полномочий, что в дальнейшем является причиной отклонения направления развития диалога от основной темы общения, в рамках которой коммуниканты обсуждали расследование самоубийства полковника.

Интересно отметить, что в контекстах позиционной неуместности наиболее частотными в англо-, итало- и русскоязычной выборках являются речевые акты вопроса, приказа, запрета (ср. *Never talk to me like that!* 'Никогда так со мной не разговаривай!'; *È un ordine?* 'Это приказ?'; *По какому праву?*). Однако в ряде случаев англоязычные реплики оказываются смягченными за счет использования синтаксических конструкций типа *X, but Y* – ср. *I know I'm not your direct boss, but I need your help* 'Знаю, что я не твой непосредственный начальник, но мне нужна твоя помощь'; а италоязычные реплики – за счет условных придаточных предложений, в которых глагол зачастую стоит в форме сослагательного наклонения (ср. *Se il mio fosse un ordine, cosa potresti dire?* 'Если бы это был мой приказ, чтобы ты ответил?'). Интересно отметить, что сослагательное наклонение является достаточно востребованной формой для воплощения идеи гипотетичности при распределении ролей, когда ввиду каких-либо причин говорящий не может/не хочет утверждать о своей роли категорично в индикативе или императиве, а представляет идею в форме гипотетического высказывания.

Относительно такого подкласса ролей, как семейные (или социально-демографические), в нашей работе мы относим их к статусно-позиционной разновидности статусно-ролевой неуместности, поскольку в них присутствуют и возрастные различия, и отношения неравенства. Ср. фрагмент разговора матери и ребенка:

– *Ты сейчас будешь изображать вредную мамашу? У тебя с утра острый воспитательный синдром?* – *буркнул ребенок.*

– **Не груби, пожалуйста. На твоём месте я была бы тише воды, ниже травы** (Дашкова 2010, 53).

• **Ситуационная неуместность.** На нашем материале коммуникативные контексты данного типа представлены репликами ретроспективной направленности, содержащими указание на неуместность предшествующего речевого акта с точки зрения исполнения коммуникантами своих ролей в конкретной ситуации общения (например, роль случайного прохожего, пассажира, нежелательного свидетеля, покупателя и др.). Так, достаточно востребованными оказываются реплики, в которых

¹ Существуют, однако, и другие точки зрения относительно классификации семейных ролей. Так, например, А.Н. Байкулова причисляет данный тип ролей скорее к позиционным ролям, обнаруживая в них главным образом иерархическое неравенство (см. Байкулова 2007, 33–36).

степень информированности коммуниканта о предмете разговора служит поводом для лишения его права голоса – ср. *Ne владеешь ситуацией, а говоришь*.

Подклассом контекстов статусно-ролевой неуместности, релевантным для всех трех типов неуместности, следует, по-видимому, считать группу контекстов, в которых фигурирует неуместность коммуникативных ролей. Типичными для данного подкласса оказываются реплики, указывающие на характер и порядок распределения коммуникативных ролей, а также реплики, в которых отмечается присутствие нежелательных участников диалога – ср. *I'm here to listen, not to talk* 'Я здесь для того, чтобы слушать, а не говорить'; *Поговорим потом, без посторонних*; *Lei mi domandi le cose, e io le rispondo* 'Вы задавайте мне вопросы, а я на них буду отвечать'. Примером распределения статусных коммуникативных ролей может служить следующий фрагмент контекста, в котором младший по возрасту коммуникант предлагает начать диалог непосредственно с его выступления, мотивируя свое предложение нетерпеливостью, свойственной молодым людям его возраста:

– *Se qualcuno vuol cominciare... – disse Cirillo.*

– ***Sono il più giovane e il più impaziente. Mi pare giusto che il primo sia io e gli altri seguano come vorranno.*** 'Если кто-то хочет начать... – сказал Чирилло. // Я самый молодой и самый нетерпеливый. Мне кажется правильным, если я начну, а все остальные последуют за мной' (Bufalino 1991, 35).

В ходе анализа англо-, итало- и русскоязычных диалогических контекстов исследуемого типа нами был выявлен ряд количественных межкультурных различий. Так, наиболее частотное употребление контекстов статусно-ролевой неуместности характерно для русскоязычной культуры (проанализировано 350 примеров в каждой из трех выборок, что составляет 35 % от общего числа контекстов неуместности на русском, 25 % – на английском и 20 % – на итальянском языках), причем наиболее востребованной разновидностью неуместности в исследуемых языках является статусная неуместность. Следует также отметить, что во всех трех выборках наблюдается значительное количественное преобладание реплик ретроспективной направленности, тематизирующих идею статусно-ролевой неуместности, по сравнению с проспективными коррелятами. Иными словами, в межличностной коммуникации роли чаще опровергаются или категорично утверждаются, нежели заранее проверяются или подготавливаются.

Среди наиболее интересных качественных отличий, характерных для диалогических контекстов анализируемого типа, следует отметить наличие специфической статусно-маркированной лексики: англ. *You're not my superior to order* 'Ты мне не начальник, чтобы приказывать', *I'm the boss here* 'Я здесь главный'; итал. *Te chiedo come superiore* 'Я тебя спрашиваю как начальник', *Questo è un ordine* 'Это приказ', *Sono io che comando... e te devi obbedire* 'Я здесь приказываю... а ты должна подчиняться'; рус. *Я здесь начальник, Не смей меня перебивать, По какому праву?... Мне по должности положено и др.*

Сопоставление исследуемых коммуникативных контекстов на трех языках позволило выявить и другие лингвистические отличия, проявляющиеся в особенностях речеактовой структуры высказываний, входящих в состав коммуникативных контекстов статусно-ролевой неуместности (см. Ильющенко 2010, 271–272). Так, в русскоязычной среде коммуниканты чаще используют усилительные ходы в виде угрозы, критики, упрека в случае признания высказывания адресанта неуместным – ср. *Вы понимаете, с кем говорите? Уходите или я вызову охрану!* Кроме того, русскоязычные собеседники чаще прибегают к употреблению сильных директивов (приказов, команд, требований и др.), что впоследствии вынуждает их извиняться или оправдываться за свое коммуникативное поведение. Итали- и англоязычные же коммуниканты ведут себя значительно вежливее, вступая в диалог с людьми, не равными по статусу, возрасту, а также с партнером противоположного пола.

Таким образом, проведенный анализ позволил выявить некоторые особенности тематизации в диалоге социорольевых характеристик собеседников. Так, их несоблюдение в межличностном общении чревато коммуникативными осложнениями нескольких типов: потерей коммуникантом права голоса, откладыванием реализации говорящим его коммуникативных интенций, повышением уровня конфликтности общения, а также отклонением направления развития диалога от основной темы.

Источники

- Акунин Б. Пелагия и Черный Монах. М., 2001.
 Алексеев С. Т. Утоли моя печали // Алексеев С. Т. Сочинения. М., 2000. С. 7–508.
 Дашкова П. В. Херувим: Роман: В 2 т. М., 2001. Т. 1.
 Дашкова П. В. Образ врага. М., 2010.
 Шилова Ю. В. В ворохе чувств, или Разведена и очень опасна. М., 2008.
 Kelly C. Just Between Us. London, 2003.
 Bufalino G. Le menzogne della notte. Milano, 1991.
 Cassola C. La ragazza di Bube. Milano, 1994.

* Приведенные данные отражают процентное соотношение контекстов статусно-ролевой неуместности от общего числа контекстов неуместности: локативной, темпоральной, тематической, статусно-ролевой и межличностной.

ЛИТЕРАТУРА

- Байкулова А. Н. Семейная роль и речь: муж и жена // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2007. Т. 7. Вып. 2. С. 33–36.
- Ильющенко Ю. В. Линейная структура коммуникативных контекстов уместности (на материале английского, итальянского и русского языков) // Язык – когниция – коммуникация: Тез. докл. Междунар. науч. конф. (Минск, 3–6 нояб. 2010 г.). Мн., 2010. С. 271–272.
- Карасик В. И. Язык социального статуса. М., 2002.
- Кравченко А. И. Социальные роли и социальная стратификация [Электронный ресурс]. 2008. Режим доступа: <http://www.hr-portal.ru/article/sotsialnye-rol-i-sotsialnaya-stratifikatsiya/>. Дата доступа: 26.10.2010.
- Плещенко Т. П., Федотова Н. В., Чечет Р. Г. Стилистика и культура речи: Учеб. пособие / Под ред. П. П. Шубы. Мн., 2001.
- Пушкин А. А. Прагмалингвистические характеристики дискурса личности // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989. С. 45–54.
- Троцюк Т. С. Социокультурные особенности речевого общения // Язык и социум: Материалы VIII Междунар. науч. конф. (Минск, 5–6 дек. 2008 г.). Мн., 2009. Ч. 2. С. 230–233.
- Fetzer A. Recontextualizing context: grammaticality meets appropriateness. Amsterdam, 2004.
- Gerhard U. Toward a Critical Analysis of Role // Social Problems. 1980. Vol. 27. № 5. P. 556–569.
- Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Chicago, 1983.
- Tannen D. You just don't understand. Women and men in conversation. New York, 1990.

Поступила в редакцию 25.04.11.

Юлия Валерьевна Ильющенко – аспирантка кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ М. А. Сивенкова.

Е. А. ШИРОКОВА

К ВОПРОСУ О ПОЛИСЕМИИ НАЗВАНИЙ НАПИТКОВ И РЕАЛИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИХ ПРОИЗВОДСТВОМ И ПОТРЕБЛЕНИЕМ

Рассмотрены значения такой обширной тематической группы, как напитки, за период с XI по XVII в. Сделан вывод, что на появление новых значений, так же как и на исчезновение уже бывших в употреблении семантических компонентов, влияют как экстралингвистические, так и внутрилингвистические факторы. Отмечается, что в области предметной лексики влияние внеязыковых факторов является главенствующим.

Comparing meanings of such an extensive thematic group as drinks over a period of XI–XVII century the author came to the conclusion that appearance of new meanings as well as disappearance of used semantic components is influenced by linguistic and extralinguistic factors. Though, in the thematic group field the influence of extralinguistic factors is dominating.

Названия напитков, а также тематически связанные с ними лексемы, например, названия емкостей, в которых содержатся эти напитки, способы их производства и потребления представляют особый интерес рассмотрения их с исторической точки зрения, поскольку данная предметно-бытовая лексика является живой, быстро развивающейся частью языка. Однако описание данной лексической подсистемы затруднено тем, что классификация подобных лексем осложняется многозначностью большинства из них. В ходе исследования лексики, представленной в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», была рассмотрена 271 лексическая единица данной тематической группы, из которых 99 лексем являются многозначными; в это число входит 75 существительных. Они представляют особый интерес для исследования, поскольку «в теоретическом плане регулярная многозначность предметных имен мало изучена. Если для глагольной лексики существует большое количество работ, посвященных исследованию моделей многозначности, то для предметных имен число таких работ чрезвычайно мало. Между тем многозначность предметных имен представляет серьезную проблему, которая хорошо осознана в прикладной области» (Кобрицов 2005, 3). Также использовался «Словарь русского языка XVIII века» как источник новых значений отобранных лексем.

Причины многозначности в данной ЛСГ понятны – это появление новых предметов обихода, следовательно, появление новых реалий и новых названий для них. Как писал В. В. Виноградов, «ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены» (Виноградов 1986, 65). Однако особенность данной группы состоит в узкой денотативной несенности, поэтому многие семантические проблемы приходится решать с учетом экстралингвистических причин. В области лексики, связанной с материальной культурой, изучение реалий становится непременным условием, залогом правильного лингвистического анализа (см. Трубочев 1966, 39). Такими экстралингвистическими причинами Г. В. Судаков называет «три составляющие: сырье – климатическая зона – технология». Он говорит, что эти составляющие и «определяют три главных семантических компонента в номенклатуре названий напитков, от этих признаков зависит строение корневых гнезд и система наименований» (Судаков 2003, 72–81).

Так, в «Словаре... XI–XVII вв.» (1982 IX, 323) для слова *мушкать* (*мошкать*, *мускать*) приводится одно значение 'мускатные орехи, употребляемые как пряность и лекарственное средство'. Ци-

тата из «Хождения за три моря» Афанасия Никитина, которая приводится в том же словаре, указывает на время появления слова (XV в., ~1472 г.), которое является заимствованием «через польск. *muszkat*, чеш. *mu<<kart* из ср.-в.-н. *musca^t* от ср.-лат. *muscrum*» (Фасмер 1987 III, 20). Цель заимствования – номинация привозимых на Русь новых продуктов. Однако в «Словаре... XI–XVII вв.» (1982 IX, 323) также приводится лексема *мушкатель* с единственным значением ‘сорт виноградного вина’ (1554 г.). Обратившись к этимологическому словарю М. Фасмера, мы видим, что эта форма также была заимствована «через польск. *muszkatela* или из его источника – нем. *Muskateller*, стар. *Muscatel*» (Фасмер 1987 III, 16). При сравнении датировок первой фиксации слова *мушкат* (~1472 г.) и *мушкатель* (1554 г.) становится ясно, что данные лексемы появились в языке почти одновременно, однако, несмотря на свое фонетическое созвучие, употреблялись в разных значениях. И только в XVIII в., по данным словаря (см. Словарь... XVIII века 2003 XIII, 203), у лексемы *мускат*, помимо вышеупомянутого, появляются новые значения: ‘лекарство’, ‘сорт винограда’, ‘сорт виноградного вина’, ‘в названии некоторых сортов груш’. Лексема *мускатель/мушкатель* также приобретает новые значения только в XVIII в. (см. Словарь... XVIII века 2003 XIII, 203): ‘сорт винограда’, ‘сорт груш’. Подобное развитие семантики можно связать с развитием промышленного виноградарства и виноделия на Дону, которое началось в 1716 г. по указу Петра I (см. Хиабахов, Потапенко 2004, 135). Однако, несмотря на семантическое сходство (в обоих значениях присутствуют компоненты ‘сорт винограда’, ‘сорт виноградного вина’, ‘сорт груш’), лексемы *мускат/мушкат* и *мускатель/мушкатель* нельзя считать синонимичными, у них различная референция: «Мускатель: название невысоких по качеству вин, имитирующих некоторые вкусовые и ароматические качества настоящих мускатных вин. Иногда мускателем называют также шипучие вина с мускатным ароматом, достигаемым при помощи искусственной эссенции» (Похлебкин 2009, 126).

Экстралингвистические причины могут вызывать исчезновение значений или отдельных семантических компонентов. Так, «Словарь... XI–XVII вв.» (1975 I, 44) для лексемы *аракь/арака* дает значение ‘водка из ячменя, пшеницы, риса, изюма; водка на кумысной закваске’. В «Словаре... XVIII века», в свою очередь, приводятся следующие значения: ‘рисовая водка, изготавливаемая на Востоке, а также различные виды водок, изготавливаемые татарами и сибирскими народами из кобыльего молока’, ‘пальмовый сок (?)’. А «Большой толковый словарь русского языка» (2000, 45) определяет лексему *арак* следующим образом: ‘Крепкий алкогольный напиток из сока кокосовой или финиковой пальмы, из риса, изюма и т. п. (изготавливается в Южной Азии)’. Очевидно, основанием этому может служить тот факт, что на кумысе готовится монгольская арака, напиток, который не был популярен в современной России, поскольку более известными и часто употребляемыми напитками являются продукты из Южной Азии или Ближнего Востока, о чем свидетельствуют, в частности, примеры из «Национального корпуса русского языка»: *С блюдами арабской кухни чаще всего употребляется анисовая водка арак (подается разбавленная водой, холодная или со льдом)* («Через границы», журнал «За рулем» (2004)); *Видно, арака, которую попивал Хусейн во время написания, делала свое дело* (В. Бурлак «Хранители древних тайн» (2001)). Следовательно, можно сделать вывод о том, что наличие приводимого в «Словаре... XI–XVII вв.» и «Словаре... XVIII века» значения ‘водка на кумысной закваске’ или ‘различные виды водок, изготавливаемые татарами и сибирскими народами из кобыльего молока’ обусловлено также экстралингвистическими, историческими факторами: контактами с монголо-татарскими и тюркскими племенами. Изменение исторических условий приводит к исчезновению значения из семантической структуры лексемы.

Во многих случаях действие экстралингвистических факторов дополняется факторами внутрилингвистическими. Например, лексема *квась*, по данным «Словаря... XI–XVII вв.» (1980 VII, 103), имела значения: ‘закваска, дрожжи’, ‘кислый напиток, преимущественно хлебный квас’, ‘хмельной напиток’. Значение ‘хмельной напиток’ не фиксируется уже «Словарем церковно-славянского и русского языка» (1847 II, 169), в нем же значение ‘закваска’ занимает вторую позицию, с тем чтобы в современном языке исчезнуть полностью – в «Большом толковом словаре русского языка» (2000, 425) *квас* определяется только как безалкогольный напиток. Такое постепенное вытеснение кваса как хмельного напитка было связано с развитием винокурения в XIV–XVI вв. (см. Похлебкин 2009, 32–33). Далее, «Словарь... XI–XVII вв.» фиксирует появление в XVI в. лексемы *дрожжи* (1977 IV, 359). Это слово начинает конкурировать со словом *квась* в соответствующем значении. Появление конкурирующей лексемы позволяет разнести по различным формальным оболочкам все более и более расходящиеся значения.

Подобное сочетание внеязыковых (появление новой реалии) и внутриязыковых (появление синонимичного или тематически связанного нового слова) наблюдаем и в случае лексемы *взварь*. «Словарь... XI–XVII вв.» (1975 II, 143) дает два значения: ‘напиток из плодов, ягод, сваренный на меду, пиве и пр.’ и ‘приправа с пряностями к мясным и рыбным блюдам’, в то время как в «Большом толковом словаре русского языка» (2000, 125) значение ‘приправа с пряностями к мясным и рыбным блюдам’ полностью исчезает. Значение ‘приправа с пряностями’ не фиксирует и «Словарь церковно-

славянского и русского языка» (1847 I, 141), видимо, по той причине, что в русском языке появляется слово *соус*, обозначающее модное французское блюдо, которое первый раз как лексикографический источник представляет «Российский Целлариус» (см. Гельтергоф 1771, 629), в текстах же оно начинает встречаться еще раньше «Ествы подали: звено семги просольныя, пузырек белужей под соусомъ. Столов. кн. патр. Фил. I, 94. 1624 г.» (Словарь... XI–XVII вв. 2002 XXVI, 251). Однако лексема *взвар* представляет собой хорошую иллюстрацию изменчивости языковой системы, начинающейся в живой речевой стихии, – в обсуждении на форуме в Интернете можно найти следы возвращения старого значения, ср.: «Немного подумав, решил опубликовать “Луковый взвар” в разделе “Соусы”. Ход мыслей был простой – соусы это приправа, а взвары это тоже приправа, ну так и быть ему тут... Итак, на всякий случай, взвары это горячие русские приправы» (Форумы SAY7). Здесь также можно указать экстралингвистическую причину – мода на национальную русскую кухню, возвращение старинных блюд.

Разумеется, не только экстралингвистические факторы движут возникновением новых значений, в том числе и связанных с обозначением напитков. Рассмотрим слово *зелье*. «Словарь... XI–XVII вв.» (1978 V, 372) дает 5 значений: 1. ‘злак, трава, растение’; 2. ‘пряность’; 3. ‘лекарство, напиток для лечения наговором, заклинанием’; 4. ‘отрава, яд’; 5. ‘порох’. А «Большой толковый словарь русского языка» (2000, 362) дает всего 2 значения: ‘настой на травах как лечебное, колдовское или отравляющее средство’ и новое (по сравнению со словарем XI–XVII вв.) – ‘о водке, вине или табаке’. Здесь механизм переноса прост и полностью внутрилингвистичен – метафорически мотивирован: ‘отрава, яд’ ⇒ ‘водка, вино или табак’.

Следует отметить, что в номинации напитков метафорический перенос практически не встречается или же в результате возникает оценочная лексема, как в предыдущем случае (ср. также *пойло* ‘питье для скота’ ⇒ ‘о невкусном питье, напитке’). Или, наоборот, оценочная лексема образуется от названия напитка: лексема *кисель* имеет значение ‘кушанье, приготовленное из муки на воде или ягодном соке; кисель’ (Словарь... XI–XVII вв. 1980 VII, 137). В «Большом толковом словаре русского языка» приводится новое значение с пометой *пренебр.*: ‘о вялом, слабовольном человеке’ (2000, 429).

В рассматриваемом лексическом материале присутствуют многочисленные примеры лингвистической метонимии. Метонимические ассоциации могут основываться на их главном свойстве или при знаке, общей функции, некотором материале или на их общем продукте производства. В данном абзаце все примеры приведены по «Словарю... XI–XVII вв.». В нашем материале часты метонимические переносы по следующим параметрам: «место производства напитка ⇒ напиток» (*алаканта* ‘название вина (по местности в Испании)’ (1975 I, 27)); «сосуд для жидкости ⇒ мера жидкости, равная объему этого сосуда» (*галенокъ, галенка* – ‘сосуд для жидкостей’ «А питье бь продавали бочками, а въ ведра бь и въ галенки и въ стопы отнюдь не продавали»; ‘мера жидкостей (вина, масла, уксуса и др.)’ «Да куплено пол галенка црковного вина у Кузмы Загибина дано два алтна» (1977 IV, 8–9); *бочка* – ‘бочка’, ‘мера жидких, сыпучих и твердых тел’ (1975 I, 305) или, наоборот, «мера жидкости ⇒ сосуд, вмещающий эту меру» (*десятина* – ‘мера, сосуд для жидкости объемом в десятую часть ведра’, *десятня* – ‘мера, сосуд для жидкости объемом в десять ведер’ (1977 IV, 234–235), *канна* – ‘мера жидкости, равная четверти ведра или двум кружкам, давшая название сосуду, вмещающему эту меру’ (1980 VII, 55)), «событие, праздник ⇒ напитки, употребляющиеся в этот праздник» (*канунъ* – ‘кушанье или питье (кутья с медом, пиво и т. п.), сваренное к празднику или для поминовения усопшего и освященное в церкви’ (1980 VII, 58), «место, где подаются и употребляются напитки (как правило, алкогольные) ⇒ напиток» (*корчма* – ‘постоялый двор для приезжих с навесом для лошадей, с помещением, где продавались хмельные напитки, еда’; ‘название крепких хмельных напитков (тайно изготовлявшихся или привозившихся и продававшихся в корчмах)’ (1980 VII, 350), возможно также *капилие* – ‘харчевня, кабак; вино(?)’ (Там же, 62)), «продукт ⇒ напиток на основе этого продукта» (*квась* – ‘закваска, дрожжи’; ‘кислый напиток, преимущественно хлебный квас’ (1980 VII, 103), *медъ* – ‘мед пчелиный, соты медовые’; ‘хмельной напиток из меда’ (1982 IX, 54)). Значения могут образовывать метонимические цепочки, ср. особенно интересную: «место ⇒ растение, которое растет на этом месте», «растение ⇒ плод растения», «плод растения ⇒ напиток, изготавливаемый из него» (*виноградъ* ‘виноградник, фруктовый сад’; ‘виноград, растение’, ‘виноград, ягода’, ‘виноградное вино, вино’ (1975 II, 185)). Несмотря на то что лексема *виноград* в значении ‘виноградник, фруктовый сад’ (1975 II, 185) признается германским заимствованием «Заимств. из цслав.; укр. *Виноград*, блр. *Виноград*, ст.-слав. виноградъ Гтрелож, Утрелип (Супр.), сербохорв. ви^оногра^д «виноградник». О заимствовании из гот. *weinagards*, крым.-гот. *wingart*, д.-в.-н. *wi^ongart(o)*, ср.-в.-н. *wi^ongart(e)*, нов.-в.-н. *Wingert* «виноградник»» (Фасмер 1986 I, 317) однако именно на славянской почве она демонстрирует подобное развитие значений.

¹ О возможности подобного типа метонимии см., например, следующее замечание: «Среди типов качественной метонимии наиболее часта в обиходном языке XVI–XVII вв. пространственная метонимия. Встречается среди конкретных и абстрактных существительных по моделям: “растение – место, где растет растение” (*брусничник* ‘кустарник брусники’ и ‘место, поросшее брусничкой’) и, наоборот, “место – объект, находящийся на этом месте” (*болото* ‘топь, грязь’: *Бродить што чортъ по болоту* (Сим. Посл., XVII в.) и ‘лес, растущий на низком, топком месте’: *рубет де нехто болото* (ИНРЯ, 1696 г.))» (Генералова 2006, 23).

Неоднократно указывалось (см., например, Смирницкий 1956, 157) на необходимость строго дифференцировать различное употребление слов в одном лексико-семантическом варианте и действительное различие значений слова, с другой стороны. Так, например, лексема *вино*, по данным «Словаря... XI–XVII вв.» (1975 II, 183), может употребляться в следующих сочетаниях: вино служебное, церковное, фряжское, угорское; русское; горелое, горячее, жженое; простое, двойное, тройное, четверное. Здесь только первые пять словосочетаний называют вино в современном понимании, в остальных рассматриваемая лексема выступает в значении 'водка'. Безусловно, критерием разграничения значений слова здесь может являться только денотативная соотнесенность, т. е. применение наших знаний о ситуации того времени, а именно о том, что в церковном богослужении использовалось вино, алкогольный напиток, получаемый в результате брожения винограда; что до Петра I, который ввел виноделие на Дону, вино на Русь импортировалось, в частности, из Италии или Франции (фряжское вино), Венгрии (угорское вино (токай)), следовательно, русское вино не могло быть виноградным. Это – водка. В свою очередь, сочетания, в которых участвуют лексемы с семантическим компонентом 'горелый', также обозначают напиток, обладающий способностью гореть, выгорать, более крепкий, чем вино. А остальные синтагмы обозначают водку со ссылкой на способ производства – количество перегонок и степень очистки. Здесь следует указать на вызванную неучетом денотативной составляющей неточность в «Словаре... XI–XVII вв.» (1975 II, 183), который определяет черкасское вино как именно вино, напиток из винограда и помещает его в том же ряду, что и фряжское, угорское, в то время как здесь имеется в виду украинская водка (см. Похлебкин 2009, 135–136, 141).

Другая проблема, возникающая при анализе полисемантов, – это проблема различения омонимии и полисемии. Здесь также при анализе предметной лексики можно было бы обратиться к анализу денотатов. Так, «Словарь... XI–XVII вв.» (1977 IV, 84) приводит два омонима: *горёлка* в значении 'хлебное вино; водка' и *горёлка* в значении 'выгоревшее или выжженное место в лесу; гарь'. В данном случае денотативное различие очевидно – реалии, лежащие в основе этих слов, не имеют между собой ничего общего. Подобный денотативный прием поддерживает семантический способ различения указанных явлений, о котором Ю.Д. Апресян сказал, что «надежный способ строго различить полисемию и омонимию состоит в том, чтобы формализовать понятие семантического сходства-несходства значений – единственный фактор, непосредственно отражающий существо этих двух явлений» (Апресян 1995, 184). Иными словами, значения полисеманта должны содержать общие семантические компоненты. В данном случае общих семантических компонентов нет. В подтверждение этого В.В. Похлебкин пишет, что раньше существовали термины *горячее вино* (1653), *горючее*, *горящее*, *горелое*, *жженое вино* (1672). Правильнее всего «горячее вино», то, которое обладает способностью гореть, выгорать, а не «горячее», т. е. обладающее высокой температурой, и тем более не «горелое». Этот термин в германоязычных странах и в украинском языке является официальным названием хлебного вина – водки: «брантвайн» (Brantwein), «горілка» соответственно. В Украине было только одно понимание слова «горілка» – «пылающая» (от «горити» – пылать), т. е. жидкость, способная гореть. Сбиться на «горячее» или «горелое», как в русском, было невозможно, поскольку эти слова в украинском имеют другие корни (см. Похлебкин 2009, 139–140). В данном случае денотативный метод помог решить сомнения – реалии, лежащие в основе этих слов, не имеют между собой ничего общего, следовательно, создатели «Словаря... XI–XVII вв.» имели полное право представить здесь два омонима.

Следовательно, на развитие новых значений, как и на исчезновение уже существующих компонентов из семантической структуры слова в рассматриваемой группе предметной лексики, влияют и внутрилингвистические, и экстралингвистические факторы. Подобное сочетание внеязыковых (появление новой реалии) и внутриязыковых (появление синонимичного или тематически связанного нового слова) факторов составляет сущность развития языка, его эволюции, однако в области предметной лексики влияние первых является определяющим и нуждающимся в постоянном учете при определении семантики слова и путей ее развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. М., 1995.
 Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000.
 Виноградов В. В. Русский язык. М., 1986.
 Гельтергоф Ф. Российской целлариус, или Этимологической российской лексикон, купно с прибавлением иностранных в российском языке во употребление принятых слов, також с сокращенною российскою этимологию, изданный М. Франциском Гельтергофом. М., 1771.
 Генералова Е. В. Метонимия имен существительных в русском языке XVI–XVII вв. // Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX вв.): Материалы XXXV Междунар. филол. конф. (Санкт-Петербург, 13–18 марта 2006 г.). СПб., 2006. С. 20–25.
 Кобрицов Б. П. Модели многозначности русской предметной лексики: глобальные и локальные правила разрешения омонимии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
 Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://search.ruscorpora.ru>. Дата доступа: 11.03.2011.
 Похлебкин В. В. История водки. М., 2009.
 Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2008. Вып. 1–28. (Издание продолжается).

- Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984–1991. Вып. 1–6; СПб., 1992–2004. Вып. 7–14. (Издание продолжается).
Словарь церковно-славянского и русского языка: В 4 т. СПб., 1847.
Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956.
Судаков Г. В. Водка вину тетка // Русская речь. 2003. № 1. С. 72–81.
Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 1.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 3.
Форумы SAY7 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://forum.say7.info/topic23171.html>. Дата доступа: 13.03.2011.
Хиабахов Т. С., Потапенко Я. И. Основные направления развития виноделия в России // Материалы науч.-практ. конф. «Адаптивное ведение виноградарства (селекция, питомниководство, технологии возделывания, виноделие)» (Новочеркасск, 19–23 апр. 2004 г.). Новочеркасск, 2004.

Поступила в редакцию 25.04.11.

Екатерина Александровна Широкова – аспирантка кафедры теоретического и славянского языкознания. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А.А. Кожина.

ВАН ЮЙХУН

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ФАМИЛИЙ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Исследование выполнено в русле лингвокультурологических направлений. Посвящено установлению общих и культурно-специфических черт русских и китайских фамилий, связанных с их этимологией. Сравняются пути исторического развития фамильного именования у русских и китайцев: рассматриваются 3 наиболее представительные группы фамилий, выделенные по производящей основе.

The article is written in the field of linguoculturology and is dedicated to establishing similar and culture-specific characteristics of Russian and Chinese surnames as related to their etymology. The author makes a comparison of historical surname nomination development patterns in Russian and Chinese cultures and examines the 3 of the most representative surname groups outlined on the derivative stem basis.

В лексике любого языка находят воплощение особенности материальной и духовной культуры народа: организация хозяйственно-бытовой и производственной сфер жизни, общественные отношения, традиции, обычаи, религиозные и мировоззренческие представления. Фамилии представляют собой особую часть лексики, являющейся не только комплексом лингвистических данных, но и отражающей процессы и объекты экстралингвистического плана. В ономастике и, в частности, в антропонимии эти особенности отражены наиболее ярко: фамилии «активно реагируют на события, происходящие в человеческой жизни, играя роль своеобразных регистраторов всех природно-биологических, социально-исторических, культурных, производственных процессов» (Суперанская 1972, 346).

Фамилии реализуют определенный тип ономастических универсалий: многие их свойства, характеристики, закономерности функционирования являются общими для ономастикона различных языков. Ономастические универсалии, естественно, не могут быть равнозначны универсалиям языка вообще, однако они отражают общечеловеческие закономерности развития культуры и мышления, а потому являются перспективным предметом научного анализа. Так, к универсалиям в ономастике принадлежит, в частности, сам факт наличия наследуемых (фамильных) имен и их более официальный (по сравнению с личными именами) характер. К различиям фамилий в восточной и западной культурах относится прежде всего место, которое данный антропоним занимает в формуле именования (например, в европейских языках имя предшествует фамилии, а в китайском – следует за ним). Кроме того, в отличие от русского (и шире – европейского) антропонимикона, набор личных имен китайцев практически не ограничен, а количество фамильных имен сравнительно невелико, не превышает нескольких сотен. При этом пять фамилий встречаются особенно часто: 张 (Чжан), 王 (Ван), 李 (Ли), 赵 (Чжао), 刘 (Лю) (процесс сужения круга употребительных наследственных имен происходил на протяжении нескольких столетий).

Объектом исследования в данной публикации выступают отраженные в антропонимических словарях (см. Никонов 1993; Му Жонью 1983) фамильные имена русского и китайского языков как ономастические универсалии, предметом – их внутренняя форма, целью – установление общих и культурно-специфических черт русских и китайских фамилий, связанных с их этимологией. Среди работ, посвященных фамилиям, отсутствуют монографии и диссертации, где бы системно и последовательно были представлены общие и культурно-специфические черты исторического развития, этимологического значения и функционирования русских и китайских фамилий, что определяет актуальность исследования, фрагмент которого представлен в нашей статье.

В русском языке, в отличие от ряда других славянских языков, рассматриваемый вид антропонимов (родовое наименование лица, приобретаемое при рождении) обозначается термином латинского происхождения – фамилия (от лат. familia – семья). Фамилия стала наследуемым антропонимом еще в Древнем Риме, прежде всего в среде родовой знати. Давалась она, как правило, по названию места рождения или расположения фамильных владений. Изменение первоначальной фамилии традици-

онно осуществляется при усыновлении, вступлении в брак и т. д., т. е. при изменении принадлежности к определенной семье. В отличие от стран Востока в Западной Европе употребление фамилий вошло в обычай сравнительно поздно, лишь с XV в., в основном для высших сословий; в России они были введены законом в XVI в., сначала для князей и бояр, затем для дворян и именитых купцов, а среди крестьянства стали употребляться после отмены крепостного права (см. Бондалетов 1983, 224).

В Китае же фамилии (姓氏 «син-ши») исторически представляли собой неоднородный пласт: среди них различались «первые», родовые, и «вторые», клановые, причем употреблялись они уже 5000 лет назад, в эпоху матриархата. В древности первая фамилия 姓 (син) передавалась по материнской линии, а клановая фамилия 氏 (ши) определялась ветвью рода, связанной с отцом. Мужчина и женщина с одинаковой «ши» могли вступать в брак (так как не считались близкими родственниками), однако в случае совпадения «син» это было уже невозможно. «Син» происходила от названия родной деревни или семейства, а «ши» – от названия полученной как дар императора территории или титула (иногда она даже присваивалась посмертно). Собственно, наличие «ши» в именовании человека говорило именно об определенном положении в социальной иерархии – различие между «син» и «ши» отражало сословное неравенство. После того как «син» и «ши» соединились в 姓氏 «син-ши» (время династии Цинь, 210 г. до н. э.), наступил новый этап развития фамилий в Китае (Лю Куйли, Джан Сю 2008, 25).

Предметом нашего исследования, как уже отмечалось, является внутренняя форма фамилий. Первоначально термин «внутренняя форма» выступал в работах А.А. Потебни как синоним этимологического значения слова и так называемого «представления» в слове (Ярошевский 1946, 395). Отождествление внутренней формы и представления сводило к минимуму инвариантные компоненты слова: «Внутренняя форма, по отношению к тому, что посредством нее мыслится... есть представление в тесном смысле этого слова» (Потебня 1922, 113). Определяя термин «представление», А.А. Потебня, в частности, подчеркивал, что оно «есть не образ предмета, а образ образа» (Там же, 116). В современной лингвистической литературе внутренняя форма слова рассматривается как живое явление: под ней понимается мотивированность значения, она обусловлена актуальными словообразовательными связями слова. Иначе говоря, «прозрачную» внутреннюю форму имеют только те слова, у которых сквозь их звуковую оболочку «просвечивает» образ, лежащий в основе названия. Известно, что внутренняя форма – явление исторически изменчивое: в процессе своего развития слово может утрачивать ее.

Необходимо отметить, что в сфере имен собственных понятие внутренней формы, как и многие другие лингвистические категории, преломляется своеобразно. Так, одной из специфических черт имен собственных Ю.А. Карпенко называет особую склонность к деэтимологизации – забвению мотивации, утрате внутренней формы (см. Карпенко 1984, 3). Действительно, фамилии типа *Петров*, *Воробьев*, будучи формально мотивированными лексемами *Петр*, *воробей*, не могут быть истолкованы как «фамильное имя потомков человека по имени *Петр* или по прозвищу *Воробей*». Современные китайские фамилии также в значительной степени десемантизированы (в отличие от индивидуальных имен). Соответственно, говоря о внутренней форме фамилий, мы ориентируемся на ее понимание А.А. Потебней и фактически рассматриваем этимологическое значение фамилий.

Каждый фамильный антропоним как в русском, так и в китайском языке имеет свою историю и этимологию, свой смысловой корень, который может вызывать отчетливые фоносимволические ассоциации, не всегда совпадающие с действительной историей фамилии. Известно, что чаще всего фамилии отражают в своей внутренней форме имя или прозвище далекого предка, которое могло быть связано с самыми разными сторонами жизни.

В данной статье мы рассмотрим 3 наиболее представительные группы фамилий, выделенные по производящей основе и мотивированные: а) личными и прозвищными именами предков; б) обозначениями лиц по роду занятий; в) географическими названиями.

Фамилии, мотивированные личными и прозвищными именами предков. Для русской антропонимии этот принцип формирования фамилии был ведущим. Суффиксы *-ич*, *-ович(-евич)*, *-ов*, *-ев* свидетельствуют о том, что носители данной фамилии являются потомками человека, имя или прозвище которого лежит в ее основе: так, фамилии *Евич*, *Женич*, *Станюкович*, *Красулевич*, *Захарович*, *Стахович*, *Стасевич* мотивированы антропонимами *Ева*, *Женя*, *Станюк*, *Красуля*, *Захар*, *Стах* и *Стас*. Аналогично в китайских фамилиях внутренняя форма отражает связь с именем предка, например: 年 (*Нян* 'год') – фамилия производна от имени 年夫 (*Няньфу*); 鱼 (*Юй* 'рыба') – от имени предка 子鱼 (*Зыюй*); 井 (*Цзин* 'колодец') – от имени 井伯 (*Цзинбо*); 乐 (*Лэ* 'радость') – от прозвища 乐父 (*Лэфу*) (приведенные фамилии связаны по времени возникновения с династией 春秋 (*Чунчю*) 'Весна и Осень' (722 г. до н. э. по 481 г. до н. э.)); 高 (*Гао* 'высокий') – от имени предка 公子高 (*Гунзыгао*); 皮 (*Пи* 'шкура') – от имени 樊仲皮 (*Фань Джонпи*); 牛 (*Ню* 'бык') – от имени 牛文 (*Нювень*) (три последние фамилии возникли во времена западной династии 周 (*Джоу*) (XI–III вв. до н. э.)); 孔 (*Кун* 'дыра') – фамилия от прозвища предка 孔父 (*Кунфу*) (династия 商 – Шан (конец XIV в. до н. э.)) и др. Ср. также фамилии,

образованные от личных имен в столь древний период, что письменные источники не позволяют установить время их возникновения: 牧 (Му 'пастух') – от имени предка 力牧 (Лиму); 终 (Джон 'завершение, финал') – от имени предка 陆终 (Луджон); 常 (Чан 'постоянный') – от имени предка 常项 (Чансянь); 廉 (Лян 'неподкупность') – от имени предка 廉 (Лянь).

Как видим, при общем характере мотивации образование русских и китайских фамилий различается формальными средствами: специальный патронимический формант в русском языке и усечение в китайском (такой способ образования фамилий соответствовал тенденции к ее односложности в китайском языке).

Фамилии от названия профессии, официального поста или социального статуса, положения в обществе. Профессии или отношение к кустарному производству отражены во внутренней форме таких фамилий, как *Мельников, Гончаров, Кузнецов, Бочаров, Бочкарев, Пивоваров, Ткачев, Пряхин, Извозчиков, Каретников, Переплетчиков, Писарев, Ведерников, Барышников, Коробейников, Дубоделов, Круподеров, Живоделов* (живодел – рабочий, снимавший шкуры с убитых животных) и др. Русские фамилии могут также фиксировать не непосредственно название профессии, а название основного объекта профессиональной деятельности: *Телегин, Хомутов, Сюртуков, Конкин, Мраморнов, Алебастров, Топорищев, Фонарев, Кастрюлин, Аршинов, Сбитеньков* (сбитень – старинный русский сладковатый напиток, который варили в самоварах) и др. В китайском языке также распространены этот мотив образования фамилий в двух его модификациях: от названия профессии непосредственно и от названия предмета данной профессиональной сферы. Например, фамилии 甄 (Джэнь) и 陶 (Тхао) мотивированы соответственно названием профессии (производство керамики) и названием объекта производства (керамика); фамилия 屠 (Тху) – названием профессии работника скотобойни; 张 (Джан) – названием профессии ремесленника, изготавливающего лук (弓 – гун); фамилия 匠 (Цзян) отражает в своей внутренней форме высокий уровень владения какой-либо профессией ('мастер') и др.

Русские фамилии, отражающие в своей внутренней структуре социальный статус, должность, как правило, мотивированы словами, которые с точки зрения современного состояния языка являются историзмами: *Дворянкин, Дворянинов, Мещанинов, Городничев, Исправников, Подьячев, Предводителев, Заводчиков, Фабрикантов, Хозяев, Хозяинов, Приказчиков* и др. В Китае также чиновники получали фамилии в соответствии с занимаемым постом: 钱 (Чянь) – фамилия с внутренней формой, отсылающей к должности чиновника финансового министерства; 司徒 (Сыту) – фамилия от названия должности «управляющий в области земли и поселений»; 司空 (Сыкун) – фамилия от названия должности «управляющий в области гидротехники»; 司马 (Сыма) – фамилия, во внутренней форме которой отражена должность военного чиновника; 上官 (Шангуань) – фамилия от названия должности министра контроля; 卜 (Бу) – от старинной должности руководителя в сфере предсказаний по звездам; фамилия 刑 (Син) означает «управляющий в области наказания в тюрьме»; 司寇 (Сыкоу) – «управляющий в области общественной безопасности и наказания в тюрьме» и др.

Выделяется также группа фамилий, внутренняя форма которых отражает низкий или маргинальный статус их первоносителей (бедность, отсутствие жилья, тюремное заключение и т. п.): *Объедкин, Нуждин, Худокормов, Корочкин, Бездомников, Голоднов, Подпалкин, Невзгоднов, Семигорелов, Подвальный, Огрызков, Тюрьмин, Чердаков, Небогатиков, Кусочкин* и т. п. Заметим, что в китайской антропониимии мы не обнаружили фамилий, которые фиксировали бы низкий социальный статус первоносителя. Это же относится и к следующей группе, которую составляют русские фамилии, мотивированные религиозными и церковными понятиями (религия занимала огромное место в жизни русского народа): *Попов, Дьяконов, Приходской, Обеднин, Колоколов, Ключарев, Молитвин, Божьев, Дьячков, Храмов, Владыкин, Богодухов* – фамильные имена с подобной внутренней формой в «Словаре древних и современных фамилий Китая» нами не обнаружены (хотя в сфере китайских личных имен имеет место мотивация лексемами из области религии).

Если формальная мотивация фамилий устанавливается однозначно, то экстралингвистические мотивы ее присвоения могут варьироваться. Как отмечают А.В. Сулова и А.В. Суперанская, одинаковые фамилии могли присваиваться на разных основаниях. Так, фамилия *Губернаторов* могла этимологически означать и 'сын губернатора', и 'слуга губернатора', и 'крестьянин в имении губернатора' (Сулова, Суперанская 1991, 172). Ср. другие фамилии с единственной формальной производностью и множественной семантической: *Помещиков, Гетманов, Хозяинов, Господинов, Графов, Графский*, а также *Холопов, Челядин, Мальчиков* и др.

Русским фамилиям, производным от названий современных и устаревших военных званий, типа *Солдатов, Офицеров, Капитанов, Генералов, Полковников, Уланов, Гренадеров, Драгунов, Корнетов, Кадетов* соответствуют китайские 士 (Ши 'сержант', 'солдат'), 军 (Зюн 'военный'), 尉 (Вэй 'управляющий в армии и тюрьме'), 战 (Джань 'управляющий в области фронта'), 羿 (И 'военный мастер по

стрельбе из лука'), 粟 (*Ли* 'управляющий по контролю за солдатами'), 戎 (*Жон* 'управляющий по оружию') и др.

Фамилии, мотивированные географическими названиями (в том числе названиями рек, гор, внутригородских объектов). Как в русском, так и в китайском языке отмечается большое количество фамилий, внутренняя форма которых отражает место проживания или происхождения их носителей-предков. Ср. фамилии, образованные от названия местности, где проживал их первоносите́ль (*Роцин, Могилевский, Полянский, Майданюк, Островчук* и др.). Сюда относятся, в частности, группы фамилий князей и служащих (XVII–XVIII вв.): *Тамбовцев, Ростовцев, Брянцев, Астраханцев, Смоленинов, Москвичев, Москвитинов, Веневитинов, Вологжанинов* и др. В XIV–XV вв. в фамилиях князей могли фиксироваться наименования или местоположение географических объектов, находившихся в их владении: *Тверской, Мещерский* (внутренняя форма фамилий указывает на то, что земельные владения их носителей располагались в Тверской губернии и Мещере) (см. Суперанская 2003, 39). В Китае многие фамилии также были производны от названий феодальных владений или места рождения человека, при этом в первом поколении фамилия могла иметь более сложную семантическую и формальную структуру, например, потомки Ди, маркиза Оуянтинга, взяли фамилию 歐陽 (*Оуян*). Насчитывается около двухсот фамилий данного типа, часть которых двусложны, однако немногие из них дошли до наших дней, как, например, 慕容 (*Мужон*) и 那 (*На*) (Чжан Сюэсянь 1992, 511).

Другая категория людей, получавших фамилии с рассматриваемым типом мотивации, не относилась к коренному населению данной территории. Когда человек не был местным, первое, что интересовало окружающих после его имени, было то, откуда он прибыл или откуда родом, вследствие чего давались оттопонимные прозвища – будущие фамилии. Этот принцип номинации фамильным именем был, в частности, широко распространен в XVI–XVII вв.: в основу фамилий были положены названия родных городов и сел именуемых (*Батуринец, Киян, Звенигородский, Рязановский, Полтавец*) (Никонов 1988, 192).

Среди китайских фамилий этой группы доминируют те, которые мотивированы названиями царств, входивших в состав Древнего Китая. Структурной особенностью этих фамилий является их полное совпадение по форме с мотивирующими географическими названиями: 马 (*Ма*) – фамилия от названия страны 马 (*Ма*); 应 (*Ин*) – от названия страны 应 (*Ин*); аналогично образованы фамилии 蒋 (*Цзян*), 沈 (*Шень*), 韩 (*Хан*), 秦 (*Цинь*), 许 (*Сюй*), 吕 (*Люй*), 威 (*Ци*), 谢 (*Се*), 邹 (*Зоу*), 柏 (*Бэй*), 章 (*Джан*), 苏 (*Су*), 潘 (*Пань*), 葛 (*Гэ*), 范 (*Фань*), 彭 (*Пэн*), 鲁 (*Лу*), 韦 (*Вэй*), 苗 (*Мяо*), 任 (*Жень*), 柳 (*Лю*) и др.

Среди русских фамилий отмечаются мотивированные названиями рек, на берегах которых располагались поселения или поместья первоносителей: фамилии *Ухтомский, Ушинский, Писемский, Сицкий* образованы от названий рек *Ухтома, Уша* (левый приток Немана), *Письма* (приток Костромы), *Сить* (приток реки Мологи). Китайские фамилии также реализуют данный принцип номинации: 姜 (*Цзян*) – фамилия от названия реки 姜水 (*Цзяншуй*); 姬 (*Цзи*) – фамилия от названия реки 姬水 (*Цзишуй*); 黄 (*Хуан*) – от названия реки 黄河 (*Хуанхэ*) и т. п.

В китайском языке отмечаются фамилии, производные от названий гор: 乔 (*Чжо*) – фамилия от названия горы 乔山 (*Чжошань*); 衡 (*Хэн*) – от названия горы 衡山 (*Хэншань*); 蒙 (*Мэн*) – от названия горы 蒙山 (*Мэншань*); 余 (*Шыэ*) – от названия горы 余山 (*Шыэшань*) и др. Среди русских фамилий этот семантический тип мотивации представлен мало (ср. двойную фамилию известного российского геолога *Семенов-Тянь-Шанский*, второй, топонимический, компонент которой добавлен самим ученым в честь крупнейшей горной системы Центральной Азии – Тянь-Шань 'Небесные горы').

В китайском языке отмечается подтип фамилий, фиксирующих место проживания, не имеющий аналога в русском языке: фамилия мотивирована местом в городе, где проживала семья. Так, фамилии 东郭 (*Донгуо*) 'восточная стена' и 南郭 (*Нангуо*) 'южная стена' свидетельствуют о том, что их носители проживали соответственно возле восточной и южной частей стены, окружающей город; фамилии 东门 (*Донмэн*) 'восточные ворота' и 西门 (*Симэн*) 'западные ворота' закрепились в своей внутренней форме такое место проживания, как восточные и западные ворота города.

Как показал анализ сравниваемых антропонимических единиц, в целом мотивы наречения русских и китайских фамильных имен соответствуют универсальным принципам – фамилии отражают в своей внутренней форме: а) имя отца первоносителя (личное или прозвищное); б) профессию, должность, социальный статус лица; в) территориальную характеристику лица (по месту его рождения или местонахождению его земельных владений). При этом как в рамках рассмотренных групп, так и за их пределами наблюдаются расхождения, демонстрирующие национально-культурные особенности антропонимических систем России и Китая. Так, отмечается несколько типов китайских фамильных имен, мотивация которых не имеет аналогий в русском языке (например, фамилии, изначально выполнявшие «охранную», апотропеическую функцию, которые, по представлениям древних, защищали человека от бедствий, воздействия злых сил; особенность этих фамилий в том, что они «замещали

табу»). Однако возможно провести аналогию между подобными китайскими фамилиями и древнерусскими языческими именами с «охранными» функциями, что составит одно из направлений нашей дальнейшей работы.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондалетов В. Д. Русская ономастика: Учеб. пособие. М., 1983.
Карпенко Ю. А. Специфика ономастики // Русская ономастика: Сб. науч. тр. Одесса, 1984. С. 3–16.
Никонов В. А. География фамилий. М., 1988.
Никонов В. А. Словарь русских фамилий. М., 1993.
Потебня А. А. Мысль и язык. Одесса, 1922.
Суслова А. В., Суперанская А. В. О русских именах. Л., 1991.
Суперанская А. В. Ономастические универсалии // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 346–356.
Суперанская А. Фамилии, оканчивающиеся на -ский/-ская, -цкий/-цкая // Наука и жизнь. 2003. № 1. С. 39–40.
Ярошевский М. Г. Понятие внутренней формы слова у Потебни // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1946. Т. 5. Вып. 5. С. 395–399.
刘魁立、张旭. 中国姓氏. 中国社会出版社, 2009. (Лю Куйли, Джан Сю. Китайские фамилии «син-ши». Пекин, 2009).
慕容翊. 中国古今姓氏辞典. 黑龙江人民出版社, 1983. (Му Жонюй. Словарь древних и современных фамилий Китая. Харбин, 1983).
张学衡. 华夏百家姓探源. 南京大学出版社, 1992. (Чжан Сюэсянь. Исследование китайских фамилий. Нанкин, 1992).

Поступила в редакцию 20.04.11.

Ван Юйхун – аспирантка кафедры русского языка. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор И.Э. Ратникова.

О.С. СКАЛОЗУБОВА

ПРОИЗВОДНЫЕ ПОРОДЫ (ПРОЦЕССУАЛЬНО-МОДАЛЬНЫЕ МОДИФИКАЦИИ) ГЛАГОЛЬНЫХ ЗНАКОВ В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ: СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Посвящена анализу формальных и смысловых особенностей производных пород, выражающих категориальные значения процессуальных знаков арабского языка. На основе исходно-формального анализа определены значения, характеризующие ту или иную породу. Посредством исходно-семантического анализа выделены породы, которые выражают выявленные значения, и при совпадении значений даны пояснения, для какой породы они являются ядерными, а для какой – периферийными.

The article deals with formal features and semantics of different verb forms that stand for categorical meaning of processual signs in the Arabic language. On the ground of form-based analysis meanings of each verb form have been detected, while semantics-based analysis has revealed forms that express the detected meanings. As far as similar meanings are concerned it was clarified for what forms they appear as basic meanings and for what forms – as peripheral ones.

Категория породы является одной из самых сложных, прежде всего семантически, категорий арабского языка. На ее семантические особенности указывают в своих работах средневековые и современные арабские, а также европейские и российские семитологи. То, что арабские знаки группируются по породам на основании формальных признаков, не вызывает сомнения. Но до сих пор остается не выясненным вопрос о семантических основаниях для выделения этой категории. Именно поэтому интерес к породе как категории арабских знаков не угасает и актуальность данной темы очевидна.

Объектом исследования являются процессуальные знаки производных пород в арабском языке, предметом – морфологические и семантические особенности образования процессуальных знаков производных пород в арабском языке. Метод исследования основан на сочетании двух направлений анализа: исходно-формального и исходно-семантического. По морфологическим показателям выявим, какие значения выражает каждая порода (исходно-формальный анализ), а затем проанализируем, какие породы служат для выражения выявленных значений (исходно-семантический анализ). На основании этого определим ядерные и периферийные значения, что позволит решить вопрос о совпадающих значениях разных пород. Результаты исходно-семантического анализа и будут являться выводами нашей работы.

Из исследования мы исключили I породу, так как основанием для ее выделения служат сугубо формальные признаки, а также XI–XV породы как малопродуктивные в современном арабском языке. В целях упрощения изложения материала будем говорить о породах глагола, но утверждения относительно семантики глагола также касаются его масдара и причастий.

Исходно-формальный анализ

II порода. Формула глагола в перфекте – *faʿʿala*, масдара – *tafʿīl*, причастия действительного залога – *mufaʿʿil*, причастия страдательного залога – *mufaʿʿal*. Производящая порода – I. Основное значение – интенсивность действия, которая может быть качественной (*darraba* ‘сильно бить’ от *daraba* ‘бить, ударять’, *naffada* ‘вытряхивать’ от *nafada* ‘стряхивать’) и количественной. Количественная интенсивность действия, в свою очередь, может выражаться арифметически и геометрически. Арифмети-

чески интенсивность действия выражается через множественность: 1) повторений действия одним субъектом (*ṭawwafa* 'многократно обходить' от *ṭāfa* 'обойти кругом'); 2) субъектов, выполняющих действие (*mawwata* 'массово умирать, умирать в больших количествах' от *māta* 'умирать'); 3) объектов, на которые направлено действие (*gallaqa* 'запирать много (дверей, окон)' от *galaqa* 'запирать (дверь, окно)'). Геометрически интенсивность, являющаяся производной от арифметической, выражается через пространственное распространение действия: *farrāša* 'мостить' от *faraša* 'стелить'.

Естественным образом значение интенсивности преобразуется в значение каузативности: *ʿallama* 'обучать' от *ʿalima* 'знать'. По закону словообразовательной аналогии каузативные глаголы также образуются от тайгенов (см. Гордей 2000). При этом если семантика тайгена в сознании носителей языка не вызывает отрицательных эмоций, то каузативный глагол имеет значение «превращать в то или делать похожим на то, что обозначает однокоренной тайген»: *ṣahhaba* 'золотить' от *ṣahab* 'золото', *jayyaša* 'собирать войско' от *jayš* 'войско'. Если же семантика слова в сознании говорящих связана с отрицательными эмоциями, то соответствующий каузативный глагол приобретает значение «устранять то, что обозначает однокоренной тайген», например: *qažžā* 'удалять соринку (из глаза)' от *qažā* 'соринка', *marrada* 'устранять болезнь' от *maraḍ* 'болезнь'. Что касается последнего примера *marrada* 'устранять болезнь', то у него есть омоним – глагол *marrada* 'вызывать болезнь' с противоположной семантикой. Наличие такого омонима объясняется тем, что он произошел от глагола I породы *marida* 'болеть, быть больным'.

Значение каузативности часто преобразуется в значение декларативности: *kažžaba* 'считать лжецом, не верить, опровергать' от *kažaba* 'лгать'.

V порода. Формула глагола в перфекте – *tafaʿʿala*, масдара – *tafaʿʿul*, причастия действительного залога – *mutafaʿʿil*, причастия страдательного залога – *mutafaʿʿal*. Производящая порода – II, от которой глаголы V породы образуются при помощи основного показателя возвратности в арабском языке – префикса *ta-*. Таким образом, основное значение глаголов V породы – возвратность, например: *ṭawwara* 'развивать' от *taṭawwara* 'развиваться'.

Под возвратностью мы понимаем направленность действия на субъект. Действие может быть направлено субъектом на себя напрямую (как в приведенных примерах) или косвенно (*taṭallaba* 'добиваться для себя, требовать' от *ṭalaba* 'искать, просить, требовать'). И в том и другом случае это собственнo-возвратное значение, или возвратность в узком смысле. Семантика возвратности может быть неявной, если процессуальность знака проявляется в форме свойства, а не действия. Тогда говорят о медиальном, или среднем, значении, например: *taḥarraja* 'быть в стесненном положении, стесняться, обостряться (о положении)' от *ḥarraja* 'стеснять, запрещать'. Кроме того, возвратность может видоизменяться в пассивное значение, когда реальный объект действия играет в высказывании роль субъекта, например: *taʿaššara* 'испытывать влияние' от *ʿaššara* 'влиять'. Семантика большинства глаголов V породы совмещает в себе возвратное, медиальное и пассивное значения: *tanaqqala* 'передвигаться, перемещаться' (возвратное), 'быть передвижным' (медиальное), 'передаваться' (о новостях, слухах); *tanažžafa* 'чиститься' (возвратное или пассивное), 'быть вычищенным' (медиальное или пассивное).

Будучи образованными от тайгенов, глаголы V породы приобретают одно из двух значений. Первое из них – «превращать себя в то или делать себя похожим на то, что обозначает однокоренной тайген» (*tašayyaʿa* 'становиться шиитом' от *aš-šīʿah* 'шииты'). Это значение может видоизменяться и принимать вид «приближать себя к тому, что обозначено тайгеном» (*tabaḥḥara* 'направляться в море' от *baḥr* 'море') или «использовать то, что обозначено однокоренным тайгеном в свою пользу, для себя» (*tadayyara* 'использовать что-л. в качестве жилья' от *dār* 'дом'). Предлагаем для упрощения формулировок характеризовать приведенные значения как «совмещать себя с тем, что обозначено однокоренным тайгеном». Второе, противоположное значение – «удалять себя от того, что обозначено однокоренным тайгеном»: *taḥawwaba* 'избегать греха' от *ḥawb* 'грех'.

III порода. Формула глагола в перфекте – *fāʿala*, масдара – *fiʿāl/mufāʿalah*, причастия действительного залога – *mufāʿil*, причастия страдательного залога – *mufāʿal*. Производящая порода – I. Основное значение – конативность, характеризующая действия, в исходе которых субъект особенно заинтересован, и поэтому прилагает максимум усилий при их совершении по отношению к объекту. У конативных, или тендентивных, или конативно-тендентивных (термины введены в научный оборот Ю.С. Масловым (см. Маслов 2004)) знаков семантика процессуальности, направленной на достижение предела, дополняется модальным признаком желания, стремления, попытки. Конативные глаголы обозначают условно взаимные действия: в них могут участвовать только несколько (2 и более) индивидов, но активная роль принадлежит лишь одному из них. Что касается другого/других индивидов, то он/они также являются участниками действия, так как в противном случае данное значение глагола III породы теряет свой смысл. Однако в значении глагола не показывается, реагируют ли они на это действие, совершают ли они ответное действие. Важно, что конативные глаголы III породы передают действия, имеющие своей целью вызвать ответное действие. Было ли ответное действие совершено на самом деле, в значении глагола не передается. Следовательно, грамматически эти гла-

голы в арабском языке всегда переходны: *jālasa* 'сидеть с кем-л.' от *jalasa* 'сидеть', *hāsana* 'обращаться с кем-либо грубо' от *hāsuna* 'быть грубым', *gālaba* 'стараться победить' от *galaba* 'побеждать'.

Как видно из примеров, если производящий глагол I породы является непереходным и выражает внутреннее состояние индивида или действие, направленное индивидом на самого себя, то соответствующий глагол III породы является переходным без ярко выраженной конативности. Если же производящий глагол I породы является переходным и обозначает действие, направленное на объект, тогда конативное значение соответствующего глагола III породы очевидно. Кроме того, значение конативности может исчезать вовсе: *sāeada* 'помогать', *sāfara* 'путешествовать'.

Иногда значение конативности преобразуется в возвратно-медиальное значение, когда индивид становится носителем какого-либо состояния из-за влияния на него состояния или действий другого индивида: *kābada* 'терпеть, переносить страдания' от *kabada* 'отягощать, мучить', *qāsā* 'терпеть, переносить' от *qasā* 'быть твердым, суровым'.

При образовании от тайгенов глаголы III породы имеют значение «совмещать себя или другого индивида с тем, что обозначено однокоренным тайгеном», например: *eāyana* 'видеть своими глазами' от *eyn* 'глаз', *sāhala* 'направляться к берегу' от *sāhil* 'берег', *eāfā* 'делать здоровым, восстанавливать здоровье' от *eafiyah* 'здоровье'.

VI порода. Формула глагола в перфекте – *tafāeala*, масдара – *mufāealah*, причастия действительного залога – *mufāeal*, причастия страдательного залога – *mufāeal*. Производящая порода – III, от которой глаголы VI породы образуются при помощи показателя возвратности – префикса *ta-*. В связи с тем что глаголы III породы обозначают конативные действия субъекта, направленные на объект, глаголы VI породы с производным значением возвратности обозначают действия, направленные субъектом на самого себя косвенно через объект.

Главная составляющая семантики VI породы – это смена ролей индивидов, поэтому знаки VI породы можно охарактеризовать как обозначающие взаимно-массовые действия, например: *taqābala* 'идти друг другу навстречу' от *qābala* 'встречать кого-либо', *tabayaea* 'заключать между собой торговые сделки' от *bāyaea* 'заключать с кем-л. торговую сделку'.

Если субъект/субъекты и объект/объекты действия рассматриваются как совокупность, как единое целое, т. е. смена ролей индивидов не происходит, то глаголы VI породы приобретают значение прямой (не опосредованной объектом) возвратности, иногда дополненное значением постепенности действия: *taṣāeada* 'клубиться (о дыме)' (наряду с 'подниматься вместе с другими'), *tasā'ala* 'спрашивать самого себя' (наряду с 'задавать друг другу вопросы'), *tasāqaṭa* 'постепенно опадать (о листьях)' (наряду с 'падать вместе с другими').

Если значение возвратности очевидно, то оно, как и в случае с V породой, совмещается с медиальным и страдательным значением: *taeāzama* 'становиться великим' (медиальность) – 'считать себя великим, гордиться' (возвратность) – 'слыть великим, считаться другими великим' (пассивность).

Конативность в сочетании с возвратностью у глаголов VI породы, образованных по закону словообразовательной аналогии от глаголов I (а не III) породы, обозначающих состояние, оформляется в значение «симуляция состояния»: *tamāraḍa* 'притворяться больным' от *marīḍa* 'быть больным', *tajāhala* 'притворяться незнающим, игнорировать' от *jahlila* 'не знать'.

IV порода. Формула глагола в перфекте – *ʾafeala*, масдара – *ʾifeāl*, причастия действительного залога – *mufeil*, причастия страдательного залога – *mufeal*. Производящая порода – I. Основное значение – каузативность (значения «побудить к совершению действия, допустить совершение действия», «вызвать состояние, допустить наличие состояния» или «придать качество»). При этом если производящим является непереходный глагол действия, состояния или качества, то соответствующий глагол IV породы приобретает значение переходности, например: *ʾajlasa* 'усаживать' от *jalasa* 'сесть, сидеть', *ʾahzana* 'печалить' от *hazīna* 'быть печальным, печалиться', *ʾaqṣara* 'укорачивать' от *qaṣura* 'быть коротким'. Если же производящим является переходный глагол действия или состояния, то соответствующий глагол IV породы в качестве значения получает двойную переходность: *ʾanṣaqa* 'давать (кому-л.) понюхать (что-л.)' от *naṣīqa* 'вдыхать', *ʾaktaba* 'заставлять (кого-л.) писать (что-л.), диктовать (кому-л. что-л.)' от *kataba* 'писать'.

При образовании от глаголов состояния или качества глаголы IV породы могут иметь значение декларативности («считать кого-л./что-л. кем-л./чем-л./каким-л.», «найти, что кто-л./что-л. находится в каком-л. состоянии»): *ʾajbana* 'считать трусом' от *jabuna* 'быть трусом'.

Каузативное воздействие может проявляться в самом объекте. В этом случае глаголы IV породы обозначают состояние или становление состояния, например: *ʾahṣaba* 'становиться плодородным' от *haṣība* 'быть плодородным'. При дальнейшем развитии каузативности глагол начинает обозначать действие или состояние, проявление которых направлено вовне: *ʾafṣaha* 'ясно выражаться, говорить на хорошем языке' от *faṣuḥa* 'быть красноречивым', *ʾahsana* 'делать что-л. хорошо' от *hasuna* 'быть хорошим'.

Глаголы IV породы, образованные от тайгенов, имеют значение: 1) «порождать то, что обозначено однокоренным тайгеном»: *ʾaṣmara* 'приносить плоды' от *ṣamar* 'плоды', *ʾawraqa* 'покрываться листвой' от

waraq 'листа'; 2) «устранять то, что обозначено однокоренным тайгеном», например: *'aqlaba* 'удовлетворить требование, отвечать согласием на просьбу' от *ṭalab* 'просьба, требование'; 3) «совмещать себя с тем, что обозначено однокоренным тайгеном», например: *'ajbala* 'направляться в горы' от *jabal* 'гора', *'aṣbaha* 'быть где-л. утром, делать что-л. утром'.

X порода. Формула глагола в перфекте – *'istafēala*, масдара – *'istifēāl*, причастия действительного залога – *mustafēil*, причастия страдательного залога – *mustafēal*. Производящая порода – IV. Основное значение – косвенная возвратность (значение «привлечь что-л. к себе, сделать что-л. для себя»), часто неразрывно связанная с медиальностью и часто с оттенком старания, например: *'istaēadda* 'готовиться, снаряжаться, быть готовым' от *'aēadda* 'приготовлять', *'istahraja* 'извлекать, добывать' (букв. 'прилагать старания, чтобы добиться выхода') от *'ahraja* 'выводить', *'istagfara* 'просить извинения' (букв. 'привлечь к себе извинение') от *gafara* 'прощать', *'istayqaṣa* 'просыпаться' (букв. «привлечь к себе состояние бодрствования») от *yaqīṣa* 'бодрствовать'.

Аналогичное значение имеют и глаголы, образованные от тайгенов: *'istawzara* 'назначить кого-л. визирем, взять себе в визири' от *wazīr* 'визирь'.

Естественным образом это значение косвенной возвратности трансформировалось в значение декларативности, однако, как правило, оттенок возвратности сохраняется: *'istahsana* 'считать хорошим, красивым' (наряду с 'одобрять') от *ḥasuna* 'быть хорошим, красивым'.

И наконец, при образовании от тайгенов глаголы X породы имеют значение «совместить себя с тем, что обозначено однокоренным тайгеном», которое чаще всего выступает в форме «превратиться в то или стать похожим на то, что обозначено однокоренным тайгеном»: *istahjara* 'окаменеть, стать подобным камню' от *ḥajar* 'камень'.

VII порода. Формула глагола в перфекте – *'infāala*, масдара – *'infēāl*, причастия действительного залога – *munfāil*. Производящая порода – I, от которой глаголы VII породы образуются при помощи префикса *'in-* – показателя возвратности в семитских языках наряду с *ta-*. Основные значения: возвратность, медиальность, пассивность, между которыми в арабском языке нет очевидной разницы, например: *'infarada* 'выделяться, сделать себя отделенным от других' (возвратность) – 'быть единственным, отдельным' (медиальность) – 'быть отделенным от других' (пассивность) от *farada* 'быть отдельным'.

VIII порода. Формула глагола в перфекте – *'iftāala*, масдара – *'iftiēāl*, причастия действительного залога – *muftāil*, причастия страдательного залога – *muftāal*. Производящая порода – I, от которой глаголы VIII породы образуются при помощи показателя возвратности префикса *ta-*, который «в результате метатезы превращается в инфикс и занимает место после первого коренного согласного» (Гранде 2000, 131). Основные значения: косвенная возвратность (с оттенком «делать что-л. для себя»): *'ijtamāa* 'собираться' от *jamāa* 'собирать', *'inqaṭafa* 'срывать плоды для себя' от *qaṭafa* 'срывать плоды'. Значение возвратности может пересекаться со значениями медиальности и пассивности, например: *'intaṣara* 'расходиться во все стороны, распространяться' (возвратность) – 'быть распространенным' (медиальность) – 'быть распространенным кем-л.' (пассивность) от *naṣara* 'распространять'.

Кроме того, значение «делать что-л. для себя» может быть представлено посредством глагола с семантикой более осознанного, активного, акцентированного действия. Ср., например: *'iktasaba* 'приобретать, добывать что-л. (для себя)' (в результате своей деятельности, своих исканий) – *kasaba* 'приобретать, добывать' (независимо от своих усилий).

При образовании от тайгенов глаголы VIII породы получают значение «брать для себя что-л. в качестве того, что обозначено однокоренным тайгеном»: *'iṭṭabaḥa* 'брать для себя в качестве вареной пищи' от *ṭabīḥ* 'вареная пища'.

IX порода. Формула глагола в перфекте – *'ifēalla*, масдара – *'ifeilāl*, причастия действительного залога – *mufēall*. Производящими считаются тайгены со значением «иметь какой-л. цвет или физический недостаток». Основное значение – проявление цвета или физического недостатка, выраженного в однокоренных тайгенах, обозначающих цвет или физический недостаток: *'ihmarra* 'краснеть' от *'ahmar* 'красный', *'ihdabba* 'становиться горбатым' от *'ahdab* 'горбатый'.

Исходно-семантический анализ

Мы выделили основные значения процессуальных знаков производных пород: интенсивность (II), каузативность (II, IV), декларативность (II, IV, X), конативность (III), возвратность (V, VI, VII, VIII, X), медиальность (V, VI, VII, VIII), пассивность (V, VI, VII, VIII). Семантика ёгенов (см. Гордей 2000), образованных от тайгенов, является вторичной по сравнению с семантикой ёгенов, образованных от ёгенов, поэтому значения, связанные с тайгенами, нами не рассматриваются как основные. Кроме того, не будем вновь касаться значения IX породы в связи с семантическими ограничениями ее образования.

Интенсивность в том виде, в каком она представлена в семантике II породы, характеризует только II породу и производную от нее возвратную V породу. Значение интенсивности может быть неочевидным или исчезать вовсе. Но важно, что именно интенсивность стала той семантической характеристикой, на основании которой была выделена II порода и которая отличает (точнее, отличала изна-

чально) возвратные процессуальные знаки V породы от возвратных процессуальных знаков других пород. Часто производящим для V породы является глагол I породы, от которого глагол V породы образовался по аналогии. Тем не менее производящим значением для глагола V породы является потенциальное, теоретически выводимое значение не существующего или не использующегося глагола II породы.

Значение каузативности является категориальным для IV породы, вся семантика которой строится именно на нем, в отличие от II породы, для которой это значение является производным от значения интенсивности.

Декларативность II, IV и X пород – это производное значение, следовательно, оно не является категориальным ни для одной из них.

Значение конативности присутствует только у III породы и, так или иначе, присутствует в семантике производной возвратной VI породы, наиболее ярко проявляясь в значениях постепенности развития действия и симуляции действия.

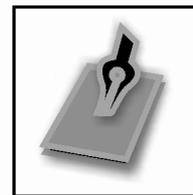
Возвратность VII породы является нейтральным значением без дополнительных оттенков, поэтому она характеризует VII породу наравне с медиальностью и пассивностью. VIII порода имеет возвратное значение с оттенком старания, осознанности действия, которое также может совмещаться с медиальностью и пассивностью. Что касается X породы, то преобладающий оттенок в ее семантике возвратности «делать что-л. себе, для себя» исключает значения медиальности и пассивности.

ЛИТЕРАТУРА

- Гордей А. Н. Части языка вместо частей речи // Язык. Глагол. Предложение. Смоленск, 2000. С. 258–271.
Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 2001.
Ма слов Ю. С. Избранные труды: аспектология, общее языкознание. М., 2004.

Поступила в редакцию 30.09.11.

Ольга Сергеевна Скалозубова – аспирантка кафедры языкознания и страноведения Востока. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой языкознания и страноведения Востока А.Н. Гордей.

Б.Л. ЗАЛЕСКИЙ

МАСС-МЕДИА И РАЗВИТИЕ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Рассматриваются роль и место международного сегмента журналистики в развитии единого информационного пространства, построении глобального информационного общества и анализируются пути вхождения национальных средств массовой информации в мировой информационный контекст.

The study is conducted on the role and the place of the international segment of journalism in the development of the common informational space, building the global informational society and the ways of entering the world international context by the national mass media are analyzed.

Проблемное поле международного сегмента современной белорусской журналистики весьма разнообразно. Одним из важнейших направлений исследований в нем является *развитие единого информационного пространства и пути вхождения национальной журналистики в мировой информационный контекст* (Дасаева, Залесский 2011, 63). Сегодня, когда повсеместно происходит переход от индустриальной к информационной ориентации развития экономики и общества, именно *глобальные информационные системы связывают мир в единое целое и делают все государства информационно взаимозависимыми, заставляя проявлять максимум внимания к качеству информационного взаимодействия в различных сферах жизнедеятельности общества* (Концепция 1996). Задача, которая стоит перед Республикой Беларусь по вхождению в глобальное информационное общество, заключается в выявлении путей и расширении таких возможностей, которые позволили бы ей извлечь максимум выгод из развития мировой информационной инфраструктуры, отличающейся стремительным наступлением информационно-коммуникационных технологий.

Еще Всеобщая декларация прав человека (ст. 19) провозгласила право человека *искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ* (Всеобщая декларация 1948). А сегодня объектом глобального информационного пространства является *глобализация в ее динамике, становление единого взаимоинформированного мира, в котором человечество получает и передает информацию независимо от национальных границ... Глобальное информационное пространство является системой, объединяющей историко-социальные пути развития человечества с различными правовыми системами* (Никонов 2006).

В «Окинавской Хартии глобального информационного общества» – программном документе развития единого информационного пространства и построения глобального информационного общества – *информационно-коммуникационные технологии названы одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества двадцать первого века. Их революционное воздействие касается образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества... Информационно-коммуникационные технологии быстро становятся жизненно важным стимулом развития экономики... Перед всеми нами открываются огромные возможности* (Окинавская Хартия 2000). И уже в процессе формирования нового информационного общества *постепенно модернизируются способы и методы распространения и обмена информацией, сжимается время, размываются национальные границы и барьеры, радикально меняется структура мирового информационного пространства, экономики, торговли, финансов, других сфер человеческой жизнедеятельности, отмечается интенсивная гомогенизация мировоззрения людей и человеческих ценностей, универсализация культуры и культурных моделей, усиливается динамизм и обостряется конкуренция* (О Концепции формирования 2008).

Еще одним следствием развития единого информационного пространства на планете является заметное ускорение процесса трансформации международных отношений, изучением и анализом которых в числе других социально-гуманитарных дисциплин занимается и международная журналистика, учитывающая, что построение информационного общества – одно из центральных направлений развития человечества. В центре концепции информационного общества находится человек со всем многообразием его интересов (см. Декларация 2002). Исходя из того, что активное формирование глобального информационного общества уже реально влияет на *определение места государств в международном разделении труда и геополитическую расстановку сил, их участие в мировом технологическом и социальном прогрессе, а также демонстрирует своего рода «приобщенность» к человеческой цивилизации* (Инновационные направления 2010, 70), сегодня надо комплексно оценивать необходимость непосредственной, разносторонней и ускоренной вовлеченности в глобальные информационные процессы. Для Беларуси это может означать создание условий для экономического роста, интенсивного включения белорусского государства в мировые интеграционные процессы, в формирующееся информационное пространство. В этой связи важным становится развитие национальной информационной инфраструктуры и форм участия в становлении глобального информационного общества.

Сегодня проблема кроется в неравенстве доступа к информации в экономике, культуре, социальном развитии между развитыми и развивающимися государствами в целом и отдельными странами в этих группах. Еще в 2003 г. в рамках первого этапа всемирной встречи на высшем уровне по информационному обществу в Женеве было зафиксировано общее понимание того, что использование информационно-коммуникационных технологий *должно строиться с соблюдением общепризнанных прав человека, не подрывать свободу доступа к информации и не ограничивать деятельность средств массовой информации* (Декларация принципов 2003). В этой Декларации содержался призыв к масс-медиа ответственно использовать и подавать информацию в соответствии с высшими этическими и профессиональными стандартами. А в политическом итоговом документе второго этапа всемирной встречи на высшем уровне по информационному обществу, проходившего в 2005 г. в Тунисе, говорится также о необходимости активного и эффективного сотрудничества на международном, региональном и национальном уровнях в целях построения глобального информационного общества и развития единого информационного пространства, так как Интернет как основной элемент инфраструктуры информационного общества уже фактически вышел из рамок инструмента научных исследований и превратился в публичный ресурс глобального масштаба, требующий новых подходов (см. Тунисское обязательство 2005), в том числе и со стороны средств массовой информации. *Ведь заслуженно или незаслуженно, но именно масс-медиа (журналистика, реклама и публик рилейшнз) рассматриваются сейчас в качестве ведущего компонента информационного пространства* (Дзялошинский 2002).

Считается, что единое информационное пространство состоит из таких основных компонентов, как информационные сетевые ресурсы, информационная инфраструктура, нормативные правовые акты, организационные и информационные документы, регулирующие деятельность и взаимоотношения между его участниками. В данном случае нас больше всего интересует информационная инфраструктура, в состав которой входят средства информационного взаимодействия граждан и организаций, обеспечивающие им доступ к информационным ресурсам и оказывающие свое определяющее влияние на формирование общественного сознания – мировоззрение, политические взгляды, моральные и этические ценности; процесс принятия политических решений, во многом зависящий от качества и своевременности их информационного обеспечения; информирование государственными органами населения об общественно-политических и социально-экономических аспектах жизни страны; участие общественных объединений в пропаганде своих взглядов в средствах массовой информации.

Если говорить о представленности национальных средств массовой информации в глобальном информационном пространстве как об одном из путей вхождения национальной журналистики в мировой информационный контекст, то здесь, судя по всему, речь может идти о двух векторах: возможном приходе в национальное информационное пространство зарубежных медийных институтов и очевидной трансформации характера традиционных внутристрановых средств массовой информации с учетом требований глобализации, в том числе включенности их в Интернет. С точки зрения белорусской международной журналистики наибольший исследовательский интерес представляет, конечно, второе направление, осуществление которого требует повышения профессионализма и мастерства отечественных журналистов-международников. Их творчество должно быть направлено на реализацию четкой стратегии по адаптации белорусской аудитории к глобальному экономическому, политическому, социальному, духовному пространству; знакомство с укладом зарубежной жизни в различных областях, обеспечивая при этом гуманистические и демократические ориентиры информационной политики.

Международная журналистика также должна учитывать двоякий характер современного информационного пространства. С одной стороны, оно должно расширить возможности, позволяющие извлечь

максимум выгод из существующей мировой информационной инфраструктуры. Тем более что в числе основных национальных интересов белорусского государства в информационной сфере присутствуют формирование и поступательное развитие информационного общества, равноправное участие Республики Беларусь в мировых информационных отношениях, преобразование информационной индустрии в экспортно-ориентированный сектор экономики. Но, с другой стороны, к числу основных потенциально либо реально существующих угроз национальной безопасности Беларуси можно отнести недостаточные масштабы и уровень внедрения передовых информационно-коммуникационных технологий, а также снижение или потерю конкурентоспособности отечественных информационных ресурсов и национального контента, открытость и уязвимость белорусского информационного пространства от внешнего воздействия, препятствование распространению национального контента за рубежом (см. Концепция национальной безопасности 2010).

В такой ситуации для решения основных задач, стоящих перед белорусской журналистикой и ее международным сегментом, необходимо расширение каналов и повышение качества информирования зарубежной общественности о последовательной и сбалансированной многовекторной внешней политике белорусского государства, основанной на принципах взаимоуважения, равенства, невмешательства в дела других государств, а также развитие по периметру внешних границ Беларуси пояса добрососедства во всех его измерениях, в том числе информационном, доведение до широких слоев мировой общественности объективной информации о Республике Беларусь и ее позиции по основным международным проблемам, о белорусских внешнеполитических инициативах.

Это тем более важно, если учесть, что средства массовой информации в современном обществе играют роль агента социализации, выполняют задачу создания единого информационного пространства, что особенно актуально в условиях переходного периода общественного развития, так как *без их активной деятельности невозможно изменить политическое сознание, ценностные ориентации и цели широких слоев населения и добиться массовой поддержки социально-экономических и политических преобразований* (Котлярова 2009, 151).

Возвращаясь к тезису о необходимости трансформации белорусских средств массовой информации с учетом включения их в Интернет и требований зарубежного рынка, отметим: чтобы этого добиться, следует повысить достоверность, оригинальность, эксклюзивность информации, которую надо готовить по близким и понятным темам – прежде всего существующего и перспективного международного сотрудничества не только на уровне государства, но и регионов, отраслей, ведомств, концернов, конкретных субъектов хозяйствования. И делать это надо, основываясь на понятных и привычных зарубежному потребителю международных стандартах. Философия такого конструктивного интегрирования в мировое информационное сообщество при этом должна ориентироваться на будущее, а не на прошлое, рассматривать вызовы как возможности, а не только как угрозы, делать упор на то, что объединяет с другими странами, а не разъединяет. Тем более что глубина подобной интеграции определяется не только уровнем политического или экономического взаимодействия, но и гуманитарной близостью государств или характером коммуникации их рядовых граждан, интенсивностью родственных и личных связей, общими ценностями, культурной близостью. В свою очередь, гуманитарная близость в современном мире обусловлена единством информационного пространства или общностью основных источников информации, сходством информационного контента. В итоге получается, что информационное пространство *оказывает существенное влияние на формирование ценностных ориентаций человека, его мировоззрение, историческое сознание, а также на национальные и страновые симпатии или антипатии и интеграционные ориентации* (Единая интернациональная медиасфера 2010, 1). А одной из мощнейших составляющих информационного пространства, как это уже отмечалось, является совокупность средств массовой информации – медиасфера. Это говорит о том, что структура национальной медиасферы в каждой стране служит важным фактором вхождения в мировое информационное пространство, работающим либо на интеграционную составляющую этих процессов, либо против них. В решении данной дилеммы многое зависит от состояния международного сегмента национальной журналистики любой страны, профессионализма и компетентности журналистов-международников, которыми с развитием процессов глобализации де-факто становятся практически все творческие работники масс-медиа, но далеко не каждый из которых понимает, какую ответственность несет с собой глобализация средств массовой информации – *эта высшая степень интернационализации СМИ, подразумевающая не только выход национальных СМИ за пределы национальных границ, но и расширение их действия до глобального* (Ровинская 2007, 80). В глобализации кроются большие возможности в плане расширения информационного обмена, налаживания новых коммуникационных каналов для распространения информации на рынках ближнего и дальнего зарубежья. Но очевидно и другое: для практиков и исследователей международной журналистики эта тема является еще мало изученной в силу объективных временных причин. Не вызывает сомнения тот факт, что на международный уровень белорусские национальные, региональные и отраслевые масс-медиа только начинают выходить. И с самого начала этот путь в

мировой информационный контент должен стать дорогой сотрудничества с партнерами из других стран и международных организаций, что предусматривает использование зарубежной информации для формирования отечественных информационных ресурсов и одновременно организацию экспорта собственных ресурсов. Успешное решение этих задач при их последовательном и системном воплощении создаст условия для адекватного ответа на глобальные информационные вызовы и повысит имидж Республики Беларусь в мировом информационном пространстве.

Определенные шаги в этом направлении делаются. В частности, развитие внешних связей в сфере информации и печати является одной из приоритетных задач деятельности Министерства информации Республики Беларусь, которое осуществляет международное сотрудничество в таких направлениях, как *создание договорной базы и практическая реализация соглашений, взаимодействие с международными организациями, международная выставочно-ярмарочная деятельность, работа с объединениями соотечественников за рубежом* (Международное сотрудничество 2011). Заключены десять двусторонних межправительственных соглашений о сотрудничестве в сфере печати и информации между правительством Республики Беларусь и правительствами Российской Федерации, Украины, Казахстана, Армении, Молдовы, Сирии, Египта, Кипра, Судана, Объединенных Арабских Эмиратов. Также подписано соглашение о сотрудничестве в области информации и печати между Министерством информации Республики Беларусь и пресс-канцелярией Государственного Совета КНР.

Здесь уместно напомнить, что в настоящее время Республика Беларусь поддерживает дипломатические отношения со 169 государствами мира, в 50 из которых открыто 62 дипломатических и консульских представительства, не считая 13 отделений посольств (см. Внешняя политика Беларуси 2011). Если исходить из того, что *Беларусь открыта к взаимодействию со всеми, кто так же искренне, как мы, этого желает* (Наш исторический выбор 2010) и ставит цель развивать с зарубежными партнерами максимально возможное сотрудничество, в том числе и в информационной сфере, то приведенный выше уровень международного информационного сотрудничества нашей страны выглядит весьма скромно как по географии, так и по формам взаимодействия. Возможно, это происходит и по той причине, что продукция средств массовой информации *на белорусском рынке в системе предприятий Министерства информации (госсектор) не квалифицируется как ориентированная на экспорт. Вывозятся газеты и журналы из негосударственного сектора или продукция вневедомственных изданий... За пределами Республики Беларусь бесплатно распространяются государственные издания только представительского характера, т. е. малая часть всех потенциально пригодных для экспорта государственных изданий* (Толстик 2010, 32). Получается, что названные выше правительственные соглашения об обмене информацией пока во многом заменяют экспорт медиаторов, что едва ли можно назвать полноценным эквивалентом.

В Республике Беларусь развитие информационного общества рассматривается как общенациональная задача, требующая объединения усилий государства, бизнеса и всех граждан. Периодические издания, в том числе и электронные, являясь основными технологическими составляющими системы массовых коммуникаций, призваны внести свой вклад в реализацию приоритетных направлений международного сотрудничества белорусского государства по вопросам построения информационного общества, активно включиться в обсуждение проблем формирования глобального информационного пространства, содействовать развитию международного и межгосударственного обмена и принимать участие в международных проектах по развитию информационного общества. Требуется проведение специальной информационной кампании по популяризации идей и целей информационного общества – такая задача поставлена перед белорусскими масс-медиа в «Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года» (см. Стратегия 2010), которая обязывает ко многому. И прежде всего к тому, чтобы отвечать в полной мере требованиям глобальной информационной открытости, ибо это является необходимым условием стабильного развития страны и ее последующей полноценной интеграции в мировую экономику.

ЛИТЕРАТУРА

- Внешняя политика Беларуси [Электронный ресурс]. 2011. Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/>. Дата доступа: 21.06.2011.
- Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]. 1948. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. Дата доступа: 20.06.2011.
- Дасаева Т.Н., Залесский Б.Л. Журналистика глобального сообщества // Вестн. БДУ. Сер. 4. № 1. 2011. С. 61–64.
- Декларация Бишкекско-Московской конференции по информационному обществу [Электронный ресурс]. 2002. Режим доступа: http://www.un.org/russian/conferen/whsis/bish_moscdclaration.pdf. Дата доступа: 18.06.2011.
- Декларация принципов построения информационного общества: глобальный вызов в новом тысячелетии [Электронный ресурс]. 2003. Режим доступа: http://www.mcbs.ru/data/documents/Documents/declaratsia_principov.pdf. Дата доступа: 18.06.2011.
- Дзялошинский И.М. Интеграционные процессы в современных российских медиасистемах, или что происходит в российском информационном пространстве [Электронный ресурс]. 2002. Режим доступа: http://www.library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=181&c_id=1144. Дата доступа: 19.06.2011.
- Единая интернациональная медиасфера как фактор гуманитарной интеграции на постсоветском пространстве. Концепция социологического исследования. М., 2010.
- Инновационные направления современных международных отношений / Под общ. ред. А.В. Крутских, А.В. Бирюкова. М., 2010.

- Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. 2010. Режим доступа: <http://www.mod.mil.by/консер.html>. Дата доступа: 18.06.2011.
- Концепция формирования информационного пространства Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. 1996. Режим доступа: <http://www.medialaw.ru/exussrlaw/l/sng/41.html>. Дата доступа: 20.06.2011.
- Котлярова С. В. Воздействие СМИ на формирование массового сознания // Материалы XXXVIII науч.-техн. конф. по итогам работы профессорско-преподавательского состава СевКавГТУ за 2008 год. Ставрополь, 2009. Т. 2.
- Международное сотрудничество [Электронный ресурс]. 2011. Режим доступа: http://www.mininform.gov.by/rus/activity/int_co_operation/. Дата доступа: 21.06.2011.
- Наш исторический выбор – независимая, сильная и процветающая Беларусь: Доклад Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на четвертом Всебелорусском народном собрании // СБ. Беларусь сегодня. 2010. 7 дек. С. 1–9.
- Никонов С. Б. Глобализация информационного пространства – объективная закономерность развития человеческого общества [Электронный ресурс]. 2006. Режим доступа: http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/news/dek/2008/01/2008-01_g_dek-s3.html. Дата доступа: 21.06.2011.
- Окинавская Хартия глобального информационного общества [Электронный ресурс]. 2000. Режим доступа: <http://www.iis.ru/library/okinawa/charter.ru.html>. Дата доступа: 18.06.2011.
- О Концепции формирования и развития единого информационного пространства казахстанского сегмента сети Интернет на 2008–2012 [Электронный ресурс]. 2008. Режим доступа: <http://medialaw.asia/book/export/html/1009>. Дата доступа: 18.06.2011.
- Ровинская Т. Интернационализация и глобализация средств массовой информации // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 6. С. 80–93.
- Стратегия развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года [Электронный ресурс]. 2010. Режим доступа: <http://www.pravo.by/pdf/2010-197/2010-197%28010-023%29.pdf>. Дата доступа: 17.06.2011.
- Толстик И. А. Медиафера в системе международной интеграции. Мн., 2010.
- Тунисское обязательство [Электронный ресурс]. 2005. Режим доступа: <http://www.pravo.by/leginform/pdf/0205/80-83.pdf>. Дата доступа: 18.06.2011.

Поступила в редакцию 05.07.11.

Борис Леонидович Залесский – доцент кафедры зарубежной журналистики и литературы Института журналистики БГУ.

М.В. АЛЯШКЕВИЧ

ЛІТАРАТУРНАЯ КРЫТЫКА ПАМІЖ ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВАМ, ЖУРНАЛІСТЫКАЙ І МАСТАЦТВАМ: ЗМЯСТОЎНА-СТЫЛЯВАЯ І ФУНКЦЫЯНАЛЬНАЯ СПЕЦЫФІКА

Посвящена описанию содержательной, стилистической и функциональной специфики литературно-критической деятельности. Предложен краткий обзор мнений исследователей о специфике литературно-критической деятельности, формулируется интегральное определение литературной критики. На основании анализа материалов отечественных СМИ, а также корпуса научных источников обозначены границы понятий «литературная критика», «литературная журналистика».

The article explores content, style and functional specifics of literary critics in order to distinguish it from literature theory, journalism and creative writing. In the article different approaches to description of literary critics are indicated, integral definition of literary critics is formulated. On the grounds of analyses of Belarusian mass-media as well as the body of scientific sources the author verifies the definitions of «literary critics» and «literary journalism».

Размежаванне літаратурнай крытыкі, літаратуразнаўства і журналістыкі пра літаратуру, прадстаўленых у сённяшніх СМІ, праблематызуецца ў сітуацыі пошуку эфектыўных спосабаў уздзеяння на чытача, новых формаў адлюстравання літаратурнага працэсу, прыстасавання да зменлівай інфармацыйнай прасторы.

Вызначэнню спецыфікі літаратурна-крытычнай дзейнасці надавалі ўвагу многія даследчыкі. Так, яшчэ В. Бялінскі вызначаў крытыку як разгляд, скіраваны наўпрост на прыгожае («изящное»), пры гэтым крытычны разгляд, які мае сваім прадметам не прыгожае, а штосьці, што мае дачыненне да прыгожага, прапаноўваецца называць не крытыкай, а палемікай (гл. Белинский 1948).

Крытыку як сплаў навуковага і мастацкага пачаткаў вывучае Б. Ягораў (гл. Егоров 1980, 11); С. Чупрынін вылучае тры тыпы крытыкаў: «крытык-навуковец», «крытык-мастак», «крытык-публіцыст» (гл. Чупринин 1993, 9), якія амаль супадаюць з тыпамі, вылучанымі раней В.М. Озеравым: крытык-публіцыст, крытык, заглыблены ў эстэтычную сутнасць літаратуры, крытык з перавагай тэарэтычнага складу мыслення (гл. Озеров 1972, 17). Б. Менцэль адзначае ў крытыцы публіцыстычны, філалагічны (акадэмічны) і белетрызаваны метады, прытым публіцыстычнаму ўласціва простая, прагматычная і звязаная з грамадскай праблематыкай аргументацыя, сканцэнтраваная не на творчых, мастацкіх, а на сацыялагічных, інстытуцыйных або асобасных аспектах літаратуры (гл. Менцель 2006, 123). Беларускія аўтары разважаюць пра межы крытыкі з публіцыстыкай, навукай і літаратурай: «...адносячы крытыку да публіцыстыкі, навукі ці літаратуры, даследчыкі вымушаны рабіць пры гэтым пэўныя агаворкі. <...> Ад крытыкі не адымеш ні навуканасці, ні публіцыстычнасці, ні мастацкасці» (Грамадчанка, Гурская, Гарэлік 1996, 8), што гаворыць пра разнапланавасць крытыкі, яе «здольнасць працаваць на сумежжы з іншымі родамі творчай дзейнасці» (Там жа, 10).

Падчас аналізу літаратурна-крытычных матэрыялаў айчынных СМІ намі было выяўлена тры корпусы тэкстаў пра літаратуру, адрозныя па шэрагу параметраў, такіх як глыбіня, фокус і аб'ектыўнасць аналізу, спосабы аргументацыі, стыль і аб'ём выказвання. Першы корпус складаюць інфармацыйныя і

(радзей) аналітычныя тэксты пра падзеі літаратурнага жыцця – выхад і прэзентацыі новых выданняў, абставіны жыцця пісьменнікаў, выдаўцоў, прадстаўнікоў іншых звязаных з літаратурай прафесій, уручэнне прэмій, правядзенне канферэнцый, дзейнасць творчых арганізацый і суполак, кнігарняў і выстаў і г. д. Сукупнасць матэрыялаў на літаратурную тэматыку, мэта якіх – інфармаванне чытача, а таксама дзейнасць журналістаў, скіраваную на напісанне такіх матэрыялаў, усё часцей называюць **літаратурнай журналістыкай**. Магчымымі прычынамі прымянення да гэтага корпуса тэкстаў азначэння «літаратурная журналістыка» нам бачыцца тэматычная акрэсленасць падобных матэрыялаў, эканомія моўных сродкаў (варыянт «сукупнасць журналісцкіх матэрыялаў пра літаратуру» даўжэйшы), наяўнасць іншых тэматычна абумоўленых азначэнняў – напрыклад, «тэатральная журналістыка» (тэрміналагічнае ўдасканаленне даследчыка тэатральнай журналістыкі Т.Д. Арловай (падрабязней гл.: Орлова 2001), «спартыўная журналістыка». У той жа момант выкарыстанне азначэння «літаратурная журналістыка» ў якасці тэрміна ўяўляецца нам праблемным, паколькі ўздымае пытанне пра іншыя, апроч тэматычных, устойлівыя тыпаўтваральныя прыкметы азначанай тэрмінам з’явы. Таксама ўзнікае праблема аманіміі тэрміна: інтэрнэт-крыніцы даюць азначэнне «літаратурная журналістыка» для жанру, пры якім рэпарцёрская фактура афармляецца ў пісьменніцкай стылістыцы з прымяненнем традыцыйных літаратурных прыёмаў (гл., напрыклад: <http://formennyj-istochnik.tk/glava/zhurnalistska>, інфармацыя пра літаратурную журналістыку з гэтага рэсурсу дублюецца ў інтэрнэт-энцыклапедыі (<http://ru.wikipedia.org/wiki>) і з’яўляецца, на нашу думку, адаптацыяй адпаведнага англамоўнага тэрміна, які стала ўжываецца і нават дае назву адпаведным навучальным дысцыплінам на Захадзе (гл., напрыклад: <http://www.humanities.uci.edu/litjourn/courses/index.php>). Пытанне суаднясення жанравых вызначэнняў «літаратурная журналістыка» і «дакументальная проза» застаецца адкрытым. У рускамоўнай традыцыі таксама сустракаецца выкарыстанне азначэння «літаратурная журналістыка» для акрэслення дзейнасці па стварэнні і развіцці літаратурных часопісаў XIX ст. (напрыклад, падобнае выкарыстанне сустракаецца ў Фундаментальнай электроннай бібліятэцы «Руская літаратура і фальклор» (гл. <http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il5/il520422.htm>).

Зварот да азначэння «літаратурная журналістыка» звязаны, на нашу думку, са зменай фармату адлюстравання літаратурнай тэматыкі ў СМІ: ад роздумаў над прычынамі грамадскіх зрухаў да лаканічнага паведамлення пра іх наступствы. Вось як апісвае сітуацыю рускі крытык Н. Іванова: «Новая літаратурная журналістыка надзвычай хутка, паскоранымі тэмпамі сфарміравала штосьці на кшталт салона – аналага інтэлігенцкай кухні канца 70-х – першай паловы 80-х. <...> Апісанне сцэн і скандалаў, якія разыграліся на зборах пісьменнікаў, стала адным з новых жанраў у “Новай газеце”. І – з’явіўся стыль гэтых апісанняў: знешне карэктны, але па сутнасці “сцёбны”, па інтанацыі высакамерны. Літаратура паўстала справай не толькі слоўнай, але і хатняй, калі не звягліва-камунальнай» (Іванова 1996) (тут і далей пераклад аўтара. – М. А.). Так літаратурная крытыка ўступае ў складаныя стасункі з журналісцкім асвятленнем літаратурнага працэсу.

І ў Расіі, і ў Беларусі для новага фармату адлюстравання літаратурнага працэсу спатрэбілася асобнае выданне, якое б існавала па-за ўсталяванай сістэмай літаратурнай перыёдыкі. Апісаны Н. Івановай фармат «Новай газеты» падобны да таго, які быў уласцівы для літаратурна-крытычных артыкулаў грамадска-палітычнага часопіса «ARCHE-пачатак» у перыяд 2000-х гг. (напрыклад, дыскусія пра беларускі постмадэрнізм (гл. Балахонаў 2003; Жукоўскі 2004; Пацюпа 2004); літаратурна-крытычныя «разборкі» (гл. Пацюпа 2006; Рудкоўскі 2007 і інш.)). У нас таксама з’яўляліся тэксты, блізкія да акрэсленага вышэй жанру «апісання сцэн і скандалаў», – «фрашкі» (М. Мартысевіч), падобныя да разгорнутых анекдотаў з літаратурнага і калялітаратурнага жыцця. Такія матэрыялы размяшчаліся на сайце litara.net, крыху пазней з’явіліся ў блогах (інтэрнэт-дзённіках).

У сувязі з гэтымі зменамі ўсё цяжэй адрозніць літаратурна-крытычны і літаратурна-журналісцкі дыскурс. Тым не менш мы адрозніваем другі корпус тэкстаў: яго складаюць літаратурна-крытычныя матэрыялы, якім уласціва не столькі інфармаванне пра выхад новага мастацкага твора, колькі ацэнка яго вартасці ў нацыянальнай і агульначалавечай сістэме каштоўнасцей, уключэнне яго ў літаратурны, культурны і грамадска-палітычны кантэкст.

Літаратурная крытыка дзеліць старонкі СМІ з журналістыкай, пераймае ад яе некаторыя рысы. Адносна аператыўнасць паведамлення (крытыкі адгукаюцца на новыя мастацкія творы), даступнасць (пазнавальная і выразная структура тэксту; пазбяганне або вытлумачэнне складанай тэрміналогіі; эксплікацыя дадатковых ведаў, неабходных для лепшага разумення артыкула), лаканічнасць і дынамізм – вось тое, чым узбагачае крытыку журналістыка. Падмена аналізу інфармацыяй, разважаная – пераказам зместу, паступовага разгортвання аргументацыі – не заўжды дарэчнымі, але кідкімі цытатамі з твора, удумлівага каментарыя – эмацыянальнымі выказваннямі ўяўляе негатывны бок уплыву журналістыкі на літаратурную крытыку.

Змяшэнне літаратурнай крытыкі і журналістыкі пра літаратуру прыводзіць да пераносу патрабаванняў аднаго віду прафесійнай дзейнасці на іншы, узаемных абвінавачванняў літаратурных крытыкаў і журналістаў, якія пішуць пра літаратуру, у непрафесіяналізме (падрабязней гл.: Аляшкewіч 2010).

Трэці корпус утвараюць літаратуразнаўчыя тэксты, якія вывучаюць паэтыку літаратурна-мастацкіх твораў, асобных аўтараў, прытым разглядаюць мастацкі твор у кантэксце пэўнага літаратурнага кірунку, мастацкай плыні, нацыянальнай традыцыі.

Межы літаратурнай крытыкі і літаратуразнаўства традыцыйна разамкнёныя. Гэта ўскладняе даследаванне літаратурнай крытыкі ў СМІ. Літаратуразнаўства прадстае навукай з распрацаванай метадалогіяй, тэрміналагічным апаратам і жанравай сістэмай. Літаратурная крытыка можа карыстацца напрацоўкамі літаратуразнаўства, але тэксты крытыкі будуць адрознівацца ад літаратуразнаўчых па шэрагу параметраў.

У агульную навуку пра літаратуру ўваходзяць: тэорыя літаратуры, якая вызначае прыроду літаратурнай творчасці і прыныцы яе аналізу, гісторыя літаратуры і літаратурная крытыка, задачай якой з'яўляецца ацэнка літаратурных твораў з пункту гледжання сучаснасці і прымяняльна да яе інтэрэсаў на аснове як даных тэорыі і гісторыі літаратуры, так і ўсяго кола грамадска-палітычных, эстэтычных і этычных нормаў свайго часу (гл. Словарь 1974, 168).

У той жа час прыналежнасць літаратурнай крытыкі да літаратуразнаўства як да навукі не з'яўляецца агульнапрызнанай (гл. Літаратурная энцыклапедыя 2001, 475). Пункт гледжання, у адпаведнасці з якім крытычную дзейнасць цалкам адносяць да навуковай, беларускія даследчыкі лічаць непрадуктыўным (гл. Грамадчанка, Гурская, Гарэлік 1996, 6). Гэта адмежаванне літаратурнай крытыкі ад навукі (пра літаратуру) падаецца нам надзвычай важным і не дастаткова распрацаваным айчыннымі даследчыкамі. Напрыклад, В. Рагойша вызначае літаратурную крытыку як від літаратурнай дзейнасці, мэтай якой – даць ацэнку бягучым фактам літаратуры з пункту гледжання значэння іх для сучаснасці (гл. Рагойша 2001, 159), аднак пералік прыныцаў аналізу, выпрацаваных літаратуразнаўствам, В. Рагойша ілюструе прыкладамі з літаратурнай крытыкі, прыводзячы выказванні Бялінскага (Там жа, 186–187).

На старонках літаратурна-мастацкіх выданняў літаратурная крытыка і літаратуразнаўства не заўжды раздзяляюцца рубрыкацыяй.

Літаратуразнаўчым тэкстам уласцівы вялікі аб'ём, што вынікае з разгалінаванай аргументацыі і шырыні ахопу ўзнятай праблемы, нейтральны (не экспрэсіўны) стыль выказвання, імкненне да максімальнай аб'ектыўнасці выказвання. Узорам тэкстаў такога тыпу могуць выступаць артыкулы В. Каваленкі. З дапамогай біяграфічнага метаду літаратуразнавец прасочвае эвалюцыю творчасці пісьменніка, адзначае яе моцныя і слабыя бакі, вытлумачае абумоўленасць паэтыкі аўтара літаратурна-гістарычным кантэкстам (гл. Каваленка 2001). Побач з такімі тэкстамі знаходзім, аднак, і зусім іншыя прыклады. Так, у тым жа нумары часопіса «Полымя» змешчаны артыкул Г. Воранавай. Задуманы як праблемны, ён поўны моўных і лагічных таўталогій («у прыныце, не апісвае нічога прыныцова новага» (Воранава 2001, 298)), успрымання тэксту замянае яго «абуджальны» пафас. Падобнае літаратуразнаўства, нягледзячы на трансляцыю важных звестак, хутчэй адштурхоўвае, чым прывабляе да чытання твораў мастацкай літаратуры.

Пашыранасць тэкстаў, якія маюць на мэце аналіз асобных твораў ці цэлых плыняў у літаратурным працэсе, але не маюць з'яўляюцца ды эстэтычнай каштоўнасці, чытаюцца без цікавасці нават добра матываванымі даследчыкамі літаратуры, вымагае адмысловай увагі даследчыкаў.

Матэрыялам, змешчаным у раздзелах крытыкі і літаратуразнаўства нашых традыцыйных літаратурна-мастацкіх выданняў, часта бракуе вобразнасці, эмацыянальнасці, лаканічнай формы, якая надае дынамізм крытычнаму выказванню. Магчыма, з гэтым і звязана павелічэнне прысутнасці журналісцкіх матэрыялаў пра літаратуру. У сукупнасці з тэндэнцыяй да памяншэння аўдыторыі беларускамоўных выданняў і адыходам многіх літаратурных крытыкаў 1990-х гг. ад актыўнай крытычнай дзейнасці да канца 2000-х (С. Кавалёў, Д. Жукоўскі, С. Шыдлоўскі, Г. Кісліцына і інш.) тэндэнцыя да скарачэння аб'ёмаў і частаты літаратуразнаўчых выступаў спрычыняецца да фарміравання новай сітуацыі ў асвятленні літаратурнай тэматыкі ў СМІ.

Падчас дыскусіі пра літаратурную крытыку ў рускіх часопісах С. Белякоў адзначае: «“Вялікая крытыка” пераняла ў навуку не толькі культуру дыскусіі, але і культуру даследавання. Добры крытычны артыкул будзеца як невялікае даследаванне, пачынаючы з пастаноўкі праблемы, агляду бібліяграфіі і завяршаючы спасылкамі на крыніцы. Гэта даследаванне не нуднае, не сухое, а захапляльнае, спрэчнае, часам – парадаксальнае, але абавязкова – зразумелае, даступнае “простаму”, то бок нармальнаму, чытачу без філалагічнай, гістарычнай або мастацтвазнаўчай адукацыі» (Беляков 2009). Выкарыстанне навуковага падыходу, напрацовак літаратуразнаўства пры аналізе мастацкіх тэкстаў можа зрабіць крытыку аргументаванай, доказнай, структураванай, у выніку чаго яна будзе больш прывабнай для чытача. У той жа момант адмысловы тэрміналагічны апарат, якім карыстаецца літаратуразнаўства, можа ўскладняць успрыняцце тэкстаў. Найбольш прадуктыўным для крытыкі нам бачыцца спалучэнне метадалогіі літаратуразнаўства падчас аналізу мастацкіх тэкстаў і журналісцкіх метадаў дынамічнага канструавання тэксту пры напісанні літаратурна-крытычнага матэрыялу.

Журналістыка, літаратурная крытыка і літаратуразнаўства на старонках СМІ прадстаўлены ў складаным перапляценні і ўзаемадапаўненні.

Ёсць і яшчэ адна сфера творчай дзейнасці, што можа ўзбагачаць літаратурную крытыку, – само слоўнае мастацтва, якое крытыка даследуе.

Погляд на крытыку як на мастацтва вядомы са старажытнасці, але сёння не вельмі пашыраны. Так, напрыклад, Т. Грамадчанка называе толькі аднаго прыхільніка гэтага погляду – С. Асадулаева (пад-рабязней гл.: Грамадчанка, Гурская, Гарэлік 1996, 6). Літаратурны крытык і даследчык літаратуры Г. Кісліцына адзначае: «Пра літаратуру цікавей чытаць, чым чытаць саму літаратуру» (Кісліцына 2011). Часта крытычныя тэксты не саступаюць літаратуры па вобразнасці і іншых мастацкіх сродках.

Самі літаратурныя крытыкі ўсведамляюць сваю адметнасць ад літаратараў па-рознаму: некаторыя пагаджаюцца з пашыраным поглядам, адпаведна якому крытыкам становіцца той, хто не здолеў стаць пісьменнікам, іншыя ўзвышаюць крытычную дзейнасць над пісьменніцкай працай. Апошнюю пазіцыю найбольш яркава выказаў рускі крытык Д. Бавільскі: «Крытык – гэта той жа белетрыст, але белетрыст-экстраверт больш высокага інтэлектуальнага парадку, гэта пісьменнік, гатовы займацца не толькі сваімі асабістымі праблемамі (чым на законных падставах займаецца кожны пісьменнік – ён жа і піша толькі таму, што вырашае), але і заўважаць чыесці спадарожныя. Проста ён, у адрозненне ад сярмяжнага прэзіка-інтраверта, які носіцца са сваімі комплексамі, аказваецца прэзікам-экстравертам, арыентаваным на зносіны і дыялог» (Бавільскі 1999, 148). Такая ацэнка крытычнай дзейнасці не пазбаўлена пэўнага самалюбавання, але можа прывабіць да крытычнай дзейнасці.

Беларускі крытык і літаратуразнаўца І. Шаўлякова таксама адасабляе крытыка ад уласна мастака – у іранічным кантэксце, размяжоўваючы заняткі па ступені шкоднасці для фізічнага і псіхічнага здароўя: праца літаратурнага крытыка патрабуе большых інтэлектуальных і маральных высілкаў у параўнанні з уласна літаратурнай творчасцю (Шаўлякова 2003, 222).

Найбольш плённым нам падаецца пункт гледжання тых даследчыкаў, якія выпрацоўваюць інтэгральны падыход да разумення спецыфікі літаратурна-крытычнай дзейнасці: «Крытыка, будучы ў пэўнай меры літаратуразнаўствам (у сэнсе значыць, ведаць літаратуру), з'яўляецца разам з тым спецыфічным і самастойным родам дзейнасці, не належачы цалкам ні да навукі, ні да мастацтва, ні да публіцыстыкі, але маючы шмат агульнага з імі» (Грамадчанка, Гурская, Гарэлік 1996, 15); «Літаратурная крытыка – гэта “другасны” жанр, які займае прамежковы стан паміж літаратурай, літаратуразнаўствам і публіцыстыкай. Яго межы з гэтымі трыма галінамі адкрытыя» (Менцель 2006, 13). На нашу думку, крытыка можа разглядацца як **тэарэтычна-лагічная разнавіднасць мастацкай практыкі**, як адрозная ад журналісцкай і навуковай форма творчасці, самастойны від духоўнай дзейнасці.

Разнастайнасць творчых метадаў, якія ўжываюцца пры асвятленні літаратурнай тэматыкі ў СМІ, мусіць быць улічана пры абмеркаванні трансфармацыі літаратурнай крытыкі, яе жанравай сістэмы і стылявых асаблівасцей, самавызначэння аўтараў крытычных выступленняў.

ЛІТАРАТУРА

- Аляшкewіч М.В. Жанры і функцыі літаратурнай журналістыкі // Журналістыка-2010: стан, праблемы і перспектывы: Матэрыялы 12-й Міжнар. навук.-практ. канф. Мн., 2010. Вып. 12. С. 304–306.
- Бавільскі Д. Критика: последний призыв // Знамя. 1999. № 12. С. 145–148.
- Балахонаў С. Архіпэляг постмадэрн, або Аналізу халодная сьляза // ARCHE-пачатак [Электронны рэсурс]. 2003. № 3. Рэжым доступу: <http://arche.bymedia.net/2003-3/bala303.html>. Дата доступу: 08.09.2004.
- Белинский В. Г. О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» // Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. Статьи и рецензии. 1834–1841. М., 1948.
- Беляков С. Прокруст любил формат // Знамя. 2009. № 11 [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/11/be15.html>. Дата доступу: 28.10.2010.
- Воранава Г. У краіне антыўтопіі, альбо Праблемы сучаснай беларускай фантастыкі // Палымя. 2001. № 10. С. 267–311.
- Грамадчанка Т.К., Гурская А.С., Гарэлік Л.М. Праблемы сучаснай беларускай крытыкі. Мн., 1996.
- Егоров Б. Ф. О мастерстве литературной критики. Л., 1980.
- Жукоўскі Д. У лабірынце з постмадэрністам // ARCHE-пачатак [Электронны рэсурс]. 2004. № 1. Рэжым доступу: <http://arche.bymedia.net/2004-1/zhukouski104.htm>. Дата доступу: 12.09.2005.
- Иванова Н. Между. О месте критики в прессе и литературе // Новый мир. 1996. № 1 [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://magazines.russ.ru/znamia/dom/ivanova/ivano009.html>. Дата доступу: 05.09.2010.
- Каваленка В. Праз чыяр астрожных пакут // Палымя. 2001. № 10. С. 247–266.
- Кісліцына Г. Лепшыя беларускія кнігі 2010 года. Дзённік бландзінкі // Звязда [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://www.zviazda.by/ru/issue/article.php?id=72151>. Дата доступу: 20.01.2011.
- Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М., 2001. 1600 стб.
- Менцель Б. Гражданская война слов. СПб., 2006.
- Озеров В. М. Литературно-художественная критика и современность // Вопр. лит. М., 1972. № 4. С. 3–39.
- Орлова Т. Д. Театральная журналистика. Теория и практика: В 2 ч. Мн., 2001. Ч. 1.
- Пацюпа Ю. Постмадэрнізм, калыска мая // ARCHE-пачатак [Электронны рэсурс]. 2004. № 3. Рэжым доступу: <http://arche.bymedia.net/2004-03/paciupa403.htm>. Дата доступу: 30.10.2006.
- Пацюпа Ю. Пра кавалерысцкі наезд на пісьменніцкія хутары // ARCHE-пачатак [Электронны рэсурс]. 2006. № 11. Рэжым доступу: <http://arche.bymedia.net/2006-11/paciupa611.htm>. Дата доступу: 18.07.2007.
- Рагоўша В. Тэорыя літаратуры ў тэрмінах: Дапам. Мн., 2001.
- Рудкоўскі П. «Хлопчык-ідыёт» сярод «сьмецьця» Гайдэгера, або Як Бабкоў пасунуўся да межаў абсурду // ARCHE-пачатак [Электронны рэсурс]. 2007. № 1-2. Рэжым доступу: <http://arche.bymedia.net/2007-01/rudkouski-babkou701.htm>. Дата доступу: 21.01.2008.

Словарь литературоведческих терминов. М., 1974.

Чупринин С. Творческая индивидуальность критика и литературный процесс 1960–1980-х годов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1993.

Шаўлякова І. Гісторыя ўкрыжавання // Дзеяслоў. 2003. № 3. С. 220–233.

Паступіў у рэдакцыю 31.08.11.

Маргарыта Вітальеўна Аляшкевіч – аспірантка кафедры літаратурна-мастацкай крытыкі Інстытута журналістыкі БДУ. Навуковы кіраўнік – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры літаратурна-мастацкай крытыкі Інстытута журналістыкі БДУ У.А. Капцаў.

С.В. ХАРИТОНОВА

ШРИФТОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Посвящена проблеме формирования шрифтовой модели современных детских периодических изданий. Рассматриваются особенности восприятия шрифтографии газетно-журнальной периодики детьми дошкольного и младшего школьного возраста. Актуальность статьи заключается в формулировании основных правил использования шрифтов в детской прессе и в раскрытии автором узкопрофессиональной проблематики, занимающей значимое место в русле развития теории дизайна белорусской печати.

The article is about the specificity of font design of modern children newspapers and magazines. It is also analyzed the peculiarities of font perception by children of preschool and younger school age. Article urgency consists in a formulation of key rules of use of fonts in a children's press and in disclosing узкопрофессиональной a problematics, which takes a significant place in the tideway of development of the theory of design of the Belarus press.

Сложность оформления детского периодического издания состоит в том, что дизайнеру необходимо не только завладеть вниманием ребенка, используя колоритные иллюстрации и яркие цвета, но и побудить его к знакомству с текстом, увлечь новой познавательной информацией. Для этого оформитель должен использовать весь арсенал выделительно-выразительных приемов, которые не позволили бы ни одной части текста ускользнуть от внимания маленького читателя. Выразительным средством любой информации является шрифт. Как инструмент передачи информации он способен производить разнообразное эмоциональное воздействие на читателя. С его помощью дизайнеры современных игровых, познавательных и развивающих изданий стремятся реализовать немало задач: выделить определенный материал на полосе, сориентировать ребенка в характере информации, заинтересовать и привлечь его внимание яркими и занимательными шрифтовыми решениями как заголовков, так и текста.

В случае с журналом для детей вопрос о выборе гарнитуры, шрифта, его начертания и их количества в номере более значим, чем для периодики, предназначенной для взрослых. По мнению автора книги «Художественное конструирование газеты и журнала» С.И. Галкина, «в журналах как одногарнитурность, так и многогарнитурность для читателя не играют существенной роли, потому что проблемы взаимовыделения материалов здесь практически нет. Как правило, каждая публикация начинается с новой страницы, ни с чем другим не конкурируя» (Галкин 2005, 114).

Шрифтография периодики для детей не может быть однородной. Перелистывая страницу за страницей, ребенок вновь и вновь попадает в новый неизведанный им мир. И шрифтовое решение смежных полос должно отражать содержательные особенности как освещаемых на страницах тем, так и всего номера издания.

В основе шрифтовой концепции детской прессы, как правило, лежит «эстетический метод» воплощения текста на полосе (см. Свороб 2002, 25). Используя не менее трех-четырех гарнитурно-начертаний, дизайнеры располагают шрифты по принципу скрытой или частичной симметрии. Уравновешивая один рисунок другим, оформители создают своеобразную «игру шрифтов», которая придает полосам динамичный и живой характер. И хотя подобное шрифтовое многообразие приводит к тому, что оказываются выделенными не самые главные материалы полосы, броские акценты на страницах номеров изданий оказывают необходимое эмоциональное воздействие на маленьких читателей.

В зависимости от возрастной категории читателя оформители разрабатывают специфическую шрифтовую палитру.

Так, в периодических изданиях для дошкольников используются не похожие один на другой оригинальные заголовочные гарнитуры и начертания. Подобный выбор шрифтов вполне оправдан. Во-первых, причудливая шрифтография привлекает внимание читателя к разножанровым публикациям, а, во-вторых, интересная графическая форма заглавий усиливает их незатейливый смысл.

Тем не менее разнохарактерные заголовки и сложные гарнитурно-начертания, применяемые дизайнерами, затрудняют прочтение и восприятие титульного комплекса, а также приводят к пестроты издания. К примеру, окрашенные в различные цвета буквы заглавий журналов «Умняша» и «Бим-

Бом», располагаясь на разных уровнях строки, значительно снижают их удобочитаемость. В заголовках регулярно применяются неясные контуры букв, неразличимый внутрибуквенный просвет, неконтрастные печатные знаки и несоответствующие размеру шрифта межстрочные пробелы. Несмотря на то что издания относятся к категории прессы для чтения взрослыми детьми, шрифтовое оформление которой не регламентируется, следовать базовым дизайнерским правилам крайне важно даже в изданиях для взрослых читателей.

Поэтому для быстрого и безошибочного восприятия шрифта читателем в любом печатном издании оформители должны соблюдать основные условия удобочитаемости: 1) совершенно ясные контуры каждой буквы, простые по фигурам буквы читаются легче; 2) различимый внутрибуквенный просвет. Он помогает выявлению контура букв и должен быть соразмерен с толщиной основного штриха. Если внутрибуквенный просвет достаточен по своим размерам применительно к форме буквы, то затруднений в восприятии изображения не возникает. По мере же уменьшения внутрибуквенного просвета условия чтения ухудшаются; 3) соразмерность наружных пробелов между буквами. Размеры пробелов между печатными знаками должны быть уравновешены внутрибуквенным просветом и шириной знака; 4) пропорциональность между шириной и высотой знака. Наилучшей читаемостью обладают буквы, у которых ширина и высота почти равны; 5) контрастность букв. Она проявляется не только в разнице толщины соединительных и основных штрихов, но и в контрасте между изображением буквы и тем фоном, на котором она оттиснута; 6) размер шрифта должен быть уравновешен с межстрочным пробелом (см. Свороб 2004, 15).

Не меньшее значение в детских изданиях имеет графика заголовков. Наиболее приемлемый вариант их расположения – над публикацией. Применение открытой верстки имеет определенные преимущества. Во-первых, дети находят названия рассказов в привычном для них месте (вверху, над основным материалом), и это помогает им быстрее сориентироваться на страницах изданий. Во-вторых, образующийся дополнительный «воздух» обеспечивает необходимую разрядку полосы. В-третьих, появляется возможность использовать любой самый удобный формат набора и различным образом комбинировать размеры и расположение иллюстраций. В-четвертых, на полосах формата А4 и менее «утопленный», «глухой» или «полуглухой» заголовки могут быть использованы лишь при горизонтальном расположении двух текстовых блоков на странице. Причем один из блоков, в который помещаются подобные заголовки, по высоте должен занимать более половины высоты полосы. В противном случае появится визуальная диспропорция между размерами материала и размерами подобного заголовка.

Однако, несмотря на классическое расположение, заголовки детских газет и журналов не всегда распределяют тексты по степени важности. Своими размерами и расположением они очень часто не дают дошкольнику возможности понять, к какому тексту относятся и какая публикация существеннее. Отказываясь от создания смысловых акцентов на каждой странице, оформители рассеивают многочисленные разноцветные заглавия по всему полю листа. Как следствие, нарушается композиционная гармония: заголовки и рубрики полос не согласуются друг с другом и не способствуют формированию стилевого и смыслового единства номера.

Дети дошкольного возраста только начинают читать. Многие из них принимаются рассматривать текст, искать в нем знакомые буквы и слова. Поэтому важно, чтобы шрифт основного текста в издании для дошкольников был крупным, четким и контрастным. К сожалению, его размер в большинстве периодических изданий для дошкольников, в основном в журналах для чтения взрослыми детьми, не превышает 14 п. Любопытные читатели, просматривая эти издания с родителями, разглядывают еще неизвестные буквы и пытаются прочесть новые слова. Оформители, уменьшая кегль, лишают их этой возможности.

Показательным примером грамотного шрифтового решения является журнал «Рюкзачишка». Для основного текста дизайнеры избрали шрифт 14–18-го кегля, что отвечает гигиеническим требованиям к изданиям книжным и журнальным для детей (см. Гигиенические требования 2005, 17). Во всем текстовом комплексе оформители используют нормальные светлые широкие рубленые шрифты, соответствующие особенностям восприятия дошкольника.

Забавные рисованные буквы, способные привлекать и развлекать дошкольника, могут отвлечь читателя младшего школьного возраста от усвоения новой информации. Поэтому проблема гарнитурного многообразия в изданиях для детей второй возрастной группы особенно актуальна.

Известный российский исследователь газетно-журнального дизайна В.В. Тулупов утверждает, что «сегодня существует одногарнитурный, малогарнитурный и многогарнитурный типы набора текстов», называя многогарнитурность не иначе как бедой и рекомендуя использовать малогарнитурный набор (см. Тулупов 2001, 84).

Любое шрифтовое решение, воздействуя при помощи повторения ярких запоминающихся гарнитур в анонсе и заголовке материала, предназначено для того, чтобы уже с титульной страницы точно ориентировать читателя. На первый взгляд многогарнитурным изданиям несложно разделить разнотемные материалы и объединить однотемные. Однако это не так. Например, не повторяющиеся шрифтовые рисунки заглавий издания «Крынічка» не складываются в цельную систему шрифтов

журнала. Многогарнитурный стиль не вырабатывает «модель ожидания» у младших школьников и не способствует формированию устойчивой структуры и композиции журнала.

Одногарнитурное оформление, казалось бы, наоборот, обеспечивает изданию единство шрифтового облика и облегчает ребенку знакомство с материалами номера. Однако очевидно, что детское издание не может быть живым и интересным для взгляда ребенка, если все публикации набраны одной «скучной» гарнитурой. Так, невыразительно выглядит одинаково рубленая шрифтография журнала «Незнайка».

Оптимальным решением для детской прессы является малогабаритное оформление газет и журналов, все рубрики и отдельные публикации которых оформлены таким образом, что каждая из них воспринимается отдельно, при этом гармонично вписываясь в динамичный дизайн всего номера. Малогабаритный стиль визуализирует структуру изданий. Например, медиевальный шрифт умеренной контрастности с засечками, напоминающими форму треугольника, регулярно используется в журналах «Вясёлка» и «Кважды-ква» для стихотворений и пояснительных текстов. Рубленые шрифты широкого светлого прямого начертания – для широких массивов текста, а красочные необычные гарнитуры – для оформления заголовков и названия журналов. Набор текста не более чем тремя различными гарнитурами, две из которых схожи, а третья отлична по рисунку, сохраняет шрифтовое единство полос и создает необходимый контраст на полосе.

Однако визуализировать структуру издания лишь только тремя гарнитурами недостаточно. Перед оформителями стоит и другая проблема – проблема их сочетания. Важно помнить, что различные гарнитуры производят на читателя неодинаковое впечатление: чем больше толщина основных штрихов в буквах, тем сильнее ощущение тяжести гарнитуры. Неумелое применение хотя бы одного вида шрифта может привести не только к пестроте и дисгармонии на полоске, но и к затруднению восприятия текста. Поэтому выбор гарнитуры должен зависеть от опытности читателя, длины строки и характера информации. Для широких текстовых массивов, рассчитанных на продолжительное чтение, выбирают светлые гарнитуры. Примером такой шрифтографии послужат газетные полосы «Зорьки». Во избежание впечатления монотонности, создаваемой повсеместным применением на полосах светлого начертания, дизайнеры газеты изменяют наклон основных штрихов, насыщенность и кегль шрифта.

Важным аспектом в шрифтовом оформлении периодики для младших школьников является не только выбор мало- или многогарнитурного оформления, но и характер рисунка шрифта. Для неопытных читателей он имеет большое значение. Доказано, что учащиеся младших классов, у которых «слабо развит навык беглого чтения, быстрее всего воспринимают простые начертания букв без вычурности и украшений, поскольку они читают текст побуквенно и в неясных случаях не могут делать заключение о самом слове, а значит – и о буквах, из которых оно состоит» (Токарь 2007, 39). С одной стороны, шрифты для начинающих читателей должны иметь как можно более простую форму, с другой – как можно более однозначную. По мнению Ю.Ф. Шпаковского, для ребенка, который еще только приучается распознавать буквы, отсутствие контрастности и засечек повышает удобочитаемость шрифта (см. Шпаковский 2006, 59). В связи с этим в современных стандартах по издательскому делу гарнитура не регламентируется при объеме текста в рамках одного материала до 200 знаков, а в текстах до 600 знаков – рекомендован рубленый шрифт (см. Гигиенические требования к изданиям 2005, 19; Система стандартов по информации 2006, 4).

Все эти характеристики влияют на общую шрифтовую концепцию периодического издания, равно как и начертание шрифта. Так, курсив выглядит на полосе более динамично, чем преобладающие прямые начертания, а жирный шрифт позволяет выделять значимые отрезки текстов (слова, фразы, цитаты). Несмотря на то что такие способы выделения разнообразят текстовый массив изданий, журналами они используются редко – преимущественно для подписей материалов, вводных и пояснительных текстов. С большей регулярностью к курсивному и жирному начертаниям прибегают детские газеты. Однако злоупотреблять этими средствами выделения нельзя. Крупные текстовые блоки, набранные жирным шрифтом или цветным курсивом, читаются значительно медленнее.

С увеличением объемов текста в периодическом издании для детей второй возрастной группы возрастает значение кегля шрифта.

Минимальный шрифтовой размер основного текста для литературно-художественных, научно-популярных и развивающих журналов второй возрастной группы составляет 14 п. при длине строки до 126 мм (см. Гигиенические требования к изданиям 2005, 10). К сожалению, некоторые издания, среди них «Вясёлка», «Рюкзачок», «Крынічка», используют шрифты 11-го и 13-го кегля, в том числе во вкладке для дошкольников, что абсолютно недопустимо в детской периодике. Еще более мелкие шрифты для основного текста применяются в газетной периодике для детей.

В изданиях для досуга «Тотоша», «Незнайка», «Тигра» практически не соблюдаются основные шрифтовые требования для данной возрастной категории читателей. В журнале «Тотоша» применяются недопустимые оформительские приемы: узкие начертания, цветные шрифты на ярком красочном фоне, кривые по форме и не выровненные по формату строки, разнокегельные буквы одного

слова и предложения. Лишь только оформители игрового журнала «Тигра», имеющего минимум текстового комплекса, используют крупный (не менее 16 п.) контрастный шрифт.

Уменьшенные текстовые шрифты оформители периодики для младших школьников компенсируют крупными яркими заголовками. Самые оригинальные и живописные титульные шрифты разработало издание «Вясёлка».

Графическое решение заголовков журнала «Вясёлка» полностью подчиняется фирменному стилю издания. Титульные шрифты выполняют имиджевую функцию, создавая продуктивные стереотипы и легко узнаваемые «клише». Причудливые рисованные заголовки в стиле логотипа журнала с элементами народных узоров и символов поддерживают содержательную концепцию издания – воспитание детей в духе белорусских народных традиций и обычаев. Однако необычные заглавия не только очень пестры и замысловаты, но и трудночитаемы. Детский художник В.М. Конашевич замечает: «Буква – вещь честная, упрямая, начертание букв – нечто давно установившееся... Не следует выдумывать шрифты вычурные, коверкающие буквы, шрифты неудобочитаемые, делать буквы из фигурок зверей, из веточек, елочек и проч.» (Конашевич 1968, 235). Заголовок, предваряя текст, первым знакомит с содержанием произведения и, обладая определенной эмоциональной окраской, возбуждает читательский интерес, привлекает внимание к материалу. Если с первого раза читателю не удастся прочесть заглавие, он продолжит просматривать номер далее, и увлекательный материал останется непрочитанным.

Обилие рисованных деталей и титульных шрифтов неповторимых гарнитур уместно в том случае, если не препятствует созданию целостного восприятия композиции полосы и номера. Сохранить уже выбранную модель шрифтового оформления заголовков в журнале без ущерба для композиции возможно, если выразительные элементы заголовочного комплекса дизайнеры уравновесят иллюстрированными элементами. В данном случае необходимо применять ненасыщенный фоновый цвет, который не станет спорить с многокрасочными иллюстрациями и живописными заголовками.

Шрифтовое решение заголовков периодических изданий «Рюкзачок», «Мишутка», «Кважды-ква», «Зорька» и многих других менее оригинально. В качестве титульных выступают схожие шрифты различного начертания. Тем не менее шрифтография заголовочного комплекса этих изданий содействует формированию стабильной структуры и целостности их композиции. Гарнитура и начертание рубрик и заголовков основного и поясняющего текстов помогают сориентироваться на полосе. Так, в журнале «Рюкзачок» курсивное начертание шрифта говорит о том, что младший школьник читает вводный абзац материала; прямой полужирный и узкий рубленый шрифты указывают на название рубрик; светлый прямой медиевальный шрифт умеренной контрастности с засечками показывает читателю, что он находится на странице вкладыша, посвященного родителям, а материал, оформленный прямым рубленым шрифтом, не что иное, как основной текст журнала для детей «Рюкзачок». Такое функциональное разнообразие шрифтов не только образует четкую структуру, но и создает цельную композицию. Светлыми, жирными и полужирными начертаниями оформители журнала вызывают представления о «тяжести» или «легкости» текста, тем самым уравновешивая структурно и содержательно материалы полосы.

Таким образом, в шрифтографии как развлекательных, так и массово-политических, литературно-художественных и познавательных газет и журналов для младших школьников наблюдаются две особенности. Во-первых, бессистемность в выборе титульных шрифтов. Во-вторых, беспорядочное применение кеглей и гарнитур основного текста. Обе тенденции негативно влияют на восприятие ребенком содержания полос и стабильность структуры и стиля изданий. В то же время шрифтовое оформление познавательных и литературно-художественных газет и журналов в основном соответствует возрасту читательской аудитории и специфике ее восприятия, содержанию публикаций и создаваемому образу изданий. Шрифтография издания выполняет свои ключевые задачи: служит нейтральным инструментом для передачи информации, несет образную нагрузку, визуализирует структуру издания и является неотъемлемым элементом «фирменного стиля».

ЛИТЕРАТУРА

- Галкин С. И. Техника и технология СМИ: художественное конструирование газеты и журнала: Учеб. пособие для вузов. М., 2005.
- Гигиенические требования к изданиям книжным и журнальным для детей: санитарные правила и нормы 2.4.7.16-1-2005: утверждены Главным государственным врачом Республики Беларусь 22.02.2005 // Республиканские санитарные правила, нормы и гигиенические нормативы. Мн., 2005.
- Конашевич В. М. О себе и своем деле. М., 1968.
- Свороб А. К. Прикладные и эстетические функции оформления малоформатных изданий: Дис. ... канд. филол. наук. Мн., 2002.
- Свороб А. К. Дизайн молодежной газеты. Мн., 2004.
- Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания книжные и журнальные для детей. Общие технические условия: ГОСТ 7.206–2006. Введ. 01.09.04. Мн., 2006.
- Токарь О. В. Удобочитаемость современных текстовых шрифтов. Мн., 2007.
- Тулупов В. В. Газета: маркетинг, дизайн, реклама. Воронеж, 2001.
- Шпаковский Ю. Ф. Шрифты. Справочное пособие дизайнера. Мн., 2006.

Поступила в редакцию 20.02.11.

Светлана Вячеславовна Харитонова – аспирантка кафедры периодической печати Института журналистики БГУ. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой периодической печати Института журналистики БГУ А.К. Свороб.

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ЖУРНАЛИСТСКОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАСФЕРЕ

Рассматриваются способы проведения журналистского расследования в современной медиасфере. На примере расследований белорусских и российских СМИ выделяются особенности использования методов сбора информации. Анализируются ключевые типы источников информации и способы ее обобщения в журналистском расследовании.

The article is devoted to tools of performing a journalistic investigation in the modern mediasphere. The peculiarities of using methods of gathering information are described on the example of investigations of Belarusian and Russian mass media. The main types of information sources and approaches to colligation information in the journalistic investigation are analyzed.

Журналистское расследование как особый вид творческой деятельности отличают нацеленность на получение эксклюзивной информации, использование большого числа ее источников и социальная значимость. Особое внимание уделяется процессу поиска данных (использованию методов сбора информации и умению работать с ее источниками), выдвигению ключевых гипотез и их верификации.

При проведении журналистского расследования исследователь Л.Д. Протесс обращает внимание на трудоемкость методов сбора данных (см. Protess 1991), теоретик Дж. Аукойн – на необходимость самостоятельной и продолжительной поисковой работы репортера (см. Aucoin 2005).

Методами сбора информации в журналистском расследовании выступают наблюдение, интервью, работа с документами и эксперимент. Чтобы прийти к заслуживающим доверия выводам, журналист-расследователь должен использовать как минимум два метода сбора информации.

Метод наблюдения – один из наиболее эффективных. Еще до того, как им воспользоваться, журналист формирует для себя познавательные установки. Как убеждены исследователи, «журналистское наблюдение всегда имеет целенаправленный и четко заданный характер» (Ким 2001, 107), следовательно, «предполагает отчетливое осознание актуальных познавательных задач» (Лазутина 2001, 170).

Наблюдать за ситуацией журналист-расследователь может как открыто, так и скрытно. В последнем случае репортер не раскрывает истинных целей своего наблюдения, не ставит окружающих в известность, что собирает информацию для подготовки журналистского материала. Получив нужные ему сведения, он может либо сообщить о своих истинных намерениях, либо остаться инкогнито. Скрытое наблюдение может использоваться, например, когда необходимо выявить наличие просроченных товаров в магазинах, отыскать факты вопиющего нарушения требований пожарной безопасности на промышленных предприятиях или стать свидетелем деятельности подпольного казино.

В материале «Дайте шанс нелегалу» (см. Дралюк 2009) метод скрытого наблюдения использовался для того, чтобы показать схемы и масштабы нелегального рынка строительных услуг. Во время рейдов, проведенных гомельскими налоговыми инспекторами, перед репортером предстали «любопытные персонажи, сущность которых стала ясна лишь после некоторого исследования» (Там же, 1).

Автору материала удалось стать свидетелем работы нелегального предпринимателя, занимающегося организацией строительных услуг, пообщаться с официально безработным строителем и узнать о нарушении трудового законодательства столичной строительной организацией, реализующей в Гомеле крупный проект. Метод наблюдения позволил выяснить, как на самом деле действуют нелегальные схемы на строительном рынке.

Открытое наблюдение, в свою очередь, целесообразно применять в том случае, если, представившись журналистом, репортер никак не рискует повлиять на ситуацию, а следовательно, и на достоверность получаемых сведений. В некоторых случаях открытое наблюдение может быть более эффективным, чем скрытое, поскольку позволяет журналисту сосредоточиться на объекте наблюдения.

В материале «Молоко может убежать» (см. Менделеева 2009) метод открытого наблюдения был использован не для получения эксклюзивных сведений, которые обычно имеют наибольшую значимость и несут основную смысловую нагрузку, а для того, чтобы на примере конкретной семьи выявить актуальность поднимаемой проблемы. Если судить по заголовочному комплексу, автора публикации интересовал вопрос, почему без предупреждения снизились закупочные цены на молоко для частных хозяйств Могилевской области. Несмотря на это, основной акцент в расследовании был сделан на том, как восприняли эти изменения сельские жители.

Так, после посещения подворья семьи Орловых автор материала пришел к определенным выводам. Во-первых, хозяйство оказалось ухоженным; во-вторых, внимание автора привлек скворечник, выполненный в форме оригинальной бочки, что свидетельствует о наличии творческих способностей у хозяев; в-третьих, было подмечено, что владельцы усадьбы с любовью относятся к своим владениям и работе. После знакомства с этим подворьем выяснилось, насколько болезненным может оказаться для хозяев снижение закупочных цен. Учитывая, что «работы в Галичах нет», молоко для местных жителей «основной источник дохода», «сельчанам обидно: сладкие газированные напитки ценятся выше, чем свежее молоко...» (Там же, 2).

Стоит отметить, что одна из наиболее сложных разновидностей данного метода – включенное наблюдение, известное так же как приемы «маски» и «журналист меняет профессию». В этом случае репортер не просто наблюдает за процессом, а принимает в нем непосредственное участие.

Работа с документами тоже занимает одно из ключевых мест в системе методов сбора информации в журналистском расследовании. Она применяется как во время ознакомления с темой, когда журналист только входит в курс дела, так и при сборе эксклюзивной информации. При этом под «документом» понимается любой «материальный носитель данных (бумага, кино- и фотопленка, магнитная лента, перфокарта и т. п.) с записанной на нем информацией, предназначенной для передачи во времени и пространстве» (Большой энциклопедический словарь 1997, 368).

Проработка документов может быть как поверхностной, так и глубокой. Если в первом случае журналист ограничивается беглым ознакомлением и выделением основных сведений, то во втором – скрупулезно изучает содержащуюся в документе информацию с учетом цели его создания и характера применения. В любом случае от журналиста требуется умение найти и проанализировать необходимый документ. Так, поправки в действующий нормативно-правовой акт могут быть проработаны только при условии, если он способен провести сравнительный анализ обоих документов и определить суть изменений.

В социологии различают внутренний (рассмотрение особенностей содержания текста) и внешний (выявление обстоятельств появления документа) анализ. Обычно выделяют две процедуры журналистского анализа текста: «выявление основных характеристик текста и оценка этих характеристик по определенным критериям» (Дмитриев 2002, 70).

Внешний анализ и сопоставление фактов при работе с документами позволили выявить интересные подробности при подготовке публикации «Дамба преткновения» (см. Кучко 2007). Журналистское расследование было посвящено строительству дорогостоящей дамбы у деревни Жаховичи Мозырского района Гомельской области, против возведения которой выступило большинство местных жителей.

Репортер ознакомился с проектом строительства дамбы и официальным протоколом от 20 июля 2006 г., в котором говорилось, что все жители деревни поддержали ее возведение. В то же время в самой деревне журналисту удалось выяснить, что в конце 2005 г. сельчане, узнав о готовящемся строительстве гидротехнического сооружения, отправили коллективную жалобу в райисполком, поскольку дамба не только «отрежет жителей от реки, лишит домашний скот выпасов, но и сам луг превратит в зеленое болото» (Там же, 2). Кроме того, как установил репортер, во время подворного обхода большинство жителей (54,2 %) высказались против этого строительства.

Журналист также ссылается в своем репортаже и на другой документ – письмо председателя райисполкома главе ГПО «Белмелиоводхоз» от 1 сентября 2006 г., в котором содержится просьба о выделении средств для строительства дамбы. Сопоставив факты, автор статьи приходит к выводу, что «мнения людей, высказанные и на собрании, и во время подворного обхода, которые вполне можно назвать общественными слушаниями, местной властью проигнорированы» (Там же, 2).

При проведении журналистского расследования достаточно часто используется метод интервью. Сначала он применяется для общего ознакомления с ситуацией, а по мере изучения темы беседы репортера носят более целенаправленный характер: журналиста начинают интересовать конкретные факты, которые можно либо подтвердить, либо опровергнуть.

Эффективность проведения интервью будет зависеть не только от манеры постановки вопросов и расположенности собеседника, но и от компетенции самого журналиста. Если репортер не разбирается в обсуждаемой теме, то он оказывается в заведомо невыгодном положении, поскольку собеседник, вместо того чтобы озвучивать новые данные, будет стараться отвечать на вопросы общими фразами, которые для неподготовленного интервьюера могут показаться заслуживающими внимания.

Стиль ведения беседы в журналистском расследовании предполагает частое использование контрольных и уточняющих вопросов. Журналист-расследователь во время интервью не только пытается установить причинно-следственные связи, но и стремится конкретизировать полученные от собеседника сведения. Если интервьюируемый ведет себя настороженно и избегает проблемных тем, предпочтительно как можно чаще использовать наводящие вопросы.

Ключевую роль методу интервью отвели авторы публикаций «Олигарх Исмаилов ответит за базар?» (см. Стулов, Демченко, Реут 2009) и «Черкизовские миллиарды» нашла блондинка. Роковая» (см. Перекрест, Стулов 2009), расследовавшие дело о контрабанде на Черкизовском рынке в Москве. Журналистам удалось побеседовать с бывшим следователем Западного УВД на транспорте И. Кравченко, которая рассказала, что ее отстранили от дела (а позже и уволили), поскольку его фигуранты заручились поддержкой начальника следственного управления.

Кроме того, репортеры пообщались с бывшим заместителем начальника следственного управления Западного УВД на транспорте С. Федоровым. Он сообщил, что контрабандные поставки на Черкизовский рынок через Калининградский торговый порт осуществлялись систематически. Как выяснилось, «товар оформлялся “для внутреннего потребления в регионе”, то есть в свободной экономиче-

ской зоне, а значит – беспощадно. Пока контейнеры разгружались, на них готовились другие документы, подтверждавшие, что товар произведен в свободной экономической зоне «Янтарь» на территории России и никакими таможенными пошлинами не облагается» (Стулов, Демченко, Реут 2009, 3). Тем самым метод интервью позволил получить сведения, раскрывающие схему контрабандных поставок и указывающие на попытку определенных лиц помешать следствию.

Специфическим способом получения информации в журналистском расследовании является метод эксперимента. С его помощью можно получить эксклюзивные сведения об изучаемом объекте, верифицировать те или иные предположения, возникшие во время расследования. Использование метода эксперимента требует тщательной подготовки и планирования.

Этот метод во многом схож с приемом «маски»: оба способа получения информации в большинстве своем основаны на визуальном ее восприятии и скрытом наблюдении за объектом. Однако, в отличие от включенного наблюдения, эксперимент предполагает более активное участие журналиста в процессе сбора информации. Репортер в данном случае выступает не сторонним наблюдателем, а непосредственным участником события.

Как отмечает А.А. Тертычный, «намеренно созданная ситуация позволяет журналисту увидеть в наиболее ярком свете то, что при обычном наблюдении было бы растянуто во времени и не проявилось настолько концентрированно и наглядно» (Тертычный 2002, 133). От того, насколько искусно журналист может воссоздать условия, необходимые для проверки предположений, и при этом сыграть ту или иную роль, зависит успех дела.

Метод эксперимента получил распространение в расследованиях как печатных, так и электронных СМИ. Так, ее возможности были использованы съемочной группой документального фильма «Made in China», показанного на телеканале «НТВ» (см. Бахарев 2008). Его автор задался целью узнать, каким образом в магазины и на рынки Москвы попадают китайские дубликаты товаров известных производителей.

Для этого журналист организовал эксперимент: под видом покупателя он приобрел на товарном рынке кожаный ремень с логотипом западного дизайнера, а затем купил такую же вещь в дорогом магазине. В отличие от бутика на рынке ремень продавался по относительно низкой цене, что уже позволяло усомниться в его европейском происхождении. Однако, как показал эксперимент, в бутике журналисту также продали подделку, при этом предоставив еще и сфабрикованные документы.

Полученные благодаря эксперименту и подтвержденные экспертами сведения послужили основой для выработки гипотезы о том, что торговые моллы зачастую создают лишь иллюзорную гарантию качества продаваемых ими товаров, сотрудничают с лицами, занимающимися подделкой документов, и ведут черную кассу.

В целом методы сбора информации в журналистском расследовании используются для решения сразу нескольких задач: обнаружения новых сведений, верификации гипотез, установления масштаба проблемы, получения мнений и разъяснений, усиления системы аргументации. Поисковый процесс основан на использовании различных методов и приемов, что позволяет расширить эвристические возможности при изучении темы.

Проведенный нами анализ газетных публикаций и документальных телефильмов, подготовленных по итогам журналистских расследований, позволил выделить особенности использования того или иного метода сбора данных. Так, приемы включенного наблюдения («маски» и «журналист меняет профессию») эффективны при обнаружении скрываемых кем-либо сведений, тогда как открытое наблюдение целесообразно использовать для определения значимости проблемы и детализации события. Метод интервью в журналистском расследовании чаще всего применяется для получения инсайдерской информации с целью ее дальнейшего сопоставления и поиска противоречий. Анализ документов может быть результативен, когда необходимо найти малоизвестные сведения и выявить интересующие репортера закономерности, однако применению данного метода могут препятствовать внутренние (отсутствие у журналиста навыков анализа сложных текстов) и внешние (невозможность получения оригинала или копии материального носителя) факторы. Метод эксперимента перспективен при наличии рациональной идеи и возможностей контролировать развитие ситуации.

Эффективность использования методов сбора информации во многом зависит от выбора ее источников. В роли носителей данных, представляющих познавательный интерес для журналиста-расследователя, могут выступать люди, документы и пространственно-предметная среда.

Стоит отметить, что в процессе проведения журналистского расследования используются как официальные, так и неофициальные источники информации. Поисковая деятельность не может быть сконцентрирована лишь на работе с официальными источниками информации, поскольку такая тактика с высокой долей вероятности не позволит получить эксклюзивные сведения. С другой стороны, в процессе журналистского расследования не могут быть использованы лишь неофициальные источники информации, так как в этом случае неизбежны сложности с установлением достоверности данных и выстраиванием доказательной базы.

Наибольшую ценность в процессе поиска информации представляют источники конфиденциальных сведений (очевидцы, потерпевшие, личные информаторы и др.). Например, в журналистском расследовании «Вера в глушь» (см. Григоренко 2010), автор которого попытался прояснить ситуацию с группой отшельников, найденных в Бурятии и возвращенных в Смоленскую область, выводы репортера были основаны на сведениях бывших членов общины.

Так, одна из сбежавших ее участниц рассказала журналисту, что «за малейшую провинность “духовный отец” сажал на хлеб и воду, велел бить непослушных, а сомневающимся грозил вечным проклятием» (Там же, 13). Из рассказа ее матери, которая отправилась в общину, чтобы спасти дочь, он узнал, что одна из последовательниц сбежала в лес, где и замерзла, после того как «духовный отец» архимандрит Константин отказал ей в участии в походе и посадил на хлеб и воду.

С развитием новых технологий все большую роль в процессе сбора информации стали играть электронные носители данных. Такие информационные ресурсы, как базы данных, социальные сети, геоинформационные системы и др., упрощают получение общеизвестной информации, а в некоторых случаях выступают источниками эксклюзивных сведений.

Использование тех или иных источников информации в журналистском расследовании зависит от степени их надежности. Исходя из этого критерия, можно выделить сомнительные (их сведения почти всегда не находят подтверждения), неопределенные (надежность таких источников информации сложно установить), проверенные (их информация часто подтверждается другими источниками) и компетентные (надежность таких носителей данных никогда не вызывает сомнений) источники информации. В зависимости от типа носителя данных определяется целесообразность дальнейшего применения и необходимость подтверждения полученных сведений.

Результативность расследования также зависит от применяемых для обобщения информации теоретических методов познания. Так, метод индукции в исследовательской деятельности достаточно эффективно используется при осмыслении информации, когда собранных фактов достаточно, чтобы сделать вывод о причинах инцидента и источнике проблемы. В случаях, когда затрагиваемая тематика достаточно известна, нередко прибегают к дедуктивному методу, чтобы не только компенсировать недостаток сведений о частной ситуации, но и определить на конкретном примере актуальность проблемы. Метод аналогии результативен, когда необходимо выдвинуть гипотезу на основе лишь нескольких фактов, учитывая, что положения, полученные при сравнении одного объекта с другим, требуют доказательства. Методы анализа и синтеза обычно применяются в расследованиях фактов с большим числом составляющих. Исторический метод достаточно часто используется при расследовании трагических инцидентов, причины которых можно установить путем восстановления хронологии событий.

В зависимости от способа изучения темы можно выделить две разновидности стратегий проведения расследования – линейные и нелинейные. Линейные стратегии, предполагающие наличие единой последовательности действий по получению, обобщению и проверке информации, позволяют эффективно детализировать тему и сузить область поиска. Нелинейные стратегии, в рамках которых изучение объекта происходит одновременно в нескольких направлениях, напротив, дают возможность расширить проблемное поле и минимизировать фактор случайности в процессе сбора данных. Линейные стратегии получили широкое распространение при расследовании единичных событий, когда необходимо, прежде всего, установить причины их возникновения, тогда как нелинейные – при изучении многоаспектных проблем, требующих тщательного анализа и оценки.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахарев А. Made in China [Электронный ресурс]. 2008. Режим доступа: <http://myvi.ru/ru/videodetail.aspx?video=599327b8129d4cb0be5cc51cc2429f5d&ap=0>. Дата доступа: 15.11.2010.
- Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997.
- Григоренко А. Вера в глушь // Российская газета. 2010. 8 дек. С. 13.
- Дмитриев Е. И. Социология: Учеб.-метод. комплекс. Мн., 2002.
- Дралюк В. Дайте шанс нелегалу // СБ. Беларусь сегодня. 2009. 13 февр. С. 1, 12.
- Ким М. Н. Технология создания журналистского произведения. СПб., 2001.
- Кучко М. Дамба преткновения // Рэспубліка. 2007. 25 крас. С. 2.
- Лазутина Г. В. Основы творческой деятельности журналиста. М., 2000.
- Менделеева И. Молоко может убежать // СБ. Беларусь сегодня. 2009. 3 марта. С. 2.
- Перекрест В., Стулов И. «Черкизовские миллиарды» нашла блондинка. Роковая // Известия. 2009. 10 июня. С. 1, 3.
- Стулов И., Демченко В., Реут А. Олигарх Исмаилов ответит за базар? // Известия. 2009. 9 июня. С. 1, 3.
- Тертычный А. А. Расследовательская журналистика. М., 2002.
- Aucoin J. The Evolution of American Investigative Journalism. Columbia, 2005.
- Proffess L. D. The Journalism of Outrage: Investigative Reporting and Agenda Building in America. New York, 1991.

Поступила в редакцию 25.10.11.

Андрей Ибрагимович Асфура – преподаватель кафедры социологии журналистики Института журналистики БГУ.

СОМАТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ЯЗЫКОВЫЕ ЭКСПОНЕНТЫ КУЛЬТУРНЫХ ЗНАКОВ В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ

Рассматриваются фразеологизмы с соматическим компонентом в газетном тексте. Акцентируется внимание на то, что они заключают в себе ассоциации, коннотации, фиксирующие культурный код. Перечислены функции соматических фразеологизмов.

In the paper phraseological units with a somatic component in the newspapers are considered. The emphasis is made on the fact that the phraseological unit comprises associations, the connotations fixing a cultural code. Functions of somatic phraseological units are listed.

Фразеологические единицы – квинтэссенция национального опыта, «архив истории человеческого духа и бытия» (Czerwińska 2008, 56). Поэтому фразеологизмы нередко рассматривают как микротексты, «где свернутым оказывается достаточно большой объем информации. Причем эта информация является в значительной мере культурно маркированной и культурно значимой, поскольку фразеологические номинации социально наиболее релевантные явления на том или ином этапе развития этноса. Хорошо известно, что вербализуются действительно значимые для человека феномены человеческой цивилизации» (Красавский 2008, 88).

Цель статьи – рассмотреть функциональную нагрузку соматических фразеологизмов в организации газетного текста. Для ее реализации необходимо выявить типологические черты соматических фразеологизмов в медиатексте, определить их семантическую экспрессию и эмоциональную действенность в белорусско-, русско- и польскоязычных изданиях, показать их текстообразующую роль, а также установить компаративные характеристики экспозиции культурных знаков в газетах «Звезда», «СБ. Беларусь сегодня», «Gazeta Wyborcza». Изучение текстов данных газет обусловлено как экстралингвистическими причинами (тираж, массовость издания, традиции, степень распространенности на территории, читательская аудитория и др.), так и интралингвистическими (коммуникативная заданность, манера и стиль изложения, представленность ментальных (речемыслительных) характеристик, лингвистическая организация текстов и др.).

Издавна люди использовали язык тела в качестве важного инструмента жизнедеятельности, а звучащая речь была создана как «язык-помощник». Как отмечает Ю.Н. Караулов, «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» (Караулов 2007, 7). По меткому замечанию З. Богус, «обращение к творцу языка, то есть к человеку, не может быть плодотворным без анализа и понимания той лексики, которая порождена познанием его самого, и прежде всего без анализа соматической лексики, называющей и отражающей его строение, то есть без группы названий частей его тела. Не случайно соматическая лексика, принадлежащая к древнейшему пласту лексического состава в любом языке, издавна была объектом внимания лингвистов – широта связей соматизмов с реалиями окружающего мира объясняется онтогенетическими функциональными свойствами частей тела человека и их широкой символизацией» (Богус 2006, 3).

Наиболее благодатным источником исследования соматической лексики являются фразеологизмы. В силу онтологической сущности фразеологии как раздела филологической науки учеными подчеркивается антропоцентрическая направленность фразеологических единиц. Однако во фразеологии корреляция «человек – язык – культура» проявляется особо, так как во фразеологизме, по мнению В.Н. Телия, «концептуализированы не только знания о собственно человеческой, наивной картине мира и все типы отношений субъекта к ее фрагментам, но и как бы запрограммировано участие этих языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры» (Телия 1996, 9). В процессе преемственности фразеологические единицы играют особую роль, выполняя функцию «культурных эталонов, стереотипов», пропитанных мировидением определенной национально-культурной общности. Они выступают «как языковые экспоненты культурных знаков» (Там же, 250). Фразеологизмы функционируют в языке в качестве знаков номинации и одновременно трансляции элементов культуры и речемыслительной деятельности носителей языка. Знаковая антропометричность фразеологических единиц эксплицируется соразмерностью метафорического фрейма семантики фразеологизма свойствам человека (Там же, 174). Таким образом, фразеологизмы – специфические языковые сочетания, в которых отражается культурная среда человека. Именно во фразеологизмах кодируется «важная, охраняемая» информация, которая при неверной дешифровке не достигнет перлокутивного эффекта.

Во фразеологическом образе фокусируются специфические коннотации и ассоциации, которые сопровождают существование определенного объекта в культурном пространстве и времени. Ассоциации, признаки, атрибуты, которые нивелируются в других неспецифических контекстах, во фразеологии играют главную роль, т. е. актуализируются, гиперболизируются составляющие прототипа, которые являются очевидными и лишними в других контекстах.

Исходя из утверждения А.М. Бабкина («идиоматика – это святая святых национального языка» (Бабкин 1979, 7)), можно предположить, что область фразеологии является неким абсорбирующим

материалом, в котором манифестируется дух и репрезентируется своеобразие нации. Фразеологизм представляет собой языковую сущность, и посредством референции к культурному знанию у нее возникает новая коннотация, трансформирующая фразеологическую единицу в новое семиотическое образование, в котором априорно содержится эманация культуры.

Одна из основных задач языка СМИ – оперативно и с достаточной степенью объективности информировать о событиях внутри страны и в мире. Это продиктовано в первую очередь малой формой журналистского произведения. Поэтому для журналиста важно найти оптимальный коммуникативный тип сообщения, в котором наиболее эффективно реализовался бы конструктивный принцип построения текстов СМИ – соотношение экспрессивных и стандартных средств языка.

В речи СМИ высокочастотны компоненты, которые выполняют функцию семантической компрессии в тексте. Одним из таких средств «экономии» речи являются фразеологизмы, включающие в себя соматический компонент. Любой соматизм, введенный в структуру речи, – это своего рода репрезентация культурного кода. Расшифровать эту информацию как речемыслительную и текстообразующую совсем не трудно. Однако только при разворачивании всех имплицитных характеристик возможен семиотический анализ заложенных в таких конструкциях смыслов, который, в свою очередь, выводит исследователя на уровень микро- и макростратегий информационных каналов.

Основываясь на классификации соматических кодов, представленной В.Н. Телия, выделим некоторые культурные коды, «скрытые» во фраземах с соматическим (телесным) компонентом. Например, зооморфный: *Мороз кусает за нос* (СБ. Беларусь сегодня, 10.03.2010); *Ну когда уже спикирует и зароеется носом в ил* (СБ. Беларусь сегодня, 25.05.2010); антропный: *Но всем соперникам утер нос* (СБ. Беларусь сегодня, 16.02.2010); пространственный: *Обязательно столкнетесь нос к носу* (СБ. Беларусь сегодня, 15.01.2010); телесный (соматический): *Nie kiwnęła palcem w mojej sprawie* (Gazeta Wyborcza, 17.05.2010); количественный: *Można policzyć na palcach jednej ręki* (Gazeta Wyborcza, 08.08.2010); «гастрономический»: *...wagi nie są wyssane z palca* (Gazeta Wyborcza, 07.06.2010); духовно-религиозно-антропоморфный код: *Нельга аднавіць – значыць, неабходны знос, як кажуць, каб не было «бяльма на воку»* (Звезда, 27.05.2010); природный: *Прырода... радуе вока* (Звезда, 18.05.2010) и т. д.

Соматические фразеологизмы – это своего рода символизация акциональных эмоций, «продуктивность» которой обусловлена, главным образом, их физиогномическим происхождением. Так, например, покраснение – запрограммированный природой человека признак стыда, расширенные зрачки – акциональный символ страха или удивления... В своем онтогенезе акциональные символы мотивированы конкретными наблюдаемыми реальными поступками человека (поднятие бровей – символ удивления, взмах руки – символ отчаяния). Вероятно, в большинстве своем эти символы панкультурны в силу идентичности лежащих в их основе физиогномических реакций людей, относящихся к разным этносам» (Красавский 2008, 88).

Подобные фразеологизмы выполняют роль активного эмоционального дейксиса в газетном тексте: *У пацана с лица моментально стерло тупую улыбку: – Не надо, я выйду, – и красный как рак выскочил на следующей остановке* (СБ. Беларусь сегодня, 08.12.2008); *Зрители мужского пола глядели открыв рот...* (СБ. Беларусь сегодня, 31.07.2009); *Я ей эту печальную историю рассказываю, она и бровью не ведет* (СБ. Беларусь сегодня, 25.09.2009); *Слінкі цяклі ад адных яго апетытных аповедаў пра сыр з авечага малака, экзатычныя салаты і дары мора...* (Звезда, 04.06.2010); *Мільгаценне мушак перад вачыма* (Звезда, 20.05.2010); *Trzy wozy z oficerami, którzy bez zmrżenia oka...* (Gazeta Wyborcza, 25.05.2010); *Niestety tak, ale to są «polscy katolicy», którzy jak nikt poza nimi na świecie potrafią bez zmrżenia oka łączyć nienawiść z naukami miłości Chrystusowymi* (Gazeta Wyborcza, 21.02.2010).

В публицистическом тексте соматические фразеологизмы как экспоненты культурных знаков выполняют следующие функции узуального характера:

– номинативную, т. е. называют предмет, явление, ситуацию (*Наш гарадок змяніў сваё аблічча за апошні час* (Звезда, 04.06.2010));

– «лаконизации» речи, или каждый фразеологизм обладает имманентным, уникальным значением, которое можно декодировать лишь пространственным, описательным способом (*А они сына или дочь с пеной у рта защищают* (СБ. Беларусь сегодня, 09.04.2009) (в значении защищать горячо, крайне возбужденно). Ни один из представленных вариантов значений в полной мере не раскрывает истинного смысла фраземы «пена у рта», зафиксированного в лексикографических работах;

– образного высказывания, оценки: *У мужа сапраўды залатыя рукі, ён нават сам плітку паклаў* (Звезда, 21.05.2010). Именно эта функция представляет для публицистического текста наибольшие возможности в завуалированной подаче заведомо «сконструированного» (уже оцененного) материала посредством воздействия на эмоциональную сферу читателя с помощью фразеологизмов.

Соматические фразеологизмы в газетной речи выполняют эмоциональную и экспрессивную функции, т. е. передают эмоциональное состояние человека и являются ярким выразительным средством в тексте («Mglisty smak samogonu, łąza w oku!» (Gazeta Wyborcza, 03.12.2009)).

К наиболее читаемым видам газетного текста, эффективно выполняющим фатическую функцию, исследователи относят заголовки. В его структуре высокочастотны фразеологизмы с компонентом

«часть тела»: «Пена у рта» (СБ. Беларусь сегодня, 03.03.2010); «Зоркое око» (СБ. Беларусь сегодня, 03.04.2008); «Мешки под глазами? За ворота!» (СБ. Беларусь сегодня, 16.02.2010); «Уникальная твердость лбов» (СБ. Беларусь сегодня, 30.04.2009); «Ноги в руки» (СБ. Беларусь сегодня, 16.02.2010); «На все руки мастер» (СБ. Беларусь сегодня, 11.12.2009); «Из кожи вон» (СБ. Беларусь сегодня, 06.01.2010), «Паднялася рука» (Звязда, 20.03.2010); «Здароўе сэрца – у ваших руках» (Звязда, 19.02.2010); «“Дзесяць” – пішам, а “пяць” – трымаем у галаве?» (Звязда, 05.04.2010); «Товар с лицом» (СБ. Беларусь сегодня, 12.06.2010); «Золотой волос» (СБ. Беларусь сегодня, 24.02.2010); «Потерянная улыбка» (СБ. Беларусь сегодня, 12.11.2009); «Стрэліў у сэрца» (Звязда, 15.01.2010); «Анджелина Джולי сделала Брэду Питту предложение руки и сердца, опустившись перед ним на одно колено» (СБ. Беларусь сегодня, 12.03.2010); «Два акіяны Дашыных усмешак» (Звязда, 16.03.2010), «Ад шчырага сэрца» (Звязда, 04.02.2010); «Увесь свет – у матчыных руках» (Звязда, 23.03.2010); «Баяўся аднаго: толькі б не застацца без ног» (Звязда, 27.02.2010).

Заголовок в газетно-публицистическом материале является одновременно рекламой и способом воздействия на адресата. Публицистический текст относится к так называемому «персуазивному типу дискурса, совмещающему в себе убеждение и манипуляцию, аргументы и суггестию. Основной целью данного типа дискурса является сознательное воздействие автора на интеллектуальную и психическую сферы адресата» (Клушина 2008, 45). Так, заголовок с фразеологизированным соматическим компонентом работает на весь текст в целом, предвосхищая его перлокутивную ценность, убеждающие и манипулятивные возможности.

Фразеологизм в заголовке, семантически и грамматически релевантный сигнификации всего текста, оформленный по принципу «золотого сечения» (или «знай меру во всем»), является залогом успешного декодирования информации читателем. Однако «золотой фонд языка» легко исчерпать; в этом случае используется прием трансформации фразеологизмов во избежание повторов, ибо любой непривычный предмет, сделавшийся постоянным, становится обыденным. Так, для более «строгой, четкой» репрезентации содержания в заголовке используются модификации фразеологизмов.

Важной категорией газетного заголовка является интертекстуальность, которая трактуется как «полилог культурных языков, когда текст строится из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных-перечитанных цитат, цитат без кавычек» (Сметанина 2002, 87). Например: *Багі таксама плачуць...* (Звязда, 11.03.2010); *Троянскому коню посмотрят в зубы* (СБ. Беларусь сегодня, 20.11.2009); *Горе от ума* (СБ. Беларусь сегодня, 21.04.2010); *Сердце на доброй ладони* (СБ. Беларусь сегодня, 05.01.2010); *То лапы ломит, то хвост отваливается...* (СБ. Беларусь сегодня, 12.03.2008).

В польском газетном тексте заголовки с фразеологизированным соматическим компонентом не частотны («*Jak kobyru plują nam w twarz*» (19.05.2010), «*Wakacje z nurkowaniem. Borneo – oko w oko z żółwiem*» (17.07.2009), «*Otwórz oczy na świat, czyli jak inwestować pieniądze nie tylko w Polsce*» (26.04.2010)), что объясняется «сдержанностью в оценках польских медиа, в их стремлении к нейтральности, завуалированности своих политических интересов, но при этом в тексте не избегаются острые, неприятные вопросы к представителям любых социально-политических направлений» (Мальса 2008, 290).

Соматизмы функционируют в заголовках чаще в прямом значении. Подобные метатексты отличаются напряженностью, актуальностью поставленной темы, в них может искусно воплощаться содержание в форму, они заинтересовывают, а не «вымышляют» новое, бесконечное, эфемерное значение какого-либо факта (Д. Хармс в своих письмах к друзьям так характеризовал газетный текст 30-х годов: *Кажется, эти стихи, ставшие вещью, можно снять с бумаги и бросить в окно, и окно разобьется. Вот что могут сделать слова! Но, с другой стороны, как те же слова могут быть беспомощны и жалки! Я не читаю газет. Это вымышленный, а не созданный мир. Это жалкий, сбитый типографский шрифт на плохой, занозистой бумаге* (Хармс 2007, 27)).

На страницах «*Gazeta Wyborcza*» встречаем: *Za mało krwi na pościeli* (08.06.2010) (о тяжелом положении турецких женщин, «домашнем рабстве»); *Choroby brudnych rąk* (16.06.2010) (о болезни «грязных рук»), *Karol Bielecki po operacji oka* (10.06.2010), *Oto moje ciało* (02.06.2010) (о том, что женщина всегда прекрасна, даже когда у нее рак), *Kiedy facetom rosną piersi* (21.05.2010) (о насущной проблеме ожирения и причинах заболевания).

Часто газетный заголовок подается в форме вопроса: «*Ulica Gandhi sercem Ursynowa? Tak, ale trzeba mieć wizję*» (30.01.2010), что провоцирует читателя «подключиться» к обсуждению заданной темы, войти в полилог, выразить свое мнение, поспорить с другими. В польском газетном тексте нередко случаи использования прецедентных текстов (цитат из песен, популярной литературы, фильмов и т. д.). Например, в заголовке «*Za jeden uśmiech*» (10.06.2010) используется прием усечения, т. е. ключом к пониманию текста является название фильма Stanisława Jędryki «*Podróż za jeden uśmiech*» (1972). Этот фильм был очень популярен в Польше в 1970–1980-х гг., дарил много улыбок: наступило время переоценить и переосмыслить реалии советского времени и вновь улыбнуться.

Наблюдения показывают, что наиболее продуктивными в реализации фатической функции заголовочных комплексов являются рифмованные интертексты «*Para buch! Nogi w ruch!*» (20.05.2010),

а также оформленные глаголами повелительного наклонения «A ty noś długie włosy» (04.06.2010). Интенция подобных заголовков – увлечь читателя в «мир информации», выйти на диалог.

Таким образом, типологические черты соматических фразеологизмов представлены в символизации акциональных эмоций, что транспонируется в их семантической экспрессии и эмоциональной дейктивности (*красный как рак, слінкі цяклі, bez zmrúzenia oka*). Textoобразующая роль соматических фразеологизмов заключается в системном проявлении их как структурных компонентов медиатекста, часто оформляющихся в виде заголовочных комплексов, что в некоторой степени предопределено распространенной в современной журналистике манере письма, основанной на интертекстуальности.

Детальное изучение знаковой структуры газетного текста в тесной взаимосвязи компонентов, системно организующих соматический код издания, позволяет рассматривать журналистское произведение как сложное коммуникативное явление, включающее в себя парадигму интра- и экстралингвистических факторов, обеспечивающих функцию локутивного, иллюкутивного и перлокутивного процессов.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабкин А. М. Идиоматика (фразеология) в языке и словаре // Современная русская лексикография. Л., 1979.
- Богус З. А. Соматизмы в разносистемных языках: Семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты (на материале русского, адыгейского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2006.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2007.
- Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. М., 2008.
- Красавский Н. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М., 2008.
- Малыса О. Эмоционально-оценочные смыслы в публицистических текстах // Журналистика-2008: стан, праблемы и перспектывы: Матэрыялы 10-й Міжнар. навук.-практ. канф. Мн., 2008.
- Сметанина С. М. Медиатекст в системе культуры: динамические процессы в журналистике конца XX века. СПб., 2002.
- Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- Хармс Д. Всестороннее исследование. Собрание произведений. М., 2007.
- Czerwińska Z. Национальный и интернациональный аспект русской и польской фразеологии, эксплицирующей невербальные средства коммуникации. Gdańsk, 2008.

Поступила в редакцию 29.09.11.

Елизавета Викторовна Ивченко – аспирантка кафедры стилистики и литературного редактирования Института журналистики БГУ. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета повышения квалификации и переподготовки кадров Института журналистики БГУ А.И. Басова.

ЯН ЧЖИ

ВЛИЯНИЕ ВЕЧЕРНЕЙ ПЕРИОДИКИ НА ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ СМИ КНР В СЕРЕДИНЕ XX в.

Отражены основные тенденции, условия и особенности, которые определили формирование социального статуса вечерней прессы Китая в середине XX в.

The article reflects the main trends, conditions and characteristics that define the formation of the social status of evening news in the middle of the twentieth century.

В обзоре, посвященном пятидесятилетней истории социалистической вечерней прессы, такие ученые, как Дин Фачжан, Ли Лунму, Фан Ханьци, Чжоу Шэнли, особо указывали на ее значимость в период гоминьдановского террора, антияпонской войны в 1940-х гг. и образования КНР в 1949 г. Именно в вечерних газетах печатались очерки и рассказы Лю Байюя, эссе Мао Цзэдуна, стихи Аи Цина, Тянь Циня, Сяо Саня, других ведущих писателей и поэтов, объединившихся в 1938 г. во Всекитайскую ассоциацию работников литературы и искусства по отпору японскому агрессору (см. Дин Фачжан 1999, 38). Это сотрудничество с вечерними газетами было обусловлено не только общей патриотической позицией, но и тем, что вечерняя пресса оставалась наиболее распространенным типом издания среди населения.

Велика роль вечерних газет и в создании системы средств массовой информации после 1949 г. После национализации материально-технической базы редакций печатных изданий и радиовещания, информационных агентств был определен принцип их финансирования (в основном в смешанной форме). В первую очередь это затронуло многочисленные вечерние газеты. Им предоставлялась возможность размещать торговую рекламу, частные объявления и другую платную информацию. Правда, для того чтобы получить статус государственно-частного предприятия, необходимо было согласие ЦК КПК, который требовал от местных партийных органов строго соблюдать дифференцированный подход, однако на практике это указание нередко нарушалось. И все же, несмотря на эти нарушения, которые компартия осудила и назвала «перегибами на местах в руководстве печатью», поддержка вечерних газет оказала положительное влияние на их развитие.

После освобождения в различных городах Китая стали выходить вечерние газеты. Так, в Тяньцзинь возобновила свою работу «Вечерняя газета Синьшэн», переименованная в 1953 г. в «Синь вань»

бао» («Новую вечернюю газету»); в Шанхае снова стала издаваться газета «Вечерний выпуск газеты Синьминь», переименованная в 1958 г. в «Вечернюю газету Синьминь». Тираж обеих газет на первых порах составлял несколько тысяч экземпляров, но именно они положили начало социалистической вечерней прессе КНР. 17 июня 1949 г. в Шанхае вышел в свет первый номер вечерней газеты «Дагун ваньбао» («Справедливость»). В редакционной статье подчеркивалось, что это издание является «народной газетой». Благодаря мерам по оказанию экономической помощи вечерней периодике такие газеты, как «Синьминьбао ванькань» в Чунцине, «Синь ваньбао» в Тяньцзине, «Янчэн ваньбао» в Гуанчжоу, быстро улучшили свое финансовое положение, получив статус государственно-частных.

В целом организационно-экономические меры, предпринятые ЦК КПК для укрепления национальных СМИ, позволили за короткий срок наладить производство информационной продукции в масштабах всей страны. За три года после победы революции число газет увеличилось в 8 раз. В мае 1953 г. в стране издавались 624 газеты общим тиражом 7 млн экз. (см. Фан Ханьци 1983, 378), примерно третью часть из них составляли бывшие вечерние газеты, а 8 – продолжали выходить как вечерние периодические издания.

В процессе реформирования вечерней прессы решались важные общественно-политические задачи. Они касались прежде всего эффективного использования профессиональных кадров редакций в создании сети местной печати, которая охватывала бы все населенные пункты страны. Другая задача была связана с вопросами строительства социалистического государства. Коммунистическая партия Китая в условиях длительного подполья и преследования Гоминьданом ее печатных органов, несмотря на периоды их частичной легализации, приобрела большой опыт в планировании мобилизационной стратегии СМИ, который было необходимо использовать в мирных условиях. Тем более что опасность контрреволюции со стороны Гоминьдана, возглавлявшегося Чан Кайши, не исчезла. В такой обстановке придавалось особое значение идеологической работе с населением, численность которого в 1949 г. достигла 540 млн человек. Важная роль в этом направлении отводилась СМИ, частью которых были вечерние газеты.

Типология вечерней прессы, как и всех СМИ, формировалась с учетом общественно-политического курса государства, территориально-административных уровней управления, тематической направленности и социально-демографического состава населения. На базе вечерних газет возникли печатные органы центральных районов, городов и автономных областей. Быстрыми темпами развивался также процесс социальной дифференциации новой печати по целевым группам аудитории, а именно: создавались газеты на крупных предприятиях, при уездных администрациях, армейские газеты. Из 270 газет, выходящих в Китае к 1955 г., печать КПК составляла 151 наименование, профсоюзная – 27, сельская пресса – 23, молодежные газеты – 17, газеты демократических партий и организаций – 15, ведомственные специализированные газеты – 14, пресса национальных меньшинств – 21, газеты на русском языке – 2 (Там же). Общий тираж печатной продукции превысил 9 млн экз. Ведущим изданием была газета «Жэньминь жибао», центральный орган ЦК КПК (основана в 1946 г. в уездном городе Ханьдань провинции Хэбэй).

Еще одним магистральным направлением в формировании общенародной системы СМИ стало расширение их общественно-политических функций за счет применения передовых по тем временам технологий производства массовой информации. В первую очередь это было связано с созданием национального радиовещания и государственной сети телеграфных агентств. С этой целью использовалось оборудование, брошенное при отступлении вооруженными силами Гоминьдана, которое в 1949 г. было полностью национализировано. Это помогло приступить к созданию общегосударственного агентства «Синьхуа», что стало важнейшим шагом к системной работе СМИ. Прежде всего у центрального аппарата появилась возможность координировать деятельность многочисленных филиалов и отделений, которые до этого работали разрозненно и ориентировались, главным образом, на свой регион, превратившись, по сути, в приделки местных газет.

Еще более важным шагом стало создание народного радиовещания. В 1949 г. в стране насчитывалось 49 народных и свыше 30 частных радиостанций. Самой крупной из них была основанная в 1928 г. в Нанкине «Станция радиовещания ЦИК Гоминьдана», которая по своим техническим возможностям была самой мощной в Азии. Ее оборудование использовали при создании народного радиовещания. В 1949 г. пекинская радиостанция «Бэйцзин синьхуа гуанбо дяньтай» (Пекинская радиостанция «Новый Китай») была переименована в Центральную радиостанцию.

Процесс радиофикации страны находил широкую поддержку среди творческих и технических представителей отрасли. Так, в 1956 г. на Четвертом Всекитайском совещании работников радиовещания обсуждались основные направления дальнейшего развития радио и телевидения, а также подготовка кадров для новейших и перспективных СМИ. В результате выполнения комплекса намеченных работ после пробных передач Пекинского телецентра в 1958 г. в стране было начато регулярное ежесуточное телевидение.

К середине 1950-х гг. в Китае в целом был завершен основной этап по реформированию и развитию технического производства всех видов информационной продукции, а также по созданию управ-

ляемой и координируемой системы средств массовой информации как одного из важнейших социальных институтов современного общества. Система СМИ народного Китая впервые включала печать, радио, телевидение, информационные агентства. По этим критериям, а также по производству и распространению информационной продукции КНР во второй половине 1950-х гг. вполне соответствовала принятым в те годы международным стандартам. При этом наиболее развитыми, как и в других странах мира, были печатные СМИ, которые являлись основой новой системы. Особое место в ней заняла вечерняя пресса. Хотя количество вечерних газет сократилось, их качественные характеристики намного превысили довоенный уровень. Эти изменения касались прежде всего проблематики выступлений, ориентации их на освещение процессов, значимых для подъема народного хозяйства, и усиление в этой связи публицистического потенциала. В результате четко определились общественно-политические и воспитательные функции вечерних газет, укрепились принципы их организационной и творческой деятельности, повысилась действенность и эффективность печатного слова.

Включение вечерней прессы в новую систему СМИ сказалось и на преобразованиях редакционной инфраструктуры. Благодаря налаженной координации системных связей вечерние газеты приобрели возможность прямых контактов с корпунктами информационного агентства «Синьхуа». Это позволило повысить оперативность в обработке новостей, обновить событийные рубрики, укрепить новостную журналистику. Расширились до уровня специализаций творческие возможности в совершенствовании таких журналистских профессий, как репортер, корреспондент, комментатор, обозреватель. Появилась необходимая профессиональная среда, в которой журналисты вечерней прессы приобретали новые навыки и умения в донесении до людей смысла происходящих перемен и коренных преобразований в жизни народа, а также основных направлений политики партии и правительства. Между вечерними газетами, имевшими статус центральных органов управления уездов и районов, и 40 корреспондентскими пунктами по всей стране налаживалась телеграфная связь, было организовано централизованное снабжение редакций фотоматериалами. Огромное значение для вечерней прессы северных, западных и южных районов Китая, где газета являлась единственным источником информации, сыграло решение ЦК КПК о кооперировании усилий печатной периодики и государственного радиовещания.

Огромное влияние на дальнейшее развитие вечерней прессы, как и всех СМИ Китая, оказала реформа национальной журналистики, проведенная в 1956 г. На состоявшемся в этом году VIII съезде КПК были провозглашены цели на ускоренное развитие науки, культуры и техники, которые были сформулированы в тезисе «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» (Хроника освещения 2000, 581). В этот период партия выдвинула к журналистам требование глубоко изучить накопленный опыт и традиции, обобщить и проанализировать все лучшее, что отличало национальную школу публицистической деятельности, и сравнить с достижениями в других странах. Только в сравнении можно было глубже понять, какие вопросы и задачи еще предстоит решить. Это был поиск путей построения в Китае «социализма с китайской спецификой». Серьезные изменения намечались в сфере массовой информации, печати и издательской деятельности. 1 июля 1956 г. в газете «Жэньминь жибао» была напечатана статья «Обращение к читателям». В ней излагались основные направления преобразований в области печатного дела. С этого момента большинство изданий Китая, в том числе и «Жэньминь жибао», изменили расположение строчек, которые стали горизонтальными, а не вертикальными, как раньше. Это был существенный шаг в процессе обновления не только облика, но и содержательного комплекса печатной периодики. Фактически тем самым был окончательно завершён переход на язык байхуа, начатый еще в 1920-е гг. движением 4 Мая.

Статья в газете «Жэньминь жибао» заложила прочный фундамент для дальнейшего развития вечерней прессы. Уже в день публикации этого материала вышел в свет первый номер газеты «Чанша ваньбао» («Вечерний Чанша»), а с 1 октября 1957 г. стала издаваться «Янчэн ваньбао» («Вечерний Гуанчжоу»). 15 марта 1958 г. появился первый номер газеты «Бэйцзин ваньбао» («Вечерний Пекин»). Выпуск вечерних газет в крупнейших городах Китая, и в особенности в столице страны, открыл новую страницу в истории национальных вечерних газет в XX в. (Там же).

В мае 1959 г. и в апреле 1960 г. в Пекине и Гуанчжоу состоялись Первая и Вторая конференции Ассоциации вечерней прессы Китая, на которых журналисты выразили полную поддержку политики КПК в создании нового социалистического народного хозяйства. В резолюциях конференций особо подчеркивалась необходимость с помощью вечерней прессы усилить пропаганду идей построения социалистического государства в уездах и сельской местности. В начале 1960 г. ЦК КПК принял решение «Об урегулировании печатной прессы». В этой связи вечерние газеты, от волостных до городских и уездных, были отнесены к партийной печати. Они стали важной частью партийной прессы и существенным звеном в системе массовой информации и пропаганды. Решение открыло новые перспективы для постепенного освоения вечерней периодикой индустриальных принципов производства массовой информации, более тесного и плодотворного сотрудничества с другими СМИ и совершенствования профессионального мастерства журналистов.

Однако развитию вечерней прессы в Китае большой урон нанесли развернувшаяся борьба против «правого уклона» и политика «большого скачка», который в какой-то степени удалось восполнить лишь к началу 1960-х гг. Так, уже в 1961 г. такие региональные газеты, как «Сиань жибао», «Чэнду жибао», «Хэфэй жибао», «Наньчан жибао» и «Харбин жибао», перешли на вечернюю форму выпуска. Это свидетельствовало о значительном потенциале вечерней прессы. В публикациях на страницах вечерних газет была отмечена тенденция поднять уровень оперативного освещения фактов, событий и явлений, важных для проведения в жизнь политики КПК по строительству социализма. Редакции старались творчески осуществлять функции коллективного агитатора, пропагандиста и организатора, глубоко вникать в проблемы общественной жизни, конструктивно решать задачи, поставленные КПК перед массовой народной печатью.

К началу «культурной революции» в стране работало 17 редакций вечерних газет: «Наньнин ваньбао», «Янчэн ваньбао», «Бэйцзин ваньбао», «Шеньян ваньбао», «Наньчан ваньбао», «Чэнду ваньбао», «Сиань ваньбао», «Чанша ваньбао», «Хэфэй ваньбао», «Ухань ваньбао», «Чжэнчжоу ваньбао», «Синьминь ваньбао», «Тайюань ваньбао», «Харбин ваньбао», «Цзинань ваньбао», «Шаши ваньбао» и «Синь ваньбао». Среди них наибольшим авторитетом пользовались редакции таких газет, как «Синьминь ваньбао», «Янчэн ваньбао» и «Бэйцзин ваньбао», которые в сравнительно короткий срок сумели наладить свое производство и творческий процесс на самом высоком уровне.

Укреплению социального статуса вечерних газет способствовало творческое освоение таких информационно-новостных жанров, как репортаж, обзор, комментарий; художественно-публицистических жанровых форм, как очерк, эссе, наследующих традиции классического печатного слова, и проза с продолжением как особый вид газетной беллетристики. Благодаря этому прогрессивная вечерняя пресса стала составной частью формирующейся системы общенациональных СМИ, что способствовало усилению общественно-политической роли вечерних газет, развитию и подъему национальной публицистики.

ЛИТЕРАТУРА

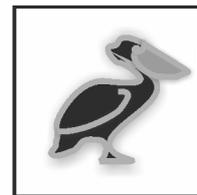
Дин Фачжан. История социалистической прессы КНР. Пекин, 1999.

Фан Ханьци. Краткая история китайской журналистики. Пекин, 1983.

Хроника освещения 50-летней работы вечерней прессы нового Китая. Шанхай, 2000.

Поступила в редакцию 22.09.11.

Ян Чжи – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры зарубежной журналистики и литературы Института журналистики БГУ.

Л.В. ХВЕДЧЕНЯ

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КВАЛИМЕТРИЯ: ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассматриваются историко-методологические аспекты педагогической квалиметрии – отрасли знания, изучающей методологию и проблематику количественной оценки качества педагогической деятельности в целом и практики контрольно-оценочной деятельности в частности. В широком социокультурном контексте анализируется становление и динамика развития педагогической квалиметрии, выявляются факторы, детерминирующие этот процесс.

The article deals with the history and methodology of the quality measurement of pedagogical activity in general and its practical application in control and assessment activity in particular. In a broad socio-cultural context the author analyzes the formation and dynamics of the development of qualitative assessment in pedagogy, reveals factors determining this process.

Педагогическая квалиметрия (от лат. qualis – какой по качеству) определяется как «дисциплина, изучающая методологию и проблематику количественной оценки качества педагогических инноваций и педагогической деятельности в целом» (см. Педагогический словарь 2006, 159). Вопросы педагогической квалиметрии весьма многогранны и недостаточно полно исследованы в научно-методической литературе. Среди наиболее значимых можно упомянуть работы М.А. Амоношвили, Е.И. Пассова, И.И. Циркуна, В.А. Якунина и др. Историко-методологический аспект проблемы до сих пор остается вне поля зрения исследователей, в то время как именно через призму истории можно лучше увидеть явление как целое, со всеми присущими ему закономерностями и детерминирующими факторами развития. В данной статье делается попытка проанализировать динамику становления и подходы к организации квалиметрической деятельности в ее широкой социокультурной и общепедагогической обусловленности. В практическом плане описанию подлежит сфера контроля и оценки результатов учебно-познавательной деятельности в ее количественном и качественном выражении.

История педагогики и философии образования выделяет три наиболее значимых хронологических периода, в рамках которых наиболее рельефно проявляется развитие этой педагогической категории. Первый этап – донаучный, эмпирический, охватывающий практически всю эпоху Античности и раннего Средневековья (Древний Египет, Греция, Рим). Второй – с конца XVI до конца XIX в. (эпоха Реформации и Просвещения). Третий – эпоха Нового и Новейшего времени, для которой характерно научное философско-методологическое осмысление теории и практики образования. Перечисленные этапы знаменуют собой радикальную для истории цивилизации смену вектора общественного развития, связанную преимущественно с переходом от религиозной парадигмы к религиозно-светской и светской. Каждая из парадигм предъявляла свои способы научного познания, свое переосмысление задач образования и адекватную им оценку результатов учебно-познавательной деятельности.

Эпоха Античности и раннего Средневековья предлагала знание, которое носило преимущественно философско-религиозный характер. Образование было необходимо для поддержания устоев общества, распространения христианства в Европе, а грамота – как средство на пути к познанию религиозной истины. В описываемый период происходило формирование зачатков высшего публичного образования. Объем знаний был весьма ограничен (обучали семи свободным искусствам). Преследовались общеобразовательные цели, направленные на гармоничное физическое и интеллектуальное развитие, на формирование логики мышления. Соответственно ставились задачи развивать умения размышлять, видеть проблему, делать умозаключения и выводы, проводить анализ-синтез. Как свидетельствуют данные историографии того времени, контроль осуществлялся в процессе «живого» общения на основе непрерывной обратной связи, т. е. в процессе проведения эвристических бесед главным образом на религиозно-этические темы. По результатам судили об образованности человека, которая сводилась не только к элементарной по нынешним понятиям грамотности, но и жизненной мудрости (см. Хрестоматия 1936).

Разумеется, как показатель уровня обученности отдельным дисциплинам этот метод недостаточно диагностичен, поэтому широко использовалась система словесных форм оценки знаний. Отметки и другие способы количественной оценки учебных достижений долгое время отсутствовали. Как известно, контроль носил достаточно жесткий характер. Атрибутами его были подавление личности, суровая дисциплина, телесные наказания за неуспеваемость и плохое поведение. Таковым являлось мировоззрение эпохи, ее жизненный уклад и уровень развития общественного сознания. В то же время именно великие мыслители древности (Сократ, Сенека, Пифагор, Платон, Аристотель, Гераклит, Демокрит и др.) создали всеобъемлющую философскую систему своего времени, надолго предопределившую ценностные ориентации педагогической деятельности и составившую основу логической научной парадигмы с ее атомистическим подходом к анализу и оценке явлений окружающего мира.

В период феодализма и эпоху Возрождения на арену вышли такие гиганты педагогической мысли, как М. Монтень, Ф. Рабле, Т. Мор, И. Кеплер, Т. Кампонелла, Э. Роттердамский, Я.А. Коменский, заложившие основы новой дидактики и новой философии образования в соответствии с утверждающимся свободным взглядом на человека и верой в его могущественные творческие силы. Идеи всеисильности человека и его власти над природой и обществом со временем находили все больше последователей, что в конечном итоге выразилось в формировании нового культурного феномена, известного сегодня под названием «модернизм».

Постепенно битва между старым и новым привела к отходу от религиозной схоластики и догматизма, к усилению роли светского знания. Обосновывается и излагается педагогическая доктрина, суть которой в наиболее яркой форме сформирована в трудах великого чешского педагога-гуманиста Я.А. Коменского («Великая дидактика» и др.). Именно со времен Я.А. Коменского, признанного основоположителя педагогики Нового времени, получают научное обоснование основные дидактические категории, заложившие основу педагогики как науки. Наряду с системообразующими категориями целей и содержания образования ученый-гуманист уделяет большое внимание вопросам контроля знаний, видя в последнем залог надежности обучения, его качества и результативности (см. Коменский 1982). Ученый разработал многие положения, которые в дальнейшем способствовали развитию теории контрольно-оценочной деятельности. Именно Я.А. Коменский впервые ввел в научный обиход термины «учет знаний», «экзамен», «коллоквиум», «диктант» и сформулировал правила и порядок контроля для средней школы, которые распространились и на университеты. Феномен модернизации системы контроля заключался в том, что он становился более мягким и гуманным. Следует, однако, отметить, что, несмотря на внимание, уделяемое контролю за уровнем обученности и воспитанности, речь не могла идти о педагогической квалиметрии в ее современном понимании. Понятие качества предполагает высокий уровень развития науки и цивилизации, низкая цивилизация заботится о выживании. В то же время работы Я.А. Коменского можно считать основополагающими для развития теории контрольно-оценочной деятельности.

В эпоху Реформации (рубеж XVI–XVII вв.), знаменующей собой развитие европейской государственности, формируется философия образования, ориентированная на рациональное знание и фундаментальную науку (М. Лютер, Ф. Бэкон). В Европе происходит становление светского научного образования как определенной институционально оформленной системы и типа культуры. Особенно бурно развиваются те специфические формы знаний, от которых зависела материальная сила и конкурентоспособность государства. Овладение содержанием «чистых наук» стало рассматриваться одной из главных целей, в чем можно усматривать зарождение «знаниевой» парадигмы, просуществовавшей вплоть до конца XX в. В систему оценки результатов образования рационалистическое отношение к миру привнесло ориентацию на знания, умения и навыки как конечный результат образования и главный объект контроля его качества. Задача развития личности рассматривалась через призму ее информационной загрузки и соответствия представлению о гражданине и патриоте.

Необходимость подготовки конкурентоспособных, квалифицированных специалистов привела к расширению круга учебных заведений и дифференцированному подходу в оценке знаний специалистов разных профилей. В 1838 г. Министерством народного просвещения России была установлена числовая, 5-балльная, система, просуществовавшая с небольшими отклонениями до конца XX в. Плохие успехи обозначались баллом 1, слабые – 2, достаточные – 3, хорошие – 4, отличные – 5.

Правила и порядок педагогического контроля регулировались уставами (1804, 1835, 1863, 1884 и пр.). Как и за рубежом, последние допускали значительный либерализм, предоставляя университетам возможность выбора способов контроля по педагогическим соображениям. Кроме балльной оценки существовала система всевозможных поощрений, медалей, похвальных грамот. Для повышения качества подготовки специалистов стали применяться вариативные формы и методы устного и письменного контроля. Испытания проводились более гуманно и вдумчиво, однако всякое «инакомыслие» по-прежнему исключалось. При оценке результатов образования, как правило, учитывались прилежание и дисциплинированность. В целом система контроля отличалась определенным консерватизмом как с точки зрения содержания, так и организационных форм.

Педагогика XIX в. развивалась под влиянием идей крупнейших западных мыслителей – И. Канта, Г.В. Гегеля, социалистов-утопистов А.К. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна, а также выдающихся педагогов-демократов И.Г. Песталоцци, А. Дистервега и др., педагогические проекты которых содержат множество идей, касающихся содержания образования, а также требований по оценке качества знаний. Отечественная педагогика второй половины XIX – начала XX в. также активно прорабатывала указанные проблемы на демократических и гуманистических началах. Продолжался активный поиск научного решения проблем качества (В.Г. Белинский, В.П. Вахтеров, П.Ф. Каптерев, А.П. Медведков, Д.И. Менделеев, Н.И. Пирогов, Л.И. Толстой, К.Д. Ушинский). Ученые подвергли острой критике схоластическую школу с господствующим в ней неуважением к личности и принуждением к учению. Активно обсуждалась балльная система, однако дискуссия осуществлялась в направлении усовершенствования и выбора системы отметок (5-, 10-, 12-, 20-, 100-балльной); в создании условий, ограничивающих отрицательные психологические последствия на личность испытуемого; в разработке новых методов контроля. Заслуживает внимания точка зрения Д.И. Менделеева (1834–1907) об отмене экзамена как итоговой формы контроля и замене его устным или письменным изложением либо исследовательской поисковой деятельностью. Представитель гуманистической системы отечественного образования П.Ф. Каптерев (1849–1922) проповедовал идеи самоорганизации учебной деятельности. К.Д. Ушинский (1824–1871) рекомендовал вместо постоянного контроля больше времени уделять повторению и закреплению материала, содержащего узловые моменты знаний. В дальнейшем это привело к усилению роли промежуточного контроля. Так в спорах и диспутах происходило становление научных подходов к формированию системы контроля знаний. Они отражали рационалистическую модель образования, но в лучших своих образцах характеризовались гуманистической направленностью, неординарностью и исконно русской адаптивностью.

Образовательная философия Новейшего времени привела к резкому размежеванию в начале XX в. зарубежной и отечественной методологической базы. В то время как Западная Европа оставалась стоять на позициях прагматизма, ориентируясь на знания, умения и навыки, а позже – компетенции, отечественное образование усилило воспитательную функцию, наделив ее идеологическим содержанием. Однако контрольно-оценочная деятельность не претерпела сколь-нибудь серьезных изменений. По-прежнему оценке подвергались репродуктивные умения, а провозглашаемое «всестороннее развитие личности» рассматривалось как накопительный результат обучения и воспитания.

Негативным опытом можно признать отмену в первые годы советской власти контроля за успеваемостью, что было связано с необходимостью решения вопроса ликвидации массовой безграмотности. Была аннулирована балльная система оценивания. Вместо этого получили распространение различные формы самоконтроля и самоучета (индивидуальный, бригадный и т. п.). Безотметочное обучение, естественно, снизило качество образования и в дальнейшем привело к возврату к ранее существовавшей системе.

Несмотря на хаотичность поисков, XX век явился наиболее значимым периодом формирования системы контроля и оценки знаний на научной основе (М.А. Амоношвили, А.А. Вагнер, Б.Д. Эльконин, В.А. Якунин, А. Цукерман). Этому способствовала гуманистическая модель образования, формирующаяся под влиянием философии экзистенциализма и принявшая отдельные идеи прагматизма, персонализма, антропологизма, а главное – концепции гуманистической психологии, ведущими представителями которой были А. Комбс, Э. Келли, А. Маслоу, Р. Мей, К. Роджерс и др. Эти идеи трансформировались в педагогические концепции, способные конкурировать со временем, отвечать на его вызовы, определять характер и методологию педагогики как учения о структуре, логической организации методов и средств педагогической деятельности, принципах построения, формах и способах научного познания. Методологическая база расширилась за счет принципов, отражающих суть нового философского восприятия мира. Их можно обозначить терминами «глобализация», «демократизация», «гуманизация», «экологизация», «культурологизация». Утверждается новая образовательная парадигма (антропоцентрическая), соответствующая реалиям меняющегося мира. В ее основе – личностно ориентированный подход, основанный на признании общечеловеческих ценностей и ставящий во главу угла самого человека. В рамках новой парадигмы происходит целый ряд позитивных изменений, таких как:

- смена целей и механизмов образования, предусматривающая переход от чистой социализации и адаптации к индивидуально-личностному развитию;
- смена средств образования, предполагающая переход от научных знаний как основы содержания к культуре в целом;
- смена форм образования, усиление роли самообразования и самоподготовки;
- смена предметной организации содержания обучения, в основе которой лежит переход от отдельных научных дисциплин к междисциплинарным блокам;
- смена методов и технологий образования, предполагающая переход от созерцательных методов к проблемным, развивающим критическое и творческое мышление;
- смена парадигмы оценки качества образования, переход от знаниевой парадигмы к компетентностной, что рассматривается как одно из перспективных направлений модернизации всей системы образования;

- ориентация на непрерывное образование, переход от модели «образование на всю жизнь» к модели «образование через всю жизнь», что связано со стремительным технологическим и информационным развитием;

- субъект-субъектные партнерские отношения основных участников образовательного процесса.

Общепедагогические преобразования находят отражение в организации и содержании контрольно-оценочной деятельности, а именно:

- в активизации внутренних механизмов контроля, что проявляется в сочетании педагогического контроля и самоконтроля, теоретическое обоснование которого лежит в области психологии рефлексии;

- личностно ориентированном характере контроля, предполагающем переход от нормативно построенного стандартизированного контроля к его организации как индивидуальной деятельности, приобретающей личностный смысл. Все компоненты системы контроля формируются структурно и содержательно с ориентацией на личность обучаемого;

- развитии теории и практики педагогической квалиметрии как отдельной отрасли знания, имеющей дело с мониторингом качества педагогической деятельности на основе количественных и описательных шкал, заданий-индикаторов, системы весовых коэффициентов и т. п.;

- внедрении компетентного подхода к измерению конечных результатов учебно-познавательной деятельности как нормативного для современной системы образования;

- расширении содержания контроля за счет включения всех параметров, составляющих структуру учебной деятельности: теоретических знаний, практических навыков и умений, а также способов деятельности и т. п.;

- углублении научного представления о структуре контроля: видах, формах, методах, средствах, принципах организации.

Исследования в области контроля направлены не только на совершенствование отдельных приемов, но и на их правильную организацию по отношению к цели. Это привело к разработке целостных инновационных технологий контроля качества, предлагающих универсальные алгоритмы деятельности, легко воспроизводимые и видоизменяемые. Одной из наиболее распространенных технологий контроля качества знаний можно считать модульно-рейтинговую (П.А. Юцявичене, П.И. Чошанов, П.И. Третьякова, А.В. Макаров, А.И. Жук, З.П. Трофимов, Г.И. Бобко, В.С. Вязовкина и др.). Суть ее заключается в модульном принципе структурирования содержания учебной дисциплины и использовании рейтинговой интегрально-накопительной шкалы оценки учебных достижений на основе текущего, промежуточного и итогового контроля. Происходит замена традиционного дискретно-сессийного контроля на лонгитюдный, непрерывно набираемый за весь период обучения и дифференцированно ранжируемый в зависимости от масштаба и степени важности решаемых задач. При проектировании технологий контроля широко используются методы математической статистики, групповых и экспертных оценок.

В рамках гуманистического, личностно ориентированного образования, усиливающего акцент на самоконтроль как центральное образование личности, практикуется варьирование режимов контроля и более широкое использование различных видов оценочных шкал (количественных/числовых и качественных/дискретивных), каждая из которых имеет свою критериальную базу. Наиболее оптимальным представляется сочетание педагогического и самоконтроля, осуществляемого на основе технологии портфолио (О.В. Галустян, Н.И. Кошелева, А.А. Воскресенская и др.).

Проведенный анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что проблема количественной оценки качества педагогической деятельности является перманентно актуальной. Она ограничивается историческими рамками, рассматривается в контексте развития всей педагогической системы, принимая формы, адекватные духу и мировоззрению эпохи, гносеологии научного познания, целям образования, используемым методам обучения. Несмотря на свойственную ей устойчивость и консервативность, система контроля постоянно совершенствовалась, что особенно наглядно проявлялось на фоне крупных временных отрезков, знаменующих собой смену механизмов общественного развития и сопутствующих им научных парадигм образования.

Современная теория педагогической квалиметрии представляет собой многогранную отрасль знаний о качестве образования и базируется на учении о квалиметрии человека и образования в целом. Ее теоретическую основу составляют положения теории измерения, моделирования и математической статистики, в то время как практическое применение лежит преимущественно в сфере контроля и оценки результатов учебно-познавательной деятельности, которые были достигнуты обучаемыми на определенном этапе в соответствии с планируемыми целями.

ЛИТЕРАТУРА

- Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения: В 2 т. М., 1982. Т. 1.
Педагогический словарь / В.Н. Наумчик и др. Мн., 2006.
Хрестоматия по истории педагогики: В 2 т. М., 1936. Т. 1.

Поступила в редакцию 29.11.11.

Людмила Владимировна Хведченя – доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка гуманитарных факультетов.

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ И ГРАММАТИЧЕСКОЙ ПРАВИЛЬНОСТИ РЕЧИ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

Рассмотрены методические аспекты изучения акцентологических, орфоэпических и грамматических норм в курсе «Стилистика и культура речи» на филологических факультетах вузов.

The article deals with the methodical aspects of the learning of accentological, orthoepic and grammar norms in the special course «Stylistics and speech culture» at the philological faculties.

Основным коммуникативным качеством речи является правильность – соответствие высказывания нормам русского литературного языка. Следовательно, чтобы сделать речь студента правильной, необходимо обучить его языковым нормам и закрепить полученные знания на практике. Традиционно данная работа ведется в рамках курса «Стилистика и культура речи».

Понятие «правильная речь» включает в себя 3 основных компонента: орфоэпическую, лексическую и грамматическую правильность.

Цель данной статьи заключается в разработке методических путей формирования акцентологической, орфоэпической и грамматической правильности речи у студентов филологических факультетов вузов.

Работа над правильностью речи основывается на принципах:

1) взаимосвязи известного и нового (у студентов к моменту изучения курса «Стилистика и культура речи» (4-й курс) уже сформированы базовые представления о нормах русского литературного языка, поэтому основной задачей на данном этапе является не столько ознакомление с учебным материалом, сколько корректировка имеющихся знаний, умений и навыков;

2) взаимосвязи всех норм русского литературного языка (студенты должны осознать, что все нормы языка функционируют в тесной взаимосвязи друг с другом и ошибка на одном языковом уровне может повлечь за собой ошибку на другом уровне языковой системы);

3) научности и сознательности в процессе выбора варианта диспозитивной нормы (предполагается, что студент не только умеет выбрать необходимый вариант из имеющегося перечня, но и может объяснить правильность своего выбора там, где это возможно).

В процессе обучения правильной речи формируются умения:

- находить и исправлять в речи ошибки, связанные с нарушением морфологических и синтаксических норм;

- выбирать из вариантов диспозитивной нормы и мотивировать свой выбор;

- пользоваться словарями русского языка для выбора нормативного варианта.

При обучении правильной речи используются следующие типы упражнений.

1. Работа с теоретическим материалом (поиск оптимального определения, классификация понятий и явлений, обобщение и систематизация материала с помощью таблицы и схемы, установление закономерностей и т. д.).

Так, в начале работы над конкретной темой целесообразно предложить студентам список терминов, значение которых они должны найти в словаре. После знакомства с необходимым теоретическим материалом учащиеся начинают выполнять упражнения, направленные на формирование практических умений и навыков. Например, изучение темы «Управление» в аспекте культуры речи и стилистики предполагает работу с такими словарными статьями, как «Родительный падеж субъекта», «Родительный падеж объекта», «Нанизывание падежей», «Морфологическая омонимия» и т. д. Теоретическую составляющую темы можно предложить представить в виде схемы, что будет являться хорошим способом оценки уровня усвоения теории.

Теоретические обобщения можно делать также на примере речевых образцов: на основе предложенных сочетаний собирательных числительных с существительными и местоимениями делается вывод о синтаксической валентности указанного разряда числительных.

Могут активно использоваться упражнения на установление характера речевой ошибки (возможность студента найти ошибку и дать ей точное определение свидетельствует о достаточно глубоком усвоении теоретического материала).

2. Выбор нормативного варианта и обоснование своего выбора.

Вариативность может проявляться на уровне образования формы слова. Так, варианты могут различаться семантически и стилистически. Учет этих факторов и умение правильно образовать варианты грамматические формы слова в зависимости от их значения и стилистической маркированности – цель выполнения данной группы упражнений.

3. Образование правильной словоформы.

4. Работа со словарем.

5. Восприятие устной и письменной речи, поиск в ней речевых недочетов и их исправление.

При выполнении таких заданий можно активно использовать современные публицистические тексты. Журналист и филолог Т. Иванова указывает на большое количество речевых недочетов в речи теле- и радиоведущих. По ее словам, среди наиболее частотных грамматических ошибок в языке СМИ можно отметить следующие: ошибки в склонении числительных, ошибки в употреблении географических наименований, неправильное образование предложно-падежных форм (см. Купина, Михайлова 2004, 73–74). Студенты должны научиться выявлять подобные ошибки в устной и письменной речи и исправлять их.

6. Анализ языковой ситуации и предложение основного и допустимого вариантов диспозитивной нормы.

7. Выявление негативного речевого материала в устной речи носителей языка и объяснение возможных причин речевых ошибок.

8. Рассуждения лингвистического характера на темы, связанные с прогнозированием развития норм русского литературного языка в будущем с обоснованием своей точки зрения.

Нормы русского языка развиваются и претерпевают изменения с течением времени. Установление характера и закономерностей этих изменений, попытка спрогнозировать возможный путь развития норм – все это может стать предметом обсуждения на практических занятиях по курсу «Стилистика и культура речи». Для разработки заданий к таким занятиям может быть использована книга Н.С. Валгиной «Активные процессы в современном русском языке» (М., 2003).

Одним из важнейших элементов общей культуры носителей языка и культуры речи является соблюдение акцентологической и орфоэпической норм. «Владение нормами правильного произношения облегчает общение людей, дает возможность вдуматься в содержание того, о чем говорят, не отвлекаясь на то, как произносятся те или иные слова» (Коренькова, Пушкарева 2010, 56).

При изучении акцентологических и орфоэпических норм у учащихся должно сформироваться четкое представление о том, что в русском языке существуют императивные (предусматривающие только один вариант) и диспозитивные (предусматривающие несколько вариантов) нормы. Причем необходимо уметь дифференцировать варианты с точки зрения их равноправия или допустимости (ограниченности) в определенных ситуациях (*устаревшее, профессиональное* и т. д.).

Для достижения этих целей необходимо выполнить следующие формулировки заданий: сгруппировать слова по критерию однотипности постановки ударения (произношения); определить соотношение нормативного/ненормативного вариантов. Если вариант является ограниченно употребительным, установить характер ограничения (*устаревшее, просторечное, профессиональное* и т. д.); подобрать слова (словоформы), которые можно отнести к данной произносительной группе; назвать слова, литературная норма произношения которых отличается от нормы произношения таковых в профессиональной среде.

При выполнении этих заданий у студентов будут активно совершенствоваться умения и навыки работы с акцентологическими и орфоэпическими словарями.

Особое внимание при формировании орфоэпической правильности речи студентов в условиях русско-белорусского двуязычия следует уделить предотвращению ошибок, связанных с возможной интерференцией белорусского языка: произношение взрывного звука [г] (необходимо указать студентам на то обстоятельство, что в русском языке существует закрытый перечень слов, в которых допускается произношение фрикативного звука); наличие в русском языке пары звуков [р] – [р'], в то время как в белорусском языке звук [р] всегда твердый; мягкое произношение звука [ч] по сравнению с твердым произношением этого звука в белорусском языке; произношение долгого звука [ш'] на месте графемы *щ* (в бел. – [шч]); наличие в русском языке мягких звуков [т'], [д'], на месте которых в белорусском языке произносятся соответственно [ц'] и [дз'].

Важным направлением в работе над акцентологической правильностью речи студентов является знакомство с особенностями постановки ударения при образовании некоторых грамматических форм: ударение в кратких формах прилагательных; закономерности постановки ударения в формах сравнительной степени прилагательных; ударение в формах полных и кратких страдательных причастий; 4) постановка ударения в формах прошедшего времени некоторых односложных глаголов и приставочных производных от них (типа *брать, лить, лгать* и т. п.).

При этом студенты должны самостоятельно выводить закономерности постановки ударения в отдельных грамматических формах (там, где такую закономерность проследить возможно) на основании анализа предложенного языкового материала.

Так, анализируя формы *длинна – длиннее, ленива – ленивее*, можно сделать вывод, что если в кратких формах прилагательных женского рода ударение падает на окончание, то в формах сравнительной степени оно будет падать на словоизменительный суффикс; если же краткие прилагательные женского рода имеют ударную основу, то ударение в формах сравнительной степени тоже будет падать на основу (это правило не распространяется на некоторые прилагательные, при образовании форм которых происходят чередования в основе: *высока – выше* и т. д.).

Выведение подобных закономерностей позволит развить метаязыковую рефлекссию студентов, будет содействовать осознанному запоминанию материала по теме «Акцентологические и орфоэпические нормы», а не механическому его заучиванию.

Грамматические ошибки также являются причиной нарушения требований правильности речи.

Л.П. Демиденко отмечает: «Речевые ошибки грамматического характера встречаются реже, чем ошибки словоупотребления. Это объясняется большей устойчивостью грамматических категорий языка по сравнению с лексическими, ограниченностью количества грамматических форм и структур, наконец, тем, что грамматическая структура высказывания в большей степени, чем его лексическое наполнение, предопределена системой языка и меньше зависит от внеязыковых обстоятельств» (Демиденко 1986, 183).

Н.И. Кузнецова указывает, что количество грамматических ошибок в устной и письменной речи носителей языка зависит от типа их речевой культуры. Так, у представителей элитарного типа речевой культуры нарушения морфологических и синтаксических норм не встречаются, у представителей среднелитературного типа речевой культуры подобные ошибки отмечаются крайне редко и только в случаях наличия грамматической вариантности. Чаще всего нарушение общеграмматических норм встречается в формирующихся типах речевой культуры, к которым, безусловно, можно отнести речевую культуру школьников и студентов (см. Хорошая речь 2007, 49 – 50).

Цель работы по формированию грамматической правильности речи – развитие знаний студентов о нормах русского литературного языка и совершенствование умений и навыков, связанных с нормативным использованием языковых единиц в речи.

Часто наличие в русской речи белорусов грамматических ошибок связано с интерференцией белорусского языка. Особенно это касается случаев нарушения норм управления и неправильного определения рода имен существительных.

А.А. Волошенко и Т.А. Дикун (см. Волошенко, Дикун 2004, 27) выделяют наиболее распространенные случаи ненормативного управления в русской речи белорусов: неправильный выбор падежной формы зависимого компонента (существительного, местоимения или числительного); смешение норм сочетаемости однокоренных слов; неразличение норм управления слов-синонимов; замена беспредложных словосочетаний предложными и наоборот; смешение предлогов в предложных словосочетаниях; неуместный пропуск зависимого компонента; употребление лишнего зависимого компонента; ненормативное расширение сочетаемости слов; замена модели словосочетания русского языка словосочетанием-аналогом из белорусского языка.

При работе над морфологическими нормами следует познакомить студентов с возможными причинами возникновения морфологических ошибок. Так, среди возможных причин варьирования (в том числе ошибочного) морфологических норм Л.Г. Смирнова (см. Смирнова 2004, 50–51) выделяет следующие: перестроение и упрощение исходной морфологической системы русского языка, уменьшение количества типов склонений и глагольных форм; появление ненормативного морфологического варианта в соответствии с грамматической аналогией или в результате большей продуктивности какого-либо словообразовательного элемента; влияние закона экономии языковых средств на образование грамматических форм (особенно активно это наблюдается в разговорной речи).

Осознание причин возникновения морфологических ошибок в речи будет способствовать более глубокому осмыслению изучаемого материала, поможет студентам увидеть закономерности в развитии грамматической системы русского языка.

Предложенные в статье методические рекомендации направлены на формирование правильности речи студентов-филологов, развитие их коммуникативной компетенции и творческого мышления.

ЛИТЕРАТУРА

Волошенко А.А., Дикун Т.А. Синтаксические ошибки в русской речи учащихся-белорусов (ненормативное употребление слов) // Культура речи в условиях билингвизма: состояние, перспективы, инновационные технологии: Материалы Междунар. науч. конф. (Минск, 25–26 февр. 2004 г.). Мн., 2004. С. 26–27.

Демиденко Л.П. Речевые ошибки: Учеб. пособие. Мн., 1986.

Коренькова Е.В., Пушкарева Н.В. Русский язык и культура речи: Учеб. М., 2010.

Купина Н.А., Михайлова О.А. Основы стилистики и культуры речи: практикум для студентов-филологов. М., 2004.

Смирнова Л.Г. Культура русской речи: Учеб. пособие. М., 2004.

Хорошая речь / Под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. М., 2007.

Поступила в редакцию 18.02.11.

Гордей Васильевич Хомич – аспирант кафедры риторики и методики преподавания языка и литературы. Научный руководитель – кандидат педагогических наук, доцент кафедры риторики и методики преподавания языка и литературы Т.В. Игнатович.

ОПЕРАЦИОННЫЙ СОСТАВ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ КАК ВИДА РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЯЗЫКОВАЯ ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

На основе структурного анализа операций мышления и системного анализа языковых и речевых средств высказываний в сфере международных отношений исследуется операционный состав прогнозирования, выделяются формы и методы прогнозов и описывается алгоритм прогнозирования как вида речемыслительной деятельности специалиста-международника.

Based on structure analysis of cogitation and system analysis of language and speech expression tools in the sphere of international relations the author analyzes operating part of conceptual forecasting, states the forms and methods of forecasting and describes the forecasting algorithm as a type of speech and cogitative activity of International Relations Specialist.

Прогнозирование как вид речемыслительной деятельности, направленный на определение тенденций динамики конкретного объекта или события на основе анализа его состояния в прошлом и настоящем, является неотъемлемой частью продуктивных и репродуктивных видов речевой деятельности специалиста по международным отношениям. В речевых высказываниях специалиста-международника прогнозирование выступает в функции опережающего отражения будущего. Объектами прогнозирования как вида речемыслительной деятельности выступают: события, имеющие политическое значение; отношения, возникающие в сфере функционирования объектов/субъектов международных отношений, межправительственных и неправительственных организаций и др.; политические, экономические, исторические, культурные, религиозные процессы, происходящие в странах и в мире; объекты экспертного и научно-исследовательского анализа (см. Васильева 2009; Васильева 2010).

В многочисленных работах в области психолингвистики исследователи единодушно высказывают точку зрения о чрезвычайной сложности научного анализа такого вида речемыслительной деятельности специалиста, как прогнозирование, поскольку затрагиваются не только проблемы профессиональной эрудиции и интуиции специалиста, но и особенности его профессионального мышления (см. Добраев 1969; Лурия 1975; Алухтин 1977; Брушлинский 1979; Белянин 1983; Сорокин 1985; Залевская 1988; Ивин 1997; Красных 2001; Арефьева 2010). В связи с этим в рамках нашего исследования мы попытались выявить специфику операционного состава прогнозирования специалиста-международника, используя структурный анализ операций мышления и системный анализ языковых и речевых средств высказываний в сфере международных отношений.

Прогнозирование в сфере международных отношений как вид речемыслительной деятельности наиболее полно представлено в монологических высказываниях специалистов: в подготовленных, частично подготовленных или неподготовленных. В то же время элементы прогнозирования мы наблюдаем и в диалогических, и в полилогических высказываниях. Если в монологической речи прогноз ясно структурируется с помощью развернутой логической схемы, то в диалогической и полилогической речи специалист-международник чаще всего обращается к свернутой, иногда скрытой логической схеме прогноза.

В ходе анализа речевых высказываний зарубежных и отечественных политических и общественных деятелей нами было выявлено, что прогноз как конечный продукт речемыслительной деятельности прогнозирования предъясвляется в речевом высказывании в нескольких формах.

Открытый (полный) прогноз – специалист анализирует объект прогноза как систему взаимообусловленных составных элементов. В речевом высказывании описываются все ключевые пункты прогнозирования, часто включается объяснение сути примененного метода прогнозирования. Наиболее часто открытый прогноз применяется в аналитических докладах специалистов, в выступлениях руководителей государств перед парламентом, в докладах председателей международных конференций и руководителей делегаций на всех этапах переговоров. Цель открытого прогноза – выявить вероятностные возможности развития конкретного процесса. Открытый прогноз, как правило, нацелен на заданный временной период и предназначен как для специальной, так и для широкой аудитории.

Частичный прогноз – анализу подвергается лишь интересующая специалиста составная часть объекта прогнозирования. В речевом высказывании освещаются лишь те пункты, которые имеют наибольший вес и представляют профессиональный интерес для коллег. Такая форма прогноза применяется, как правило, в аналитических докладах, в экспертной записке специалиста, на переговорном процессе в ходе обсуждения предмета переговоров, в публичных высказываниях специалистов-международников, являющихся экспертами конкретного политического региона. Частичный прогноз охватывает чаще всего ближайшую перспективу.

Выборочный прогноз – анализируются второстепенные элементы объекта прогнозирования, но лишь те, которые определяют системные свойства объекта. В речевом высказывании специалист предъясвляет только тот ключевой пункт прогнозирования, который включен в контекст речевого высказывания, и дает сноску на источник, где можно ознакомиться с полным прогнозом, подготовленным, как правило, другими специалистами, специальными институтами, специалистами других стран.

Выборочные прогнозы применяются в аналитических докладах, в экспертной записке, в информационной справке. Также они широко представлены в публичных высказываниях. Крайне редко выборочный прогноз используется в ходе переговорного процесса.

Скрытый (полный) прогноз – объект прогнозирования подвергается полному анализу. Но аудитории прогноз предъявляется как фактическая информация. Цель скрытого прогноза – не прямое воздействие как на широкую аудиторию, так и на круг специалистов. В речевом высказывании не только не озвучиваются и скрываются цели и метод прогноза, но и тщательно маскируются все этапы прогнозирования. Форму скрытого прогноза часто используют в дебатах переговорного процесса, на этапах принятия решения и формулирования завершающего политического документа.

Фальсифицированный прогноз – специалист не выделяет и не анализирует объект прогнозирования, но в речевом высказывании предъявляет ключевые пункты якобы выполненного прогноза, подробно описывает его метод. В таком высказывании факты заменяются мнениями и предположениями, что можно определить по непоследовательной и/или разорванной логической схеме речевого высказывания. Цель фальсифицированного прогноза – исказить реальные или предложить объективно несуществующие причинно-следственные отношения в среде международного взаимодействия. Фальсифицированный прогноз часто используется в публичных высказываниях политических и общественных деятелей, чтобы повлиять на мнение широкой аудитории неспециалистов. Такую форму прогноза нередко применяют в предвыборных кампаниях для презентации концептуальной программы. В среде специалистов фальсифицированный прогноз используется редко.

Ложный прогноз – для анализа выбирается объективно несуществующий (вымышленный) объект прогноза. Но аналитической обработке подвергаются некоторые второстепенные элементы среды международного взаимодействия, которые имеют приближенное отношение к задуманному объекту прогноза, причем эти разрозненные элементы предлагается рассматривать как элементы системы, хотя они ее не образуют. В речевом высказывании, как правило, подробно описываются выполненные этапы прогнозирования. Однако никогда не называется и не разъясняется метод прогноза. Иначе было бы легко определить несоответствие структуры высказывания логике выбранного метода. Цель ложного прогноза – предъявить вымышленный объект не только как действительно существующий в среде международного взаимодействия, но и как определяющий систему отношений для ряда участников международных процессов. Такая форма прогноза в основном применяется в публичных высказываниях политических и общественных деятелей для оказания дезинформирующего воздействия на широкую аудиторию. Ложный прогноз в аудитории специалистов используется крайне редко.

Конечно, предметом профессионального анализа и прогноза специалиста-международника могут выступать только факты. Но современная действительность такова, что специалист сталкивается и с ложными фактами, а также мнениями и предположениями, которые предъявляются как объективная фактическая информация. Под *фактом* мы понимаем констатацию существовавшего или существующего в объективной реальности явления, объекта, субъекта, условия в среде международного взаимодействия. Соответственно *ложный факт* – констатация не проявленного в объективной реальности явления, объекта и др. Истинность факта в сфере международных отношений подтверждается только документально. *Мнением* или *предположением* в сфере международных отношений является утверждение, которое не может быть непосредственно доказано или опровергнуто.

Как показал проведенный нами анализ, содержание и структура речевых высказываний, включающих прогноз, зависят в первую очередь от выбранного автором высказывания метода прогнозирования. Наибольшую научную обоснованность прогноза в сфере международных отношений, по нашему мнению, обеспечивают такие методы, как *экспертная оценка, экстраполирование, применение аналогий, моделирование*.

Экспертная оценка – метод прогнозирования, позволяющий специалисту-международнику, суммируя оценки экспертов, выявить устойчивые признаки объекта прогнозирования и обосновать его дальнейшее вероятностное развитие. Специалист формулирует прогноз в речевом высказывании, используя общий алгоритм прогнозирования и логическую структуру экспертной записки. В речевое высказывание часто включаются сравнительные характеристики, например:

а) *сравнение состояний объекта прогнозирования в разных объективных условиях → констатация изменений в состоянии объекта → формулирование причин, вызвавших эти изменения → перенос вывода на ближайшую/отдаленную перспективу в новые частично похожие условия → формулирование прогноза на заданный временной период;*

б) *сравнение состояний объекта прогнозирования в разных временных условиях (10 лет назад, 1 год назад, месяц назад и т. п.) → констатация принципиальных изменений и их количественная и/или качественная оценка с точки зрения цели прогнозирования → формулирование причин, вызвавших эти изменения → перенос вывода на ближайшую/отдаленную перспективу в новые условия → формулирование прогноза на заданный временной период;*

в) сравнение нескольких объектов в похожих условиях → констатация принципиальных изменений → выявление аналогий в измененных состояниях объектов прогнозирования → качественная оценка выявленных аналогий с точки зрения цели прогнозирования → формулирование причин, вызвавших эти изменения → перенос вывода на ближайшую/отдаленную перспективу в новые условия → формулирование прогноза на заданный временной период.

Логическая схема развития замысла речевого высказывания, включающего прогнозирование методом экспертной оценки, имеет полную или сокращенную структуру, тип предъявления темарематической информации – последовательный, линейный. Высказывание изобилует фактическими и цифровыми данными, которые приводятся в сравнении. В наличии достаточное количество прямых цитат. Вывод формулируется в форме констатации, реже рекомендации. Ведущими речемыслительными операциями являются: *определение, сравнение, классификация, доказательство и опровержение.*

Речевые высказывания, включающие экспертную оценку, специалисты-международники чаще всего используют, выступая перед широкой аудиторией неспециалистов, в публичных высказываниях, в интервью средствам массовой информации, в программных выступлениях выборных кампаний (см. Васильева 2009; Васильева 2010). Такие высказывания являются убедительными для аудитории, так как в них доминируют общелогические операции *качественного и количественного оценивания.*

Более сложные с точки зрения речемыслительных операций речевые высказывания специалиста, включающие *экстраполяцию* как метод прогнозирования. Суть этого метода заключается в том, что выводы, получаемые из наблюдения над одной частью объекта, переносятся на другую его часть. Алгоритм прогнозирования (последовательность основных речемыслительных операций и действий) в таких высказываниях, как правило, включает:

анализ одного составного элемента объекта прогнозирования в конкретных условиях (временных, причинно-следственных, объектно-субъектных и пр.) → констатация принципиальных изменений составного элемента объекта прогнозирования → количественная и/или качественная оценка выявленных изменений с точки зрения цели прогнозирования → формулирование причин, вызвавших эти изменения → перенос вывода на другой составной элемент объекта прогнозирования → формулирование прогноза на заданный временной период.

Логическая схема развития замысла речевого высказывания, включающего экстраполирование, имеет полную структуру, тип предъявления темарематической информации – нелинейный. В высказывании используется фактическая и цифровая информация, характеризующая только части объекта прогнозирования. В структуру высказывания включаются как прямые, так и косвенные цитаты. Прогноз формулируется в форме рекомендации. Ведущими речемыслительными операциями являются: *вычленение отдельных свойств, анализ, определение, обобщение, экстраполирование, доказательство.*

К речевым высказываниям, включающим экстраполирование, специалисты-международники прибегают на научных конференциях, заседаниях экспертных комиссий переговорного процесса, в докладах, предназначенных специалистам (см. Васильева 2009; Васильева 2010). Намного реже такие высказывания звучат перед широкой аудиторией, так как логическая схема развития замысла высказывания многоуровневая и трудно воспринимается неспециалистами (особенно на слух) из-за использования общелогической операции *частичного сходства.*

Применение аналогий – метод прогнозирования, позволяющий строить прогноз на основе: 1) выявления аналогий в развитии различных объектов реальной действительности среды международного взаимодействия, схожих по своим характеристикам с объектом прогнозирования; 2) интерпретации и перенесения полученных выводов непосредственно на объект прогноза. Алгоритм прогнозирования с применением аналогий, как правило, включает:

анализ первого объекта с точки зрения цели прогнозирования + анализ второго объекта + анализ третьего объекта + ... → выявление количественных и качественных оценок анализа нескольких объектов, схожих с объектом прогнозирования → констатация тенденций принципиальных изменений аналогичных объектов → формулирование обобщенного вывода → перенос вывода на объект прогнозирования → формулирование прогноза на заданный временной период.

Логическая схема развития замысла речевого высказывания, включающего применение аналогий, имеет полную структуру, тип предъявления темарематической информации – нелинейный. В высказывании используется фактическая и цифровая информация, характеризующая различные объекты, которые аналогичны объекту прогнозирования по тем или иным свойствам. В структуру высказывания включаются прямые, косвенные цитаты, а также мнения и оценки экспертов, осуществивших прогнозирование аналогичных объектов. Прогноз формулируется в форме рекомендации. Ведущими речемыслительными операциями являются: *сравнение, вычленение отдельных свойств, отождествление, анализ, определение, классифицирование, обобщение, доказательство.*

Речевые высказывания с применением аналогий звучат на многосторонних переговорах, научных симпозиумах, заседаниях экспертов, официальных встречах политических и общественных деятелей,

на всех этапах переговорного процесса (см. Васильева 2009; Васильева 2010). К ним специалисты-международники наиболее часто обращаются в публичных выступлениях. Высказывания такого вида являются наиболее убедительными для широкой аудитории неспециалистов, так как построены на общелогических операциях *подобия*, что делает содержание высказывания наглядным.

Моделирование как метод прогнозирования применяется в крупных исследовательских работах, включает динамические, статистические и другие прогнозы экспертов, позволяющие построить вероятностную модель объекта прогнозирования с той или иной погрешностью. Моделирование встречается в текстовых высказываниях диссертационных исследований специалистов, где на принципах вероятностного прогнозирования анализируется прошлый опыт и современная ситуация, что дает основание для создания гипотез о предстоящем будущем, причем каждой из гипотез приписывается определенная вероятность. Речевые высказывания, включающие моделирование как метод прогнозирования, имеют отношение исключительно к научной речи и в настоящем исследовании нами не рассматривались.

Поскольку прогнозирование – это экстраполяция известного в неизведанное, то прогноз, выполненный любым из приведенных выше методов, имеет определенную *достоверность*, под которой мы понимаем оценку вероятности осуществления прогноза для заданного временного отрезка. Прогноз – это обоснованное суждение специалиста о возможном состоянии объекта в будущем или альтернативных путях и сроках достижения этих состояний. Поэтому основной характеристикой прогноза, на наш взгляд, является *обоснованность*. Следовательно, речевые высказывания, включающие прогнозирование, могут оцениваться с точки зрения реализации задачи воздействия на адресата как: 1) достоверные/недостоверные и 2) обоснованные/необоснованные. Именно эти характеристики определяют его как цельное, законченное в структурном и содержательном плане речевое единство.

Работая с транскрипциями переговорного процесса, документами, специальной литературой и пр., специалист-международник обязан: ориентироваться в степени достоверности предъявленного прогноза; определять метод и логический аппарат прогнозирования; выявлять ошибку прогноза; определять источник ошибки прогноза; осуществлять верификацию прогноза (оценку достоверности и обоснованности прогноза). Такие операции профессиональной деятельности специалист по международным отношениям может осуществить только при условии, если он владеет логическими схемами развития замысла речевых высказываний, включающих прогнозирование, а также общими алгоритмами и операционным составом прогнозирования как вида речемыслительной деятельности. В связи с этим овладение различными видами речевых высказываний, включающих прогнозирование, является, по нашему мнению, полноправным компонентом содержания языковой подготовки специалиста по международным отношениям.

Если обратиться к истории, то можно обнаружить большую плеяду выдающихся, владевших словом политических и общественных деятелей, отводивших особую роль способности оратора формировать, формулировать и озвучивать прогноз. Еще в Древней Греции, а затем и в Древнем Риме политики с особой тщательностью относились к подготовке той части своего выступления, в которой освещался прогноз на заданный период. Именно она считалась «ударной» и основной.

Стремительно растущая интенсивность международного взаимодействия в XXI в., появление принципиально новых угроз для существования как отдельного народа, так и человеческого сообщества в целом, глобальные противоречия и пр. требуют от специалистов по международным отношениям все более достоверных и обоснованных прогнозов. В связи с этим прогностика (наука возникла сравнительно недавно – в семидесятые годы XX в.) заняла в настоящее время одно из ведущих мест в ряде дисциплин, интенсивно исследующих современную действительность. Ее элементы глубоко проникли в среду профессионального взаимодействия международных специалистов. Именно этим и объясняется, по нашему мнению, тот факт, что в высказываниях крупнейших европейских политических и общественных деятелей прогноз в той или иной форме является фактически обязательным структурным элементом всех программных выступлений. А аналитический доклад или экспертная записка современного специалиста-международника в большинстве своем строятся на модели развернутого алгоритма прогнозирования, часто насчитывающего до 50 речемыслительных операций над объектом и включающего следующие основные этапы:

введение в общую проблему → описание объекта прогнозирования → описание метода прогнозирования → формулирование цели прогнозирования → характеристика объектов/субъектов международного взаимодействия, которые заинтересованы в результатах прогнозирования → описание временного периода прогнозирования → описание объекта прогнозирования, его принципиальных отличительных черт, специфических условий и пр. → последовательное перечисление измененных состояний объекта прогнозирования в прямой (обратной или смешанной) хронологии в сравнении с новыми условиями, в которые включен (был включен) объект прогноза → констатация возможных измененных состояний объекта прогноза на ближайшую перспективу, связанных с тем

или иным изменением внешних/внутренних условий → формулирование прогноза на ближайшую/отдаленную перспективу → обоснование научности прогноза и др.

Из-за своей сложности и нелинейности такой вид речемыслительной деятельности, как прогнозирование, несомненно, требует включения его в содержание языковой подготовки специалиста по международным отношениям. Как показали результаты проведенного нами опытного обучения на факультете международных отношений БГУ в 2009–2010 гг., наиболее целесообразным и методически обоснованным может являться этапное обучение прогнозированию в 7, 8 и 9-м семестрах в процессе развития и совершенствования умений монологической, диалогической и полилогической речи студентов.

ЛИТЕРАТУРА

- Апухтин В. Б. Психолингвистический метод анализа смысловой структуры текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.
- Арефьева Н. Т. Прогнозирование и его социокультурные цели // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 4.
- Белянин В. П. Экспериментальное исследование психолингвистических закономерностей смыслового восприятия текста: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1983.
- Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование. М., 1979.
- Васильева О. В. Содержание обучения монологическому высказыванию специалистов по международным отношениям // Вестн. МГЛУ. Сер. 2. 2010. № 1 (17). С. 121–128.
- Васильева О. В. Обучение публичному высказыванию специалистов в сфере международных отношений // Проблемы высшей школы: Межвуз. сб. науч. тр. М., 2009. Вып. 2. С. 70–80.
- Доблаев Л. П. Логико-психологический анализ текста. Саратов, 1969.
- Залевская А. А. Понимание текста: Психолингвистический подход. Калинин, 1988.
- Ивин А. А. Основы теории аргументации. М., 1997.
- Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М., 2001.
- Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975.
- Сорокин Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1985.

Поступила в редакцию 07.09.11.

Оксана Владимировна Васильева – кандидат педагогических наук, доцент кафедры германских языков.

Н. М. Щедрина. **«Красное Колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века.** М.: Памятники исторической мысли, 2010. 336 с.

Книга доктора филологических наук Н.М. Щедриной стала результатом глубокого изучения самого масштабного творения А.И. Солженицына – многотомного романа «Красное Колесо». Появление этого исследования вызвано давно назревшей потребностью рассмотреть сложное, насыщенное событиями, историческими и вымышленными образами повествование в контексте исторических произведений, написанных в смежный временной отрезок. Автор монографии ставит и убедительно решает задачи контекстного и сопоставительного анализа «повествования в отмеренных сроках» с прозой писателей-современников (Д. Балашова, Ю. Давыдова, Ю. Трифонова), а также представителей русского зарубежья (М. Алданова, Д. Мережковского), определяя авторскую историософскую концепцию, структурирующую произведение, выявляя художественные особенности романа.

Особое внимание Н.М. Щедрина уделяет истории создания «Красного Колеса», опираясь на дневник Солженицына «Р-17», который проливает свет на этапы работы над эпопеей и способствует выявлению ее замысла.

Отдельные параграфы книги посвящены особенностям жанра 10-томного полотна. Исследователь утверждает, что на годы, когда создавалось «повествование в отмеренных сроках», приходится период «укрупнения прозы», проявившегося в усилении эпической тенденции в повествовательных формах, в явлениях художественного синтеза и взаимодействия, в обращении писателей к мифологии и условности, углублении документальности, усилении философского потенциала прозы и народно-смеховых традиций в ней. Н.М. Щедрина делает важный вывод: Солженицын создал сверхжанровое циклическое целое, тяготеющее к историческому повествованию и даже содержащее в себе все канонические признаки этого жанра. Но устоявшиеся доминанты все же «не могут адекватно выразить всю многоцветность и масштабность полотна «Красного Колеса»» (с. 103), которое Н.М. Щедрина вслед за Ж. Нива определяет как «антиэпопею» (с. 104). По ее мнению, основу этого нового, синтетического жанра составляет оригинальная «авторская историческая онтология и художественно-интеллек-

туальное осмысление Солженицыным историософских проблем» (с. 103).

В книге концептуализируется философская основа произведения, выявляются способы выражения авторской позиции, характеризуется взгляд писателя на судьбу России и роль личности в истории.

Заметное место отведено в исследовании проблеме соотношения художественных, исторических, публицистических элементов. Н.М. Щедрина рассматривает поэтику «Красного Колеса», хронотоп, типы повествования и приходит к выводу, что художественность этого сложного произведения проявляется в значимости и новизне творческого открытия, в структуре произведения: «в композиции романного целого, в сюжетной роли мотивов и лейтмотивов, в функциях автора-повествователя и автора-героя, во времени и пространстве, в ритме; в изобразительно-выразительных средствах...» (с. 184). Впервые раскрывается роль в концепции «Красного Колеса» финальных глав «На обрыве повествования», а также проблем моноцентричности и литературоцентричности романа А. Солженицына.

Монография ««Красное Колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века» является первым литературоведческим исследованием поставленной проблемы, ее можно по праву назвать важным вкладом в современную науку.

Книга написана с любовью к предмету изучения, язык ее доступен не только профессионалам, но и обычным читателям, интересующимся творчеством Солженицына и русской исторической прозой.

И.С. Скоропанова,
кафедра русской литературы

Etnicita slovanského areálu (Historické proměny a současný stav) / Ed. Kateřina Kedron, Marek Příklad. Červený Kostelec / Praha, 2011. 248 s.

Этническое многообразие славянского ареала (исторические изменения и современное состояние) / Ред. Катерина Кедрон, Марек Пршигода. Червены Костелец / Прага, 2011. 248 с.

На философском факультете Карлова университета уже в течение шести лет проходят международные конференции молодых славистов, которые с каждым годом привлекают все большее число участников из

разных стран Европы, в том числе и из Беларуси. Эти конференции ежегодно организует Институт восточно-европейских исследований Карлова университета в Праге. Их особенностью является то, что доклады могут звучать на всех славянских языках, и это языковое и культурное разнообразие славянского мира отражают публикации в итоговых сборниках. По итогам последней Международной конференции в Праге в 2011 г. вышел сборник статей «Этническое многообразие славянского ареала (исторические изменения и современное состояние)», основанный на докладах молодого поколения европейских славистов. В сборнике представлены статьи славистов из девяти стран: Беларуси, Германии, Польши, России, Словакии, Словении, Украины, Хорватии и Чехии. В публикациях обсуждаются актуальные проблемы славистики в трех направлениях: историческом, лингвистическом и литературоведческом. Все статьи сопровождаются краткими резюме на английском языке.

Спектр обсуждаемых в сборнике проблем достаточно широк и включает как традиционные фундаментальные области славистики, так и области, связанные непосредственно с современным этапом развития славянских языков и интерпретацией новых явлений. Важное место занимают вопросы этноязыкового и этнокультурного славянского языкового пространства. Две противоположные тенденции мирового развития – глобализация и национальная самоидентификация – характерны и для всего славянского ареала. В сборнике рассматривается ряд актуальных проблем: развитие славянских языков в сравнительно-историческом и ареальном аспектах, становление литературно-языковой нормы, языки и диалекты языкового пограничья, конвергентные и дивергентные процессы в литературах Центральной и Восточной Европы, идея национальной государственности славян в разные исторические периоды.

23 статьи сборника размещены в пяти тематических рубриках: первые три рубрики представляют лингвистический блок издания. Этот блок открывает статья Натальи Шульской, посвященная антропонимической проблематике. Украинская исследовательница пытается выявить определенные национальные стереотипы на материале неофициальных наименований жителей Западного Полесья. Проблемам языкового пограничья посвящена статья Дороты Биадала (Гейдельберг), в которой на материале семнадцати диалектных текстов исследуется влияние немецкого языка на лексику силезского (шлёнского) диалекта польского языка. В статье Владислава Кнолла (Прага) приводятся интересные примеры сохранения группы *tart* в кашубском языке.

В третьей рубрике лингвистического блока обсуждаются проблемы развития славянских литературных языков. Статья Елены Губкиной (Минск) посвящена одному из самых ярких периодов в истории белорусского языка – 1920-м гг. Речь идет о создании национальной терминологии и абстрактной лексики в этот период, о словообразовательных экспериментах белорусских лингвистов, о словарях этого времени и о пуристических тенденциях начала XX в. В статье Валентины Зубченко (Киев) анализируются работы украинских языковедов того же периода – 1920–1930-е гг. Безусловный интерес представляет исследование ла-

тинской традиции в хорватских грамматиках разных эпох, начиная с XVI в., представленное в статье Шиме Демо (Загреб). Яна Коцкова (Прага) на русском и чешском материале рассматривает преимущества и недостатки интернациональной и национальной терминологии. Проблемам различного проявления языкового пуризма на хорватском материале посвящена статья Анны Маркович.

В историческом блоке «Исторический миф и его роль при формировании современных народов» подавляющее большинство статей посвящено русской истории. Марек Пршигода (Прага) обращается к периоду Смутного времени в русской истории, анализируя «Временник» Ивана Тимофеева. Константин Каминский (Констанц) рассматривает полемику Г.Ф. Миллера и М.В. Ломоносова по поводу варягов и норманской теории происхождения Российского государства. Михаил Ковалев (Саратов) обращается к политическим мифам 1920–1930-х гг. в среде русской эмиграции, идеализировавшей Московское царство. Тему исторических мифов продолжает статья Марии Саммут Кабановой (Москва), которая сопоставляет взгляды на Киевскую Русь в двух памятниках письменности разных эпох и жанров: «Повести временных лет» XI–XII вв. и «Степенной книге царского родословия» XVI в. Павел Смирж (Прага) анализирует причины, по которым правители Древней Руси в западных источниках называются королями. Петр Стеглик (Брно) рассматривает исторические мифы о хорватской национальной идентификации в работах Анте Старчевича.

Литературный блок «Вопрос национальной самоидентификации в литературе 19 и 20 вв.» открывает работа Марины Аммон (Гомель), в которой на белорусском литературном материале (В. Быков, А. Асташок и А. Федоренко) рассматриваются различные модификации антиутопии. К проблеме национальной идентификации в словенской эссеистике конца XX в. обращается Катя Берглес (Марибор). Метафора в поэзии В. Маяковского посвящена статья Яны Китцлеровой (Прага). Поэтические тексты В. Стуса анализирует Галина Колодкевич (Киев). Поиску «русского» в словацком литературном контексте на материале переводов русских драматических текстов посвящено исследование Люци Маттовой (Братислава). О поиске национальной принадлежности после распада Югославии на примере творчества Дубравки Угрешич рассуждает Катержина Олчык (Торунь). Наталия Палих (Краков) рассматривает некоторые произведения чешских прозаиков в русле постколониальной теории. Особенности жанра путевых заметок на материале творчества трех славянских авторов – Мартина Ришавого, Яна Литвака и Андрея Битова – анализирует Мариан Пчола (Прага). Проблеме национальной самоидентификации в польской и хорватской литературе эпохи романтизма посвящена статья Мартины Перич (Загреб).

Разнообразие тем и концепций свидетельствует о широкой сфере интересов молодых славистов. При этом общая идея национальной самоидентификации пронизывает все статьи сборника. Ценность славянской, как и всей мировой, культуры заключается в ее многообразии.

Н.В. Ивашина,
кафедра теоретического и славянского языкознания

Нашы юбіляры

ГЕНАДЗЬ АПАНАСАВІЧ ЦЫХУН

У кастрычніку 2011 г. беларуская навуковая грамадскасць адзначыла 75-гадовы юбілей буйнога навукоўцы-лінгвіста, доктара філалагічных навук, прафесара Генадзя Апанасавіча Цыхуна, імя якога шырока вядома ў айчынным і замежным навуковым свеце.

Г.А. Цыхун нарадзіўся 30 кастрычніка 1936 г. у вёсцы Кунцаўшчына Гродзенскага раёна ў сям'і настаўніка,

а таксама вядомага краязнаўцы і літаратара.

Пасля паспяховага заканчэння сярэдняй школы (1953) Г.А. Цыхун вучыўся ў Ленінградскім дзяржаўным універсітэце па спецыяльнасці «славянскія мовы (балгарская і руская мовы і літаратуры)». Кола яго навуковых інтарэсаў фарміравалася пад уплывам прафесара Ю.С. Маслава, пазней, дзякуючы кантактам з балгарскімі моваведамі, – акадэміка Л. Андрэйчына і прафесара С. Стойкава.

У 1966 г. Г.А. Цыхун абараніў кандыдацкую дысертацыю на тэму «Сінтаксіс займеннікавых клітых у балгарскай і македонскай літаратурных мовах» (пад кіраўніцтвам Ю.С. Маслава), а ў 1982 г. – доктарскую на тэму «Тыпалагічная праблема балкана-славянскага моўнага арэала». На сённяшні дзень Генадзь Апанасавіч – аўтар больш за 300 фундаментальных навуковых прац па тэорыі моўных саюзаў, па арэальнай лінгвістыцы, балканістыцы, сацыялінгвістыцы, беларускай этымалогіі, гісторыі і бібліяграфіі беларускай мовазнаўчай славістыкі. Ён суаўтар «Этымалагічнага слоўніка беларускай мовы». У працы над гэтым слоўнікам Г.А. Цыхун праявіў свой талент арганізатара, такі неабходны ў калектыве, які працуе над стварэннем слоўніка, калі важна сумяшчаць індывідуальнае і калектывнае навуковае мысленне.

Удзел у палескіх экспедыцыях 1963–1965 гг. пад кіраўніцтвам М.І. Талстога вызначыў яшчэ адзін напрамак плённай дзейнасці Г.А. Цыхуна – этналінгвістычныя даследаванні. Акрамя таго, сфарміраваны падчас гэтых экспедыцый інтарэс да палескіх гаворак і духоўнай культуры рэгіёна рэалізаваўся далей у працы над стварэннем «Тураўскага слоўніка» – значнай з'явы ў беларускай і ўвогуле ўсходнеславянскай лексікаграфіі, навукова перспектывнага тыпу слоўнікаў.

Навуковае жыццё Генадзя Апанасавіча Цыхуна звязана ў першую чаргу з Нацыянальнай акадэміяй навук Беларусі. З 1958 г. ён працаваў у акадэмічным Інстытуце мовазнаўства імя Якуба Коласа, з 1990 г. быў загадчыкам аддзела славянскага і тэарэтычнага мовазнаўства. З 2005 г. ён – галоўны навуковы супрацоўнік аддзела славістыкі і тэорыі мовы Інстытута мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі.

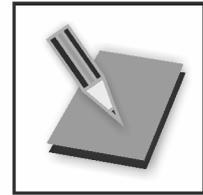
Беларускі лінгвіст прызнаны ў замежных навуковых колах на самым высокім узроўні. Г.А. Цыхун – акадэмік Міжнароднай акадэміі навук Еўразіі, акадэмік Македонскай акадэміі навук (з 2004 г.), доктар *honoris causa* Сафійскага ўніверсітэта (з 2005 г.). У роднай краіне яго заслугі адзначаны Ганаровай граматай Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь (1996).

Генадзь Апанасавіч сапраўды запатрабаваны чалавек. Ён – незаменны ўдзельнік разнастайных высокааўтарытэтных камітэтаў і навуковых саветаў: член Прэзідыума Міжнароднага камітэта славістаў (з 2004 г.), намеснік старшыні Беларускага камітэта славістаў (з 1992 г.), член камітэта Міжнароднай асацыяцыі беларусістаў, сустаршыня Таварыства дружбы Беларусь – Балгарыя (з 1992 г.). Г.А. Цыхуна з задавальненнем запрашаюць на высокія навуковыя форумы і заўсёды чакаюць яго выступленняў, якія ўражваюць шырокай эрудыцыяй, аргументаванасцю і маюць вялікую ступень удзеяння на аўдыторыю.

Г.А. Цыхун актыўна спалучае навуковую працу з выкладчыцкай дзейнасцю. Ён прафесар кафедры тэарэтычнага і славянскага мовазнаўства БДУ і ўжо шмат гадоў выкладае на філалагічным факультэце сучасныя балгарскую і македонскую мовы, чытае спецкурсы па тыпалогіі славянскіх моў, арэальнай лінгвістыцы, беларуска-іншамоўнай лексікалогіі і інш. Генадзь Апанасавіч лёгка ўстанаўлівае кантакт са студэнцкай аўдыторыяй. Студэнты-філолагі з энтузіязмам вучацца ў яго генерыраваць новыя навуковыя ідэі, творча пераасэнсоўваць назапашаны ў лінгвістычных даследаваннях тэарэтычны і эмпірычны матэрыял, працуючы пры гэтым згодна з прынцыпамі той навуковай славістычнай школы, традыцыі якой так старанна захоўвае і перадае моладзі Г.А. Цыхун.

Калегі, вучні і сябры віншуюць Генадзя Апанасавіча з юбілеем і шчыра жадаюць яму доўгага і плённага жыцця ў навуцы.

Кафедра тэарэтычнага і славянскага мовазнаўства

РЭСПУБЛІКАНСКАЯ НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНАЯ КАНФЕРЭНЦЫЯ «БЕЛАРУСКАЯ АРФАГРАФІЯ: ЗДАБЫТКІ І ПЕРСПЕКТЫВЫ»

Пад такой назвай 20–21 кастрычніка 2011 г. на філалагічным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта праходзіла Рэспубліканская навукова-практычная канферэнцыя, прымеркаваная да 90-гадовага юбілею ўніверсітэта і 85-годдзя з дня нараджэння прафесара Льва Міхайлавіча Шакуна. Як адзначыў у сваім прывітальным слове дэкан факультэта прафесар І.С. Роўда, правядзенне канферэнцыі выклікана патрэбамі сённяшняга дня, паколькі ў краіне з 1 верасня 2010 г. дзейнічае новая рэдакцыя правіл беларускай арфаграфіі, увядзенне якой рэгламентавана Законам Рэспублікі Беларусь «Аб правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі» (2008).

Арганізатары канферэнцыі – кафедра гісторыі беларускай мовы (загадчык – прафесар М.Р. Прыгодзіч) – сумесна з навукоўцамі кафедры сучаснай беларускай мовы, акадэмічнага Інстытута мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы, іншых устаноў засяродзілі ўвагу найперш на практычных пытаннях, звязаных з выкарыстаннем абноўленых правілаў у школьным навучанні, сродках масавай інфармацыі, лексікаграфічнай практыцы. Канструктыўна-дзелавы тон абмеркаванню актуальных праблем сучаснай беларускай арфаграфіі надалі пленарныя даклады, з якімі выступілі прафесар В.І. Іўчанкаў («Беларускі правапіс: традыцыі, пераемнасць і перспектывы»), дацэнт У.І. Куліковіч («Тэарэтычныя праблемы сучаснай беларускай арфаграфіі»), дацэнт І.П. Клімаў («Да асэнсавання нарматыўнага плюралізму ў беларускай літаратурнай мове»), метадыст Ф.А. Піскуноў («Аб некаторых пытаннях правапісу О, Э: з досведу распрацоўкі электроннай базы беларускай мовы»), незалежны даследчык З.Ф. Саўка («Бруна, Віка, Карла – ён ці яна? Гендарны аспект адаптацыі ненаціскавага фінальнага О»). Дыскусійныя пытанні, узнятыя дакладчыкамі на пленарным пасяджэнні, знайшлі працяг у секцыйных выступленнях.

Арганізатарамі канферэнцыі было выдзелена тры секцыі. У першай з іх абмяркоўваліся розныя пытанні з гісторыі станаўлення і развіцця беларускай арфаграфіі, удзельнікамі дзвюх іншых секцый разглядаліся праблемы тэорыі і практыкі сучаснай беларускай арфаграфіі. Цікаvasць ва ўдзельнікаў канферэнцыі выклікалі даклады Ж.Я. Белакурскай «Аканне ў кантэксце станаўлення арфаграфічных нормаў беларускай літаратурнай мовы (на матэрыяле ранняй творчасці Якуба Коласа)», С.М. Запрудскага «Аб кадыфікацыі правапісу запазычаных слоў у 1920-я гады», Г.І. Кулеш «Прыёмы ўключэння іншамойнай лексікі ў тэксты першых заканадаўчых актаў савецкага перыяду», М.І. Свістуновай «Перадача ўласных імёнаў у палемічных тэкстах 16–17 ст.», Г.К. Цівановай «Выпрацоўка беларускіх арфаграфічных нормаў у 18 ст. (на матэрыяле рукапісаў школьнай драматургіі)», М.М. Швед «Слоўнік лацінізмаў старабеларускай мовы: актуальнасць і прынцыпы ўкладання».

Шырокім спектрам надзённых праблем сучаснай беларускай арфаграфіі вызначаліся даклады і паведамленні ўдзельнікаў другой і трэцяй секцый, працай якіх кіравалі дацэнты І.А. Гапоненка, З.І. Бадзевіч і старшы выкладчык Т.М. Смольская. Арыгінальны фактычны матэрыял і слушныя заўвагі-рэкамендацыі былі ўласцівы дакладам Л.А. Гедзімін «З вопыту выкладання арфаграфіі на гістарычным факультэце», В.М. Лапанік ««Адлюстраваная» аманімія ў словаўтваральных гнёздах з каранямі лаціна-грэчаскага паходжання», С.М. Балотнікавай і Ю.В. Назаранка «Выкладанне арфаграфіі замежным студэнтам (да пастаноўкі праблемы)», І.М. Курловіч «Да пытання аб ідэнтыфікацыі складаных слоў з кампанентам-прыслоўем і суадносных словазлучэнняў», С.М. Якуба «Прыёмы карэкціроўкі арфаграфічных уменняў і навыкаў вучняў», С.В. Ліпніцкай «Праблемы

арфаграфічнай нормы пры перадачы англамоўных тапонімаў на беларускую мову», А.М. Назаранкі «Некаторыя аспекты ўжывання вялікай літары ў назвах арганізацый», С.А. Шацёр-Шалюта «Выкарыстанне вялікай і малой літар у беларускіх фірмонімах» і інш.

Заключным акордам канферэнцыі стаў круглы стол «Іншамоўныя запазычанні ў беларускай мове», прысвечаны 70-годдзю з дня нараджэння аўстрыйскага беларусіста Германа Бідэра. З дакладамі аб навукавай і грамадска-асветнай дзейнасці юбіляра выступілі прафесары Г.А. Цыхун і М.Р. Прыгодзіч. Ад імя рэктарата, дэканата філалагічнага факультэта і ўдзельнікаў канферэнцыі на адрас «аўстрыйскага рыцара беларускай мовы» была адпраўлена віншавальная тэлеграма.

Па выніках працы канферэнцыі былі прыняты рэкамендацыі, скіраваныя на далейшае ўдасканаленне правапісу О і Э ў складаных словах, ненаціскага фінальнага О, напісанню спалучэнняў галосных у запазычаных словах, прыставак іншамоўнага і спрадвечна беларускага паходжання, вялікай і малой літар у назвах дзяржаўных і камерцыйных арганізацый, устаноў, фірмаў і інш.

А.А. Прыгодзіч,
кандыдат філалагічных навук,
дацэнт кафедры нямецкай мовы

V МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК: СИСТЕМА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ»

11–12 октября 2011 г. на филологическом факультете Белорусского государственного университета состоялась V Международная научная конференция «Русский язык: система и функционирование», организованная Белорусским общественным объединением преподавателей русского языка и литературы и кафедрой русского языка БГУ. Регулярное проведение конференций по данной тематике актуально прежде всего потому, что в современном информационном обществе происходят глобальные изменения, которые влияют на образ жизни человека, его мышление, мировосприятие, что объективируется в языковой деятельности. Многофункциональный русский язык традиционно является объектом пристального интереса лингвистов всего мира. Немалая роль в его изучении принадлежит белорусским ученым.

В этом году конференция «Русский язык: система и функционирование» была посвящена 90-летию Белорусского государственного университета, а также памяти известного белорусского языковеда профессора Павла Павловича Шубы, которому в 2011 г. исполнилось бы 85 лет. В течение 25 лет Павел Павлович возглавлял кафедру русского языка БГУ. Помимо белорусских ученых, среди которых много коллег и учеников П.П. Шубы, в конференции приняли участие 50 лингвистов из России, а также языковеды, представляющие 8 стран (Украину, Грузию, Польшу, Чехию, Францию, Китай, Японию, Иран), где с интересом и уважением относятся к русскому языку, его изучению. Более 140 участников конференции объединил интерес к процессам, характеризующим развитие и функционирование русского языка в XXI в., и к его статусу в современном мире.

На торжественном открытии конференции с приветственным словом к ее участникам обратился ректор Белорусского государственного университета академик С.В. Абламейко. В приветствии Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Республике Беларусь А.А. Сурикова прозвучала высокая оценка научного вклада белорусских языковедов в современную русистику. Первое пленарное заседание открыл декан филологического факультета БГУ, заведующий кафедрой русского языка профессор И.С. Ровдо, который рассказал о вкладе П.П. Шубы в славянскую русистику.

На пленарных заседаниях обсуждались ключевые вопросы семантики, структуры и социальных функций русского языка, его изучения и преподавания. Так, в докладе профессора Н.Б. Мечковской (Минск) были охарактеризованы место и функции русского языка, а также модели языковой политики в постсоветский период. Развитие лексического значения и синкретизм как явление формально-содержательной языковой асимметрии были предметом рассмотрения в докладе профессора М.В. Пименовой (Владимир). Большой интерес вызвали у участников конференции доклады профессоров БГУ Б.Ю. Нормана («Полнота/неполнота парадигмы как признак слова») и И.С. Ровдо («Актуальные процессы в лексике русского языка постсоветского периода»). Профессора Китадзэ Мицуси (Киото) и Т.Н. Волюнец (Минск) обратились в своих докладах к проблеме текстовых характеристик русских деепричастий и причастий. В докладе профессора М. Маршалёка (Быгдош) была затронута тема иноязычных вкраплений («Русские фраземы в современной польской публицистике»). Лингвистическому анализу текста были посвящены доклады профессора из Брно Симоны Корычанковой («Анализ семантических особенностей поэтических текстов эпохи символизма») и профессора из

Санкт-Петербурга Л.В. Зубовой («Сослагательное наклонение в современных поэтических экспериментах»). Вопросы истории языка и диалектологии освещались в докладах профессора БГУ Е.И. Янович («Лингвопоэтика древнерусского летописного текста»), профессора БГПУ им. Максима Танка Т.Г. Трофимович («Современное состояние и перспективы развития исторической стилистики восточнославянских языков») и профессора ГрГУ им. Янки Купалы А.В. Никитевича («Диалектное словообразование: аспекты исследования»).

Современное состояние науки, современная научная парадигма предъявляют к лингвистам новые требования и раскрывают перед ними новые возможности, связанные с комплексным, интеграционным подходом к явлениям языка и культуры. В тематике докладов 7 секций конференции было отражено гармоничное сочетание многолетней научной традиции и новых подходов в изучении русского языка.

На заседании секции **«Русский язык в диахроническом аспекте»** были заслушаны и обсуждены доклады, посвященные вопросам научного наследия русистики, лексическим и грамматическим особенностям церковнославянских и древнерусских текстов, стилистическому анализу старорусских письменных памятников. В числе наиболее интересных были признаны выступления Э.Н. Акимовой (Саранск), И.Н. Дьячковой (Петрозаводск), О.В. Зуевой (Минск), А.В. Кириченко (Минск), О.А. Климкович (Витебск), А.Н. Косивцовой (Тюмень), С.А. Мачульской (Петрозаводск), О.В. Трофимовой (Тюмень).

Традиционно большое количество докладов было сделано в секции **«Проблемы семантической интерпретации и номинации»**. Участники секции представили работы, выполненные в русле разных лингвистических направлений: когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, семантического синтаксиса, коммуникативной стилистики и др. Оживленную дискуссию вызвали выступления Л.Б. Кроюковой (Томск), Л.Г. Мощенской и Л.И. Зарембо (Минск), Л.А. Басовой (Тюмень), Н.С. Касюк (Минск), А.А. Романовской (Минск), А.Г. Сушиной (Могилев), С.Л. Смысловой (Тюмень), Томаша Билицкого (Лодзь), Л.В. Рычковой (Гродно), Е.И. Гринкевич (Минск).

Работа секции **«Русский язык в современном мире: динамика языковых контактов»** была посвящена взаимодействию русского языка с белорусским, английским, польским, сербским, китайским. Участники конференции обсуждали вопросы сопоставительного анализа различных языковых единиц и категорий: внутренней формы русских и китайских фамилий (Ван Юйхун, Харбин), ономастических тропов в русском, польском и английском языках (Т.И. Ларина, Гродно), русских фразеологизмов и китайских «готовых речений» (И.Э. Ратникова, Минск; Лян Цзин, Уси), русской, белорусской и английской терминологии репродуктивного здоровья (Я.В. Разводовская, Гродно), адаптации сербских топонимов в российской прессе (Н.В. Супрунчук, Минск), выражения эмоций в русском и белорусском языках (Т.А. Тестова, Минск), взаимодействия диалектных форм русского и белорусского языков (Н.В. Яненко) и др.

В секции **«Современное русское словообразование: проблемы и перспективы развития»** обсуждались вопросы истории словообразовательных типов и моделей (Н. Баяндина-Сужаефф, Париж), аббревиации (Г.А. Гвоздович, Минск), словообразовательных гнезд (Л.А. Климова, Арзамас; И.Н. Хохлова, Минск), словообразования на базе заимствований (Е.В. Стрижевич, Минск).

В работе секций **«Грамматические категории современного русского языка: функциональный и прагматический аспекты»** и **«Актуальные процессы в синтаксическом строе русского языка»** внимание было сосредоточено на морфологических и функционально-семантических признаках различных классов слов (доклады М.И. Конюшкевич, Гродно; В.Л. Лещенко, Гродно; Кесаря Мехраби, Иран и др.), а также вопросах формального, семантического и коммуникативного синтаксиса, особенностях функционирования различных синтаксических конструкций в художественных и публицистических текстах и мультимедиа: доклады Л.М. Байдуж (Тюмень), Т.П. Дмитриевой (Москва), Е.Е. Долбик (Минск), А.А. Зинченко (Тюмень), И.И. Минчук (Гродно).

Комплекс вопросов, связанных с преподаванием русского языка, был предметом обсуждения на заседаниях секции **«Новые технологии в преподавании русского языка»**. В центре внимания оказались проблемы развития коммуникативных навыков у разных категорий обучаемых (учащиеся, студенты-филологи, студенты-нефилологи, бизнесмены и др.), форм промежуточного и итогового контроля знаний, использования Интернета при обучении русскому языку, преподавания русского языка в иноязычной аудитории. Этим темам были посвящены доклады З.К. Адамия (Тбилиси), А.И. Головня (Минск), Е.Е. Долбик (Минск), Т. Домбровского (Лодзь), И.Э. Савко (Минск), Т.А. Печеновой (Минск), Сяо Юань Юань (Китай) и др.

По мнению участников, V Международная научная конференция «Русский язык: система и функционирование» стала важным звеном в развитии профессиональных контактов русистов Европы и Азии, чему способствовали живой обмен наблюдениями, результатами исследований, их обсуждение представителями разных филологических школ.

И.Э. Ратникова,
доктор филологических наук, профессор

**ПРОЕКТ «ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОГРАНИЧЬЕ»
И МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ЯЗЫКОВОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ПОГРАНИЧЬЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ»**

11–17 ноября 2011 г. на филологическом факультете Белорусского государственного университета прошли встречи в рамках круглого стола «Интердисциплинарные исследования на пограничье». Проект был организован в качестве продолжения полевых исследований на пограничье, проведенных в июле – августе 2011 г. преподавателями, аспирантами, магистрантами и студентами БГУ, Варшавского университета, Университета Марии Кюри-Склодовской в Люблине.

В рамках круглого стола для участников из Минска, Варшавы, Люблина, Сопота, Белостока ряд лекций по этнолингвистике, диалектологии и социологии языка прочли профессор Ежи Бартминьски, профессор Станислава Небжеговска-Бартминьска, Эва Голаховска и др., состоялись научные дискуссии.

Финалом проекта стала международная конференция «Языковое и культурное пограничье: перспективы исследований», прошедшая 18–19 ноября 2011 г. Конференцию торжественно открыл декан филологического факультета БГУ профессор И.С. Ровдо, оценивший данное мероприятие как свидетельство укрепления белорусско-польского научного сотрудничества и пожелавший участникам конференции успехов и интересных дискуссий.

На пленарном заседании с рефератами, посвященными перспективам исследований на пограничье и отдельным аспектам изучения духовной культуры и народных поверий, выступили профессор Е. Бартминьски (Люблин), профессор С. Небжеговска-Бартминьска (Люблин) и кандидат филологических наук Н.П. Антропов (Минск).

Рабочие заседания проходили в двух секциях. Тематика первой из них была посвящена лингвистическим проблемам: билингвизму и диглоссии, переключению кодов, языковой политике, оценке языковых кодов автохтонами. В этой секции выступили Я.П. Целлер (Ольденбург, Германия), рассказавший о возможностях акустического анализа в исследовании белорусско-русской смешанной речи и ее диалектных черт; Н.Н. Журавлева и О.В. Потапова (Минск), продемонстрировавшие роль культурных символов как фактора, влияющего на переключение кодов в русской речи белорусов; В.В. Ленкевич (Минск), рассмотревший переключение кодов как результат речевой аккомодации. Объектом исследования В.С. Олевановой и Д.С. Шевко (Минск) стала оценка различных языковых кодов жителями белорусско-польско-литовского пограничья; участники полевых исследований 2011 г. А. Сивирска и К. Гендек (Варшава) осветили проблему функционирования языков *sacrum* на Поставщине; О.З. Третьяк (Варшава) рассказала о том, как проходили и каким проблемам были посвящены интердисциплинарные полевые исследования в Поставском районе Витебской области. К.И. Иванов (Минск) сосредоточил внимание на проблематике региональных вариантов болгарского языка на территории соседних стран; Е.А. Казанцева (Минск) рассмотрела взаимосвязь вариативности кодов и лексического многообразия на пограничье, охарактеризовав перспективы исследования региональной лексики.

Работа второй секции была посвящена проблемам идентичности и самосознания жителей языкового пограничья, устным текстам как источнику социолингвистических исследований, особенностям формирования и содержанию стереотипов на пограничье, народным верованиям и ритуальным практикам. В рамках этой секции выступили М. Оцытко (Белосток), рассмотревшая роль языка в определении национального самосознания православных жителей Подлясского воеводства; О.И. Гущева (Минск) и И. Стегер (Варшава), исследовавшие составляющие идентичности среднего и младшего поколения поляков на белорусско-польско-литовском пограничье; Е.В. Ленкевич (Минск), обратившаяся к ультрасовременной тематике идентичности в интернет-дискурсе; П.В. Масленкова (Минск), охарактеризовавшая роль национальной формы антропонима как идентификационного маркера. Е. Череп (Сопот) обратился к стопятидесятилетней давности рассуждениям И. Храповицкого о идентичности белорусов, сравнивая оценки свидетеля эпохи с современным состоянием белорусского самосознания; М. Полёвы (Люблин) исследовал роль перспективы респондента как оценочного пункта нарративной истории. А.А. Павлович (Минск) и П. Ибек (Краков) исследовали стереотип цыгана на белорусско-польско-литовском пограничье; доклад М.А. Лашкевич (Люблин) был посвящен стереотипу татарина. Е.М. Боганева (Минск) рассмотрела образ огненного змея в быличках и поверьях на белорусско-российском пограничье; Е.С. Суркова (Минск) посвятила свое выступление понятию «свой язык» как гносеологическому основанию древнецерковнославянской книжно-письменной традиции.

В конференции приняли участие ученые из Беларуси, Германии, Польши.

Итоги конференции подвела заведующая кафедрой теоретического и славянского языкознания БГУ кандидат филологических наук Л.А. Козловская, отметив высокий научный уровень состоявшейся конференции, затронувшей наиболее актуальные проблемы теоретических и практических исследований на пограничье. Л.А. Козловская подчеркнула, что проблематика исследований пограничья остается важной отраслью гуманитарных наук, и выразила надежду, что данная встреча вдохновит ее участников к дальнейшим исследованиям и станет предпосылкой для новых научных дискуссий.

Е.А. Казанцева,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теоретического и славянского языкознания

**ДЫСЕРТАЦЫІ, АБАРОНЕННЫЯ НА ФІЛАЛАГІЧНЫМ
ФАКУЛЬТЭЦЕ І ЗАЦВЕРДЖАНЫЯ ВАК РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ У 2010–2011 гг.**

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Савет Д 02.01.12. Спецыяльнасці: 10.01.01 – беларуская літаратура;
10.01.02 – руская літаратура; 10.01.03 – літаратура народаў краін замежжа

Кандыдацкія дысертацыі

Квачек Анна Валентиновна (БГУ).

Пространство и время в романах Ж.-М.Г. Леклезю.

Без науч. рук.

Оппоненты: Ермоленко Г.Н., д.ф.н., проф.; Тарасова Т.Н., к.ф.н., доц.

Поўх Ірына Васільеўна (БрДУ імя А.С. Пушкіна). Ідэя нацыянальнай самасвядомасці ў ірландскай і беларускай паэзіі другой паловы ХХ стагоддзя (на матэрыяле творчасці Шэймаса Хіні, Нуалы Ні Гональ і Алеся Разанава).

Навук. кір. – Камароўская Т.Я., д.ф.н., праф.

Апаненты: Мусіенка С.Ф., д.ф.н., праф.; Лявонава А.А., к.ф.н., дац.

Половцев Денис Николаевич (Международный институт трудовых и социальных отношений (МИТСО), Витебский филиал). Проблема инаковости в творчестве Э.М. Форстерс (переаттестация).

Науч. рук. – Стулов Ю.В., к.ф.н., доц.

Оппоненты: Соколова Н.И., д.ф.н., проф.; Занкевич В.А., к.ф.н., доц.

Хальпукова Екатерина Леонидовна (БГУ). Мифопоэтика хронотопа в поэзии младосимволистов и классиков белорусской литературы (А. Блок, А. Белый, Я. Купала, М. Богданович).

Науч. рук. – Шамякина Т.И., д.ф.н., проф.

Оппоненты: Штейнер И.Ф., д.ф.н., проф.; Жиганова Е.И., к.ф.н., доц.

МОВАЗНАЎСТВА

Савет Д 02.01.11. Спецыяльнасці: 10.02.01 – беларуская мова; 10.02.02 – руская мова;
10.02.20 – параўнальна-гістарычнае, тыпалагічнае, супастаўляльнае мовазнаўства.

Савет Д 02.01.24. Спецыяльнасці: 10.02.19 – тэорыя мовазнаўства; 10.02.03 – славянскія мовы

Доктарская дысертацыя

Суркова Елена Сергеевна (БГУ). Кирилло-Методиевская филологическая школа (IX–X вв.): знания о языке, семиотические идеи.

Науч. консультант – Цыхун Г.А., д.ф.н., проф.

Оппоненты: Запольская Н.Н., д.ф.н., проф.; Янович Е.И., д.ф.н., проф.; Коваль В.И., д.ф.н., проф.

Кандыдацкія дысертацыі

Гвоздович Елена Николаевна (БГУ). Средства передачи английской безэквивалентной лексики на русский язык: переводческий и лексикографический аспекты.

Науч. рук. – Ровдо И.С., д.ф.н., проф.

Оппоненты: Гируцкий А.А., д.ф.н., проф.; Васючкова О.И., к.ф.н., доц.

Кириченко Арина Владимировна (БГУ). Глагольно-именные сочетания в русских и белорусских текстах Евангелия: структурно-семантический и переводческий аспекты.

Науч. рук. – Шевченко Г.И., к.ф.н., доц.

Оппоненты: Руденко Е.Н., д.ф.н., проф.; Цысик А.З., к.ф.н., доц.

Кісель Таццяна Аляксандраўна (БрДУ імя А.С. Пушкіна). Батанічная наменклатура ў гаворках Брэсцка-Пінскага Палесся.

Навук. кір. – Прыгодзіч М.Р., д.ф.н., праф.

Апаненты: Станкевіч А.А., д.ф.н., праф.; Кунцэвіч Л.П., к.ф.н., дац.

Лян Цин (БГУ). Концепты *душа* и *судьба* в русском и китайском языках (на материале фразеологических единиц).

Науч. рук. – Прохорова С.М., д.ф.н., проф.

Оппоненты: Коваль В.И., д.ф.н., проф.; Иватович-Бабиц В.Г., к.ф.н., доц.

Никитенко Татьяна Васильевна (ВГУ им. П.М. Машерова). Лексические средства выражения негативной эмоциональной оценки: история формирования (на материале русского и английского языков).

Науч. рук. – Кожина А.А., д.ф.н., проф.

Оппоненты: Маслова В.А., д.ф.н., проф.; Коршук Е.В., к.ф.н., доц.

Падрыхтавала Н.С. Макарэвіч

Памяці вучонага

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ СТАНЮТА

24 августа 2011 г. после тяжелой болезни ушел из жизни Александр Александрович Станюта – доктор филологических наук, профессор, талантливый педагог, ученый и писатель, автор ряда монографий и учебных пособий по истории русской литературы XIX в., а также художественных произведений.

Он проработал на кафедре русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета более тридцати лет. Человек высокой культуры и большого мужества, щедро одаренный талантом, он до последних дней своей жизни продолжал успешно творить, не поддаваясь роковому недугу. Только за последние годы вышли две его книги художественной прозы и эссеистики: «Городские сны» (2009) и «Сцены из минской жизни» (2011). Романы, вошедшие в эти книги, дарят нам бережно и подробно воссозданную жизнь души главного героя, во многом автобиографического, и жизнь города в годы оккупации и послевоенное время. Романы «Городские сны» и «Минская любовь» – это, по сути, диалог автобиографического характера, в которой отразилась и история нашей столицы и всей страны.

Александр Александрович родился 17 октября 1936 г. в городе Минске. После окончания средней школы поступил на факультет журналистики БГУ, который закончил в 1960 г. Работал в газете

«Знамя юности» литературным сотрудником, а затем заведующим отделом газеты «Літаратура і мастацтва». В 1970 г. поступил в аспирантуру при кафедре русской классической литературы БГУ. Под руководством известного писателя и литературоведа профессора А.М. Адамовича первым в Белоруссии защитил в 1973 г. кандидатскую диссертацию на тему «Человек в творчестве Достоевского 1840–1860-х гг.» и начал преподавать историю русской литературы XIX в. на филологическом факультете.

В 1999 г. А.А. Станюта защитил докторскую диссертацию «Человек в художественном мире Достоевского: особенность этической позиции писателя». С 2000 г. он – профессор кафедры русской литературы.

Сфера научных интересов Александра Александровича была очень широка – это русская художественная проза XIX в., белорусская литература XX в., проблемы творчества Ф. Достоевского, Л. Толстого, И. Бунина, белорусских прозаиков и поэтов. Он – автор многочисленных научных работ, среди которых монографии «Постижение человека (Творчество Достоевского 1840–1860 годов)» (1976), «Лицо и лик: В мире Достоевского» (1999), учебное пособие «Русская художественная проза второй половины XIX века: Л. Толстой, Ф. Достоевский, А. Чехов» (2003), книга литературно-критических статей и эссе «Площадь свободы» (1991).

Книга «Стефания», выдержавшая три издания (1994, 2001, 2005), состоит из диалогов автора с матерью, известной актрисой театра и кино Стефанией Михайловной Станютой, которая расска-

зывает о своей творческой судьбе, о времени и окружающих ее в жизни людях. Этот труд стал значительной вехой не только в жизнеописании великой актрисы, но и в истории белорусского театра и вообще всей нашей культурной истории. Александру Александровичу как человеку творческому, наделенному чувством слова и высоко развитым эстетическим восприятием окружающего, удалось поразительно точно передать живые интонации своей собеседницы, сохранить особенности ее речевой манеры, воссоздать множество неповторимых деталей ушедшего на страницах своей книги.

Особое место в творческой работе А.А. Станюты занимала эссеистика и художественная проза. Его рассказы и повести регулярно печата-

лись в белорусской периодике. В 1986 г. Александр Александрович был принят в Союз писателей БССР.

Благодаря научному и творческому таланту, высокой культуре общения А.А. Станюта пользовался уважением коллег и студентов. Коллектив кафедры русской литературы высоко ценил его за профессионализм, принципиальность, добросовестность и интеллигентность. Это была неповторимая личность.

Светлая память о выдающемся ученом, писателе, талантливом педагоге Александре Александровиче Станюте навсегда сохранится в сердцах тех, кто его знал, любил и ценил.

Кафедра русской литературы

ПАКАЗАЛЬНІК
артыкулаў, апублікаваных у 2011 г.

	№	С.
БГУ – 90 лет! Поздравление ректора Белорусского государственного университета академика С.В. Абламейко.....	2	3
90 ГАДОЎ БДУ		
<i>Роўда І.С., Дубовік С.В., Жук В.Л.</i> Філалогія, журналістыка, педагогіка ў БДУ.....	2	5
ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА		
<i>Анапрэенка Н.Я.</i> Паэзія Баляслава Лесьмяна і Максіма Багдановіча і рускія сімвалісты.....	1	21
<i>Блищ Н.Л.</i> Образ А. Блока в книге А. Ремизова «Учитель музыки»	3	15
<i>Велюго О.А.</i> Дискурс любви в современной английской прозе (Дж. Барнс, Д. Лодж, И. Макьюэн, А. де Боттон, Дж. Уинтерсон)	3	23
<i>Гончарова-Грабовская С.Я.</i> Жанровая стратегия современной русскоязычной драматургии	2	21
<i>Грыневіч Т.І.</i> Эпіграма як элемент прадмоўна-пасляслоўнага комплексу беларускіх кнігадрукаў канца XVI – першай паловы XVII ст.	3	7
<i>Некрашэвіч-Кароткая Ж.В.</i> Развіццё лацінамоўнай паэмы ад Антычнасці да Барока: заходнееўрапейскі і беларускі кантэкст	3	3
<i>Прыстаўка Я.У.</i> Жанрава-стылістычныя адметнасці фунеральнага зборніка Саламона Рысінскага «Monumenta... diversis personis... posita» ('Помнікі... пастаўленыя... розным асобам') (1614)	3	12
<i>Рагойша В.П.</i> Параўнальная паэтыка і паэтычны ўзаемапераклад	2	10
<i>Сединина-Барковская Ю.А.</i> Античные мифологические аллюзии и реминисценции в эпопее Андрея Валентинова «Око силы» (трилогия «1937–1938 годы»).....	1	25
<i>Скоропанова И.С.</i> Послетексты русских писателей XVIII – начала XXI в.	1	5
<i>Смольская К.Р.</i> Сучасная беларуская постдрама як сродак адлюстравання крызіснага светаадчування герояў	3	20
<i>Хмяльніцкі М.М.</i> Феномен беларуска-польскага літаратурнага сумежжа XIX–XX стст.	1	10
<i>Шамякіна Т.І.</i> Беларуская проза ў кантэксте часу (1940–1980): паэтыка загаловаў	2	14
<i>Шваба Г.М.</i> Міфалагічныя ўяўленні пра град у прыкметах і павер'ях усходніх славян	1	17
<i>Яницкая С.С.</i> Романские цитаты и реминисценции в пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад»	1	13
МОВАЗНАЎСТВА		
<i>Бондарик Е.А.</i> Метакоммуникативные значения вопросов в позиции ответа (на материале белорусских, русских и английских пьес)	1	52
<i>Борисевич О.А.</i> Особенности номинации протестантских культовых сооружений Беларуси.....	3	58
<i>Важнік С.А.</i> Нацыянальная сінтаксічная ідыяматыка: ад унутрымоўнай спецыфікі да міжмоўных адрозненняў	1	31
<i>Важнік С.А.</i> Развіццё сінтаксічнай тэорыі ў беларускай лінгвістыцы: гісторыя і сучаснасць	2	31
<i>Ван Юйхун.</i> Внутренняя форма русских и китайских фамилий: сопоставительный аспект	3	76
<i>Вольнец Т.Н.</i> О грамматическом статусе причастий в русском языке (диахронический и синхронный аспекты)	2	66
<i>Гапоненка І.А.</i> Моўная палітыка і моўная сітуацыя на Беларусі ў XIX – на пачатку XX ст.	2	50
<i>Доўгаль Д.А.</i> Вербальныя і невербальныя кампаненты беларускага эпістальнага этыкету	3	43
<i>Запрудскі С.М.</i> Аб філалагічнай рэцэпцыі беларускай мовы ў Расіі ў першай трэці XIX ст.	2	44
<i>Захра Фатхали.</i> Критерии отбора русских фразеологизмов для обучения иранских студентов.....	3	65
<i>Ильющенко Ю.В.</i> Типы статусно-ролевой неуместности в диалоге	3	68
<i>Кавалёва І.Я.</i> Структурна-семантычныя тыпы складаных беларускіх прыметнікаў з кампанентам-каляронімам і іх пераклад на нямецкую мову	1	57
<i>Козловская Л.А.</i> Зеркало расхожей эрудиции, или инварианты восприятия прецедентных высказываний в условиях речевой масс-культуры.....	1	40
<i>Корсак О.Н.</i> К вопросу о лексических особенностях периферийного северного польского диалекта XVIII в. (на материале завещаний, составленных на белорусских землях).....	1	49
<i>Кулеш Г.І.</i> Да пытання аб адэкватнасці перадачы некаторых прававых паняццяў на беларускай мове	3	27
<i>Курловіч І.М.</i> Прыслоўі няпэўна-колькаснай семантыкі 'многа' ў гісторыі беларускай мовы	3	38
<i>Лянкевіч А.У.</i> Стаўленне да беларускай літаратурнай мовы і змешанага маўлення ў медыя-дыскурсе (на матэрыяле публікацый у газеце «Звязда»).....	3	34
<i>Матюнова А.А.</i> Структура номинативно-словообразовательной семантики сложных слов в русском языке (диахронический аспект)	3	46
<i>Мельникова Л.С.</i> О коммуникативной неоднозначности категории вежливости (на материале итальянской учебной и художественной литературы)	3	54
<i>Мечковская Н.Б.</i> Постсоветские языки в условиях государственного суверенитета и расцвета информационных технологий.....	2	75
<i>Наргес Аштиани.</i> Способы выражения предикативных категорий в русском и персидском предложениях	3	62
<i>Нижнева Н.Н.</i> Классическое и романо-германское языкознание на филологическом факультете БГУ	2	60

<i>Норман Б.Ю.</i> Можно ли прогнозировать развитие значения слова? (на материале славянских языков)	2	71
<i>Прыгодзіч М.Р.</i> Беларуская мова ў працах лінгвістаў БДУ	2	28
<i>Рамза Т.Р.</i> Гутарковая беларуская літаратурная мова (аб суадносінах паняццяў «унармаванне мовы» і «моўная кадыфікацыя»)	1	37
<i>Рамза Т.Р.</i> Пытанне аб беларускім гутарковым маўленні ў часопісах 1920-х гг.	2	56
<i>Савіцкая І.І.</i> Нацыянальна-культурны кампанент у беларускай лексікаграфіі канца XIX – 20-х гг. XX ст.: сацыяльна-гістарычны кантэкст	3	31
<i>Скалзубова О.С.</i> Производные породы (процессуально-модальные модификации) глагольных знаков в арабском языке: способы образования	3	80
<i>Супрунчук Н.В.</i> Психолінгвістычнае ісследованне рода існасці існасці ў руском языке	1	44
<i>Суркова Е.С.</i> Кирилло-Мефодиевская филологическая школа (IX–X вв.): к типологии ранних письменно-литературных традиций	2	63
<i>Фомичева Н.В.</i> Прагматыка беларускага народнага анекдота	3	51
<i>Широкова Е.А.</i> К вопросу о полисемии названий напитков и реалий, связанных с их производством и потреблением	3	72

ЖУРНАЛІСТЫКА

<i>Аляшкевіч М.В.</i> Літаратурная крытыка паміж літаратуразнаўствам, журналістыкай і мастацтвам: змястоўна-стыльвая і функцыянальная спецыфіка	3	89
<i>Асфура А.И.</i> Особенности проведения журналистского расследования в современной медиасфере	3	97
<i>Асфура А.И.</i> Проблемные доминанты журналистских расследований в современном медиапространстве	1	65
<i>Басава Г.І., Дзясюкевіч В.І.</i> Месца дысцыпліны «Культура маўлення журналіста» ў сістэме журналісцкай адукацыі	1	72
<i>Басава Г.І.</i> Журналісцкая адукацыя ў сістэме павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў: прыярытэты і перспектывы	2	103
<i>Воробьёв В.П., Степанов В.А.</i> Проблемное поле медиаэкологии: опыт демаркации научного направления	2	86
<i>Градуюшко А.А.</i> Стратегии развития интернет-СМИ Беларуси	2	110
<i>Дасаева Т.Н., Залесский Б.Л.</i> Журналистика глобального сообщества	1	61
<i>Дубовик С.В.</i> Белтелерадиокомпания как институт формирования общественного мнения	2	90
<i>Залесский Б.Л.</i> Масс-медиа и развитие единого информационного пространства	3	85
<i>Ивченко Е.В.</i> Соматические фразеологизмы как языковые экспоненты культурных знаков в газетном тексте	3	101
<i>Іўчанкаў В.І.</i> Слова і ісціна ў парадыгме сучаснай журналістыкі	2	83
<i>Кавалеўскі А.М.</i> Метадалагічныя трансфармацыі сучаснага літаратурнага рэцэнзавання	1	68
<i>Мальчевская Е.А.</i> Трансформация жанра рецензии	1	74
<i>Самусевіч В.М.</i> Канцэптуалізацыя рэчаіснасці ў беларускім друку (на матэрыяле газеты «СБ. Беларусь сегодня»)	2	95
<i>Свораб А.К.</i> Вызначальныя тэндэнцыі дызайну беларускіх друкаваных СМІ	2	99
<i>Слука А.Г.</i> Развіццё журналісцкай адукацыі ў Беларусі	2	105
<i>Харитонов С.В.</i> Лексико-стилистические особенности текстов периодических изданий для подростков	1	78
<i>Харитонов С.В.</i> Шрифтовая концепция периодических изданий для детей	3	93
<i>Ян Чжи.</i> Влияние вечерней периодики на формирование системы СМИ КНР в середине XX в.	3	104
<i>Ян Чжи.</i> Возникновение и становление вечерней прессы Китая в начале XX в.	1	80

ПЕДАГОГІКА

<i>Васильева О.В.</i> Операционный состав прогнозирования как вида речемыслительной деятельности: языковая подготовка специалиста по международным отношениям	3	115
<i>Гербик Л.Ф.</i> Русский язык как иностранный: актуальные проблемы методики и организации учебного процесса в вузе	2	124
<i>Жук О.Л.</i> Педагогическая подготовка студентов как средство личностно-профессионального развития	2	114
<i>Кишкевич Е.В., Молофеев В.М., Резников В.Е., Хухлындина Л.М.</i> Интернационализация образования и ее роль в повышении качества подготовки специалистов в современном университете	2	127
<i>Коклевский А.В.</i> Пути формирования технологической компетентности студентов в процессе военной подготовки в вузе	1	87
<i>Сиренко С.Н.</i> Интенсификация учебного процесса в вузе на основе сетевых технологий: развитие практических умений и компьютерный контроль знаний	1	84
<i>Таяновская И.В.</i> Диагностика учебно-коммуникативных умений школьников в работе над учебными исследовательскими проектами	2	120
<i>Хведченя Л.В.</i> Педагогическая квалиметрия: историко-методологический аспект	3	108
<i>Хомич Г.В.</i> Методические аспекты формирования произносительной и грамматической правильности речи студентов-филологов	3	112

РЭЦЭНЗІІ

<i>Ивашина Н.В.</i> Этническое многообразие славянского ареала (исторические изменения и современное состояние)	3	120
<i>Казанкова Е.А.</i> Славянские языки в когнитивном аспекте	1	95
<i>Мячкоўская Н.Б.</i> М.Р. Прыгодзіч, А.А. Прыгодзіч. Беларуская мова ў працах замежных лінгвістаў	1	92
<i>Навойчык П.І.</i> Т. Кабржыцкая. Дзве Радзімы – Украіна і Беларусь – пад міратворчымі крыламі буслоў: нацыянальныя гісторыка-культурныя міфы, ідэйна-эстэтычныя пошукі ўкраінскай і беларускай літаратур	2	132
<i>Скоропанова И.С.</i> Н.М. Щедрина. «Красное Колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века	3	120

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Алег Георгіевіч Слука	2	138
Генадзь Апанасавіч Цыхун	3	122
Лариса Александровна Мурина	1	103
Франя Михайловна Литвинко	2	137

ХРОНІКА, ІНФАРМАЦЫЯ

<i>Запрудскі С.М., Лянкевіч А.У.</i> Міжнародны сімпозіум «“Трасянка” ў Беларусі: “змешаная разнавіднасць” як прадукт беларуска-рускага моўнага кантакту»	2	134
<i>Казанцева Е.А.</i> Проект «Интердисциплинарные исследования на пограничье» и Международная научная конференция «Языковое и культурное пограничье: перспективы исследований»	3	126
<i>Макарэвіч Н.С.</i> Дысертацыі, абароненыя на філалагічным факультэце і зацверджаныя ВАК Рэспублікі Беларусь у 2010–2011 гг.	3	127
<i>Макарэвіч Н.С.</i> Кнігі, выдадзеныя супрацоўнікамі філалагічнага факультэта (паводле справаздачы па навукова-даследчай рабоце за 2010 г.)	1	99
<i>Прыгодзіч А.А.</i> Рэспубліканская навукова-практычная канферэнцыя «Беларуская арфаграфія: здабыткі і перспектывы»	3	123
<i>Ратнікова И.Э.</i> V Международная научная конференция «Русский язык: система и функционирование»	3	124
<i>Чахоўскі Г.К.</i> VI Міжнародная навуковая канферэнцыя «Мова – Літаратура – Культура»	1	98

ПАМЯЦІ ВУЧОНАГА

<u>Александр Александрович Станюта</u>	3	128
--	---	-----

ПРАВИЛА оформления статей

1. Авторы представляют в редколлегию оригинал статьи (по филологии и педагогике – Макаревич Наталье Сергеевне по адресу: ул. К. Маркса, 31, филологический факультет, к. 52, тел. 222-33-66, e-mail: Slavling@bsu.by; по журналистике – Саенковой Людмиле Петровне по адресу: ул. Кальварийская, 9, Институт журналистики БГУ, к. 319, тел. 259-70-23, e-mail: Sayenkova@gmail.com) на белорусском, русском или английском языках, набранный на компьютере через 1,5 интервала на бумаге формата А4 (210 x 297 мм) с полями с левой и правой стороны не менее 30 мм (размер шрифта: кегль 12; гарнитура Times New Roman) в редакторе Word 2003, и дискету 3,5" с файлом статьи (имя файла – по фамилии автора). Объем статьи не должен превышать 8 страниц с литературой, кратких сообщений и рецензий – 3 страниц.

2. В редколлегию также представляются выписка из протокола заседания кафедры или отдела НИИ (где выполняется работа) о рекомендации статьи к опубликованию в журнале «Веснік БДУ» (серия 4) и рецензия специалиста по профилю статьи (но не научного руководителя). Подписи лиц, работающих за пределами БГУ, должны быть заверены печатью по месту работы. На отдельном листе прилагаются следующие сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень и звание, домашний адрес, электронный адрес, номера мобильного, служебного и домашнего телефонов; аспиранты и соискатели сообщают также фамилию, имя, отчество, ученую степень и звание научного руководителя (на языке оригинала статьи).

3. После заглавия статьи необходимо дать его перевод на английский язык и транслитерацию фамилии и инициалов автора (или авторов) по правилам английской орфографии. Ниже заглавия помещаются резюме статьи на русском и английском языках (6–7 строк).

4. Языковые примеры (слова, морфемы, предложения) даются *курсивом*; значения слов (морфем, предложений) заключаются в одинарные кавычки, например: ...па дадзеных «Гістарычнага слоўніка беларускай мовы» (III, 158), лексема *веть* мела два значэнні: 'узаемная адплата' і 'салодкае, дэсерт'. Иллюстративный материал на иностранных языках должен сопровождаться семантизацией (раскрытием значений) слов и предложений на белорусском или русском языке; семантизация заключается в одинарные кавычки, например: англ. *You really remember that?* 'Ты действительно помнишь это?'. Курсивные выделения в журнале используются только для примеров. Подчеркивания не допускаются (за исключением отдельного сегмента в приводимом языковом примере: ...змены ў мадэлях кіравання: *хуткасць 40 км на гадзіну* замест *хуткасць 40 км у гадзіну*). Цитаты из анализируемых литературных произведений даются курсивом и без кавычек; цитаты из стихотворных текстов даются курсивом, без кавычек и в подбор (без абзаца, в одну строку с предшествующим текстом); границы между стихами (стихотворными строками) обозначаются двумя слэшами (две косые черты: //). В списке цитированной литературы фамилии авторов набираются в р а з р я д к у (интервал 1,5 пт).

5. Стандарт оформления библиографических ссылок (в основном тексте статьи) и библиографического списка цитируемых или упоминаемых работ (в конце статьи):

5.1. Библиографические ссылки в основном тексте статьи даются в сокращенном виде: в скобках указывается фамилия автора работы (или если на титульном листе книги не назван автор, то начало названия коллективного труда, сборника [до первого существительного]) и год издания, а после запятой – страница или страницы, на которые дается ссылка. Если издание многотомное, то римская цифра после года выхода книги обозначает том издания, затем арабская цифра – страницу. Если цитируется несколько работ одного автора, вышедших в один год, в ссылке на 2-ю упоминаемую работу после года издания в квадратных скобках ставится буква *а*, в ссылке на 3-ю – буква *б* и т. д., например: Шакун 1995 [а].

Примеры ссылок (в основном тексте статьи):

- [конец цитаты] «...як найкаштоўнейшы народны здабытак» (Шакун 1995, 189).
- [не цитата, но автору статьи требуется ссылка] ...што было паказана ў працах А.С. Аксамітава (гл. Аксамітаў 1978; Аксамітаў 2000).
- [цитата] «...еже *изострадеётся*» (цит. па: Хрэстаматыя 1961, 349).
- [не цитата] Аб «адроджаных» у сучаснай беларускай мове формах адрасацыі падрабязней гл.: Пісарэк 1998.

5.2. Полное библиографическое описание цитируемых или упоминаемых работ приводится в конце статьи после слова **Л и т е р а т у р а** (Л і т а р а т у р а) по алфавиту фамилий авторов или названий книг и сборников (если авторы не указаны на титульном листе издания). Работы одного автора приводятся по хронологии их выхода в свет. Если при ссылке были использованы буквенные указатели (для различения работ одного автора, опубликованных в один год), то соответствующая буква повторяется в нужной позиции после года публикации в квадратных скобках: гл. Шакун 1984; Шакун 1995; Шакун 1995 [а].

В библиографии статей из журналов и сборников необходимо указать те страницы издания, на которых напечатана данная статья.

Примеры оформления библиографии (в конце статьи):

Аксамітаў А.С. Беларуская фразеалогія. Мн., 1978.

Аксамітаў А.С. Прыказкі і прымаўкі: Тлумачальны слоўнік беларускіх прыказак і прымавак з архіваў, кафедральных збораў, рэдкіх выданняў XIX і XX стст. Мн., 2000.

Беларуская мова ў другой палове XX стагоддзя: Матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Мінск, 22–24 кастр. 1997 г.). Мн., 1998.

Пісарэк Л. Сістэма адрасатных форм у беларускай мове другой паловы XX стагоддзя // Беларуская мова ў другой палове XX стагоддзя: Матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Мінск, 22–24 кастр. 1997 г.). Мн., 1998. С. 33–35.

Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы: У 2 ч. Мн., 1961. Ч. 1.

Шакун Л.М. Гісторыя беларускага мовазнаўства. Мн., 1995.

Шакун Л. [М.] Скарына ў гісторыі беларускай літаратурнай мовы // *Białorutenika*. 1995 [а]. Т. 22. С. 17–20.

6. После доработки рекомендованной на редколлегии статьи автор возвращает в редакцию первоначальный и окончательный варианты рукописи.

7. Корректурa должна быть возвращена в редакцию не позднее чем через три дня после получения ее автором. В корректуре допускается только исправление фактических ошибок.

8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил, редколлегией не рассматриваются.

Журнал включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по гуманитарным наукам.

CONTENTS

LITERARY RESEARCH

<i>Nekrashevich-Karotkaja Z.V.</i> Development of Latin-language poem from Antiquity to Baroque: West-European and Belarusian context	3
<i>Hrynevich T.I.</i> The epigram as the element of the pre- and post-verbal structures of the Belarusian printed sources of the end of the 16 th and the first half of the 17 th centuries	7
<i>Prystauka Y.U.</i> Genre and stylistic characteristics of Solomon Rysinsky's collection of funeral works «Monumenta... diversis personis... posita» (1614)	12
<i>Blishch N.L.</i> The character of Blok in A. Remizov's «Teacher of Music»	15
<i>Smolskaya K.R.</i> Modern Belarusian postdrama as a means to reflect the crisis worldview of heroes	20
<i>Veliugo O.A.</i> Love Discourse in Contemporary British Prose (J. Barnes, D. Lodge, I. McEwan, A. de Botton, J. Winterson)	23

LINGUISTICS

<i>Kulesh H.I.</i> On the question of the adequate putting of certain legal concepts in the Belarusian language	27
<i>Savitskaya I.I.</i> The national and cultural component of the belarusian lexicography in the late 19 – 20 years of 20 centuries: social and historical context	31
<i>Liankevich A.U.</i> Attitudes toward the standard belarusian language and mixed speech in media-discourse (based on the publications in the paper «Zviazda»)	34
<i>Kurlovich I.M.</i> Adverbs of having indefinite quantity semantics 'many' in the Belarusian language	38
<i>Douhal D.A.</i> Verbal and nonverbal components in the Belarusian epistolary etiquette	43
<i>Matsiunova A.A.</i> The structure of the nominative-formation semantic of the Russian compound word (diachronic aspect)	46
<i>Famichova N.V.</i> Pragmatics of Belarusian folk joke	51
<i>Melnikova L.S.</i> The communicative equivocation of the category of politeness (based on the material of Italian fiction and educational literature)	54
<i>Borisevich O.A.</i> The peculiarities of nomination of protestant religious buildings of Belarus	58
<i>Narges Ashtiani.</i> The means of expression of predicative categories in Russian and Persian sentences	62
<i>Zahra Fathali.</i> Selection criteria for russian phraseological units for learning of iranian students	65
<i>Ilyushenko Y.V.</i> The types of role inappropriateness in dialogue	68
<i>Shirokova E.A.</i> To the issue of the Polysemy in names of drinks and realis associated with their production and consumption ...	72
<i>Wang Yuhong.</i> Inner form of russian and chinese surnames: comparative aspect	76
<i>Skalozubova O.S.</i> Derivative forms (processual-modal modifications) of verb signs in the Arabic language: the formation ways	80

JOURNALISM

<i>Zalesky B.L.</i> Mass media and the development of the common informational space	85
<i>Aliashkevich M.V.</i> Literary critics versus literature theory, journalism and creative writing. The problem of content, style and functional specifics	89
<i>Kharytonova S.V.</i> Font design of periodicals for children	93
<i>Asfura A.I.</i> Peculiarities of performing a journalistic investigation in the modern mediasphere	97
<i>Ivchenkova E.V.</i> Somatic phraseological units as language exhibitors of cultural signs in the newspaper text	101
<i>Yang Zhi.</i> Effect of evening periodicals for the formation of China's media system in the mid-twentieth century	104

PEDAGOGICS

<i>Khvedchenya L.V.</i> Quality measurement in pedagogy: historical and methodological aspect	108
<i>Khomich G.V.</i> The methodical aspects of students-philologists articulatory and grammatical speech correctness formation	112
<i>Vasilieva O.V.</i> Operating part of conceptual forecasting as a type of speech and cogitative activity: linguistic skills of international relations specialist	115

REVIEWS

<i>Skoropanova I.S.</i> N.M. Schedrina. «The Red Wheel» by A. Solzhenitsyn and Russian historical prose of the second half of the 20 th century	120
<i>Ivashina N.V.</i> Ethnicity of the slavic area (historical changes and modern state)	120

OUR JUBILEE

Henadz Apanasavich Cykhun	122
---------------------------------	-----

CHRONICLE, INFORMATION

<i>Pryhodzich A.A.</i> Republican scientific and practical conference «Belarusian orthography: achievements and perspectives»	123
<i>Ratnikova I.E.</i> V International scientific conference «Russian Language: System and Functioning»	124
<i>Kazantseva E.A.</i> «Cross-border Interdisciplinary Studies» Project and International Scientific Conference «The Prospective of Cross-border Linguistic and Cultural Studies»	126
<i>Makarevich N.S.</i> Dissertations defended at the faculty of philology and approved by VAK of the Republic of Belarus in 2010–2011	127

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

<u>Aleksandr Aleksandrovich Stanuta</u>	128
Bibliography of articles published in 2011	130